

**ОЛЬГА
ЛАРИОНОВА**

**ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ КРЭГА**

**ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ КРЭГА**

**ОЛЬГА
ЛАРИОНОВА**

В Е З Д А Н Ы Й

ЛАБИРИНТ

З В Е З Д Ы Й

А А Б И Р И Н Т

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

**ОЛЬГА
ЛАРИОНОВА**

ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ КРЭГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МОСКВА • 1998

TERRA FANTASTICA • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Иллюстрации Ирины Горбуновой

Художник Анатолий Дубовик

Дизайн макета Анатолия Нечаева

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

© Текст. О. Ларионова, 1998
© Иллюстрации. И. Горбунова, 1998
© Дизайн макета. А. Нечаев, 1998
© Обложка. А. Дубовик, 1998
© ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1998
® TERA FANTASTICA®

Часть первая

ЛЮТЫЕ ОСТРОВА

І. МЕНЕСТРЕЛЬ АННИХИТРЫ ПОЛУГЛАВОГО

о трезвому разумению, выходить из леса надо было бы сторожко, по-кошачьи пружиня на послушных, натренированных ногах. Но Харр по-Харрада, едва завидев долгожданный просвет между кольчатыми стволами, рванул из-за пазухи заветный бурдючок из шкурки мускусной белочки, в котором вино, истомляясь, приобретает ни с чем не сравнимый дух, подвигающий пьющего на деяния возвышенные и неосмотрительные; торопливые глотки не позволили ему просмаковать, как должно, всю глубину аромата этой поистине бесценной жемчужины Аннихитровых погребов, но зато в избытке одарили его безрассудной легкостью, коей у него и без того хватало. Он отшвырнул шкурку, выжатую до влажного поскрипывания, и, по-детски подпрыгивая на бегу, выскочил на опушку.

И тогда навстречу ему хлынула степь, шелестящая зрелым золотым разнотравьем.

Даже не оглядываясь по сторонам, он безошибочным чутьем прирожденного странника отметил желанное

безлюдье этого края, удаленного от большой дороги не менее чем на два перехода; разномастное же зверье, как испуганно вжимающееся в землю при звуках его шагов, так и хищно ловящее запахи человеческой плоти, нисколько его не заботило. Поэтому он позволил себе то, о чем грезил все последние свои три или четыре скитальческие преджизни: раздвинул высокую, доходящую ему до пояса траву и пырнул вниз, точно в озерную воду. И теплая комковатая земля подалась ему навстречу и коснулась его губ. Земля его юности. Он зажмурился, подsunул левый кулак под переносье и замер, вдыхая горьковатые запахи травяных корней и въедливую земляную пыль.

Ну и естественно, чихнул. И раз, и два, и понял, что с этими сопливыми сантиментами пора кончать. Он перевернулся на спину и вгляделся в высокую голубоватую дымку, перечеркнутую качающимся стеблем. Ему почему-то помнилось, что небо его родины ниже, чем голубой ослепительный свод, вздымавшийся над чужими дорогами, и оттого жизнь под ним уютнее и безопаснее. К последнему он никогда не стремился, а уют, который он быстренько обретал на любой из дорог, был именно тем, от чего он сбегал многократно и в какой-то степени даже обреченно. Так что же тянуло его сюда, под это дымчатое небо?

А кто его знает. Потянуло, и все. Может, предчувствие конца всех дорог? Тьфу, тьфу! Молод еще. Не зелен, но как раз в полной силе. И все, что нужно, при нем — не сбитые ноги, хватливые руки и то, что всегда было мечтой каждого мужчины, если он ощущал себя настоящим мужчиной: меч. Это было сокровищем, которое позволяли себе только самые толстосумые караванники, ведь на одной-единственной дороге, у полоумного Аннихитры, у подножия Инейстых гор добывали драгоценную руду. С ранней весны плавить ее было нельзя — не подрастали деревья на уголь; потом неопытные, знавшие свое потомствен-

ное дело только от стариков, понаслышке, плавильщики гробили не одну плавку, пока не удавалось сварганить огненное варево, годное разве что на дамские ножички к княжескому столу. Затем уже удавалось воскресить полузабытые премудрости старины и наладить ковку кинжалов и наконечников для копий дворцовых стражников; а вот до мечей дело доходило лишь тогда, когда осень подступала к Железному Становищу. Много ли тут накуешь? Да и мечи отписывались все до единого в княжескую казну, так что Аннихитра распоряжался ими сообразно тому, какой половиной своей несчастной головы он в это время ворочал: если светлой, то почетное оружие пополняло сокровищницу и им оделяли, как высшей наградой, самых верных приспешников. Если же Аннихитру захлестывало периодически повторяющееся безумие, то драгоценные мечи сплавлялись за смехотворную цену сопредельным князьям, а то и просто за кудлатую бабу побесстыжее.

Вот тут-то, попав в Железное Становище подмастерьем ковача, Харр по-Харрада (тогда, впрочем, он звался несколько иначе) и загорелся мечтой о собственном мече. И сбыться этой мечте удалось ох как не скоро...

Он, все еще лежа, поднял руку и остановил мерное качание стебля, дразнившего его аппетит золотистым, но еще чуточку недозрелым колосом. Ну что ж, раз вино все выпито, не грех и закусить. Пока не мешают. Он сорвал колос, растер в ладонях. Ни на одной из дорог не вызревало таких зерен, полновесных, величиной с ноготь. Приподнявшись на локте, сдул шелуху и высыпал зерна в рот. Твердоватые снаружи, они хранили внутри нежную молочную мякоть, чуть сладковатую на вкус. Харр уселся поудобнее, достал из дорожной сумки печеное яйцо, припасенное на выход из леса — в открытой степи не очень-то разведешь костерок! — и решил заправиться обстоятель-

но. Самыми крупными колосьями наполнил суму; что были помельче, принялся шелушить и жевать неспешно, благо, наполняя рот молочным соком, они не требовали запивки. Под правым локтем что-то засвистело, но не по-змеиному, холодно и люто, а доверчиво и просяще. Ага, сурчата. Харр высыпал чищенные зерна на землю, и четверка проворных грязно-белых малышей накинулась на даровое лакомство. Глаза они открыли, похоже, уже давно, а вот на крыло становились только-только, но в драке за корм уже подлетывали, расправляя кожистые угловатые крылышки. Он еще будет искать себе новый караван, где его будут поить и кормить за бесшабашные застольные куплеты (осточертевшие ему самому до желчной отрыжки), а эти уже покинут норный холмик с теплыми разветвленными подземельями и, оставив родителей доживать свой недолгий сурочий век, устремятся на восток, вслед за солнцем, как и надлежит всему живому; рассекая траву узкой мордой и выступающей клином грудной костью, вслед за ними устремятся степные шакалы, чтобы загнать притомившийся выводок на одинокое дерево, залечь под ним и затем воем и тявканьем не давать неопытным зверькам уснуть, пока один за другим они не плюхнутся вниз. Те, что повыносливей да посметливее, успевали развернуть куцые крылышки и упорхнуть к спасительному лесу; недотепам же оставалось отправиться на шакалий ужин. Вот так и он сам, измученный бесконечными переходами через лесную полосу, разделявшую владения двух князей, забирался на дуплистое, устойчивое дерево, и если не удавалось разместиться в дупле, то просто выбирал развилку ветвей поуютнее и привязывал себя к стволу; под деревом неизменно появлялся какой-нибудь обладатель двухвершковых клыков и неумного аппетита и принимался воем и рыканьем доводить намеченную жертву до кондиции. Но Харр, достав из сумы пучок сухого подрёмника, меланхолич-

но разжевывал один-два листика и засыпал блаженным сном. Отоспавшись вволю, он доставал из дупла припасенный заранее камень или тяжелый сук, на худой конец, и вместо утренней разминки свешивался с нижней ветви своего спального древа и хорошенько врѣзал своему измаявшемуся стражу между глаз. Затем оставалось только прыгнуть вниз с мечом в руке — и завтрак был, почитай, готов.

А кстати, о завтраке. Он с сомнением оглядел прожорливых, но отнюдь не упитанных сурчат — проку с них... Одни косточки. «Кыш, — махнул он на них рукой. — Не поняли? Порхайте отсюда и живите на здоровье. Я сегодня добрый».

Сурчата поняли. Теперь надо было подготовиться к возможным встречам кое с кем и посерьезнее.

Он достал из поясного кисета глиняный фирман на право обращения к Вечному и Незакатному непотчительной спиной, самодельную оловянную бляху с вытесненной на ней чудовищной мордой (на всевозможных стражников действовала безотказно, потому как подобного безобразия никто на Тихри не видел), и принадлежности менестреля: две косицы, сплетенные из разноцветных шелков, и набор узких полосок из сушеной кишки озерного рыбoryла. Так, все на месте, и до сих пор с помощью этих оберегов он выпутывался из любой передряги гораздо успешнее, чем если бы полагался на магические амулеты и заговоренные (ох как не бесплатно!) сибиллами талисманы.

Он пружинисто поднялся, сдвинул меч на правое бедро и размашисто зашагал прямо на солнце, полускрытое нежной дымкой. Некоторое время придется на всякий случай держаться кромки леса, пока не попадется отбившийся от выводка строфион, желательно молодой, так как обуздать заматерелого без должной сноровки будет ему не под силу. Вскоре слышался плеск воды, и путь ему преградил глубо-

кий овраг, направо уходящий прямо в чашу леса, а налево уныло тянущийся к большой дороге и, наверное, и далее, к новому лесу, где он расступится вширь и обернется уже полноводной рекой, стремящейся, как и все реки, к Бесконечной Воде, по берегу которой, говорят, пролегла последняя дорога.

Он подошел к самому краю и завертел головой, прикидывая, где бы сподручнее спуститься, как вдруг на свое счастье приметил здоровенный ствол, перекинутый с одного края оврага на другой. Тут же торчал и пенёк, почти свежий — значит, поваленное дерево не успело сгнить. Он еще раз зорко огляделся — перебираясь по шаткому мостику, который потребует максимальной сосредоточенности, он на какое-то время станет беззащитной и заманчивой мишенью; но степь была по-прежнему пуста. Он одним ударом меча срубил молоденькое деревцо и, освободив его от чахлах веточек, примерил получившуюся жердину в качестве балансира. Ничего, годилась. Он вздохнул и шагнул вперед, стараясь глядеть только на носок сапога. Кора зашелушилась и посыпалась вниз — ну вот, этого ему только и недоставало! Но переход закончился благополучно, и он уже скорее по привычке, чем по необходимости, глянул назад.

На той стороне оврага, по пояс в траве, стояли ровной шеренгой четверо и молча глядели на него.

Как это бывало после одного беглого взгляда, самым точным и сильным было общее впечатление, а не усмотренные детали. Так вот: в этой четверке было что-то необычное, до дикости. Эта странность состояла не в их непостижимом бесшумном появлении и не в сосредоточенном внимании к его скромной персоне. Но разглядывать их в упор было бы непростительной неосторожностью: глядеть противнику прямо в глаза следует только во время нападения, а до этого лучше всего делать вид, что за врага его не держишь, и рассматривать боковым зрением, исподтишка. Он так и

сделал: ухватил жердину поудобнее и принялся деловито подсовывать ее под тонкий конец бревна, только что послужившего ему так вовремя подвернувшимся мостком. Бревно дрогнуло, съехало с места и, недолго покачавшись, гулко ухнуло в расселину, подняв на дне фонтан недолетающих сюда брызг.

Четверка наблюдателей не шелохнулась, Харр по-Харрада так же деловито отряхнул руки, не без некоторой демонстративности поправил меч на правом бедре и, круто повернувшись, зашагал прочь, влажной ложбинкой между лопатками ощущая сверлящий зуд от четырех пар глаз. И еще: до него наконец донеслось слово, вполголоса брошенное кем-то из чужаков. Чуткий слух менестреля позволил ему даже разобрать сказанное — это слово было «левша».

Ага, оценивали его все-таки на предмет драки. Да и сейчас не поздно угостить его короткой стрелой или столь популярным на этой дороге боевым топориком из железного дерева. Но ни то ни другое не летит бесшумно. Он шел и шел, быстро, но не срываясь на бег, и ни один шорох за спиной не говорил об опасности. И все-таки было чертовски неуютно. Наконец он не выдержал и обернулся — насколько хватало зоркости, степь была по-прежнему безлюдна. Ну и хорошо. И тут впереди, за купой едва начавшего желтеть кустарника, он услышал глуховатый, отрывистый рык.

Чужаку с соседней дороги обязательно почудился бы гибкий пятнистый зверь, вроде тех, что ходят у Аннихитры в упряжи; но он-то прекрасно помнил, что этот совсем не птичий, резонирующий звук исходит из раздутого зоба крайне рассерженного строфиона. Вопрос только: дикого — или уже прирученного?

Позабыв обо всем, что могло еще снова возникнуть у него за спиной, Харр рванулся вперед, на цыпочках обошел кусты и вытянул шею, приглядываясь. Надо же, и тут повезло: громадная черная птица, лежавшая на затененной проплешине, была запряжена в легкую

повозку, уже наполовину загруженную валежником. Ага, значит, недалеко и становище. Харр, уже не таясь, подошел и ударом ноги вытряхнул валежник. Строфион глянул на него наглыми красноватыми глазками и отнюдь не благодарственно зашипел. Харр порылся за пазухой и выудил незрелый мякинный орех, сердцевина которого особенно хороша с диким медом. Кинул строфиону. Тот сглотнул подношение, словно муху, и снова зашипел. Харр размахнулся и весьма ощутимо врезал ему по клюву — подействовало. Строфион вскочил на ноги и послушно пригнул шею. Харр забрался в повозку, подбирая вожжи, и тут из леса выскочил смерд, вереща испуганно и призывно. Станный смерд, больно раскормленный и опрятный. Другой на его месте бухнулся бы в ноги и головы не подымал, пока знатный караванник — а уж это-то было заметно по многочисленным галунам на харровой одежде — соизволит удалиться на его убогой таратайке. Но смерд продолжал что-то кричать вслед, зазывно и даже радостно. Харр, не оборачиваясь, натянул поводья и пустил строфиона по старому следу, хорошо различимому по еще не успевшей подняться смятой траве. Эта прочерченная по степной позолоте колея должна была привести его на кочевую стоянку; что это был не город, Харр не сомневался — слишком уж далеко от большой дороги. У междорожного леса городов не ставят. Он, насколько это было возможно, развалился в подпрыгивающей таратайке, принимая позу небрежную и ленивую — по тому, каким его увидят, будет и стол, и постель. Свободною рукой взбил волнистые серебряные кудри, в которых змеилась иссиня-черная, как строфиново перо, приманчивая прядь — меч острый для женских сердец. Мысль при этом невольно обратилась к диковинным чужакам, с таким непостижимым спокойствием, если даже не равнодушием, наблюдавшим за ним с той стороны оврага. И что только...

И тут он разом понял, что именно было в них диковинным.

Это были ряженные. Самые настоящие ряженные, словно перенесенные сюда с княжеского пира в земляном дворце Аннихитры, где ему однажды довелось-таки петь. Ну конечно, ряженные, а кто же еще: крашенные волосья, лица тоже чем-то намазаны — светлые, как свиные рыла. Только наряды не шутовские, без лоскутков разноцветных. И оружия не заметно. И непременно колокольцев. А если все-таки не ряженные, то кто?

А вот кто: сибиллы. Ни разу живьем ни единого не видал, но слышал — чудные они; ежели старые да поднаторевшие в своем искусстве (а при гарантированном бессмертии чем, кроме колдовства, и заниматься?), то любую личину принять могут. И еще рассказывали — если встретятся двое, обязательно друг перед другом похваляются кто чем горазд, может, и к нему приглядывались, не испробовать ли на нем свои заговоры?

Одно смущало: редкостное это дело — сибиллу встретить. А уж сразу четверых... И тут у него над головой что-то словно прочирикало. Он невольно втянул голову в плечи, и напрасно: это была всего лишь стремительная пичуга-посланница, изумрудная, с яркой желтой грудкой. Ну да, ведь на Дороге Строфионов они именно такие. Другое чудно: чтобы простой смерд послал молвь-стрелу? Сколь же богат должен быть его караванник...

Ну тем слаще будет прием. Да вот, кстати, и купола стойбищных юрт поднялись из травы. Строфион ускорил бег без понукания. Харр, однако, придержал вожжи — приближаться следовало солидно, без спешки, как подобало именитому гостю. Навстречу уже выбегали обитатели становища, что-то уж чересчур восторженные и изумленные. Впереди всех — детина на голову выше его самого, с пышным алым

бантом на шее. Рот до ушей, глазки прищуренные, маслянистые, оценивающие — сразу видно, на ходу прикидывает, какой прок с неожиданного посещения. Надо будет что-нибудь наврать про знакомство с князем.

Строфион лег на тропу и выгнул шею, всем своим видом показывая, что с него довольно. Дитина с бантом одной рукой поднял вожжи, упавшие на землю, другую почтительно подал Харру, помогая ему сойти с повозки. Толпа, следовавшая за ним на расстоянии трех шагов, приветственно загудела — приглашали осчастливить жилище, разделить трапезу и постель. Попятно.

Харр по-Харрада протянул руку, хотя мог бы отлично обойтись и без посторонней помощи, и оперся на здоровенную лапищу. И вздрогнул: ладонь словно утонула в теплом вязком тесте. Затем мякоть пальцев пробежалась по тыльной стороне его кисти, обогрели запястье и шаловливо скользнули под обшлаг рукава.

Харр, словно ожегшись, отдернул руку и отпрыгнул назад. Толпа зашевелилась, растекаясь надвое, открывая перед ним проход к юртам и одновременно обтекая его справа и слева. Кланяющиеся, улыбающиеся мужчины, юноши, мальчишки. И ни одного женского лица. Бесстрашного Харра едва ли не впервые в жизни прошиб холодный пот, когда он понял, куда попал.

Это было становище сиробабых.

Он рванул что есть мочи обратно, путаясь в высокой траве и кляня себя за то, что слишком поспешно, не разобравшись, покинул легкую спасительную повозку; за спиной бухали сапоги дитины с алым бантом. Он сделал глубокий вдох и удвоил скорость, отчетливо сознавая, что надолго его не хватит; но ведь и сиробабы далеко от своего поселения оторваться не рискнут. Он споткнулся о бугорок и вдруг прямо

перед собой, в каких-нибудь тридцати шагах, увидел прежнюю четверку ряженных.

Он круто свернул влево, к лесу, одновременно вытаскивая на бегу меч — не уйти зайцу от двух шакаловых стай. Но за спиной раздалось гулкое «пом! — пшшшш...» Он невольно оглянулся: между ним и сиробабыми подымался заслон белого лучистого пламени.

Видно, все-таки один из ряженных был сибиллой. Ну спасибо и на этом, а то силы кончались. Сиробабы с воем мчались восвояси, и он рухнул в высокую траву, переводя дыхание, так как биться ему предстояло сразу с четверыми. Они подходить не торопились; если не считать сухого шелеста травы, стояла полная тишина. И тут прямо у него над головой раздался негромкий голос:

— Слушай, мужик, нам твоя помощь нужна.

Он осторожно перевернулся на спину и сел, красноречиво положив меч на колени. И чуть не присвистнул: у всех четверых на поясе висели длинные мечи с изукрашенными рукоятками. Уж не князья ли это с каких-то неведомых дорог? А говорят чисто, по-здешнему. Он кашлянул, чтобы голос не прозвучал неуверенно.

— Зачем помощь тому, при ком его меч? — спросил он сурово.

Чужаки переглянулись — как ему показалось, с уважением. Только сейчас он заметил, что у троих на лоб надвинуты какие-то обручи с завитками — короны, что ли? И как это им удалось подобраться к нему так быстро и столь бесшумно?

Тот, который был без короны, потер рукой чисто выбритый подбородок и со вздохом проговорил:

— Знаешь, сила не всегда в оружии. Чаше она в информации.

— Это что, амулет такой?

— Вот именно. Информация — это знание.

Харр по-Харрада не выдержал и засмеялся:

— Ну вы нашли время и главное — место... Что, будем байками тешиться на виду у сиробабых?

— Сиро... что? — переспросил ухмыляющийся красавец в ослепительно сверкающей изумрудно-огненной короне. — Это от которых ты так улепетывал, почтеннейший?

Харр насупился: с воинами так не разговаривают. Тот, светловолосый, что был без короны, похоже, тоже это почувствовал и дернул насмешника за рукав:

— Не годится начинать знакомство с перепалки, тем более что против одного было не менее дюжины. Что им было от тебя надо?

— Сирые это. К себе зазывали.

— Сироты?

— Во-во́. Как один сиротки. Все без матерей, но у каждого — по два папаша. Понял?

Те, что в коронах, недоуменно переглянулись, потом тот, без короны, что-то буркнул себе под нос; тогда самый юный, у которого яркая синева его головного убора подчеркивалась узкой белоснежной каймой, тихонечко ахнул и тут же прикрыл рот ладонью.

— У нас же за такое — сразу на кол...

— У нас на других дорогах — тоже, — не без злорадства отозвался Харр. — Только сибиллам разрешено сие.

— А тут что, все поголовно — сибиллы?

— Здесь — другою расклад. Строфионы бегут резво, но тяжелой поклажи не тянут, как рогаты или, скажем, кабаны. Оттого здешние караваны зело убоги. А где убожество, там лишний рот ни к чему.

— При чем же здесь эти... сирые? — удивился юный чужеземец.

— А при том, что один у них прок — они смердов не множат. Но на воспитание берут охотно и ладных воинов выставляют, если князь призовет. Ремесло, как

правило, знают не одно, а несколько, — искусники. В обхождении ласковы. Если кто из приемышей из стойбища сбежать надумает — добром отпускают. Только не многие бегут — сытно у них...

— Ты, часом, у них не зазывалой работаешь? — не выдержал скалзубый красавец.

Одного мгновения Харру было достаточно, чтобы принять боевую стойку:

— Защищайся!

Чужестранец только повел тонко подбритой бровью:

— И рад бы размяться, только мой меч против твоего тесака — это, знаешь, будет не на равных...

Он словно нехотя наполовину вытащил из ладных ножен свой меч, и Харр по-Харрада застыл на месте, пораженный сказочным зрелищем: узкое лезвие сверкало, отражая голубизну неба, безупречное до неправдоподобия.

Харр сглотнул слюну.

— Ты что? — спросил обладатель ратного сокровища.

— Я подумал, что меч твой ковали не человеческие руки, а солнечные лучи...

— Да ты поэт, братец! В самом деле, наши мечи штамповали сервы...

— Флейж, не отвлекайся, — негромко заметил до сих пор молчавший обладатель скромной серебряной короны с единственным украшением в виде черных глазков из сверкающих камушков.

— Да, действительно, — проговорил тот, что был без короны — похоже, их предводитель, — мы не выяснили главного. Ты путешествуешь, как мы видели, в одиночку. Хорошо ли ты знаешь здешние дороги?

Харр пожал плечами — скорее в ответ на собственные мысли, чем на этот вопрос. Похоже, врать не имело смысла.

— Да уж лучше, чем кто бы то ни было.

— Готов ли ты служить нам проводником... в довольно опасное место?

— Вся жизнь — сплошная опасность. Сами видели. А куда?

— Это место называется Адом.

Харр только присвистнул. Издалека, видать, чужаки-то!

Но его поняли неправильно.

— Если не побоишься и приведешь нас к огненным горам, — продолжал светловолосый, — то наградой тебе будет мой меч.

Он вытащил из ножен золоченый клинок с магическим изображением анделиса возле самого эфеса; на вытянутых руках поднес к самому лицу Харра. Тот невольно зажмурился, так сильно было искушение наложить руку на украшенную эмалью рукоять.

— Ты наивен или не в меру неосторожен, чужеземец? — проговорил он, отступая на шаг. — На моем месте любой другой завел бы вас в гиблое ущелье, опоил подремником — и был таков вместе с булатом бесценным.

Предводитель чужеземцев одобрительно хмыкнул:

— Я осторожен и далеко не наивен. И еще я проныщателен. Ну, гожусь я тебе в наниматели?

— Нет, — со вздохом ответил Харр. — Годиться-то ты годишься, да вот дороги в Ад сейчас нет. И долго не будет. Сейчас все Инеистые горы во власти ночи. И обитают там только души умерших. Не с ними ли вы хотите свидеться?

— Нет. Души нам как-то ни к чему.

— Тогда...

— Сам посуди, зачем я буду тебе обо всем рассказывать, если ты не соглашаешься нам помочь?

— Да как вам помочь? Вот загубить вас — это плевое дело. Да и не дошли бы вы до Инеистых гор, ноги-то у вас всех, не прими за обиду, жидкие, куцые...

Насмешник в рыже-травянистой короне весело за-
ржал и задрал ногу в ладном, мастерски скроенном
сапоге. Похоже, критика в адрес собственных конеч-
ностей была принята чуть ли не как комплимент.

— А мы пешком не ходим!

Харр покачал головой неодобрительно:

— Все равно пропадете. В ледяные камни вас ночь
превратит!

— Ну это не твоя забота, — чуточку высокомер-
но обронил младший, которого весь этот разговор, похо-
же, больше раздражал, чем смешил.

Светловолосый вздохнул, и его солнечный меч
скользнул обратно в ножны со скорбным, разочаро-
ванным звоном.

— Ну, хватит. Значит, не договорились. Поищем
кого-нибудь другого. А ты вроде нам подходил. Сей-
час бы и отправились, во имя Хатты и Гихатты.

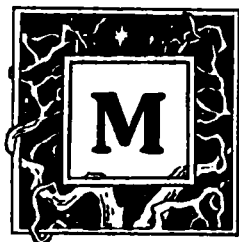
— Так я-то согласный, — сказал Харр.

— А что тогда волянил?

— Так вас жалко...

II. ЗАКЛЯТЫЕ ГОРЫ

она Сэниа сидела на плаще, обхватив колени сцепленными руками. Рядышком, уткнувшись друг в дружку, дремали маленький Юхани и белоснежный детеныш гуки-куки. Мамаша последнего, тоже беленькая, пристроилась тут же на траве, похожая на громадного короткоухого кролика. Временами она грациозным движением вытягивала шею и облизывала приоткрытых малышей нежным лиловым языком.

Чуть поодаль Лронг со Стаменом молчаливо трудились над изготовлением громадного дальнобойного лука; перелечив всех стражников, охранявших лагерь пришельцев, лекарь с далекой Земли хотел было приняться за тех, кто получил ожоги на недавнем пожаре, но скоро выяснилось, что безнадежных отправили в анделахаллы, а ходячие перекочевали на восток, в новую столицу со смешным названием Куличик. Сидеть сложа руки, пока Юрг разыскивает проводника, Стамен был просто не в состоянии, но тут правитель Лронг, заслышав о том, что вернулись обитатели дру-

гого мира, спешно прибыл к пепелищу Пятилучья и, застав только принцессу со Стаменом, принялся сготовить на плохое вооружение своих ратников, опасаясь нападения соседей, прослышавших уже про грандиозное огневище, пожравшее город-дворец, но оставившее нетронутой башню с сокровищами. Сейчас мешки с жемчугом спешно грузили на вьючных единорогов и переправляли в Куличик под надежной охраной; оцепление стояло и вокруг нетленного зиккурата. Но если через пограничный лес прорвется орда на бешеных кабанах, да еще и с презираемыми здесь луками, стреляющими короткими стрелками, напитанными едким соком, утаиться от них будет не просто.

Стамен взялся помочь, хотя возня с оружием была ему органически противна.

А принцесса нянчилась с Юхани, изредка поднимая глаза к небу, окрашенному в предзакатные тона, словно ее Юрг, ее звездный эрл, мог появиться откуда-то сверху. В ней ничего не осталось от той бешеной, неукротимой воительницы, которая говорила: «Мы будем жечь города...» Сейчас она была только матерью, вернувшей своего сына, и женой, ожидающей мужа, которого она чуть было не потеряла навсегда. Вот только женщиной, соединившейся со своим возлюбленным, она не стала — с того момента, как они узнали об исчезновении Таиры, ни Юрг, ни Сэнни не позволили себе даже мысли о собственном счастье. Его просто не могло быть, пока они не отыщут и не вернут отцу угаснувшего Светлячка...

Мона Сэниа зажмурилась и еще крепче стиснула руки. Не думать. Не вспоминать. Сохранять то царственное спокойствие, которое всегда отличал процессу в моменты невидимой постороннему глазу готовности к любым стремительным действиям. Бессильная боль воспоминаний может только затуманить рассудок. Но воспоминания возвращались, и да-

же не чередой всех нелепых, трагических событий, а ощущением собственной тогдашней отрешенности от любых человеческих чувств — теперь-то она сознавала, что стремление вернуть себе своего малыша было даже не горем женщины, а слепой яростью тигрицы, потерявшей детеныша. И она предчувствовала, что эта память о ледяной беспощадности, не знающей ни любви, ни сострадания, будет преследовать ее до конца дней...

Пальцы хрустнули, и она, вздрогнув, увидела, как побелели ее сведенные руки. Так нельзя. В любой момент может появиться Юрг, ее командор, и надо будет действовать. Она глубоко вздохнула и постаралась как можно дольше задержать дыхание. Серебряное и голубое, соединить серебряное и голубое. Тогда в этом сплаве родится цвет далеких звезд. Серебряное и голубое... Это маленькое нехитрое заклинание всегда помогало ей обрести душевное спокойствие. В глубине зажмуренных век задрожала, отдаваясь трепетом ресниц, рожденная в потемках холодная звезда. Мысли снова стали трезвыми, послушными, ограниченными лиловым островком плаща, на котором спал, посапывая, смуглый золотоволосый Ю-ю.

Она протянула руку, чтобы пригладить светлые теплые завитки, и белая самочка гуки-куки тут же встрепелась и подняла голову, уставившись на принцессу укоризненным оленьим глазом. «Не бойся, твоего не трону», — шепнула мона Сэниа. Зверушка недоверчиво шевельнула ушами, но успокоилась. А не взять ли ее с собой на Джаспер? Когда Ю-ю начнет подрастать, ему станет одиноко. Никто из дружинников еще не обзавелся потомством, а семьи ее драгоценных братьев навсегда для нее закрыты. Остров большой, корма для двух гуки-куки будет предостаточно, только вот как перенесут тихрианские теплолюбивые звери неминуемые осенние ураганы? Нет, в

первый год нельзя, хорошо еще, если сами они с Юргом как-то приспособятся. Эрромиорг придет из замка сервов, над всей чашей кратера можно будет возвести прозрачный купол, до зимы еще далеко. А зимой... Сама она не боялась зимы — разлука с любимым ощущалась сейчас так мучительно, что целой вечности, казалось, не хватило бы, чтобы восполнить чудовищную разъединенность, на которую обрекли их окаянные крэги; но Юрг... Сколько выдержит он заперти, пусть с любимой женой и тщательно оберегаемым малышом — но все-таки в постоянном бездействии, если честно оценивать по мужскому счету? Одиночество вдвоем, и так на долгие годы, и руки связаны нерушимым словом... О таком будущем было думать так же странно, как и о тихрианском прошлом. Значит — только настоящее. Вот ее загорелый малыш, вот тихрианин и землянин, до изумления просто нашедшие общий язык, вот три малых кораблика, спаянные воедино, — не такие уж и маленькие они, эти кораблики, без командорского шатрового корабля, оставленного на Джаспере. Каждый высотой в два человеческих роста, как раз для всадника с его крылатым конем. Но и кони в этом походе ни к чему, зато один из кораблей доверху загружен какими-то неизвестными приспособлениями — как и офиты, подарившие им всем утраченное от рождения зрение, даже щедрой родины ее командора. Юрг утверждал, что чуткие приборы, превосходящие любой амулет, волшебным образом отыщут и крошечную мышь на вершине неприступной горы. Только откуда он об этом знает — мыши ведь на неприступные горы не взбираются...

Она встряхнула головой, отбрасывая назад непослушные тяжелые волосы. Во время походов она туго перетягивала их сзади, чтобы не мешали прицелу — на войне как на войне, говаривал Юрг. Но сегодня ей хотелось, чтобы Юрг, вернувшись с даль-

них дорог в поисках проводника, увидел ее именно такой. Только увидит — и всё. Она подавила невольный вздох — и вдруг поняла, что он стоит перед нею и смотрит, смотрит, словно пьет и не может напиться...

Появившийся рядом с ним Сорк тактично опустил глаза и отступил назад. В тот же миг чуть правее появилась еще троица — Флейж и Ких держали под руки статного красавца в изукрашенном блестками одеянии. Глаза его были крепко зажмурены.

— Открой глазки, что ли, — привычно-насмешливо бросил ему Флейж.

Но незнакомец, вместо того чтобы поднять веки, еще сильнее зажмурился и чутко повел носом, принюхиваясь.

— Горим!!! — заорал он на всю рощу хорошо поставленным голосом.

Эхо с удовольствием повторило крик, рогааты под стражниками взвились на дыбы. Мона Сэниа почему-то подумала, что в голосе недостает страха.

— Уже сгорели, — флегматично констатировал Сорк.

Незнакомец широко раскрыл глаза, зыркнул направо и налево, оценивая обстановку, и ринулся навстречу принцессе, завершая стремительный прыжок падением на колени:

— Позволь, о прекрасная дева, быть твоей опорой и защитником!

Самочка гуки-куки взвилась и прикрыла обоих малышей своим телом.

— Оpozдал, братец, — сдержанно заметил Юрг. — Прекрасную деву уже защищают. В опорах тоже недостатка не наблюдается. — Все, кроме нежданного гостя, не могли оставить без внимания то, что своих отношений с принцессой командор не афишировал. — Кстати, пора и познакомиться: Мона Сэниа, позволь представить тебе...

Он сделал вопросительную паузу. Гость, не вставая с колен, развел руками и лбом коснулся краешка лилового плаща:

— О прекраснейшая из светлокожих, принесенная благостным ветром с отдаленной и неведомой мне дороги! Да пребуду вечно я в слугах покорных твоих, я, Харр по-Харрада надо...

— Вполне достаточно, — поднял руку Юрг. — Длинные имена — в трудном деле только помеха.

— Ну вот, — недовольно проворчал Харр, подымаясь и стряхивая пыль с колен, — а я только принаоровился врать и дальше... В утеху прекрасной деве.

Мужчины, исключая Стамена, дружно заржали, мона Сэниа только головой покачала.

— Брехун и бабник, — вполголоса прокомментировал Флейж, впрочем, не без удовлетворения.

Мона Сэниа снова покачала головой, на этот раз укоризненно:

— Флейж!.. А ты, странник, назови свое истинное имя.

— О царственная мона, да не оскорблю я своим наипаскуднейшим именем твой нежный слух! Ибо называли меня Поск... Может, Харр по-Харрада все-таки лучше?

— Мне тоже так больше нравится, — кивнула принцесса. — А каково твоё ремесло?

— Ты угадала его — я странник, поющий разными голосами. Я исходил четыре дороги, я шел на четыре стороны — на вечное светило и против него, правой бровью к солнцу и левой... Если бы меня вопрошали стражники на рогатах, как видно, купленных у Оцмара Великодивного — непонятно только, на кой ляд? — то я показал бы им фирман краденый, или амулет поддельный, я наплел бы им, что продан на три преджизни в очередной раз тронувшимся Аннихитрой здешнему князю, который за приверженность к изящным искусствам...

— Что-что?... — невольно вырвалось у Лронга, который до той поры молчаливо вслушивался в разговоры своих гостей.

— Правитель здешней дороги, Лилилиеро, прозванный Князем Нежных Небес, покровительствует...

— Должен тебя огорчить, — прервал его Флейж. — Это — Пятилучье, или, вернее — то, что от него осталось. И ты не у своего Лиля.

Харр, застыв с разинутым ртом, переводил взгляд с одного джасперянина на другого, и сквозь пепельную темь его лица начало пробиваться что-то вроде гневного румянца.

— Это мне что, снова пробираться через два леса?! — завопил он, хлопая себя по бедрам, как петух, взлетевший на изгородь. — И мне снова крутить мозги всем странникам Оцмара, Аннихитры и Лиля Нежного, пропади они пропадом!

— Со здешними странами мы как-нибудь разберемся, — сдержанно проговорил Лронг, бросая недоделанный лук и выпрямляясь во весь свой гигантский рост. — Скажи мне, повелительница дороги Джаспера, тебе надобен этот балагур?

— По-видимому, лучшего проводника не нашлось, — осторожно заметила мона Сэниа.

Это замечание окончательно вывело бродячего певца из себя:

— Много ты понимаешь в дорожных стражах, ты, сиделый оружейник! И лук ты мастеришь дерьмовый, его никто и натянуть не сможет, так что годен он только на то, чтобы тетиву с него снять и таких, как ты, указчиков вон на той башне копченной...

— Знаешь что, Юрг, — негромко проговорил Стамен, — я пойду один.

И было это сказано так, что все кругом замолчали и посуровели. Только Харр переводил взгляд с одного великана, темнокожего как и все тихриане, на другого, светлоголицего, как и эта женщина, ничего не понимая.

Лронг махнул рукой одному из верховых, крутившемуся поодаль, но не сводившему глаз со своего князя, и тот, почтительно склоняясь до самой гривы своего скакуна, приблизился и замер.

— Охранный фирман Харру по-Харраде на всю дорогу от восхода до заката, — велел Лронг, и всадник, сорвавшись в галоп, умчался к грузившемуся жемчужному каравану.

Харр открыл было рот — и снова закрыл. Какой-то благодатный инстинкт подсказал ему, что следует воздержаться и не объяснять этому не сказать чтобы миловидному, но на удивление величественному исполину, на какой предмет ему может понадобиться еще один поддельный фирман. Потому что настоящий можно было получить только из рук самого Оцмара.

Но тут вмешалась женщина, до сих пор сидевшая на лиловом плаще, хотя все мужчины кругом нее стояли — уж не новая ли пассия любвеобильного Оцмара?

— Твой фирман подождет до нашего возвращения, владетельный Лроногирэхихауд, — проговорила она своим чуть хрипловатым голосом, так не похожим на зазывную воркотню здешних дев, — Мы теряем время. Ких, принеси из моего корабля запасную хрустальную цепь да и мой походный скафандр. Всем надеть полное боевое снаряжение, чтобы не повторить печальную участь Гаррэля.

— Минуточку. — Юрг поднял левую руку, и Харр с удивлением отметил, что на ней не четыре пальца, коих вполне хватает нормальному человеку, а пять, и самый крайний — серебряный. — Транслейтор не помещает, скафандры мы захватили с Земли, и для аборигенов смастерили полдюжины, разных размеров и соотношений рук и ног. Ваше снаряжение выше всех похвал, но боюсь, что в нем вы все-таки замерзнете. А наше — с подогревом. Так что, Ких, пригласи

гостя в корабль и подбери ему что-нибудь подходящее. Теперь ты, Сэнни. С нами ты не пойдешь.

— Но...

— Прости, дорогая, но скалолаз из тебя никудышный. Останешься здесь, под надежной охраной. Твой кораблик тоже не берем, если что непредвиденное — перемещайся в него, задраивай люки и можешь переждать хоть потоп. А мы — быстро.

— Но...

— Никаких «но». Я объяснял тебе, что наши приборы позволят обнаружить бабочку под десятиметровой скалой.

— Но, Юрг...

— Я даже не прощаюсь. Сорк, Флейж, за мной. Стамен, поможешь им облачиться в наши доспехи — думаю, эта процедура будет самым сложным делом, с которым им придется столкнуться в этой экспедиции.

Вопреки командорской твердости голоса, взгляд, который он позволил себе бросить на жену, был жадным и немного растерянным.

— На этой планете так легко одерживать победы... — невольно вырвалось у моны Сэниа.

— Не сглазь, любовь моя!

— Ну точно, это здесь! — Харр по-Харрада удивительно легко расстался со страхом высоты и теперь сквозь нижнее смотровое оконце разглядывал снежные горы. Низкие облака, освещенные заревом неугасимого вулкана, отбрасывали алые блики на три конусообразные глыбы камня, покрытые льдом и инеем. Отсюда, из-под самых туч, где зависли спаянные воедино два джасперянских кораблика, высота этих гор как-то терялась, и Юрг мысленно чесал в затылке, припоминая то, что открылось ему, когда он вылез из кадьянова Гротуна.

— Но я точно помню, что была еще и четвертая гора, напротив этих трех, — заявил он.

Четвертой горы, которая должна была своей вершиной уходить за эти облака, почему-то не наблюдалось.

— Туман... — неуверенно прошептал Ких.

— Какой, к чертям, туман — это была горища не меньше Эльбруса, да и весь хребет за ней как корова языком слизала. Что-то ты нас не туда завел, Су-санин!

Харр последнего не понял, но обиделся:

— Ну так ищи себе другого вожатого! А на горе, видать, заклятие; для Ада — дело обычное.

— Давайте только без сказок, — прошептал как простонал Стамен.

Юрг положил ему руку на плечо и сквозь скользкий пластик скафандра почувствовал нервную дрожь.

— Сейчас спустимся и выясним. Сорк, ребята — вон туда, чуть правее черной выемочки...

Смотровое окошко словно задернули черной шторкой — кораблики стояли на каменистой почве.

— Так, — сказал командор. — Закрываем щитки... правильно, кнопка под левым нагрудным карманом. Меня слышно отчетливо? Прекрасно. Вторая кнопка на воротнике — дополнительная подача кислорода... Это на всякий случай, даже при выходе прибора из строя десять минут вам обеспечены, а за это время хозяева кораблей вернут нас в безопасное место... Только, пожалуй, не к Пятилучью, не стоит тревожить тех, кто там остался. Итак, в случае вынужденного отступления — на берег оврага, где мы впервые увидели Харра. Место хорошо запомнилось? Ну и прекрасно. А теперь мы с Кихом отправляемся на разведку, остальные пока ждут и аппаратуру не выгружают. Ких, выпрыгивай быстренько, за бортом морозец...

Место все-таки было то — Харр по-Харрада не подкачал. За пару недель, ушедших на подготовку экспедиции, здесь, по-видимому, температура значительно понизилась, или на Юрга тоже напал нервный

озноб. Он беспокойно пробежался пальцами по клавишам терморегулятора — кой черт, на базе этот скафандр проверяли десять раз.

— Ты не замерзаешь? — негромко спросил он Киха, который легко шагал за ним след в след. — Когда остановимся, держись на полшага сзади и, если я только крикну: Ких! — сразу выдергивай меня из этого Ада — и туда, в степь. Если не успею крикнуть — сам понимаешь... По обстановке. Но главное — рта не раскрывай. Говорить буду я один.

Ких чуть было не спросил: с кем? Но жесткая дисциплина дружинника не позволила ему раскрыть рот — приказ был отдан, выполнять следовало буквально и не раздумывая.

На краю выемки они остановились. Гигантский блин был снова на месте — живая вода помогла, не иначе, — только теперь он был как бы спит из разных лоскутков, точно деревенское одеяло. Темные, посветлее, полосатые, в крапинку, они чуть подрагивали, меняя свои границы. Дышали?..

— Зверь или человек? — вознесся нестройный гул десятков голосов.

— Человек, человек, — поспешил ответить Юрг. — Или не узнал?

Границы между отдельными участочками задрожали, послышалось нестройное хоровое хихиканье:

— Узнал, узнал... А скажи-ка, что есть белое среди черного?

— Ох и однообразен же ты, братец! Бельмо это на глазу Аннихитры Полуглавого.

— А мне что-то никто не сказывал, чтобы князь окривел...

— Так у тебя ж гости — редкий праздник. Или после меня кто-нибудь наведался?

— Да-а, — самодовольно протянул Скудоумный дэв. — Не забывают меня, навещают, советуются. А как же!

— Только вот ты сам собственных правил запомнить не можешь — опять проляпался!

— Это когда? — встрепенулся дэв, и по его поверхности побежали мурашки.

— Только что, вот и свидетель подтвердить может. Так что отвечай быстро и коротко: был у тебя Кадьян?

— Был.

— И с ним... он был не один? — зная, что Стамен слышит его по внутреннему фону, Юрг вдруг почувствовал, что язык не поворачивается произнести страшное слово «тело».

— А это уже второй вопрос! — взъелся дэв.

— Слушай, тебя же как человека спрашивают! Я пришел не за твоей драгоценной водой, на один глоток у меня еще хватает. Я ищу того, кто был с Кадьяном. Помоги мне, мудрый дэв!

— Я не ослышался? Ты меня просишь? Умоляешь? А ну-ка повтори погромче, а то у тебя в этот раз голос что-то чересчур тихонький!

Юрг почувствовал, что его охватывает холодное бешенство. Аж горло сдавило.

— Стамен, — негромко позвал он по внутреннему фону, — я с этой склочной сукой договариваться не в состоянии. Резануть его лазерным, что ли, для острастки? А?

Звонящая тишина.

— Стамен! Флейж! Отвечайте!

Теперь это был уже просто страх, естественное состояние в катастрофической обстановке. В небольшой дозе он только мобилизует. Но сейчас это был цепящийся ужас перед неведомой бедой, грозящей тем, кто остался в кораблицах. Стамен, господи, Стамен, ни разу не покидавший Земли... Дышать стало окончательно нечем, и Юрг судорожным движением откинул щиток. Морозный, режущий горло воздух подействовал как глоток чистого спирта. Командор резко обернулся и увидел выпученные глаза Киха, судорожно

пытающегося поймать разинутым ртом хотя бы каплю кислорода.

— Да говорил же я тебе... — Он ткнул пальцем в нагрудную кнопку его скафандра, чтобы включить аварийную подачу воздуха, и в следующий миг уже мчался к корабликам, не чуя под собой ног, и молился всем богам родной планеты, включая идолов с острова Пасхи, чтобы с остальными участниками экспедиции ничего не случилось.

Видимо, изнутри его заметили, потому что в тот момент, когда его руки коснулись упругой стенки кораблика, она расступилась, открывая люк. Юрг нырнул в теплый полумрак и скорее почувствовал, чем увидел, как следом запрыгнул Ких. Легкий толчок воздуха показал, что люк снова закрылся.

— Почему не отвечали? — гаркнул командор, не соизмерив мощности голосовых связок с теснотой помещения, где сейчас находилось сразу три джасперянина, два землянина и один тихрианин.

Впрочем, Стамена можно было смело считать за двоих.

— Мы тебя вызывали постоянно, — ответил он за всех — вопрос, собственно, адресовался именно ему. — Связь отключилась плавно, как и освещение.

Юрг только сейчас обратил внимание на то, что помещение освещено только мерцающим светом порхающего под потолком вечернего жука-фонарика.

— Полетели все системы жизнеобеспечения наших скафандров, — растерянно продолжал Стамен. — Но ведь так не бывает. ТАК НЕ БЫВАЕТ!

— Я тебя еще на Земле предупреждал, — устало проговорил командор. — «Не бывает» — это выражение не для чужих планет. Я-то еще на Джаспере адаптировался, а тебе нужно привыкать принимать все как есть. В первую очередь это относится к сказкам.

— Ты хочешь сказать, что здесь действительно имеет место... заклятие?

Юргу невольно пришло на ум, что с таким редкостным сочетанием изумления и отвращения Стамен мог бы только произнести у себя в космодромном лазарете позабытое теперь за ненужностью словосочетание «бледная спирохета». Но сейчас было не время и не место соленым космодромным шуточкам. А вот то, что он поддался на уговоры Стамена и взял его с собой на Тихри, все-таки было ошибкой... И если они найдут замерзшую Тайру. Ведь тогда надеяться можно будет только на магию.

В которой он, честно говоря, и сам без сибиллы смыслил не больше, чем в узелковом письме.

— Я смотрю, ты тут всю аппаратуру разворошил, — заметил он, кивая на биолокаторы, альтиметры, лазерные камнерезы и прочее альпинистское богатство, которое они с трудом втиснули во второй кораблик, служивший им складом.

— И зря, — мотнул головой Стамен. — Работает только ртутный термометр.

— А проверял я сам... Так. Сорк, ребята, быстро — в степь, к оврагу, как мы и договаривались. А там...

— Мы уже там. То есть тут, — доложил Флейж.

Сквозь полупрозрачные стенки в кораблик пробился солнечный свет.

— Так. Стамен, быстренько любой прибор, какой под руку попадет. И люк откройте.

Первым под руку попался биолокатор. Юрг пощелкал тумблерами, и экран отзывчиво вспыхнул мельтешащими звездочками и полосками.

— Трава, качается... Жуков полно, — прокомментировал Юрг. — А там что? Похоже, пригорок, но почему живой, муравейник, что ли? На нем гадюка.

— Так. Строфиониха на яйцах, — голосом командора и в точности копируя его интонации проговорил молчавший до сих пор Харр. — Погодите, сейчас она нам даст...

Юрг уставился на него в изумлении:

— Ты чего?

— Чего — чего?

— Меня передразниваешь!

— А, я и не заметил... Со мной бывает. От волнения. Ой, закрывайтесь!

Кто-то из джасперян догадался отдать люку мысленный приказ закрыться прежде, чем разгневанная строфиониха, стремительно набирая скорость, как ракета «земля — земля», достигла потенциального противника. Мощный удар потряс кораблик, не нанеся ему, впрочем, ни малейшего ущерба.

— Ну силища! — вырвалось у Флейжа, впервые столкнувшегося с представительницей тягловой силы на дороге князя Лилилиеро. — Это она клювиком или всем корпусом?

— Ногой, — пояснил Харр. — Так что в степи ей на пути не становись — зашибет до смерти.

— Давайте не отвлекаться, — сказал Юрг.

— Да, да, — кивнул Статен. — Нужно вернуться на прежнее место. Даже если снова ничего не заработает, поговорить с этим монстром мы успеем. Только теперь разговаривать буду я.

— Отставить, — сказал Юрг. — Командор здесь не ты. Мы действительно возвращаемся, но не на прежнее место, а метров на двести дальше от вышеупомянутого монстра. Нужно руками пощупать, что там с пропавшей горой.

— Там что-то вроде пенистого тумана, — заметил Сорк, никогда не упускавший ни одной важной детали.

— Вот на самую кромочку этой мыльной пенки и приземлимся. Со мной по-прежнему Ких. Как, малыш, не страшно?

— Начну задыхаться — приоткрою щелочку.

— Все верно. Молодец. Когда я говорил с дэвом, вы меня отчетливо видели?

— Не то чтобы отчетливо, но силуэт просматривался неплохо.

— Этого достаточно. Когда я взмахну руками над головой — возвращаемся.

— Что, сюда, к птичке? — переспросил Флейж.

— Давайте на сто шагов ближе к лесу, чтобы эту птичку мамашу не тревожить. Ну, поехали!

Когда Юрг с Кихом спрыгнули на промерзший, гулко отзывавшийся на их шаги камень, туман не доходил им даже до щиколоток. За спиной продолжал лениво плевать прямо в небо неугомонный вулкан и неподвижная пелена снеговых туч отражала его сплюхи, так что, стоя спиной к лежбищу Скудоумного дэва, можно было вообразить, что небо поганят мигающие неоновые рекламы.

— Держи меня за пояс, — сказал Юрг, полуобернувшись к Киху, чтобы до него долетели эти слова — фон, естественно, снова сдох. Двуглавый контур спянных вместе корабликов был одет розоватым ореолом, издалека доносились глуховатые удары перманентного извержения. Надо было велеть кому-то приглядывать за дэвом, как бы тот не выполз из своего логова и не натворил тут чудес... Но возвращаться было нельзя: Юрг, как и все межпланетчики, был суеверен, хотя никогда в этом не признавался.

Что-то мешало ходьбе, словно теперь они передвигались по колено в воде. Туман едва стлался по земле, впереди вообще ничего — легкая дымка. И нарастающее покалыванье. Юрг споткнулся.

— Гляди под ноги! — велел он своему сопровождающему, хотя уже понимал, что указание бессмысленно — никакого камня, о который можно было затупиться, внизу не было. На всякий случай он нагнулся, похлопывая перчаткой по заиндевелому грунту — при каждом прикосновении тысячи стеклянных заноз вонзались в руку, точно он гладил медузу-стрекишницу.

Булыжник обозначился сразу, как только Юрг его коснулся — выступил из белесой пенки, словно кто-то, прячущийся в неощутимой глубине, поднял лысую голову.

Командор отнял руку — камень исчез.

— Едем дальше, — пробормотал Юрг, увлекая за собой Киха. С каждым шагом передвигаться становилось все тяжелее и тяжелее, хотя туман покрывал грунт всего вершка на два, у обоих разведчиков создавалось впечатление, что они бредут уже по пояс в воде — нет, даже не в воде, а в густом невидимом киселе. Эта замедленность движений спасла Юрга от малоприятных ощущений, когда он внезапно столкнулся с каменной стенкой, которая проявилась только тогда, когда он уперся в нее лбом. По лицу словно хлестнули крапивой.

— Гора! — радостно крикнул он. И ошибся.

Пока это была лишь увесистая глыба, скатившаяся откуда-то сверху. Но каменная осыпь, на которой он теперь спотыкался ежеминутно, и неуклонный подъем грунта показывали, что они находятся у самого подножия невидимого Эвереста. Теперь они брели уже по колено в тумане, по горло в невидимом киселе, вязком и покалывающем. Он обволакивал тело, словно скафандров и не существовало. Ко всему еще добавлялся нарастающий холод.

Вытянутые вперед руки снова ожгло, хотя на сей раз это не было такой неожиданностью.

— Ну если это опять не гора... — Он обернулся к Киху, чью твердую руку он теперь постоянно ощущал на своем поясе, и замер: полуметровой толщины туман разливался вдаль, но ни корабликов, ни плавающего вулкана, ни соплеменных гор просто не существовало.

Розоватая мерцающая дымка, обманчивая в своей живой полупрозрачности.

— Назад! — не своим голосом заорал Юрг.

Ких дернул его за пояс, отступая, и в тот же миг они были уже по пояс в степной траве. О черт, он же забыл, что в случае опасности уговор был возвращаться именно сюда, но ведь Флейж и Сорк не могли видеть его сигнала!

— Ких, ты можешь послать им приказ вернуться?

— Конечно. Флейж, мы уже в степи! Давайте сюда!

— Момент! — разнеслось над морем стелющейся травы.

Двуетидный корабль завис над кронами деревьев — Флейж с Сорком выбирали место посадки, чтобы не появиться в той самой точке, где уже находились Ких с командором. В следующий миг двугорбое сооружение естественно вписалось в золотистость колоссящегося поля.

— Вы что!.. — Стамен первым выпрыгнул из люка и теперь бежал, путаясь в траве, навстречу своему другу. — Вы ж пропали! Размылись, точно растворились в розовом киселе!

— Вы аналогично, — устало проговорил Юрг. — Дело дрянь. Техника не работает, нарастающая вязкость среды не позволяет двигаться без вспомогательных механизмов.

— Я бы добрался, если бы знал, где... — Стамен задохнулся, словно и без шлема ему не хватало воздуха. — Ты можешь оценить, какой примерно высоты была эта гора?

— Не меньше двух с половиной. Массив будь здоров. И нет никакой гарантии, что именно на ней... То есть я хочу сказать, что Кадьян с дэвом вполне могли договориться и учинить что-то вроде ложной приманки. Естественно, мы будем бодать эту невидимую гору, а тем временем...

Они оба каждый раз не договаривали, боясь произнести слова, страшные для них обоих.

— Ты уверен, что дэв знает? — спросил Стамен.

— Уверен. Он с Кадьяном — два сапога пара.
— Тогда ты не можешь, не имеешь права помешать мне говорить с дэвом!!!

Командор шумно вздохнул:

— Да. Не могу и права не имею. Но ни секунды не упускай из вида, что эту тварь вполне заслуженно называют Скудоумным.

— Даю слово! А теперь отпусти меня, мне не нужен даже твой летательный аппарат. Впрочем, и ты лучше останься. Я поговорю с ним с глазу на глаз.

Юрг почувствовал, что здесь запахло какой-то изощренной формой самопожертвования. Нет, все-таки Стамен не в состоянии был представить себе мелочную и подлую душонку этого отрицательного героя варварского фольклора. Самопожертвование годится в том случае, когда в противнике теплится хотя бы капля благородства. Скудоумный дэв был лишен его изначально.

— И не думай, — проговорил он твердо. — Все земное барахло нам ни к чему, так что берем один кораблик, другой пока бросаем здесь под охраной Сорка; тебя страшит Ких как наиболее освоившийся, меня — Флейж. На другой вариант я не согласусь.

— Тогда скорее!

Ад встретил их столбом огня, протаранившим кристаллическую черноту неба и рассыпавшимся мириадами искр. Какой-то залетный камешек, не утративший тусклой желтизны подземного накала, шлепнулся точно в середину пестрорисунчатого блина; все пятна и полосы незамедлительно пришли в движение и бросились к точке его падения, как пираньи на каплю крови. По поверхности заходили концентрические волны, словно в глубине кто-то смачно пережевывал съестное.

— Уф-ф-ф... — удовлетворенно выдохнул дэв. — Горяченькое...

Четверка людей замерла на краю выемки.

— Я сыт и благодушен, потому и не убиваю тебя сразу, — пророкотал дэв.

— А с какой это стати? — возразил Юрг. — Я ж ответил на твой вопрос. Не имеешь права.

— Ты привел с собой чужака. Я с тобой еще не посчитался за прежнее, а тут еще...

— Минуточку, минуточку! — прервал Юрг роко-чущее многоголосие. — Если я в чем-то перед тобой виноват, то готов немедленно извиниться. Только вот ума не приложу, в чем именно.

— А твой дурацкий совет — разорваться пополам? — склочным бабьим голоском выкрикнул дэв. — Я разъял себя на восемь кусков, и они теперь лаются без устали друг с дружкой...

Если бы не присутствие Стамена, Юрг позволил бы себе не вполне лестные комментарии по этому поводу. Но сейчас пришлось ограничиться конструктивным предложением:

— Но ты же у нас самый мудрый из всех дэвов — возьми и воссоединись!

— Не могу! — Теперь голос был низким, как орган на басовом регистре, и в нем слышалось неподдельное страдание. — Я уже привык, не вынесу одиночества!

— Ладно, — сказал Юрг, — обещаю, что мы по очереди будем навещать тебя и рассказывать свежие анекдоты... несвежие, впрочем, тоже сойдут. Конечно, если ты не откажешь нам в одной пустяковой просьбе.

И тут Стамен не выдержал:

— Прости меня, о могучий дэв...

— А тебе еще негоже в разговор вступать, чужак неучтивый! — взревел трубными голосами в очередной раз взъярившийся монстр. — Я тебе еще заветного вопроса не задавал! Скажи-ка, что есть белое среди белейшего?

Юрг похолодел: он совершенно забыл о том, что нужно проинструктировать Стамена по поводу сфинксова комплекса этого слабоумного. Нужно было отвлечь его любой ценой...

— Ну, как мужчина мужчине, могу сказать тебе, — затараторил он с гаденькой улыбкой, выступая вперед и заслоняя собой Стамена, — если на свеженьком снежку да начать раздевать...

Тяжелая лапища Стамена, обхватив его вокруг шеи, заткнула рот, а потом мощным толчком отбросила в сторону — космодромный эскулап недаром славился тем, что мог легко поднять на руки любого из своих пациентов.

— Прости меня, чудо невиданное, — проговорил он, опускаясь на колени перед дэвом, — но это была моя дочь, моя девочка...

Блеклые пятна, начавшие собираться у самого края, внезапно суетливо перестроились и образовали один широко раскрытый глаз, который в немом изумлении уставился на коленопреклоненного гиганта. Где-то по диаметру наметился медленно растущий гребень, лоснящийся жирными огненными отсветами. Юрг, потирая ушибленное плечо и переворачиваясь на живот, чтобы иметь возможность одним толчком вскочить на ноги, с ужасом увидел, что Флейж, как зачарованный, уставился на дэва и его рука больше не касается землянина, который продолжал говорить негромко, почти безнадежно:

— У меня нет сил играть с тобой в загадки...

— НЕТ?! — проревел дэв, взметываясь на дыбы, точно невероятных размеров бронзовая монета, поставленная на ребро.

То, что было глазом, вдруг выпятилось ледяным жерлом, откуда с пронзительным свистом выметнулся, как из брандспойта, тугой ураганный поток снежной пыли, сметающий все на своем пути. Реакция землянина была мгновенной и скорее автоматической, чем обду-

манной: они включили вакуумные присоски, что позволило им удержаться на месте; джасперян понесло прочь точно перекаати-поле.

— Стамен, беги! — крикнул Юрг, стараясь перекрыть оглушительный разбойничий свист; он видел, что верхняя кромка циклопического диска начала вибрировать, набирая размах, потом разъяренный монстр изогнулся, точно лосось над речным перекатом, и вся верхняя половина многотонного блина неудержимо понеслась на людей, в неправдоподобной своей стремительности отменяя напрочь сопротивление воздуха и прочие условности земной физики. «Ну все. В лепешку...» — мелькнуло у Юрга в голове, и наступила темнота.

III. ИГУАНА, ОСТРОВ ИЗГНАНИЯ

емля ухнула и ударила его снизу, совсем как три года назад, когда на лётное поле обрушился беспилотный грузовик. Однако сверху он не ощутил никакого прикосновения — его словно прикрыли невесомым одеялом. Но не прошло и двух секунд, как это одеяло взмет-

нулось ввысь и заплясало, постанывая:

— О! О! О!

Левый край подпрыгивающего диска, как раз там, где удар должен был прийтись по Юргу, свисал бесильными лохмотьями. Командор сел, озадаченно глядя на дэва — тот уж очень напоминал недотепу, ударившего по булыжнику вместо футбольного мяча.

— Подымайся, Стамен, — устало проговорил он. — Больше нас не тронут. Не знаю, каким чудом, но похоже, что маэстро фокусник саданул сам себя по... Стамен?!

Вулкан услужливо полыхнул, и в отраженном тучами блике Юрг увидел темные пятна, забрызгавшие изнутри щиток шлема.

— Флейж! Ких! Где вы, черт вас подери?

Они появились почти мгновенно — слава богу, оба целые и невредимые. Ох как кстати, что он не объяснил им про вакуумное закрепление! Лежали бы тут рядком...

Темный пузырь на губах Стамена вспух, лопнул, на щитке появилось новое пятно — значит, Стамен дышал.

— Ребята, тихонечко его поднимаем, в кораблик, и — на Землю. Не ошибетесь?

Это было лишнее.

Прежде чем люк за ними закрылся, он обернулся к постанывающему дэву и голосом, не предвещавшим радужных перспектив, пообещал:

— Я вернусь.

Люк, которому мона Сэниа велела раскрыться узкой щелью высотой точно по ее росту, позволял ей стоять боком, опираясь плечами на упругую кромочку и изредка поглядывая в глубину кораблика, где возился на полу Ю-ю, перекатывая крупные (чтобы нельзя было запихнуть в рот) гладкие орехи. Это занятие пока удовлетворяло его полностью, тем не менее разговор, которым князь Лроногирэхихауд пытался развлечь свою гостью, то и дело затухал.

— Да?.. — проговорила принцесса, отрываясь от своего бездумного ожидания. — Прости, Лронг, о чем мы говорили?

— О том, что ты всегда сможешь найти меня, где бы я ни был на своей дороге, по княжескому знамени. Оно разделено на четыре части, ибо четыре — священное число на Тихри.

— А почему? — спросила она, стараясь придать своему голосу оттенок подлинной заинтересованности.

— Потому что у любого тихрианина есть четыре основных пути: на солнце, против него, левой бровью

к нему и правой. В зависимости от того, какой путь он выбирает, изменяется и его судьба.

— Понятно. А цвета?

— Белый — дневной свет, черный — темнота бессолнечности, желтый — тепло, откуда бы оно ни исходило, и красный — кровь всего живого.

— Это прекрасно, что вы не отделяете человека от всех других тварей... Но зная, даже развевающееся на ветру, трудно разглядеть сверху.

Бывший лекарь раздумывал не более двух секунд.

— Я велю сделать его таким, чтобы каждая часть была не менее восьми раз по восемь шагов, и расстилать полотнище на земле возле каждой своей стоянки.

Мона Сэниа горестно покачала головой, глядя на сидящего на пне чернолицего великана, руки которого привычно плели травяную косицу.

— Я не перестаю удивляться проницательности этой девочки, выбравшей именно тебя...

— А я не перестаю думать о том, все ли я сделал из того, что могла бы совершить она. И прежде всего я вспомнил о Чернавке.

— Нашли ее?

— Да, и вовремя. Сейчас она в моей новой столице, под надежной охраной.

Мона Сэниа поняла, что чего-то он недоговаривает — вероятно, не хочет занимать ее мысли своими заботами.

— Если я в чем могу помочь — скажи, Лронг! И почему ей потребовалась охрана? Разве недостает твоего княжеского повеления?

Он пожевал губами и взялся за новый плетышок. Сейчас, когда гостя неведомого мира вернулась сюда, освобожденная от черной тени проклятия и исполненная величавой женской красоты, он не смел поднять на нее глаза и только дивился тому, как спокоен и бесцветен его собственный голос. Нет, не ту женщину

ждал несчастный Оцмар, не ту... И если бы ему, Лронгу, был дан мучительный дар предвидения, он рисовал бы вот этот светлый лик, изображая его рядом с солнцем. Равносветящая... Сестра Негасимого Светила...

— Лро-онг! Теперь ты задумался?

— Прости, — пробормотал он, теряясь, как мальчик. — Это было не по-рыцарски — забыть о своей даме...

Забыть! И она поверила...

— Но ты же думал о Чернавке — это естественно. Так почему ее нужно охранять? От кого?

— От моих солнцезаконников. Они требуют ее казни. — Он отвечал только потому, что не в силах был ни солгать, ни промолчать, когда та, что с первого взгляда стала повелительницей его дум и сердца, требовала ответа.

— Но ведь это ты приказал спасти ее!

— Да. И на то была моя княжеская власть и воля. Но она была Чернавкой, принявшей пожизненный обет, и ее долг — умереть, но не позволить увести себя из Анделисовой пустыни.

— Это кто так сказал?

— Закон, моя госпожа, который выше княжеской воли.

— Ну так стань князем, который выше закона, разгони своих дармоедов, издай указ, чтобы последний караван забирал каждую Чернавку, отслужившую свой срок...

— Но кто тогда будет блюсти законы, разрешать тяжбы, отпускать содержание стражникам и воинам, возжигать Невозможные Огни? Кто будет разводить и обучать молвь-стрелы... Прости, о увенчанная короной морозного утра, но меня, по-видимому, ожидает неотложное дело.

Принцесса вытянула шею и скосила глаза вправо, следуя за досадливым взглядом Лронга, — там, пре-

клонив колени на красную подушку, терпеливо замер обладатель алого балахона. Что-то уж очень бесшумно он подобрался всего на каких-нибудь пятнадцать шагов. Если у него тонкий слух, то сколько из того, что было сказано совсем не для посторонних ушей, вынесет он из подслушанной беседы?

Как некстати оказалось решение оставить на Джаспере Гуен! Но в поспешных сборах было решено, что и белой стражнице, и верному Кукушонку, и натерпевшемуся всяких бед крошечному Шоёо нечего делать в ледяном Аду.

Да и задерживаться здесь надолго они никак не собирались. Юрг обещал, что все возможные осложнения растянут экспедицию от силы на два-три дня — ведь на Тихри так легко одерживать победы! Но сейчас с каждой минутой ее тревога росла, и даже появление смиренно потупившегося солнцезаконника, всем своим видом говорившего, что он готов простоять в привычной, по-видимому, позе хоть до самого Невозможного Огня, вызывало у нее недобрые предчувствия.

Лронг размашистым шагом подошел к солнечному жрецу и молча протянул руку — это был царственный жест, и мона Сэниа подивилась, как немного времени нужно, чтобы вот такие повелительные движения стали естественными. Замелькало красное — оказывается, балахон был многослойным, как кочешок капусты; наконец появилось искомое: плетеная клетка-корзинка. Так же, не проронив ни слова, он взмахом руки отослал гонца прочь, и принцесса вдруг подумала, что на его месте она постаралась бы ограничить контакты этого красноризца — где-то неподалеку, говорят, имеются вполне комфортабельные подземные отели с номерами на одного, правда, лишенные естественного освещения и туалетов.

Лронг подошел, прижимая корзиночку к груди — в его громадных лапах она была почти не видна.

— Прости меня, госпожа моя, но я полон смутных предощущений — мне чудится, что весть, принесенная княжеской молвью, касается тебя, а не меня. Открывать ли?..

— Если это действительно касается меня — открывай, добрый Лронг. Ты ведь рядом.

Он покачал головой, польщенный, но не успокоенный ее словами. Неуклюжие на вид пальцы нажали какой-то неприметный замочек, и крышка корзинки поднялась, позванивая бубенчиком, прикрепленным к ней изнутри. Цыплячьего цвета птичка с розовым воротничком, который она тут же кокетливо нахохлила, вскочила на краешек корзины и, наклонив головку, подождала, пока утихнет серебряный перезвон. Затем она прошебетала, почти не отделяя одно слово от другого:

— Один амулет — беда одна, два амулета — две тысячи бед; на Тихри задача тебе задана, но в мире каком ты найдешь ответ?

Мона Сэниа подняла изумленные глаза на Лронга:

— Ты что-нибудь понял, благородный рыцарь?

— Пока только то, что эта весть предназначена не для моих ушей. Она обращена к тому, кто способен смотреть на Тихри как на один из многих других миров.

Да, девочка выбрала мудрого правителя, но повторять это в очередной раз было бы банальностью, и потому мона Сэниа только сказала:

— Значит, к кому-то из нас... Но для моей дружины загадка только одна: где... Светлячок? — она нарочно назвала Таиру именно этим милым прозвищем, данным ей на Тихри, чтобы подчеркнуть, насколько равновелика была эта утрата как для нее, так и для Лронга. — Хотя нет, вот и другая: кто послал эту весть?

— Не знаю, — медленно проговорил повелитель этой земли, — и, что хуже того, у меня нет способа

это проверить. Ни одно пернатое создание не летит так быстро, как княжий посланец, но они не приучены следить друг за другом. Если бы ты взяла с собой одну из твоих диковинных птиц...

— Еще не поздно... — начала мона Сэниа, но договорить она не успела: красногрудая вестница чирикнула: «один-амулет-один-амулет!» — и, взвившись над головами растерянных слушателей, исчезла в зеленой кроне орехового дерева, раскидистого, как баобаб.

— Может быть, сибилло? — предположил Лронг. — Он умеет так же ладно сопрягать слова в соразмерные строки.

— А где он сейчас?

— В Куличике, где же еще. Нежит старые кости.

Принцесса нервно хрустнула пальцами. Нет, от сибиллы непрощенной помощи не дождешься. Он бы сперва поторговался и лишь потом соблаговолил изречь подобное предсказание. Какой-то другой мир... А не проделка ли это порфироносных, пытающихся избавиться от непрощенных гостей, каждый раз оказывающихся в опасной для них близости к княжескому трону?

Нет, не похоже — никто из солнечных жрецов не знает об амулете, дарующем невидимость. Он — из мира Шоёо, и если не с его планеты, то во всяком случае с того созвездия, где побывал предыдущий экипаж джасперянского корабля. Тем более они и понятия не должны были иметь о каком-то втором магическом талисмани, который обещал две тысячи несчастий.

Она поглядела на Лронга и увидела, что тот, в свою очередь, вопросительно смотрит на нее.

— Нет, — покачала она головой, — по-видимому, вдвоем нам ни одной тайны не открыть. Подождем возвращения наших кораблей.

Она проговорила это с подчеркнутым спокойствием, но в ее голосе отчетливо читалось: «возвращения ни с чем». Печальное предчувствие коснулось ее, и в

нем не было ничего магического: это была лишь естественная чуткость любящей женщины.

Где-то вдали прозвучал дисгармоничный вскрип сигнального рога: видимо, подходила смена стражи.

— Я отвлекаю тебя от дел правления, — встреपелась принцесса. — Боюсь, что мое ожидание затянется. Ты можешь...

Он поднял руку, останавливая ее на полуслове:

— Нет у меня дел важнее, чем находиться ежеминутно в твоём распоряжении. Не надобно ли тебе еды или питья?

— Спасибо, добрый Лронг. Так о чем мы говорили перед тем, как нам доставили молвь-стрелу? О Чернавке? Если опасность для нее так велика, хочешь, я возьму ее с собой на Джаспер? Преданная нянька мне не помешает...

Травяной рыцарь не успел ответить — сильный порыв ветра смел в сторону все сплетенные им перевязки, и под орешниковыми ветвями вырос еще один нездешний корабль.

— Слава древним богам! — невольно вырвалось у моны Сэниа. — Юрг... Юрг?

Но она уже видела, что это не он. Сорк выпрыгнул из незакрытого люка и теперь озирался, явно отыскивая глазами командора.

«Беда! — застучало у нее в висках. — Беда! А я не с ним...»

— Где?..

— Не знаю. Корабли действовали отдельно, — четко доложил Сорк; мы находились в степи, когда получили приказ вернуться сюда.

— Чей приказ?

— Приказ командора. Но его передал Флейж.

— Понятно. — Голос совершенно спокоен, как всегда перед решительными действиями. Один миг на то, чтобы прикрыть глаза и представить себе теплый полумрак командорского кораблика.

— Юрг! — позвала она. — Юрг, ты слышишь меня? Тишина. Либо там, в неведомом Аду, произошло что-то непоправимое, либо кораблик попросту пуст.

— Сорк! Быстро сюда! Ты видел, где они, ты перенесешь нас...

— Ты хочешь взять принца в ледяную ночь?

О, древние боги, как же теперь им жить, как научиться не расставаться ни на миг, не подвергая опасности малыша? С собой его брать недопустимо, но невозможно и оставить, даже на такого человека, как Лронг. Значит, снова ждать?

Из люка неуклюже выбрался Харр; очутившись там, где, по его твердому убеждению, могли обитать только мертвые, он начисто забыл обо всем на свете, кроме героических усилий, с которыми он преодолевал собственный ужас — и безуспешно. Но теперь, очутившись снова под солнечными лучами, пробивающимися сквозь еще не тронутую осенней ржавчиной листву, он сразу же почувствовал себя крайне неловко в чужом облегающем костюме, словно его выставили напоказ в шутовском наряде или, того хуже, в бабьей юбке.

Видя, как он мнетя, Сорк подошел и снял с него шлем.

— Собственно говоря, наш помощник свое дело сделал, — резюмировал дружинник. — С ним следует расплатиться и отпустить.

Мону Сэниа слегка покорило это сухое замечание; разумеется, сейчас, в ожидании неведомой беды, Сорку было не до первого встречного тихрианина, но она почувствовала, что, если сейчас она одарит странствующего певца пригорошней перлов, одолженных у Лронга, она попросту оскорбит его.

Она подошла к тихрианину, чьи непомерно длинные ноги и куцые руки делали его похожим на какую-то замороженную тушку громадной птицы, втиснутую в серебристо-белый скафандр, и каким-то чисто женским

краешком летучей мысли поблагодарила здешнюю моду за бесформенность и мешковатость одежд, скрывающих нелепость пропорций этих кочевых аборигенов, для которых, естественно, главным достоинством были именно такие неутомимые ходули. Если бы не смятение, в котором она пребывала, ей сейчас доставило бы большого труда скрыть улыбку. Но она положила ладонь на скрипучий синтериклон и проговорила с неожиданной даже для нее самой теплотой:

— Останься с нами подальше, Харр по-Харрада, и вовсе не потому, что ты нам нужен, а... да просто нелепо потерять друга, которого только что нашел!

Лронг вдруг почувствовал, как тоненькая иголочка прошла у него между ребер — в голосе принцессы не было ничего от ее прежних королевских интонаций.

— Назови обещанную тебе плату, храбрый менестрель, — невольно вырвалось у него, — и я ее удвою!

А вот это прозвучало уже по-княжески.

— Ты что-то раскомандовался, оружейник, — небрежно бросил певец тихрианских дорог; — то фирман тебе подавай, то перлы сулишь... Тот, кто меня нанял, обещал в уплату свой меч. Его не удвоишь.

Мона Сэниа тихонько опустила голову и слегка приподняла брови. Ну и ну. Нашли время. Нет, все мужчины одинаковы, какой мир ни возьми. А жаль, что этого Харра нельзя пригласить в свою дружину — неспособный перемещаться в пространстве, как это умеют одни лишь джасперяне, он будет только обузой.

— Ты получишь свой меч, как только вернется мой супруг, — сказала она примирительно. — Но если ты торопишься, я попрошу Эрром га, сенешаля моих ленных владений, переслать мне сюда самый драгоценный клинок, какой только найдется в оружейной палате моего замка.

Он отступил на шаг и, уперев руки в бока, оглядел ее с ног до головы.

— Слушай, и что вы все передо мной выпендри-
ваетесь — и ленные, понимаешь, владения, и замки-
хоромки, и только что голубого золота под ноги не
мечете! А ты, я смотрю, баба нездешняя, но зело
смазливая с лица, даром что ноги только подкача-
ли — куцые, что у ежихи; да простит меня свет веш-
ний, безгрешный, что таким, как ты, врать не обу-
чен... Вот и пригласила бы меня на свою дорогу, а то
я до нее, может, и в жисть не доберусь — и по-
пировали бы, и песен, ко столу пристойных, сердце те-
шащих, наслушалась, а то уж больно ты неулыбчива;
а потом...

К счастью и для растерявшейся впервые в жизни
принцессы, и для схватившегося за голову Сорка, и
для грозно выпрямившегося князя Лроногирэхихау-
да это «потом» повисло в воздухе, потому что между
кораблями пронеслась невидимая вибрирующая вол-
на, предшествующая появлению голоса, и раздался
звучный, хорошо знакомый баритон:

— Принцесса Сэниа! Ты слышишь меня?

Но это не был голос Юрга — всего лишь Флейжа.

— Мы на Земле, принцесса. Так получилось. Если
слышишь, ответь, и тогда я перешлю тебе голос ко-
мандора Юрга.

Земля — это берег озера, и яркий желтый квадрат
среди зеленой травы, и чистая раковина бассейна со
светящимся дном...

— Я слышу тебя, Флейж! Говори!

— Сэнни! С тобой... с вами все в порядке? — А
это уже был ее Юрг, ее звездный эрл.

— Да, да! Мы под крылом у Лронга, за нас не
беспокойся. Но почему вы на вашей Земле?

— Полный провал, Сэнни. — Голос то усиливал-
ся, то затухал, как всегда бывает, когда его пересылает
кто-то другой; но слова долетали отчетливо. — Ста-
мена покалечило, я не связывался с тобой, пока не
прилетели врачи и не сказали, что жить он будет.

Ребра переломаны, левую руку раздробило. Точно под танком побывал. Хорошо, шлем выдержал...

— Крэги?

— Нет. Дэв взбесился.

— А... ты?

— Ни царапинки. Непостижимо! И еще невероятнее то, что все наши приборы прекрасно работают в степи, у строфионов, но в Аду, черт бы его побрал, мертвы, как сосульки. Спроси у сибиллы... О, меня зовут. Лечу со Стаменом, пока он не очухается. Ты пойми меня, любимая, я иначе не могу. Оставайся на Тихри сколько хочешь...

— Нет. Я — домой.

— Тогда усиль охрану. Флейжа отсылаю. Ких на нашей озерной площадке, что на Барсучьем, буду держать с ним связь по радио... Бегу, бегу! Ну все. Будь!

Мона Сэниа вздохнула. Вдох получился таким протяжным, словно она вбирала в себя весь воздух, прилетевший с Земли вместе с голосом.

— Вот так, — обернулась она к Лронгу, детским беспомощным жестом поднимая вверх раскрытые ладони. — Я опять одна...

Ну и Харр по-Харрада, естественно, не выдержал:

— То есть как это — одна? А я?

Флейж, уже успевший вернуться под родные джасперианские небеса, почтительно подал руку принцессе, выходившей из только что появившегося кораблика. Кукушонок, истосковавшийся в этой пустынной каменной чаше, где только изредка возникал Эрромиорг, заботливо переправлявший из замка все необходимое, ринулся навстречу и, опустившись на подставленный локоть, от счастья засвистел по-птичьи, подняв изящный серый клюв к вечеряющему небу. Гуен, восседавшая на куполе большого корабля, ставшего по совместительству здешним замком, напротив, только захлопала крыльями, приподнимаясь, но не взлетая;

взгляд ее немигающих глаз был устремлен на отверстие люка. Когда в нем показалась голова Харра, птица резко взмыла в воздух и заложила крутой вираж, готовая в любой момент сорваться в смертельно опасное пики.

— Гуен, охранять! — успела крикнуть принцесса, подымая правую руку. — Это свой.

Что-то в незваном госте, уже облачившемся в свое привычное одеяние, не удовлетворило придирчивую стражницу; она пронеслась над самой его головой и увесистой известковой каплей осквернила щегольской кафтан.

— Ах ты, кура безмозглая! — завопил Харр своим прекрасно поставленным голосом. — Яйца несет?

— Нет, — пробормотал Флейж, давась от хохота, но еще не зная, как отреагирует принцесса на оскорбление, нанесенное ее гостю,

— Тогда — на вертел ее, сволочугу!

— Достойный странник, — сурово проговорил Сорк, появившийся из второго вновь прибывшего корабля, — негоже сотрясать здешний воздух словесами, уместными в придорожных кабаках, ибо тебя слышит юный принц.

— А ты не волнуйся, служивый, принцы таким словам в первую очередь научаются — и от стражников, и от мамок. Дело житейское. Но при даме воздержусь и извинения приношу наинижайшие.

Повернувшись к даме задом, он принялся стаскивать с себя единственное свое одеяние, обнажив при этом спину, густо курчавившуюся черным лоснящимся волосом.

— Эрромиорг! — торопливо крикнула принцесса, посылая свой голос одновременно по всем покоям просторного замка Асмура. — Я вернулась на Джаспер. Благодарю тебя за все, что ты тут для меня приготовил, но вот весьма спешная просьба: разыщи в гардеробе покойного лорда несколько камзолов и плащей,

пошире в плечах и подлиннее. И что-нибудь совсем уж до пят, халат, что ли...

— Это отнимет всего несколько минут, моя принцесса, — донесся ответ.

— Ну вот, дело улажено, — бросила мона Сэниа через плечо, чтобы нечаянным взглядом не смутить гостя.

Но что-то не похоже было, чтобы Харр по-Харрада вообще был способен смущаться. Он нагнулся, набрал полные пригоршни голубых колокольчиков, уже наполненных вечерней росой, и принялся этой цветочной кашей умачивать свой ворсистый, как кошма, торс. В воздухе поплыл земляничный аромат, смешанный с запахом мужского пота.

— А может, я его окуну, — неуверенно предложил Флейж, — море совсем рядом, только через стенку перелететь...

— Опасно, — покачала головой мона Сэниа. — Хотя наши птицы не замечали никого постороннего. Нет, рисковать гостем не стоит.

Только сейчас она всей кожей почувствовала, как сама истосковалась по прозрачной, вольной воде — не в ванне, не в бассейне, а хотя бы в озере. А тут — море...

— Нет, — сказала она скорее себе, чем Флейжу.

И тут возле группы кораблей, которые, переставленные Эрромиоргом, образовывали в центре каменной чаши что-то вроде крошечного, почти игрушечного замка с одним шатровым залом и четырьмя башнями по бокам, начали с шелестом появляться темные, изредка поблескивающие драгоценными камнями, свертки. Да, эрл Асмур не любил пестроты, и если богатство тканей и изысканный подбор черных и серых камней без слов говорили любому джасперянину о несомненной роскоши такого наряда, то бродячему мек-нестрелю с варварской планеты такие одежды могли бы показаться едва ли не убогими.

Не дожидаясь приглашения, Харр по-Харрада с радостным криком: «Ага! Посмотрим, посмотрим!» — устремился к вороху одежды, потирая ладони. И мона Сэниа вдруг подумала, что в его голосе не сквозит ни тени жадности — скорее восторг ребенка, слишком редко получающего подарок.

— Флейж, займись, — велела она, снова ныряя в свой кораблик, чтобы достать оттуда засопевшего после долгого сна Ю-ю. Заснуть на одной планете, проснуться на другой... И вдруг впервые в жизни ее охватил страх: а сможет ли ее сын совершать эти перелеты, как все джасперяне? Унаследует ли он этот природный дар от матери или таинственное НИЧТО будет закрыто для него, как и для всех остальных обитателей Вселенной?

Она стерла со лба мгновенно выступившую испарину. Не думать об этом, приказала она себе. Не думать четыре года — до того возраста, когда ребенка впервые сажают на крылатого коня, дают в руки легкий меч и объясняют, что такое мгновенный полет. Сейчас гадать бессмысленно.

Она быстро прошла в шатровый корабль через единственный люк, открытый в промежутке между малыми корабликами-башенками. Да, и здесь Эрм был на высоте: четыре приоткрытые двери в боковые помещения, а между ними богатые диваны, крытые коврами, и столики с висящими над ними светильниками. Место для сбора всей дружины. Слева и справа от входа — обставленные без лишней роскоши, но вполне удобные комнаты для тех, кто будет делить с принцессой дни — или годы — ее изгнания, нечто среднее между кордегардией и покоями для гостей. Оружие, оружие, оружие. Эрм рассчитывал на худшее.

Мона Сэниа в который уже раз мысленно поблагодарила своего сенешаля и прошла через весь шатер к двум отдаленным, только чуть приоткрытым люкам. О, вот здесь, наоборот, все наводило на мысли о счаст-

ливых временах. Левый дальний кораблик, превращенный в гнездышко для влюбленных, словно говорил о том, что это — изысканная форма поклонения ей как прекраснейшей из женщин: сдержанный в своих поступках и воспитанный в беззаветном почитании королевской семьи, Эрромиорг никогда не позволял себе ничего большего, чем почтительное повиновение; но эта комната была убрана так, как если бы он сам мог провести в ней остаток жизни вместе с той, которая была мечтой всех настоящих мужчин Джаспера.

Мона Сэниа это поняла.

А правый кораблик, стоящий вплотную к левому, был чистенькой, но без фантазии убранной детской. Отделанная перламутром колыбель — дар деда-короля; насест для Кукушонка. Удобное, но простое кресло для нее.

Она перекрыла отверстие, ведущее в общий шатер, и наложила на него нерасторжимое заклятие. Теперь в детскую можно было пройти только через ее собственную комнату. Она тихонечко вздохнула и покачала головой: если все время вот так прятать сына, то ведь можно воспитать из него труса... Нет. Вернется Юрг, они вместе что-нибудь придумают. И хватит тревог и сомнений: недаром говорят, что они передаются младенцу с молоком матери. Чудо еще, что он так спокоен и солнечно-приветлив... Она покормила малыша, уложила в колыбель и кликнула Кукушонка. Вместе с легкокрылой птицей в шатер влетел голос; «Владетельная принцесса! Твой супруг, командор Юрг только что передал мне через магический амулет весть для тебя: „все самое страшное позади, остаюсь при Стамене на эту ночь — возможно, потребуется моя кровь“. Это все, принцесса». — «Как это понять — потребуется кровь? Что, вся?» — «Не знаю, но могу через мой амулет переслать командору твои слова...» — «Нет, нет, Кродрих, не стоит — мы можем помешать ему. Благодарю».

Она впервые назвала его полным именем, и это вырвалось у нее совершенно естественно: ведь они больше не были в походе. В этом тесном, так далеком от королевской роскоши жилище мона Сэниа была наконец дома.

Она скинула тесную походную одежду и выбрала скромное, просторное платье. Оно скорее подошло бы пожилой домоправительнице, чем молодой и счастливой женщине. А ведь совсем недавно ее все называли «юная принцесса»... Наверное, чтобы вернуться к этому ощущению юности, надо прежде всего снова почувствовать себя любимой. А это опять отодвигалось еще на один день. Она досадливо тряхнула головой, и черные волосы рассыпались по плечам, сдерживаемые только драгоценным аметистовым обручем. Какая бы она ни была, а прежде всего она хозяйка дома. Легко и стремительно, как прежде, она покинула свой шатер. Под ногами захрупали стебли по-вечернему полиловевших соцветий; солнце уже коснулось кромки каменных стен, окружавших пологую чашу их маленькой уютной долины.

— Стены растут! — вдруг заорал диким голосом Харр по-Харрада. — Спасайтесь, пока они не закрыли все солнце!

— Успокойся, гость мой, — стараясь скрыть усмешку, проговорила принцесса. — У нас солнце прячется каждый раз, когда мы собираемся отойти ко сну и...

Она осеклась и едва по-детски не прыснула: чернокожий певец выбрал-таки себе наряд по вкусу. Вероятно, этот малиновый халат с нежнейшей опушкой персикового цвета когда-то принадлежал Тарите-Мур, и сейчас он едва-едва сходил у тихрианина на пупе, оставляя обнаженной могучую грудь, на которой лишь изредка поблескивали бусинки хрустального транслейтора, прячась в угольно-черных завитках волос. Харр зябко ежил, стараясь стянуть отвороты не вполне уместного здесь пеньюара; розовый пух жалкими

клочками выпархивал из-под пугливо подрагивающих пальцев.

— Снег! — снова заорал он. — Разводите костры, сейчас пойдет снег, если исчезнет солнце...

Он бросился к куче одежд и принялся судорожно разбрасывать камзолы и штаны, прежде чем нашел подходящий плащ; к чести его будет сказано, что прежде всего он вернулся к принцессе и бесцеремонно, даже несколько грубовато закутал ее с ног до головы — сделал это он подозрительно умело.

— Ступай в дом и сиди там, пока я огня не спроворю, — велел он безапелляционным тоном. — Эй, где тут разжиться дровишками?

Флейж помирал от беззвучного хохота, благо дамский капот с торчащими из-под него громадными сапожищами очень к тому располагали; Сорк хмурился, но молчал, ибо первое слово принадлежало принцессе, которая была растрогана до такой степени, что не находила ни нужных слов, ни подходящего тона. С ней обращались как с девочкой...

— Слушай, ты, гусь, — не выдержал наконец Флейж, — умерь свой пыл. Снег тут выпадет не раньше чем через половину преджизни, если по-вашему. Так что угомонись, пока ты меня заикой не сделал.

Харр недоверчиво поглядел на него, потом на принцессу; все еще сомневаясь, он запрокинул голову, всматриваясь в быстро темнеющее небо. Первая вечерняя луна между тем всплыла над восточной стеной и теперь, положив свой голубоватый округлый подбородок на каменную кромку, заглядывала в долину, словно дивясь нежданым гостям.

Лицо Харра побледнело — то ли от лунного отсвета, то ли от смертельного ужаса. Он вскинул руки, заслоня собой принцессу от лунного света.

— Призрак солнца... — прошептал он, и этот шепот был страшнее давешнего крика. — Если его мертвый взор упадет на тебя, то все тепло твоей души...

— Милый Харр, — сказала мона Сэниа, легким прикосновением опуская его вздымные руки. — Это всего лишь первая луна, и мы видим ее ежевечерне. Не сомневаюсь, что твои сказания о призраках солнца весьма поэтичны, но сейчас настало время вечерней трапезы.

— Милостивая моя госпожа, — живо откликнулся Флейж, — пока мы не обзавелись тут кухонными сервами и всеми причиндалами для стряпни, не позволишь ли обратиться к Эрму, чтобы он прислал чего-нибудь, что съестся в замковой поварне?

— Позволю, позволю. Мог бы и сам догадаться.

Флейж исчез с быстротой падающей молнии, и через секунду его голос уже доносился из шатрового корабля. Да, кстати о молниях, подумала мона Сэниа.

— Гуен! — крикнула она. — Ты тоже можешь позаботиться об ужине.

Громадная сова беззвучно сорвалась с места, которое она выбрала себе в качестве сторожевого поста, и умчалась вдогонку за солнцем. Харр было шарахнулся от нее, но потом оглядел с ног до головы Сорка, задумчиво почесал в затылке и с невыразимым сожалением скинул свой неподражаемый капот. Порывшись в груди одежды, он отыскал светло-серый камзол, весьма похожий на тот, что был надет на Сорке; натянул со вздохом.

— На столы подано! — донесся из корабля голос, воодушевление которого свидетельствовало о том, что подано обильно.

— Идем, Харр, — просто сказала принцесса. — Тебе как путешественнику будет любопытно.

Они ступили в шатер, освещенный всеми лампами и фонариками, которые нашлись на корабле. Харр по-Харрада застыл на пороге, и лицо его против воли приняло неодобрительное выражение.

— Что-нибудь не так? — любезно осведомилась мона Сэниа. — Ты — мой гость, так что скажи, что тебе не по нраву.

Гость замялся.

— Давай, телись! — Подошедший Флейж легонечко хлопнул его по спине. — Еда стынет.

Гость еще раз окинул взором роскошное убранство помещения, золоченые — от сглаза — блюда, драгоценные кубки. Пошевелил валиками бровей:

— Я почитал тебя прекраснейшей и мудрейшей из женщин... во всяком случае, из оставшихся в живых. Но я никогда не заподозрил бы тебя в жадности...

— В жадности?! — воскликнули хором трое джасперян — так велико было их изумление.

— Ты несметно богата, — пояснил он, плавным движением разводя четырехпалые ладони, словно лаская ими колышущийся ворс бесценных ковров, — несравнимо богаче любой стоялой караванницы. Так зачем же тебе понадобилось нанимать меня, отправлять своего супруга и преданных ему воинов на погибель в самый Ад — чтобы добыть еще один клад, не так ли?

Наступило неловкое молчание, прерванное печальным вздохом принцессы:

— Ах, вот оно что. Проследуй к столу, Харр по-Харрада. Ужин стоит того. А потом ты услышишь, может быть, самую грустную из всех историй, какие тебе приходилось узнавать... Прошу.

Все уселись. Однако гость не торопился приступить к еде — он внимательно и неоскорбительно всматривался в то, как едят джасперяне, затем по их примеру вооружился ножом и вилкой и принялся за сайгачий бифштекс с таким изяществом, словно с пеленок был приучен пользоваться столовыми приборами. Флейж округлил глаза, но, поймав предостерегающий взгляд принцессы, от шуточек воздержался.

Острые коготки царапнули локоть моны Сэниа — на скамье рядом с ней распластался Шоёо. Она принялась кормить его спелым гранатом, мысленно отмечая, что фаза наиболее интенсивного поглощения пищи, пожалуй, уже миновала.

— А вот теперь, Флейж, ты без лишней торопливости можешь поведать нашему гостю, какая беда привела нас обратно на Тихри и заставила искать дорогу в ледяной Ад, — проговорила принцесса, слегка откидываясь назад и прикрывая ресницы, словно исключая себя из вечерней беседы.

Флейж, безмерно удивленный ее повелением, слегка оттопырил нижнюю губу: уж если рассказывать обо всем, что приключилось с ними на Тихри, то кому, как не ей самой было знать все подробности их далеко не добровольного пребывания на родине Харра! Или, на худой конец, она могла отдать этот мягкий, завуалированный приказ Сорку как старшему. Но она выбрала его. Не потому ли, что он был другом Скюза? Но тогда чего она от него хотела — чтобы легкомысленный, непостоянный Скюз, несравненный стрелок, впервые в жизни полюбивший по-настоящему, стал главным героем разыгравшейся трагедии? Но ведь Флейж-то не был свидетелем несчастья, постигшего его товарища. Там была только сама принцесса, а она почему-то не хочет открывать никому тайну гибели своего лучшего дружинника. Несомненно одно: имело место черное чародейство — и, возможно, заклятие молчания. Да, наверное, так и есть.

Он шумно вздохнул, как перед тяжелым препятствием, и начал рассказ. Повествование получалось суховатым и отнюдь не красочным — там, где не было места язвительным шуткам или откровенному скоморошеству, его красноречие являло миру позорную плешь.

Мона Сэниа слушала, отгородившись на редкость удавшейся ей маской усталой невозмутимости. Все так. Изуродованный с малолетства злополучный князь. Два сибиллы: выживающий из ума старый пенъ и расцветающий махровым цветом сукин сын. Огненнокудрая девочка, прозванная Светлячком. И ни разу — имя Скюза. Только — «один из нас, полюбивший ее и изведенный неведомой волшбой».

Флейж умолк, и в вечернем покое разлилась нестерпимая тишина. Мона Сэниа удивленно подняла глаза на Харра — за все это время он ни разу не прервал рассказчика, хотя явно принадлежал к тому типу певцов-самоучек, которые слушают других с небрежным, хотя и заинтересованным видом, как бы априорно отменяя их как соперников, и время от времени отпускают глубокомысленные замечания. Но нет, с первых же слов печального повествования он, приоткрыв рот, замер в такой неестественной неподвижности, что, казалось, даже только что проглоченный кусок остановился у него в горле.

— Рот закрой, — сказал Флейж. — Я закончил.

Харр сделал глотательное движение и некуртуазно утерся ладонью.

— Хуже перечного ореха, — признался он, — до слез пробрало... Ну а как же ты, владетельная, до скончания дней прокукуешь на этом свином пятачке? Да тут и рогата не выпасешь!

— Я дала слово, — сухо бросила принцесса, досадуя на то, что он угадал ее тоску по просторам Равнины Паладинов.

— Игуана — остров большой, — поспешил вмешаться Сорк. — Эта гора — только западная его оконечность, а к востоку он протянулся настолько, что двух дней пути не хватит, чтобы проследовать на коне вдоль его станового хребта. Правда, лес весьма дремуч, на твоём рогате и не проедешь...

— А что это значит — Игуана? — певец был, не смотря на три полных кубка, трезв и дотошен.

— Это — нездешня ящерица, — пояснил Флейж. — Когда мы выбирали себе пристанище, оглядывая Лютые острова сверху, из-под облаков, командор Юрг соизволил назвать его земным словом. Как-то приклеилось.

Мона Сэниа невесело улыбнулась — действительно, остров, неожиданно громадный среди мелких, тянувшихся плавной дугой островков-бусинок, из подне-

бесья походил на заснувшего крокодила с головой, обращенной на закат. Замкнутое кольцо каменных стен венчало эту «голову», точно доисторическая корона. И вообще все на Игуане дышало странной смесью первозданной древности и юной свежести начала лета

— Ну ладно, — по-хозяйски распорядился Харр, хлопнув черной ладонью по белоснежной салфетке. — Погоревали, и будет. Завтра с утречка собирай сибилл-колдунов, чтоб этот занюханный островок пре-вратить...

— Уймись, — оборвал его Флейж. — Ни сибилл, ни чародеев у нас на Джаспере не водится. В других мирах — да, попадались. Зело занято было, хотя и не всегда безопасно. Но здесь уж мы как-нибудь... Без волшебства.

Без волшебства. Мона Сэниа вдруг поняла, что скупые звуки двух простеньких слов вмещают в себя всю ее будущую жизнь. Любовь — да. Материнство — да. И дружба. И преданность. И верность своему слову.

Но все это — без волшебства.

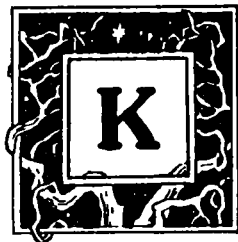
— Мне пора, — проговорила она, порывисто подымаясь и оставляя недопитым свой кубок. — Нет-нет, не расходитесь — наш гость наверняка захочет побольше услышать о новой для него земле. И позаботьтесь о его ночлеге.

Створки люка сошлись за ней, повинуюсь мысленному приказу. Вечерние жуки-фонарики, кружа под потолком, наполняли уютное гнездышко мерцающим принудительным покоем. Тихонечко посапывал в соседней горенке спящий сын. Завтра здесь будет и Юрг, ее звездный эрл и желанный супруг.

А вот волшебства не будет.

IV. СПУГА И ПОВЕЛИТЕЛЬ

амень под босыми ступнями, еще не отдавший ночи тепло летнего солнца, был оглажен ветрами, но достаточно шершав, чтобы подошвы не скользили. Мона Сэниа переступила с ноги на ногу, стараясь вобрать в себя свежесть перволунного часа, когда еще не потускнела

на западе золотая подоблачная полоска неба, словно отсекая светилу путь обратно, в сегодняшний день. Однако прохлады, такой желанной после нестерпимой духоты ее одинокого затворничества, она не ощутила. Странно, но здесь, на вершине самой высокой горы не только этого острова, но и всех окрестных островков, и не просто на вершине — на кромке каменной стены, венчающей почти отвесную гору, — здесь не чувствовалось ни дуновения.

Она жадно глянула вниз, где море, облизывая прибрежные камни и причмокивая при этом, сонно похрапывало, как великан, которому снится что-то лакомое. Черный лесистый берег уходил вправо, точно собирался дотянуться до низко висящей луны, которая

своим серебряным лучом, небрежно брошенным на поверхность воды, отделяла море от суши, словно рыцарский меч, лежащий между возлюбленными, на которых наложено заклятие безбрачия.

«Только умоюсь, честное слово, только умоюсь!» — прошептала она самой себе и, приглядев внизу плоский камень, в который упирался лунный луч, прыгнула вниз. Она так любила ощущение бездумного свободного полета, что не могла отказать себе в этой крошечной радости. Просторное ночное одеяние распахнулось, отдавая тело встречному потоку терпкого, напитанного морской солью воздуха, — несколько секунд, начисто сметающих все тяготы этого бесконечного, сумасшедшего дня. Долгожданная свежесть...

Резкий порыв ветра отбросил ее влево, вдоль каменного обрыва, и она чуть было не закувыркалась в воздухе, как подстреленная птица, но многолетние тренировки и чуткая готовность к беде сделали свое дело. «Камень!» — приказ родился как бы сам собой, и в следующий миг, пройдя через спасительное НИЧТО, она уже лежала, вжимаясь в скользкую, пропахшую йодом поверхность небольшого утеса. Ветер и здесь был если не ураганным, то, во всяком случае, столь сильным, что пришлось некоторое время пролежать, не подымая головы и недоумевая, почему при таком шквале море осталось совершенно спокойным.

Где-то в вышине тревожно закричала Гуен, снижаясь и переходя в штопор, и мона Сэниа, вскинув голову, увидела парус, черный на фоне пепельной луны, стремительно скользящий по тусклой дорожке.

— Гуен, жди команды! — успела крикнуть она, и птица, белой тенью мелькнувшая у подножия утеса, помчалась навстречу лодке и, взмыв, уселась у нее на носу, намертво вцепившись когтями в мокрое дерево и готовая в любой момент раскинуть гигантские крылья, чтобы заслонить свою новую хозяйку.

Лодка ткнулась носом в камень, остановилась. Гуден отчаянно захлопала крыльями, стараясь удержаться на форштевне; ветер вдруг стих, словно по мановению волшебного жезла. На лодке с жестким шорохом упал парус, и мона Сэниа увидела силуэт человека, прислонившегося к мачте. Она поплотнее запахнула на себе тонкое ночное одеяние и выпрямилась во весь рост. Почему-то не возникло ни естественного страха, ни желания исчезнуть. Она была хозяйкой этого острова, и ей принадлежало право первого слова.

— Понимаешь ли ты мою речь, чужеземка? — раздался звучный, хотя и не молодой голос — вновь бывший ее все-таки опередил.

— Да. — Она постаралась, чтобы и ее голос был наполнен силой и царственным спокойствием. — Так же, как и ты меня.

— Почему вы пришли на этот остров?

Она выдержала паузу.

— Потому что такова моя воля.

Он умел выдерживать паузы не хуже нее.

— Но все эти острова принадлежат мне.

— Тогда назови себя!

— Я — Алэл, король Первозданных островов, слуга и повелитель пяти сущих стихий.

— Мы зовем эти острова Лютыми, — вполголоса и чуточку надменно обронила она, словно поправила нерадивого ученика.

— Тогда твоя воля разошлась с твоим разумом, — послышался насмешливый ответ.

Принцесса почувствовала, как вспыхнули ее щеки. Луна светила ей прямо в лицо, и ее собеседник, кем бы он ни был на самом деле, сейчас пристально разглядывал ее, сам оставаясь в тени.

— Если этот остров — твои владения, то назови цену, и я заплачу тебе по-королевски! — запальчиво крикнула она — и осеклась, потому что почувствовала, что в ответ сейчас прозвучит смех.

Но незнакомец не проронил ни звука. Молчание затягивалось.

— Чего же ты хочешь? — не выдержала все-таки принцесса. — Войны? Если только так, то я завоюю этот клочок земли. Не сомневайся.

Вот тут-то он и засмеялся:

— А я и не сомневаюсь. Ты бросишься в драку со сжатыми кулачками. Потому что ты просто упрямое, капризное дитя.

В его словах было столько отстраненной, замкнутой только в нем самой грусти, что мона Сэни сдержала резкий ответ. Снова наступила тишина, и вдруг она поняла, что он вовсе не нагнетает ощущение величия, а пристально высматривает в ней что-то необходимое.

— Ты приплыл сюда в ночной темноте не для того, чтобы потешаться над безоружной женщиной. Спрашивай. Я отвечу.

Он сделал было шаг вперед, но потом откачнулся и снова прислонился к мачте. Еще некоторое время помедлил.

— Ты говоришь со мною как равная с равным, — проговорил он задумчиво, адресуя слова скорее себе самому, чем стоящей перед ним незнакомке. — Ты понимаешь нашу речь, но на твоих плечах нет пернатого отродья, которого наши прапрадеды именовали кэррирегом. И ты не исчезла при моем появлении, как сделала бы любая женщина, рожденная на Величайшем-Из-Островов.

— Почему ты не решаешься просто спросить меня, кто я такая, король Алэл? Я дочь повелителя Джаспера, принцесса Сэниа.

Казалось, иного ответа он и не ожидал. Его поклон был сдержанным, ответ — почти равнодушным:

— Я приветствую тебя, дочь владыки Величайшего-Из-Островов.

Ах, вот оно что. Ему нужно было подчеркнуть, что островной народ не признает ее отца своим королем.

— И, как равная мне по крови, но младшая по годам и опыту, — продолжал Алэл, — ответь мне, какая... дорога привела тебя сюда?

Ну конечно, по его интонациям чувствовалось, что вместо элегантного «дорога» он чуть было не употребил отнюдь не дипломатический термин «придурь». Островного королька следовало поставить на место.

— Мне просто некуда было лететь... Я изгнана из родной земли, — ответила она с обезоруживающей доверчивостью, неожиданной для нее самой.

— Летать, стало быть, ты умеешь... — пробормотал он и сразу же спохватился: — Какая из подвластных мне стихий может помочь тебе вернуться на родину?

— Благодарю тебя, добрый король. Но преградой мне служит не сила, а данное мною слово.

— В чем же была твоя вина? — он снова спрашивал, как старший по возрасту.

— Я... нет, не я — мой супруг, звездный эрл Юрген из рода Брагинов, нашел способ освободить джасперян от власти тех, кого ты назвал пернатым отродьем, а мы именуем крэгами. Тогда они похитили моего новорожденного сына...

— Сына? — вырвалось у Алэла.

— Да. Мое изгнание — плата за его освобождение. Изгнание и отказ от дальнейшей борьбы.

— Тогда тебе предстоит долгая и безоблачная жизнь, принцесса Сэниа! Вернись же к тому, кто сделал тебя счастливейшей из жен, и скажи ему, что я... м-м-м... подарить тебе этот остров я не могу, это противно нашим законам; но я отдаю его тебе в ленное владение на любой срок, какой ты только пожелаешь.

— Ты безмерно щедр, король благословенных островов! Я благодарю тебя от всей души, а завтра, как только мой супруг прилетит сюда, он присоединится ко мне в глубочайшей признательности...

— Значит, он тоже способен летать? — пренебрегая учтивостью, перебил ее Алэл.

— Может быть, я делаю ошибку, поверяя тебе все тайны моей семьи, но мне, принцессе, претит лгать тебе, приютившему меня королю. Нет, мой супруг не обладает этим даром. Он рожден в чуждеальном мире, где я повстречала его и где даже для краткого полета требуется особое волшебство. Его доставят на этот остров воины из моей дружины.

— Значит, ты будешь не беззащитна...

Странные интонации Алэла навели ее на мысль, что он сказал не то, что думал, — и уж не пожалел ли он о своем преждевременном и скоропалительном даре?

— Кроме моей семьи, со мной будут семеро верных — вернее не бывает! — дружинников и один гость... совсем издалека.

На некоторое время король Алэл замолчал, раздумывая.

— Можешь ли ты дать слово, принцесса Сэниа, — медленно и внушительно проговорил он, — что никто, кроме перечисленных тобою людей, не узнает о том, что целый народ живет на Первозданных островах? Вы ведь до сих пор считали их необитаемыми.

— Да. — Ответ был тверд и однозначен. — Я даю слово за себя и за своих людей. И это слово будет нерушимо. Чем еще я могу оплатить тебе ленное владение этим островом?

Ей показалось, что он как-то еще глубже ушел в тень.

— Я возьму это сам, — проговорил он негромко. — Но не пугайся — я возьму то, что от тебя не отнимется. То, о чем ты не пожалеешь. И то, о чем ты не узнаешь.

Эта речь как-то не прибавила спокойствия ее душе.

— Но...

— Возвращайся в свой дом, счастливая принцесса. Сегодня я властвую над стихией воздуха, и мою лодку понесет ураган.

— Но как я снова найду тебя, король Алэл?

— Ты же видела мою лодку.

Он сделал какое-то движение, и парус со скрипом выметнулся вверх, как язык черного пламени. Гуен, молча восседавшая на носу лодки, как живой щит между принцессой и Алэлом, тревожно взмыла в воздух. И тогда мона Сэниа увидела, за что держались цепкие птичьи когти: форштевень заканчивался маленькой резной фигуркой насекомоподобного существа с выпуклыми многогранными глазами.

И она почувствовала, что в глубинах ее памяти шевелится какое-то воспоминание — те же изображения, но не деревянные...

Парус хлопнул, расправляясь, и струя ветра, рождающегося, как ей показалось, прямо из многометрового обрыва, едва не сбил ее с ног. Лодка полетела прочь, едва касаясь воды.

И ни слова прощания от короля, лица которого она так и не увидела.

На остров сыпались сервы — оружейники, кухонники, скотопасы.

— Довольно, Эрромиорг, довольно! — крикнула мона Сэниа. — Все цветы перемнут!

Она суетилась, стараясь к прилету Юрга придать небольшой долине обжитой вид. Но домашний уют никогда не был ее стихией, и она гоняла сервов от одной каменной стены к другой, тщетно пытаясь совместить девственность голубой лужайки со всеми аксессуарам джасперянской цивилизации, дополняющими их крошечный замок, слепленный из пяти кораблей.

В довершение всей этой неопишуемой суеты под ногами джасперян постоянно путался Харр по-Харрада,

который, естественно, лучше всех знал, что, как, куда и какого черта. Флейжа, уже ознакомленного в общих чертах с анналами тихрианской мифологии, все время подмышало спросить, кого он имеет в виду — ведь чертей ни на Тихри, ни на Джаспере отродясь не водилось, и это крылатое выражение ввел в обиход звездный эрл — вероятно, на его Земле эти алчные, всё и вся подбирающие существа встречались на каждом шагу; он решил обязательно узнать у Киха, когда он вернется вместе с командором, как выглядят эти земные сервы-ассенизаторы. Задавать какие-либо вопросы тихрианскому гостю он уже заклился — в ответ приходилось выслушивать затейливую и не всегда пристойную легенду, коих странствующий менестрель знал невероятное количество, благо профессия обязывала к тому.

Пристроить Харра к делу сумел рассудительный Сорг: он связался со всеми дружинниками принцессы, пребывающими сейчас в отчих домах на Равнине Паладинов, и нашел-таки у одного из них серва-наставника, запрограммированного на обучение мальчиков ратному ремеслу. Юркий коротышка, вооруженный тупым мечом, на недолгое время стал ангелом-спасителем Игуаны; но голоса дружинников, звеневшие, как натянутая тетива, неумной тревогой за свою принцессу, поминутно долетали сюда в непрощенной заботе и заставили в конце концов Мону Сэниа пригласить всех на вечернее застолье. Она понимала, что досадная и прямо-таки катастрофическая неудача в Адских Горах сулит им еще не один поход — и, возможно, не только на Тихри; и тем не менее сегодня она, как никогда, хотела бы встретить своего звездного эрла в одиночестве. Лесная тропинка, стремительно сжимающая мир до зеленой коробочки, устланной пушистыми мхами и прикрытой сверху колючими хвойными лапами; голос Юрга, шепчущий бессвязные слова о поспевшей землянике и

заповедной поляне... Какой же злобной, неистовой силой было проклятие крэгов, толкнувшее ее прочь из этого знойного полуденного, лесного рая? Она невольно оглянулась на щербатую стену, за которой по всему хребту этого протяженного, ящеричного острова топорщился непроходимый седовато-зеленый лес. Не может быть, чтобы там не было ни единой поляны и... Она вскинула руки и ладонями прикрыла аметистовые завитки драгоценного офита, погружаясь в успокаивающую темноту. Только так она смогла сдержать крик, который чуть было не вырвался у нее против воли: «Завтра! Все, все, все — завтра: пиры, походы, битвы, победы и поражения... Но сегодняшний вечер — мой!»

Но она была принцессой королевского рода владык Джаспера, и она опустила руки, раскрываясь навстречу вечернему свету и насущным заботам. Верная дружина хотела быть рядом — что ж, пришлось позвать всех.

— Флейж, — скомандовала она, — пусть пришлют из замка лафетный десинтор неможнее, нужно пробить в стене проход, через который эрл Юрген мог бы беспрепятственно попадать прямо в лес. Затем мы проложим просеку для конных прогулок, возведем там конюшни, чтобы кони не топтали тут цветы, отгородим...

Флейж поклонился, глянув на нее как-то чересчур внимательно и понимающе — принцесса отвернулась, покраснев: конечно, он догадался, что весь ее созидательный пыл — всего лишь жалкая попытка унять терпкий мед желания, растекающийся до самых кончиков пальцев.

— Ну, что еще? — в отчаянии крикнула она, чувствуя, что дружинник за ее спиной медлит в нерешительности.

— Но, владетельная принцесса, тогда вход в эту долину будет открыт для любого...

— О, древние боги! Во-первых, здесь никого, кроме нас, нет, а во-вторых, пробьем дыру точно по размеру малого корабля, и тот, на котором мы прилетели с Тихри, вдвинем в отверстие, чтобы он стал одновременно и воротами, и, если потребуется, сторожевой будкой.

За этим многотрудным занятием и застал их Юрг, свалившийся, как это бывает с долгожданными гостями, как снег на голову. Стукнувшись пятками о землю, он тут же завертелся волчком, отыскивая глазами жену, так что Ких, державший его за пояс, едва успел отдернуть руку. Но тут из темного жерла тоннеля, которого вроде бы раньше не было, донесся пронзительный чайчий вскрик, и тут же кольцо смуглых обнаженных рук замкнулось на воротнике его фирменного тренировочного костюма с эмблемой Лаясского космодрома.

— Ф-фу, что это на тебе? — Принцесса, донельзя смущенная тем, что позволила себе при посторонних проявить чувства, приличествующие простым смертным, нашла предлог отступить на шаг и гадливо сморщить носик.

Костюм был изысканного цвета гусяного помета.

— Виноват, не при камзоле, — мгновенно сортировался Юрг. — Но торчать всю ночь в больничном коридоре, потев в скафандре — это как-то неуместно для благородного эрла.

— Ну и?..

— Ну и все в порядке. В определенных рамках, разумеется. Понимаешь, когда этот придурковатый дэв нас прихлопнул... да не пугайся, дэв как дэв, и прихлопнуть нас ему не удалось — так вот, мы со Стаменом стояли на коленях, ситуация была такая, и сдуру закрепились вакуумными присосками. Автоматический рефлекс сработал. Если бы не крепления, нас попросту унесло бы ураганом, как наших мальчиков, и никаких заморочек. А тут мы повалились в

разные стороны, ноги рядышком, их и не тронуло. Меня вообще не задело, то ли дэв этот сиволапый ожегся, то ли магия ему какая-то померещилась. Но Стамена он достал, и как раз там, где получалось дальше всего от меня — руки, плечи... Короче, ребра ему дэв стиснул так, что чуть не все треснули, руки разmozжило — вот только голова уцелела, шлем оказался надежнее всего.

— И ты говоришь — все в порядке?

— Так его ж латали чуть ли не всю ночь! Косточки склеили, осколочек к осколочку, вот только два пальца на левой руке спасти не удалось — ампутировали. Так что в горы ему теперь не ходить...

— А ты? — тихо проговорила она.

— А со мной тоже что-то неладное, только в другую сторону. Ну дэв меня не тронул, испугался — это его личное дело, потом я у него как-нибудь дознаюсь, что к чему. Но вот мою кровь переливали Стамену, так потом чуть ли не весь персонал больницы сбежался на меня посмотреть — у пациента, говорят, началось ураганное заживление ран. Впервые в медицине. Кровушка у меня на анализ выкачали полведра! Ничего не обнаружили, однако. Я обещал через пару дней снова навеститься, оздоровительную процедуру повторить. Только вот Стамену в глаза глядеть не могу...

Они стояли под вечерним, почти тихрианским солнцем и не могли наговориться. Обоим казалось, что сделай они хотя бы полшага друг от друга — и снова разнесет их по разным планетам, чужим мирам.

— Ты же голоден! — спохватилась она.

— И не только...

— Переоденься, смотреть на тебя срамно. Как скоророх. Вон, возле кораблика — плащи, камзолы.

— На себя посмотри — вся в пыли. А еще принцесса! Ты что тут без меня, каменотесом заделалась?

Ответить она не успела — по отсыревшей траве зашлепали громадные сапоги, и Харр по-Харрада, вышагивая, как страус, приблизился к ним, сжимая обломанный меч в левой руке. В правой он, точно битую птицу, тащил за ноги многострадального серва. Тот, болтаясь вниз головой, издавал икающие звуки, что для безгласных сервов вообще было недопустимо.

— И меч дрянной, и истукан этот железный годится лишь на то, чтоб орехи им колоть, — заявил он безапелляционно.

— А ты откуда тут взялся, солнышко ты мое закопченное? — изумился благородный эрл.

— Ан-н-нгажирован на прогулочный тур! — с французским прононсом возвестил менестрель.

— Ну и насобачились же наши транслейторы — «ангажирован»! — буркнул себе под нос раздосадованный командор. — А больше ты никого на сегодняшней вечер не пригласила на маленький фуршет?

— Сейчас соберется вся дружина...

Юрг, постанывая, медленно наклонился к жене, подыскивая приличествующие выражения.

— Я их всех... оч-чень люблю, — процедил он, почти не разжимая губ; — я их всех очень, очень, очень...

— А вот и остальные! — радостно возопил Харр по-Харрада.

— Ну тогда я пошел сынулю целовать, — безнадежно проговорил Юрг. — В смуглое пузечко.

Спустя час хлопоты по накрытию праздничного стола еще продолжались, хотя и хрустящая скатерть была брошена прямо на лугу, и в достатке скопилось вдоль золотящейся закатным отсветом стенки по-дневному теплого кораблика всяких кувшинов, заиндевелых бутылей и тончайших графинов-недотрожек. Переносные жаровни с углями, раздутыми еще в асмуровском замке, отзывчиво попыхивали навстречу каждой капле оленьего жира, стекающего с верте-

ла; дразнящие воображение ароматы витали над все прибывающими и прибывающими блюдами, как призраки всевозможных злаков, трав и живности, обращенных в яства. И совсем иным духом тянуло из непроглядной темени овального тоннеля, ведущего, если верить запаху, прямо в заросли смоляной хвои, чьи корни впоены круто просоленным мелководным морем.

Юрг огляделся: ждали только Эрма. Все семеро дружинников вкупе с их чернокожим гостем хлопотали над сервировкой, так сказать, стола, причем усилия шестерых джасперян в основном были направлены на то, чтобы унять чрезмерную активность самозванного рыцаря с Тихри. Мона Сэниа удалилась в шатер — переодеться и покормить Ю-ю. Ненужные сейчас сервы замерли молчаливой шеренгой вдоль восточной стены, слева и справа от прохода, в глубине которого смутно угадывались контуры кораблика с широко распахнутыми сквозными люками.

И в этот миг оттуда, из почти непроницаемой глубины ночного леса, донесся тот же замирающий, птичий вскрик, которым встретила его жена — только он был тише, приглушеннее, ибо адресовался теперь ему одному. Ни секунды не колеблясь, Юрг ринулся на голос, благословляя всех здешних и земных богов за то, что Сэнни догадалась вылететь за пределы их чертовски многолюдной и уже до безобразия захламленной долины. Он проскочил через сторожевой кораблик с двойными воротами, утонул по щиколотку в податливом, оседающем под ногами мху и с размаху врезался лбом в первое же попавшее дерево.

— Сейчас соберется вся дружина... — проелестело из глубины леса.

Он вскинул руки и двинулся дальше на ощупь, пробираясь меж чешуйчатых стволов, оставляющих на ладонях душистые смоляные подтеки. Чуть мерцающий силуэт высветлился ему навстречу, и следующий

его шаг отозвался внизу слабым потрескиванием, словно взрывались крошечные петарды. Он невольно глянул под ноги — там, загораясь красными искорками, стремительно наливались пламенем и лопались огненные бутоны, и вот уже вся полянка — лесное гнездышко для двоих — была очерчена рдеющими цветами мифического папоротника. Стойкий дурман нереальности на какой-то миг остановил его, но мерцающее видение поплыло навстречу, словно не касаясь земли, замерло в полушаге, зябко кутаясь в какое-то призрачное покрывало; он медленно опустился на колени, неощутимо для себя пьянея от коричневого запаха неземных мхов и недобрым словом поминая земных эскулапов, так некстати выкачавших из мужика чуть не бочку крови — это после бессонной-то ночи! Не смея коснуться жены, тоже замершей в колдовском оцепенении, он тихонечко поднял ладони, предошущая невесомость ее ночных одежд... И в тот же миг она бросилась на него — не опустилась, не упала, а именно рванулась в гибком куньем прыжке, и цепкие пальцы хищно рванули космодромную куртку. «Фу, что это на тебе?» — донеслось словно издалека, но это уже отключался слух, и от всей обитаемой Вселенной оставалось только это застывшее, словно маска, смуглое любимое лицо, по которому скользили отсветы пылающих папоротниковых пентаграмм; и последнее, что осталось в его памяти, — немигающие глаза, в глубине которых застыл страх.

...Легкий, ускользающий шорох. Юрг по-собачьи встряхнулся — никого. Он похлопал рукой по земле, отыскивая одежду или то, что от нее осталось. Прокашлялся, освобождая легкие от приторного кондитерского благоухания, к которому примешивался душок подпаленной синтетики. Собрал силы и оттолкнулся от земли, выпрямляясь — ну, Сэнни, ну, девочка моя благонравная, не ожидал от тебя! Он и сам истосковался, но чтоб так... Он пошевелил губа-

ми и почувствовал, что они словно одеревенели. Ах, вот оно что — кажется, он попытался на прощание поделиться с ней своим восторгом, но она быстро приложила палец к его губам, и их ожгло прикосновением сухого льда. Вот до какой патологической обостренности ощущений доводит затяжное воздержание. А теперь неплохо бы сориентироваться, а то ведь славная дружина глотает слюнки у накрытого стола...

Врожденный инстинкт на пару со спецподготовкой космолетчика уверенно вывели его на опушку. Отсюда было видно, как за каменной стенкой, над теплой долиной, роится облачко мошкар, подсвеченное снизу пламенем то ли костра, то ли факелов. Гул голосов и... точно — лязг оружия.

Он бросился в овальный зев привратного кораблика и почувствовал, как за его спиной тут же замыкаются чуткие к мысленному приказу стенки. Добродушные возгласы дали ему понять, что ничего страшного не происходит, еще раньше чем он выбрался из тоннеля. Действительно, все собрались вокруг расстеленной на земле необъятной скатерти, и только долговязый Харр и приземистый широкоплечий Пы прыгали друг против друга, без малейшей осторожности размахивая боевыми мечами и тем потешая почтенную публику. На появившегося командора тактично не обратили внимания как на человека, на минуточку выходявшего по малой нужде. И на том спасибо. Он нога за ногу доплелся до уже облачившейся в парадный узорчатый плащ принцессы и плюхнулся на траву, моля бога, чтобы как-то сдержать блаженную ухмылку на своем командорском лице. Он не дал бы голову на отсечение, что у него получилось. Между тем безнадежно ничейному поединку пора было кончаться, и далекий от истинно рыцарского духа Харр по-Харрада решил этот вопрос по-своему: неожиданным движением выбросил вперед свою громадную,

как у страуса, ногу и могучим пинком в грудь отбросил закувыркавшегося противника прямо в объятия заулюлюкавших дружинников.

— Это ты где таким подлым приемчикам обучился? — завелся было Флейж, но принцесса остановила его одним царственным жестом:

— Завтра, доблестный Фрагорелейж, ты продолжишь обучение нашего гостя как боевым искусствам, так и рыцарским канонам. Вы вместе с Эрромиоргом покажете ему мой замок, в котором он волен оставаться столько времени, сколько пожелает. А затем он сможет вернуться на родину, если только никто из вас не захочет проявить гостеприимство, которым так славен зеленый Джаспер, и пригласить его в свои владения.

Дружеский хор однозначно дал понять удачливому страннику, что приглашения уже последовали.

— Но это — чуть погода, — остановила их принцесса. — К сожалению, повод, по которому я вас собрала, далеко не так радостен. Мы потерпели неудачу, и нашей вины в том не было... Впрочем, об этом вы все уже друг от друга слышали. Но не все еще знают, что перед тем, как покинуть Тихри, я получила послание.

— Час от часу не легче! — невольно вырвалось у командора. — Это от кого же?

Принцессе показалось, что в голосе мужа проскользнули ревнивые нотки, но сейчас было не до мелочей.

— Отправитель предпочел остаться неизвестным. А в послании говорилось...

Она опустила ресницы, сосредоточиваясь, и, старательно выговаривая каждое слово, повторила четыре загадочные строчки, принесенные тихрианской вестницей.

— Покажи-ка оригинал! — потребовал командор, протягивая руку.

— Ты забыл, благородный эрл — на родине Харра послания приносят молвь-стрелы. Голоса они не воспроизводят.

Юрга слегка покорила официальность ее обращения, но он тут же решил, что жена права — пирушка с самого начала превращалась в деловое совещание.

— Сибилло, — с уверенностью заключил он. — Сибилло, старый хрыч. Решил снова побаловаться предсказаниями, чтобы о нем ненароком не забыли.

— Князь Лроногирэхиhaуд считает, что это не так, — возразила принцесса. — Шамана не было при княжеском дворе, и ему даже не сообщили о том, что мы снова вернулись на Тихри. Об этом знал крайне ограниченный круг людей.

— Прекрасно! Значит, нам нетрудно будет найти отправителя. Итак, знали стражники, окружавшие наши корабли. Отпадают в силу природной и благоприобретенной тупости. Кто еще?

— Солнцезаконники, принявшие и передавшие птицу.

— Ну эти узнали, так сказать, постфактум, когда получили в руки эту канареечку.

— Если мне позволено будет заметить, — вмешался обычно молчаливый Дуз, — то это лучший способ скрыть отправителя — послать весть по кругу, чтобы она вернулась в собственные руки.

— В этом что-то есть, — согласился Юрг. — Значит, вся эта кодла жрецов остается на подозрении. Кстати, они могли о чем-то разузнать, когда в лагерь Лронга пришло сообщение о нашем появлении и он так поспешно куда-то отбыл, не прихватив с собой даже сибиллы. Кто еще?

— А еще сиробабые, — неожиданно вмешался Харр. — Они же видели вас в строфионовой степи!

— Ну это аборигены из тех мест, где мы подцепили нашего проводника, — уклончиво ответил Юрг на

немой вопрос моны Сэниа. — Малые со странностями, которые, по-видимому, и слыхом не слыхали об Адовых Горах, а тем более об имеющих там место событиях.

— Да, — легко согласился менестрель, — к тому же молвь-стрела не пролетела бы два леса и всю ширину дороги Аннихитры. Но вы хотели перечислить всех...

— Ты молодец, по-Харрада, и впредь не держи в уме, если имеешь что сказать, — ободрил гостя командор. — Значит, придется еще раз нанести визит Лронгу и устроить что-то вроде мозгового штурма, как это называется у нас на Земле. Пригласить мудрых — и не очень — старцев, наиболее лояльных жрецов. Я думаю, для этого достаточно нас с уже зарекомендовавшим себя Сорком. Возражений нет?

— Возражения есть, — твердо сказала принцесса. — Я все-таки гораздо лучше знаю и князя, и сибиллу, и старого Рахихорда. К тому же этот совет продлится недолго. Так что на Тихри отправлюсь я... Ну конечно, не одна. Поскольку нашей стороне придется там только слушать и запоминать, а никакой особой мудрости не понадобится, то я возьму с собой Пы, за которым буду чувствовать себя в безопасности, как за каменной стеной.

Она твердо поглядела на своего супруга, как бы говоря, что на этот раз возражений не примет. И не заметила, что на простодушном лице Пыметсу появилось выражение не свойственной ему растерянности: кряжистый здоровяк, мощь и сила джасперянской дружины, никак не мог сообразить, обижаться ему или кичиться: с одной стороны — «как за каменной стеной», с другой — «особой мудрости не понадобится»... И притом остальных дружинников на этом не совсем обычном пиру называли полным именем, а вот его — только кратким. Как это бывает с весьма ограниченными людьми, Пы выбрал обиду...

— Тогда мы все останемся охранять юного принца, — воскликнул Ких, по молодости не всегда соблюдавший правила этикета.

— И я! — не замедлил вскочить на ноги Харр по-Харрада.

Его движение испугнуло Гуен, занимавшую свой обычный сторожевой пост на верхушке шатрового корабля, и она принялась описывать бесшумные круги над скатертью, уставленной блюдами со всевозможным мясом, одинаково лакомым как для людей, так и для пернатых. Но кольцо факелов, воткнутых прямо в землю, отпугивало хищницу.

— Всех не надобно, — возразил командор, — достаточно будет двоих. Борб и Дуз, вы ведь уже повидались со своими родными? Да? Завтра мы с женошкой проведем исключительно в узком семейном кругу, а вот послезавтра, пораньше с утречка, прошу сюда. В это же время будем принимать от всех желающих устные соображения по вопросу о двух амулетах, ежели таковые за этот день у кого-нибудь появятся. Ну а теперь вернемся к нашим кубкам и посмотрим, не пересохло ли в них вино!

Харр по-Харрада понял его дословно и метнулся к кораблю, вдоль стен которого выстроились полные емкости. Глядя на его нелепую, с точки зрения джасперянки, долговязую фигуру, мона Сэниа вдруг подумала, что ее эрл, пожалуй, несколько преждевременно обратил взоры собравшихся к хмельным напиткам — у нее имелось еще одно сенсационное сообщение, которым следовало поделиться с дружинниками, коль скоро они будут постоянными гостями этих островов. Разумеется, предварительно следовало взять с них нерушимое слово, что, кроме присутствующих, ни одна живая душа, включая самого короля Равнины Паладинов (мона Сэниа уже не решалась называть отца королем всего зеленого Джаспера), не узнает до поры до времени о существовании островного народа.

— Я хочу... — начала она, постучав пальцем по гулкому глиняному кувшину с остатками терпкого верескового эля.

В этот миг Гуен зависла над Харром так низко, что его фигура буквально потонула в тени ее распростертых крыльев. И вместо чужеземного менестреля она вдруг четко увидела силуэт короля Алэла, предостерегающе качающего головой.

Сова взмыла вверх — возле кораблика снова стоял Харр.

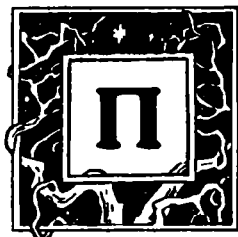
— Ты хотела что-то сказать, любовь моя? — шепнул Юрг, наклоняясь к ее плечу.

— Да, конечно. — Она подняла свой кубок и потрянула головой, отгоняя наваждение. — Пора наконец осушить наши кубки за зеленый Джаспер, за его сладкий воздух, за его прозрачные воды, за его тучную землю, за нежный огонь его доброго солнца...

Все молча ждали, когда она закончит свой тост. А она не могла никак придумать, какую же пятую стихию имел в виду островной король Алэл?..

V. МРАЗЬ БОЛОТНАЯ

ир тянулся вяло и невесело — командор клевал носом, мона Сэниа скрывала одной ей ведомые чувства под любезной миной хозяйки, и даже неугомонный Харр по-Харрада притих, поддавшись общему настроению. Эрм вполголоса рассказывал о том, с какой стремитель-

ностью разошлась первая партия офитов, переправленная в подвалы замка — прятать драгоценные приборы и смысла не имело, к ним с самого начала стали относиться бережно и почтительно, совсем как... Ну в общем, гораздо лучше, чем можно было ожидать. Непримириемые сторонники крэгов, еще совсем недавно осаждавшие замок мятежной принцессы, теперь терпеливо переминались в очереди, избегая, однако, разговаривать между собой. Пока, правда, не прибыло никого из восточных пределов, где лежали земли покойного Иссабаста, и самое главное — ощущалась острая нехватка детских светоносных обручей. Юрг машинально кивал, стараясь бороться с отупляющей усталостью, Ких обещал завтра же на рассвете слетать на Землю (ишь, расхрабрился младшенький!), где

должны были загрузить новыми офитами оставленный ими на земном острове кораблик. Кто-то догадался впервые поинтересоваться, а как называется этот клочок земли, ставший первой на планете Звездной Пристанью; Юрг попытался вспомнить... Барсучий. Да, точно. Недоумение пирующих показало, что с таким зверем на Джаспере не знакомы. Юрг попытался описать среднеевропейского барсука, запутался, махнул рукой и пообещал привезти парочку на развод — на предмет обогащения джасперянской фауны.

Стало ясно, что пиршество пора кончать.

Смущенно улыбаясь, принцесса попросила Пыметсу препроводить командора в его покои; дружески извинившись, отпустила остальных дружинников. Когда они исчезли, прихватив с собой суматошного тихрианина, она по-хозяйски проверила надежность сторожевого поста — недремлющую Гуен, в распоряжении которой оставались почти не тронутые кушанья. Вошла в шатер и, попрощавшись с Пы, наложила на все корабли заклятие: их стены не открылись бы теперь ни для кого, кроме нее самой. Попытаться же перелететь через НИЧТО и материализоваться внутри самого корабля никто из ее дружины не посмел бы, а посторонний, не увидавший хоть мельком убранство шатра изнутри, просто не мог. Ну вот и все. Она сбросила на пол тяжелый драгоценный плащ и вынула из волос жемчужную булавку, чтобы они рассыпались по плечам, как это любил ее муж.

Замирая, на цыпочках переступила порог своей разубранной, как драгоценная шкатулка, комнатки.

Юрг, ее звездный эрл, лежал на пушистом светло-сиреневом покрывале, не снимая сапог, и его могучий храп заставлял вечерних светляков испуганно жаться к самому потолку.

Юрг открыл глаза и с недоумением уставился в потолок, сверкающий аметистовыми блестками; скосил

глаза и увидел жену, понуро сидящую на краешке постели, — вид у нее был такой, словно она всю ночь не сводила с него глаз. Он сладко потянулся, хрустнув всеми отдохнувшими косточками, потом резко подскочил, оттолкнувшись лопатками от теплого ложа, и привычным движением сгреб Сэнни в охапку — «Доброе утро, малыш!» — не оставляя ей ни малейшей возможности хотя бы шевельнуть губами в ответ.

— Вчера я не сказал тебе самого главного, — то-ропливо проговорил он, целуя жену после каждого слова. — Ты теперь (чмок) жена (чмок) полномочного представителя (чмок) планеты Земля (чмок-чмок). Сейчас ты почувствуешь себя в новой дипломатической роли...

Следующие полтора часа она чувствовала себя в новой дипломатической роли.

А затем протест заявил Ю-ю, которому надоело дергать за хвост долготерпеливого Шоёо.

И только за весьма поздним завтраком (сервы в буквальном смысле слова закрыли своими телами несколько тарелок со снедью от хищных притязаний Гуен) мона Сэниа решила, что пора поставить полномочного представителя в известность о том, что на Джаспере сосуществуют две великие державы. Она предчувствовала, что это сообщение будет принято, мягко говоря, неоднозначно, но ее бесстрашный командор перепугался так, словно обнаружил под со-звездием своих корабликов килотонную бомбу.

— Все! Хватит с меня всей этой чертовщины — пернатой, двуногой, видимой и невидимой! Хватит с меня похищений младенцев! Собирай пеленки, я отправлю тебя с Ю-юшкой на Марс, там у нас небольшой исследовательский оазис. Пересидите несколько дней, пока я не придумаю, куда вас понадежнее упрятать.

— А почему — на Марс?

— О, дьявольщина, да только потому, что это — пока единственное известное мне место, куда еще не добрались крэги. На Земле, как ты помнишь, уже угнездилися их венценосный стервец. Непонятно только, как он туда попал... Хотя в данный момент это не столь существенно.

— Боюсь, что ты ошибаешься. С тем же успехом это пернатое отродье, как назвал их король Алэл, могло обосноваться и на Марсе — ты ведь рассказывал мне, что это пустынная и практически неисследованная планета. Самое подходящее место, ведь им даже не требуется воздух, чтобы дышать; чуточка света и тепла где-то между снегом и кипятком.

— Нам бы такую приспособляемость, — буркнул профессиональный космолетчик. — Мы бы уже всю Солнечную к рукам прибрали. А если бы к тому присокупить вашу способность к перелетам... Ох. Я только сейчас сообразил, что только один корабль мог доставить крэгов на Землю.

— Какой?

— Твой, душа моя. Твой, и как раз перед тем, как тебе пришла на ум блистательная фантазия заарканить «звездных волков».

— Нет, это невозможно, — решительно возразила принцесса. — Крэги не способны на перелеты через НИЧТО, и нам приходилось опускаться на все планеты, какие только попадались нам на пути, чтобы доставить их к месту вечного покоя. К твоей Земле мы даже не приближались. И потом, как они могли бы спрятаться на все время наших путешествий? Ведь они не обладают даром невидимости.

— Много ты знала об их способностях, когда... О, прости. Я не должен был напоминать.

— Не извиняйся, что было, то было, и, слава древним богам, это больше не стоит между нами. А что касается невидимости — что спорить? Спросим у Кукушонка.

Кликнули Кукушонка, несшего бессменную вахту в детской — тот подтвердил, что способность скрываться от человеческого взора им недоступна, потому что не нужна. В ответе чувствовался привкус прирожденного высокомерия, которого и сам Кукушонок, по всей видимости, не заметил.

— Трудно представить, что на такой густо заселенной планете, как наша, крэги существовали с незапамятных времен и никто их не заметил, — задумчиво проговорил Юрг.

— Этого и не могло быть — ведь если какая-то дружина уже посетила созвездие Костлявого Кентавра, то эта карта должна была навсегда исчезнуть из всех магических колод и уж никак не могла выпасть на долю Асмуре. Так что когда мы приблизились к вашему Солнцу, крэгов на Земле быть не могло.

— Тогда кто же? После тебя в Пространство уходил только корабль Иссабаста!

— Нет. Ему не могла выпасть вторично карта Кентавра. Исключено.

— Тогда остается предположить жутковатую штуку — что во Вселенной существует какое-то гнездовье этих дьяволов и Джаспер — всего лишь один из подчиненных ему миров. Ведь занесли же их откуда-то на вашу благословенную равнину!

— Скорее всего, это так и есть, и вряд ли они до сих пор не решили проблему своего передвижения...

— Да уж, такая сволочь вряд ли останется безлошадной. Но как же тогда быть с вашей безопасностью, малыши вы мои?

— Да никак, мой доблестный эрл. Мы остаемся здесь.

— Чтобы тебя зацапал этот королек?

— Ну он свободно мог проделать это при нашей встрече. Нет, муж мой, любовь моя, поверь мне: если

мне и придется искать защиты и убежища, то в первую очередь я обращусь к Алэлу. Я не видела его лица, но знаю твердо: это мудрый, бесстрашный но, похоже, несчастливый король. И, успокойся, в довольно преклонных годах.

— Знаем мы этих старичков... Между прочим, если ты не заметила на нем крѣга, то как же он тебя видел?

— Не знаю. Может быть, с помощью какого-то волшебства, а может быть... Нет, это невероятно. Такое не пришло мне даже в голову.

— Ты хочешь сказать, что он, а возможно, и весь его островной народ не потеряли зрение тогда, в Темные Времена?

— Не знаю, не знаю... Проще всего было бы спросить прямо у него, но... Он не пригласил меня в свой дом.

— Значит, ты и найти-то его не сможешь?

— Ну почему же. Он сказал: «Ты же видела мою лодку» — то есть мне есть куда направиться, если я решусь перелететь через НИЧТО.

— Ага, и врѹхаться в кучу рыбы или, что гораздо хуже, очутиться под градом стрел.

— Нет, я уверена, что это мирный и дружелюбный народ. Ну скажи, ты представляешь себе короля, который вот так, без всякой охраны, отправился бы на убогой лодчонке навстречу непрощенным чужеземцам?

— Псих, пацифист или колдун.

— Насчет последнего — да, он что-то говорил насчет пяти подвластных ему стихий. Но с чародейством — как с оружием: всегда рискуешь наткнуться на мага, который выше тебя в колдовской иерархии. Нет, что касается волшебства, то тут он рисковал. Представляешь себе, если бы на моем месте оказался какой-нибудь всемогущий проходимец вроде Кадьяна? И все-таки король Алэл в одиночку отправился

защищать свои владения. Знаешь, это вызывает уважение.

— Ну допустим, — нехотя уступил Юрг. — И как же он защитил этот остров от тебя?

— А никак. Он отдал его мне в ленное владение.

— Что, за красивые глаза?

— О, древние боги, ты неисправим. Король Алэл сказал, что сам выберет что-нибудь из того, что мне не очень нужно.

— Так, значит, в следующий раз надо прихватить с Земли побольше ярких бус, зеркалец и огненной воды.

Она не заметила шпильки в его реплике:

— О, зеркала — это самая диковинная вещь на Джаспере, они ведь по Уговору с крэгами были запрещены. А огненная вода — к чему она? Алэл сам может сокупить огонь и воду, раз уж эти стихии ему подвластны.

— Ты поняла меня слишком буквально, душа моя. И, черт бы меня побрал, как бы мне хотелось хотя бы один день прожить нормально, без волшебства!

— Что-что? — непроизвольно вырвалось у нее.

— Без волшебства, без шаманства, без магии — черной, белой, в полоску и в крапинку. Может, попробуем?

Естественно, на такое предложение она не успела даже ответить — стонущий ветер всколыхнул всю утреннюю, счастливую долину, и голос, хриплый до неузнаваемости, возвестил:

— Беда! Командор, принцесса, откликнитесь — беда!

— Эрм?.. — неуверенно отозвалась принцесса.

— Да, да! Прибыл посол от Джанибаста — да-да, лично. К счастью, все офиты уже были розданы. И он потребовал... — Голос ненадолго исчез, словно у сенешаля перехватило дыхание. — Он потребовал

прекратить доставку офитов, а те, которые уже имеются на Джаспере, — уничтожить. Да-да, все до единого!

— Успокойся, мой верный Эрромиорг. — Принцесса недоумевала: никогда старший из ее дружинников не говорил так бессвязно и не подтверждал ежесекундно собственные слова, словно боясь, что его недопоймут; что-то здесь было не так. — Следующую партию офитов мы сразу же укроем в подземелье, а то, что кто-то недоволен, — это мы предполагали.

— Это не просто «кто-то», это все восточные эрлы, лесные глухари, шваль болотная...

— Эрм?!

— Прости меня, принцесса, я забылся. Они называли себя «ревнители крэгов». И они не просто нам угрожают: они взяли заложницу.

— Как это — заложницу? — На этот раз принцесса действительно не поняла, о чем идет речь. Аманатов брали только в глубокой древности, сейчас это было такой же дикостью, как людоедство.

— Они захватили женщину... подругу одного из нас. И пригрозили, что если мы не выполним их требований, то они скормят ее жавру. Ее и младенца, который должен у нее вот-вот родиться.

— Дружина, ко мне! Все! Немедленно! — Этот клич вырвался у нее так страстно и столь грозно, что Юрг невольно схватил ее за руку — ему показалось, что она, позабыв обо всем на свете, сейчас исчезнет, ринувшись в неведомые восточные леса. Но она ничего не забыла — кровь отливала от ее лица, стынувшего в бессильной ярости, словно на него опускалась белая маска.

— Я не могу лететь с ними... — прошептала она. — Я не могу ступить на землю Равнины Паладинов...

— Спокойно, Сэнни, спокойно. — Для Юрга это сообщение не было такой уж ошеломляющей неужи-

данностью — может быть, оттого что на Земле подобные акции имели место в самом недалеком прошлом. — Сейчас главное не бросаться в бой очертя голову, а найти единственно верный тактический ход. Ага, Флейж... привет. Харра мог бы оставить в замке, сегодня нам не до песен. Борб, Дуз, оружия и тут хватает.

Не прошло, наверное, и двух минут, как все семеро дружинников уже находились в командорском шатре — с весьма шумливым приложением в виде тихрианского менестреля.

— Что, предстоит дельце? — Харр нетерпеливо потирал четырехпалые ладони — для него в словах Эрма, которые он слышал непосредственно, находясь рядом с ним в асмуровском замке, не было ничего экстраординарного — заложники на Тихри брались по любому поводу, а иногда и без оного. — А что это за звери — жавры?

— Жавр — болотный гриб. — Мона Сэниа не столько отвечала на его не совсем уместное любопытство, сколько доводила это до сведения своего мужа, который этого не знал, но решил не тратить время на восполнение пробелов в собственных познаниях о джасперянской флоре и фауне. — Это — чудовище, страшнее которого нет на зеленом Джаспере. Джанибаст, племянник покойного Иссабаста, разводил и поставлял жавров по ленному долгу.

— Это что, вроде шампиньонов? — все-таки вывралось у Юрга.

— Не совсем. Наши корабли — это оболочка старого, хорошо выдрессированного жавра.

Юрг и Харр невольно подняли глаза к потолку с каким-то почтением — ничего себе был гриб. Да еще и дрессированный.

— Как и ожидалось, не все согласны освободиться от власти крэгов, — продолжала принцесса, уже успевшая взять себя в руки и вернуть своему голосу

командорскую твердость. — Неожиданностью оказалось то, что они захватили в заложницы женщину... подругу одного из вас.

Дружинники изумленно переглянулись — было очевидно, что ни одного из них это сообщение непосредственно не касается.

— Прости меня, принцесса Сэниа, — проговорил Эрм, — я не успел закончить свое сообщение. Касаулта, захваченная людьми Джанибаста, была возлюбленной Скюза.

Наступило мертвое молчание, которое значило только одно: теперь в битве за освобождение Касаулты равны будут все.

— Так, — сказал Юрг. — Соображение у всяких подонков небогатое, следовательно, им пришлось в голову то, что доступно взору. Жавры что, находятся на территории замка Джанибаста?

— Какой там замок! — буркнул Эрм. — Сви-нарник.

— Скотобойня, — уточнил Сорк. — Нет, содержать жавра вблизи людей нельзя — всех переест. Их загоны — на окрестных болотах.

— Но все-таки это — замок Джанибаста, а не какой-нибудь другой.

— Дак вдарим по нему — увидим... — решил подавить голос Пы.

— Напасть на замок нетрудно, — оборвала его принцесса. — Но как только перевес будет на нашей стороне, они тут же перепрячут пленницу в другом замке... или хотя бы в лесу. И найти ее в дремучих чащобах будет просто невозможно.

— Значит, главное — установить место ее заключения, — деловито подытожил Юрг. — А разведка боем исключена.

— Если бы у нас был амулет невидимости... — прошептал Ких, вспомнив свои похождения в узилище Рахихорда.

— Но там, где увидят человека, могут не заметить маленького зверька, — раздался застенчивый голосок Шоёо.

Мона Сэниа наклонилась и подняла пушистый клубочек, свернувшийся у ее ног:

— Нет, милый малыш, ты уже однажды сослужил свою службу. Я не позволю тебе рисковать во второй раз. К тому же, чтобы кормить жавров, Джанибасту приходится все время охотиться, и на дворе у него полно охотничьих псов.

— Ну, значит, пойду я. В скафандре высокой защиты, — по-командорски распорядился Юрг. — Джаспер еще не вырос из парчовых пеленок рыцарства, так что к послу с белым флагом должны проявить почтение.

— Не знаю, насколько тебе это польстит, — решительно возразила принцесса, — но у этих подонков ты, несомненно, пользуешься особой симпатией. Так что для начала ты угораздишь в волчью яму, от которой тебя никакой скафандр не спасет, потом по подземному лазу тебя протащат в один из подвалов, где джанибастовы умельцы будут обращаться с твоим скафандром, как макака — с орехом.

— Ну, бог им в помощь, — буркнул выпускник военно-воздушной космической академии, уже сообразивший, что подобная нештатная ситуация не предусматривалась ни одной из тренировок. — Мне же даже щекотно не будет... Но проблема останется.

— Вот именно. Но кого же они все-таки пропустят за стены замка?.. — Вопрос был почти риторическим.

— Того, с кем они будут вынуждены считаться, — рискнул предположить Сорк.

— Нет. Они не посчитались с законом — следовательно, поставили себя вне королевской власти.

— Того, кто превосходит их силой, — уверенно произнес Флейж. — На родине командора имеется оружие...

— Нет. Земля может подарить вам лекарство, но даже примитивную атомную бомбу — никогда. Не говоря уж о современных видах вооружения.

— Ну тогда — того, кто удивит их, — сказал Харр. — До икоты.

Жавр был голоден, потому что голоден он был всегда. Всего один раз его накормили досыта, когда голова оленя с отпиленными рогами торчала у него из пасти, которую он был не в силах закрыть. Это случилось вскоре после того, как у него на темени, посреди пучка щупалец появился пульсирующий нежный нарост, который он поначалу заботливо прикрывал от дождя. Но со временем непрощенная шишка начала его беспокоить: у него появилась уверенность, что скоро там откроется еще одна пасть, с которой надо будет делиться пищей. Он попытался обхватить скользкий придаток щупальцем и придушить, но ничего не получилось. Огорченный жавр предался размышлениям, но тут как раз подоспели те маленькие и несъедобные, которые приволакивали звериные туши и охапки травы и сучьев; как ни странно, с ними не было человека — загадочного, непостижимого и сладостно притягательного существа, в котором и на расстоянии угадывалось так много солоноватой крови и нежнейшего жира, что аж щупальца сводило. Как правило, человек начинал с ним незатейливую игру в «откройся — закройся» или «темнее — светлее». Правила жавр понял с первого раза, но близость лакомой плоти и недосыгаемость оной для его щупальцев мучила его ум (если таковой у него вообще имелся) и заставляла ошибаться.

В тот раз человека не было, но зато в пасть угодило столько корма, что он замкнулся в блаженном удовлетворении и отключился от внешнего мира, потому что мир этот существовал для него только как источник сигналов для его ненасытной прорвы. Когда

же голод щекотливым непридушенным зверьком проснулся раньше его самого и вернул его к действительности, жавр ощутил на темени легкое жжение и, изогнув щупальце, привычного нароста не отыскал — была на больном месте смоляная нашлапка. Человек в игре был снисходителен, несъедобные покормили обильно, но не до отвала. Страх разделить ежедневный корм с непрошенным прихлебалой постепенно забылся, но осталась легкая тревога, что с ним против его воли могут сотворить непредугадываемое им действо.

Жавр, естественно, не мог и представить, что в самом недалеком будущем, года через три-четыре его накормят уже не сонной, а парализующей травой, ловко вставят распорки в судорожно раскрывшуюся пасть, и когда упругие щупальца превратятся в ослабленные плети, обрубят их и со страшным чавкающим звуком вытащат прозрачный кокон, наполненный полупереваренным кормом, из благодатного болота; проворные, как жуки, металлические существа заберутся в его нутро и выскоблят стенки до приятной замшевой шершавости, а затем набьют камнями и оставят на жгучем солнце, пока он, уже не живой, но и не мертвый, не превратится в то, для чего его столько лет и растили, — неуязвимый для любого оружия, но послушный человеческому мысленному приказу остов кораблика.

Вот и сейчас он следил за приближением какой-то живой твари без малейшей боязни — ему ведом был только страх голода. Лишенный от природы слуха, зрения и обоняния, он воспринимал только колебания зыбкой почвы и то неощутимое для человека веяние, которое исходит от любой плоти. Принимаемая им эманация отчетливо указывала на то, что эта тварь — человек; но, с другой стороны, вел он себя как зверь. Человек никогда не приближался — он возникал внезапно и так же, не удаляясь, в один миг исчезал. Этот

же забрезжил, точно неуловимая мошка, где-то в самой чаще, и теперь беспорядочные, прыгающие из стороны в сторону удары его тяжелых копыт показывали, что он перебирается с кочки на кочку и скоро уже очутится в пределах досягаемости.

Жавру нередко удавалось подстеречь беспечную живность, забредающую на болотистую опушку бескрайнего восточного леса, и охотничьи инстинкты его ни разу не подводили. Вот и сейчас он свернул щупальца в тугие спирали и, чувствуя, как их кончики мелко трепещут, томясь от предощущения солончатого мяса, изготовился к броску. Двуногий приближался безбоязненно, и жавр, не выдержав искушения, приоткрыл пасть.

Сделал это он совершенно напрасно: смрадный дух, вырвавшийся из его утробы, способен был сбить с крыла даже грифа-падальщика. Человек прынул в сторону, и запоздало выметнувшееся ему вдогонку щупальце только скользнуло по голени, обжигая едкой крапивной злостью. Если бы жавр имел уши, то до них донесся бы общеупотребимый во всей Вселенной вскрик, переводимый на язык зеленого Джаспера как «у, мать твою!». Шаги быстро забухали прочь, и жавр горестно заключил, что такие громадные копыта ему, пожалуй, пришлось бы выплюнуть...

Гулкий топот был услышан и в замке Джанибаста и так же, как и жавра, привел его обитателей в недоумение. Противника ожидали повсюду — он мог появиться и на двойных бревенчатых стенах, образованных вкопанными в землю неохватными стволами сухостойного кедра, прозванного за свои габариты «башенным». Враг мог свалиться и прямо на односкатные наклонные крыши прилепившихся друг к другу бесчисленных строений, образующих собственно замок со всеми вспомогательными службами — но это значило бы попросту угодить в западню. Более всего

ждали просто голоса, который должен был раздаться в ответ на выдвинутый ультиматум.

Но вот появление противника напротив замковых ворот, да еще и в гордом одиночестве — это было полнейшим абсурдом.

Джанибаст, сутулясь под взъерошенным перовым бурнусом непомерно крупного серовато-зеленого крэга, собственной персоной подобрался вдоль стен к воротам. В правой створке был вырезан овал, затянутый сдвоенной шкурой какого-то тупого жавра, не поддавшегося, на свою беду, обучению по полной программе и поэтому не внесенного в податной список. Он ткнул кулаком в упругую мутноватую плоскость, которая в месте удара как-то нехотя просветлела, Джанибаст прильнул к образовавшемуся оконцу. То, что он узрел, повергло в изумление не только его самого, но и болотного крэга: тот от растерянности запрокинул головку назад и защелкал клювом, как клекочущий аист, так что его хозяин на несколько мгновений потерял дар зрения и не мог видеть, как стоящий за воротами человек — если только он был человеком — сложил ладони лодочкой и поднес их к губам. Раздалась нестерпимая смесь скрежета и свиста — барабанные перепонки ободрало кремневым наждаком. Крэг резким движением вернул Джанибасту способность видеть, и тот сразу понял, что жесты, производимые пришельцем, недвусмысленно говорят об умственных способностях всех тех, кто смеет держать его по ту сторону ворот.

Джанибаст с отвисшей челюстью попятился, все еще не зная, как поступить; но жаврова шкура на правой створке ворот по-своему восприняла его спазматически чередующиеся «да» и «нет» и начала раскрываться такими же пульсирующими толчками. Пришелец ждал, нетерпеливо притоптывая серебряным сапогом и указательным пальцем делая вращательное движение, как бы говоря: «пошире, пошире...»

Наконец он нагнул голову и, задев верхнюю кромку дыры своим султаном из диковинных громадных перьев, перелез через порог и нелепым церемониальным шагом, по-журавлиному задирая и выбрасывая вперед длиннющие голенастые ноги, двинулся по загаженному собачьим дерьмом и горами костей пространству, претендующему на звание двора рыцарского замка.

Псы оторопело вжались задами в бревенчатые стены.

Джанибастовы прихвостни ссыпались с крыш и замерли недвижимо, но без малейшей боязни: на нелепом госте, кроме серебристо-белых сапог, пучка пышных перьев на голове и нитки стеклянных бус, не было абсолютно ничего.

Голого бояться просто невозможно. Он не может быть врагом.

Степень нелепости происходящего была столь велика, что могла сколь угодно долго продержаться присутствующих на зыбкой грани между громовым хохотом и паническим ужасом перед черным ведовством, потому что диковинный чужак ко всему прочему был черный, как головешка. В нем вообще было много птичьего, от журавлиной походки и невиданных перьев, воткнутых в пук волос, собранный на темени, до не людской, зыбкой позы, в которой он застыл, стоя на одной ноге и поджав другую. Непостижимо было то, что гость не нес на себе ни крэга, ни чародейского обруча, и тем не менее его глаза, неестественно светлые под густыми бровями, заплетенными в косички и заправленными вверх, в общий пук волос, внимательно ощупывали каждого из присутствующих, пока не остановились на обладателе сизо-зеленого крэга с драчливым розовым хохлом.

Лицо, осененное болотной зеленью, могло вызвать только крайнее омерзение: молодой, но уже морщинистый лоб, скошенные от висков к носу глазки, отсут-

ствие подбородка под крошечным, как перепелиная гузка, ротиком. И громадные, чутко трепещущие ноздри — признак неумности желаний. От такого чего хочешь дождешься.

— Ты! — крикнул гость, нацеливая угольный палец прямо в алеющее яблочко рта. — Выдь вперед. Я тебе поклоняться буду.

Джанибаст, как зачарованный, сделал несколько шагов, оскальзываясь на необглоданных костях. Остановился. В какой-то миг положение главы всей этой оравы, безошибочно угаданное чернокожим ведьмаком, толкнуло его на дерзкий вопрос:

— А сам-то ты кто?..

— Я — кширрафутарр! — гаркнул гость, выбросив вперед лоснящиеся ладони, на которых Джанибаст с ужасом насчитал только по четыре пальца. — Видал? Я кширрафутарр всеведущий, крэгопочитающий и победуприносящий. Только за то, что ты не узнал меня, в Темные Времена тебя заживо прикоптили бы на собачьей поварне. Но сейчас ты осенен благословением крэгов светоносных, и я преклоняюсь перед тобой!

Он собрался было грохнуться на колени, но невообразимая грязь под ногами удержала его от этого поползновения. Тогда он выдернул из пышного султана одно перо и, низко поклонившись, отчего его голая задница непристойно блеснула на не вовремя проглянувшем солнышке, положил его у ног вождя мятежников. В руке необремененного одеждами мага вдруг обнаружился серебряный, примитивной формы амулет не иначе как из сапога; амулет затеплился лиловатым язычком пламени, и перо, потрескивая, занялось быстрым огнем. Через несколько секунд оно уже было горсточкой праха. Колдун повозил пальцами по тому месту, где только что сгорело его подношение, потом выпрямился и широким, торжественным жестом коснулся своего лба, груди и того

самого, что не было прикрыто даже брусничным листиком, хотя, по чести говоря, требовало бы здорового лопуха.

— Да будешь прославлен в веках ты, светлый разумом, бесстрашный сердцем и неутомимый в чреслах своих, о чем будут поминать потомки твои до пятидесяти седьмого колена. Поминать они будут, не сомневался. А теперь перейдем к делу. Откровение, только что посланное мне... тебе не надобно знать кем, гласит, что ты чуть не совершил роковую для всех вас ошибку. Ты содержишь пленницу.

В глазах Джанибаста, как ни были они затуманены никогда не виданной волшбой и откровенно наглой лестью, мелькнул проблеск подозрительности.

— И ты собираешься швырнуть ее жавру, — продолжал колдун.

Настороженность предводителя передалась всей шайке.

— Так вот, ты не прав. — Пришелец выдержал паузу ровно настолько, чтобы не позволить взорваться хору недоверчивых и возмущенных голосов. — Ты не прав, потому что казнить ее следует немедленно!!!

— Я и сам думал... — начал было племянничек Иссабаста.

— Правильно. Соображаешь. — Махровый султан одобрительно качнулся. — Иначе уважать не будут. Только жавру скармливать ее не след, он к человечине пристрастится, потом в такой кораблик сунешься и ам! — слопали. Вместе с крэгом, учти! Это грех.

Джанибаст внимал благоговейно.

— Так что с твоей де-ви-цей, — при этом колдун гулко шлепнул себя по животу и гнусно заржал, что сразу же нашло живой отклик у джанибастовой сволочи, — мы сейчас распотешимся по-своему, без жавров осьминогих. Чего делиться, правда?

Джанибаст сделал глотательное движение, что должно было, вероятно, служить залогом согласия.

— Ну... и как? — Слова вылетали из его крошечного ротика, как горошины — совершенно непонятно было, как при подобном даре красноречия он умудрился объединить вокруг себя столь многочисленную когорту лесных головорезов.

— Как, как... — невольно передразнил его колдун, — А по-всякому! Мы ее — по кусочкам! Один — сожжем, другой — утопим, третий — отошлем самому королю в его расписной урыльник (кого-то из доблестных сподвижников Джанибаста раскатисто стошнило), а ушки да пальчики разошлем по всем замкам зеленого Джаспера, чтоб никому неповадно было! Ну, начнем, благословясь. Чумазики-то своих разгони по сторожевым постам, не ровен час кто-нибудь из принцев сунется, порядок навести.

Он снова поднес сложенные ладони ко рту, и двор огласился высоким, переливчатым свистом. Мятежники, приняв этот звук за сигнал к действию, в одно мгновение разлетелись по своим постам.

— Ну, пошли, браток, — сказал маг, хлопнув их предводителя по укрытому перьями плечу. Болотный крэг дернулся, словно его ударило током.

Они шли по узким дощатым коридорчикам, богатым покоем, увешанным разномастными гобеленами (один из них маг бесцеремонно содрал со стены и набросил себе на плечи), по анфиладам одинаковых светелок с косым окошком под самым потолком, все время то подымаясь на несколько ступенек вверх, то ныряя вниз по стертým доскам. Видно было, что каждый хозяин этого, с позволения сказать, замка старался прилепить к уже сложившемуся ансамблю еще несколько клетушек и галерей, не заботясь о смысле и доступе света. Ранее прорезанные окошки забивались досками, а наклонная крыша, как правило, позволяла застеклить лишь крошечный треугольник, выходящий в несуразный лабиринт таких же беспорядочно нагроможденных косых плоскостей. Маг все поглядывал

на эти окошки, отчего поминутно спотыкался и поминал предка по материнской линии какой-то мифической птицы, на зеленом Джаспере неизвестной. Похоже было, что он пытается запомнить направление, в котором его вел хозяин дома, но безуспешно. Наконец после очередной лесенки, на сей раз витой, они очутились в тупичке, освещенном одиноким факелом, укрепленным над тазом с водой. На полу без всякой подстилки лежал кто-то укрытый плащом; небольших размеров крэг висел под потолком вниз головой, вцепившись когтями в какую-то скобу.

— Ты это что? — сурово спросил колдун, указывая на крэга. — Нехорошо. Грех. Дай-ка меч!

Джанибаст, как замороженный, протянул ему оружие. Чернокожий верзила потыркал острием в потолок, отчего сверху посыпалась труха и что-то напоминающее птичий помет. Он деловито расширил дыру, сгреб обвисшего крэга за шиворот и выбросил наружу, как тряпку. Новоявленное оконце поначалу затмилось — крэг оправлял крылья, — а потом доверчиво заголубело.

— Вот это по-нашенски, — удовлетворенно произнес колдун. — А теперь отыдь от свету, я твою краlechку малость побрею...

И он снова заржал мерзостно и до того заразительно, что хозяин апартаментов тоже залился нервным смехом. Между тем гость наклонился над лежащей — так и есть, крепко связана, рот заклеен липучей травой. Он, заслонившись топорщившимся на его плечах гобеленом, тихонько погладил женщину по голове и едва слышно шепнул: «Потерпи чуток...» Затем все с тем же грубым, но подозрительно монотонным хохотом взмахнул мечом и отхватил прядь черных волос, рассыпавшихся по полу.

— Во, гля! Во что мы учиним! — Он выдрал из своей прически махровый султан и водрузил отрезанный локон в самую его середину. — Гля, как полыхнет!

Полыхнуло будь здоров — пороховая закладка в перьях была сделана наспех, но умело. Колдун тут же выбросил огненный ком в потолочную дыру, и черный столб дыма свечкой полез вверх, ввинчиваясь в незамутненное доселе небо. Ориентир для дружинников был означен.

Джанибаст разинул рот — до него что-то начало доходить.

— Маши лапами, Бастов сын, рассылай дым по всем замкам, по королевским покоем! — вопил чернокожий пришелец, понемногу отступая и примериваясь рукой к незнакомому оружию — рукоять в четырехпалую ладонь ложилась неладно, да и клинок был тяжел, таким мечом только скотину забивать.

— Братья! Защитники веры и крэгов, ко мне! — срывающимся голосом завопил Иссабастов родич, выхватывая длинный кинжал и бросаясь на гостя. Тот взмахнул мечом, целясь в горло, чтобы оборвать клич, но в этот миг сизоватый капюшон сорвался с головы болотного эрла и, точно короткое копье, опущенное перьями, ринулся на защиту хозяина, целясь прищельцу между глаз. Черная рука взметнулась, заслоняя лицо, и удар меча пришелся мимо цели.

Но дело было уже сделано — по задымленной крыше грохотали шаги, кто-то уже проваливался, пробив сапогами тонкий настил; голос Флейжа гаркнул:

— Харр, в сторону! — Чернокожий великан схватил на руки женщину, подивившись неожиданной тяжести обвисшего тела, и едва успел отскочить в проход, как в комнатенке стало так тесно, что уже было не разобрать, где свои, а где эрловы пособники.

Одной рукой прижимая к себе женщину, а другой делая отчаянные попытки размахнуться, чтобы пустить наконец в дело меч, Харр не выдержал и завопил:

— Бабу от меня возьмите!

Они так и появились на голубом лугу Игуаны — орущей, гогочущей кучей, валясь друг на дружку и заботясь только о том, чтобы на меч не напоролся кто-нибудь из соседей. Мона Сэниа с болью в сердце отметила, что наконец-то им выдалось то, что было в их жизни превыше всего — рыцарский подвиг, победоносный бой ради освобождения невинной жертвы... И надо же было случиться так, что их мечи оказались направленными против джасперян.

Она была принцессой этой страны, и в сердце у нее шевельнулся птичий коготок недоброго предчувствия. Но сейчас было не до смутных предощущений.

— В сторону, в сторону! — крикнула она, раздвигая горячие, пахнущие боем и чужой кровью тела.

Все послушно шарахнулись, образуя круг — в центре остался только коленопреклоненный Пы с женщиной на руках.

— Под крышу! — скомандовала принцесса, укаывая на один из малых корабликов, предназначенных для дружины.

— А вся орава — в воду, — добавил Юрг, у которого тоже кошки на сердце скреблись — впервые его отряд одерживал победу без своего командора...

Пы неуклюже поднялся с колен и понес на вытянутых руках все еще спеленутое какими-то тряпками тело. Темные спутанные волосы волочились по неувядаемым колокольчикам, вбирая в себя пыльцу и нектар.

— Вели сервам подогреть вина. И воды для грелок, — распорядилась Сэнни; Юрг потрусил к стене, где безгласная прислуга уже успела соорудить что-то вроде походной кухни.

Уложив свою ношу на жестковатую, предназначенную для мужчин койку, Пы попятился и, не дожидаясь приказа, пугливо испарился — надо думать, вдогонку за уже плещущимися в море товарищами. Мона Сэниа разрезала стягивавшие все тело женщины пути

вместе с одеждой, отлепила клейкий болотный лист от лица, молясь всем древним богам, чтобы растение не оказалось ядовитым. Миловидное личико, и ничего более. Вероятно, одна из случайных подружек — недаром при дворе поговаривали, что старая владелица замка Кюз окружает себя многочисленными компаньонками, которые чуть ли не втрое моложе ее — и все для того, чтобы единственный сын не порхал по всем окрестным владениям, к чему имел неудержимую склонность... На Джаспере она его уберегла.

Принцесса заботливо укрыла молодую женщину, стараясь не дотрагиваться до огромного, туго натянутого живота — и все же этого движения было достаточно, чтобы недавняя пленница открыла незрячие глаза. Вероятно, еще один незнакомый голос — а все они приносили только боль и ужас — так напугал ее, что она дернулась и, натягивая на себя покрывало, протяжно закричала.

— Не бойся, Касаулта, все позади, я принцесса Сэния, и ты под моей защитой! — Она попыталась произнести эти слова как можно сердечнее и мягче, но то ли ее тон не убедил несчастную, то ли она не расслышала за собственным воплем чужого голоса, но крик продолжался — было просто непонятно, когда она умудрялась переводить дыхание.

— Тише, тише, ты уже в безопасности, — уговаривала ее принцесса, теряя терпение — до сих пор двух-трех ее слов бывало достаточно, чтобы ей повиновались.

Но крик только нарастал — теперь он уже был не женским, а каким-то неопределенным, даже не звериным. И вдруг мона Сэния поняла, что это вовсе не страх. Это — началось...

Она внезапно сама испытала панический ужас, до тошнотного комочка там, где сходятся ребра и рождается вздох. Ее малыш появился на свет в окружении королевских повитух и лекарей, к тому же ее тело,

закаленное в походах и тренировках, справилось со своей первойшей естественной задачей без особых проблем и боли. Так что теперь она очутилась лицом к лицу с чужим страданием в той степени растерянности, которой не испытала еще ни разу в жизни.

— Юрг! — тоненьким беспомощным голоском крикнула она, выбегая из шатра и хватая мужа за руки. — Юрг, сделай что-нибудь!

— Да я-то что могу? — оторопел командор. — Может быть, ты свяжешься с королевским двором...

— Нет! Никто посторонний не должен видеть этой долины — иначе кто поручится за безопасность Юхани? Лекари часто становятся предателями, и, побывав на Игуане, он сможет потом открыть дорогу сюда и похитителям, и убийцам!

— Но Касаулта ведь увидит ее неминуемо!

— Потому-то я и оставляю ее здесь — будет нянчиться с двумя. К тому же... О, древние боги, она же без крэга! В темноте ей втрое страшней!

А крик не прекращался, и страха в нем не было — только боль.

Мона Сэниа зажала уши ладонями, как перепуганная девочка. Юрг перехватил ее руки и резко опустил.

— Думай! — крикнул он прямо в лицо жене. — Думай, что делать! Она же помирает!

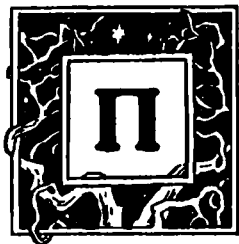
Как и свойственно всем мужчинам, он несколько перегнул в своих опасениях. Но мона Сэниа вырвалась из его рук и отчаянно трянула головой:

— Ну тогда у меня остался последний выход!

И исчезла.

VI. ФИРЮЗА

на слегка удивилась тому, что королевская лодка с лупоглазым божком на носу не качалась на воде, а была поднята высоко на берег и вкопана в песок рядом с пологой каменной лестницей, поднимающейся к затейливому домику, сложенному из обожженных бревен. На верхней ступеньке сидел пожилой смерд в расшитой рубахе и полировал шкуркой рукоятку короткой остроги с костяным наконечником. Взяв ее вверх по лестнице, мона Сэниа каким-то сторонним зрением воина успела отметить, что острога не боевая — видно, предназначена для рыбьего арбалета.

— Мне нужен король Алэл! — крикнула она, наклоняясь к сидящему. — Где мне найти короля?

Смерд отложил острогу и неожиданно гибким, молодым движением поднялся — солнце вспыхнуло на диковинных шелковых цветах, которыми была вышита вся его одежда. Но еще удивительнее было его лицо, так же, как и рубаха, разрисованное мелкими цветами и ягодками. Это не была татуировка — на

лбу, где от удивления шевельнулись неглубокие морщины, красочка треснула, готовая осыпаться легкими шелушинками.

Выпрямившись, островитянин оказался ниже принцессы вершка на два. Она уже хотела повторить свой вопрос, но он почтительно склонил голову и произнес негромко, словно не желая, чтобы его слышали в доме:

— Приветствую тебя, владетельница Сэниа. Какая тревога привела тебя?

Знакомый голос помог ей разом стряхнуть с себя сковавшее ее изумление, но на смену ему пришло разочарование. В ночной темноте, поднявшись на скамейку, так что виден был лишь загадочный силуэт, он показался ей могущественным морским владыкой, и она доверилась этой иллюзии. Стоило ли теперь объяснять...

— Говори, девочка, — мягко велел Алэл. — Тебя привела нешуточная забота. Но не беда. — Он говорил так, словно уже знал.

— На моем острове женщина... она должна родить. Я — одна среди мужчин, и я не знаю, что делать!

Он мягко улыбнулся:

— Все сущее рождено. Но ты не говорила, что среди твоих воинов есть женщина.

— Это — подруга одного из них. Мы отбили ее у мятежников, которые взяли ее в заложницы. Она так напугана...

— Ушинька! — неожиданно крикнул король, обернувшись к дому.

Дверная занавеска отлетела в сторону, и на пороге возникла легкая, как облачко, женщина, осененная ореолом серебряных волос. Розовое от природы лицо было украшено изящной росписью — серебряные ягоды, а может, и ландыши. Со второго раза эти островитянские причуды показались принцессе уже почти естественными.

— Королева Ушинь — владелица Храмового острова Сэниа. — Алэл представил женщин друг другу с учтивой легкостью, которая как бы должна была определить ненужность церемоний в их дальнейших отношениях. — Ушинька, тут требуется твоя помощь.

Королева кивнула и потеряла пухлые ручки — с них посыпалась рыба чешуя. Только тут Сэнни заметила, что на ее величестве надет обычный кухонный передник.

— Одну минутку, я облачусь, — певуче проговорила Ушинь, исчезая в глубине дома.

Принцесса не успела моргнуть, как она уже появилась на пороге, теперь на ней был блистающий чистотой фартук из скобленной рыбьей кожи. Объемистая плетеная корзинка, которую она держала в руках, тяжелой не казалась, но большую глиняную флягу она тут же передала принцессе — «Держи, милая!» — и нежно поцеловала супруга, избегая, впрочем, накрашенных мест.

— Мы возьмем лодку... Оюшки, ты же сегодня не властен...

Алэл остановил ее взмахом руки:

— Лодка не надобна. Владелица Сэниа пользуется даром, в котором древние боги нам отказали.

В лице королевы Ушинь что-то непроизвольно дрогнуло, розовые губы сжались в одну полосочку, но в следующий миг она овладела собой. Моне Сэниа вспомнился собственный инстинктивный ужас, когда она впервые решилась прыгнуть с отвесной скалы, чтобы ощутить невесомость свободного падения — наверное, ее собственное выражение было именно таким. Но Ушинь уже справилась со своим замешательством и виновато глянула на принцессу:

— Твори скорей свои заклинания, моя милая, а то мне боязно...

Вероятно, она полагала, что мона Сэниа перенесет ее в свои владения одним словом или жестом.

Принцесса невольно улыбнулась:

— Нет, не так, ваше ве...

— Ушинь, зови меня Ушинь, моя милая.

Одной рукой прижимая к себе тяжелую глиняную флягу, мона Сэниа другой обняла женщину за тонкую, податливую талию и сделала короткий шажок вниз, со ступеньки; самого момента переноса Ушинь так и не почувствовала. Голубой ковер неувядающих колокольчиков, словно подстеленный под ее маленькие ноги, ошеломил ее, но протяжный крик (для привычного слуха повитухи, впрочем, не такой уж страшный) разом вернул ее к действительности. Она опустила на землю корзину и коротко велела принцессе:

— Полей-ка, милая.

Мона Сэниа раскупорила флягу и тонкой струйкой полила содержимое на подставленные руки — над голубой поляной поплыл сладостный дух самого-на тройной перегонки. Из привратного кораблика выскочил полуголый Харр с Ю-ю на руках.

— Сиди, где сидишь! — рявкнула на него принцесса, вложив в свой голос всю командорскую власть.

Ушинь, помахивая влажными руками, бросилась на голос; принцесса, подхватив корзину, — за ней. В корзине что-то шевелилось.

Очутившись у изголовья роженицы, Ушинь первым делом наклонила полураскрытую корзину, и оттуда выпорхнул то ли крошечный летучий зверек, то ли очень крупное насекомое. Лупоглазое существо уселось на спинку кровати, точно кузнечик, и тотчас комнатку наполнила мелодичная пульсирующая трель, как будто запел сверчок с необычайно развитым музыкальным слухом. Откуда-то сверху спрыгнул Шоёо, настороженно принюхиваясь, — лупоглазик тотчас оборвал песню и уставился на хозяина дома строго и

выжидающе, Шоёо замер, а потом, как замороженный, медленно двинулся к невиданному гостю, угнездился рядышком и... тоже запел. Сначала его трель сбивалась и глохла — зверьку не хватало дыхания, но косой взгляд сверкающих разноцветными гранями глаз подстегивал его, и вот они уже пели в унисон. Касаул-та затихла, и ее хриплое, постанывающее дыхание подчинилось ритму сверчковой трели.

— Воды, побольше воды, моя милая, — шепнула Ушинь, и мона Сэниа выбежала вон, стараясь припомнить, догадалась ли она отдать приказ сервам относительно воды. Наткнулась на мужа, который переминался с ноги на ногу и неловко крутил в руках тоненький хрупкий обруч.

— Дай сюда, согнешь ведь! — крикнула мона Сэниа, выхватывая у него офит. — Ну до чего же вы, мужчины, бываете бестолковыми...

И помчалась к сервам, копошившимся у южной стены возле кухонного навеса. Юрг только хмыкнул ей вслед — его чуткость не всегда оказывалась на должной высоте, но сейчас он понимал, что сопричастность высшему акту человеческой жизни делала его жену, как он однажды выразился — а она, выходит, запомнила — «старшей сестрой по развитию». Чтобы не мешать сервам, семенящей рысью устремившимся к их крошечному звезднокорабликовому замку, он убрался подальше — в прохладную тень привратной каморки, где босой полуголый Харр развлекал Юхани, водя угольным пальцем по затейливым узорам гобелена, брошенного на пол. Юный принц уже успел осчастливить джанибастову рухлядь двумя мокрыми пятнами, о чем Юрг нисколько не пожалел, ибо вытканная на гобелене картина отнюдь не предназначалась для детей младшего школьного возраста: она изображала жавра, совращающего отроковицу.

— А вот цветочек аленький, — сюсюкал Харр по-Харрада, как видно, тоже выбитый из привычной

колеи, — а вот куколка голенькая... А вот чудище то ли осьмирукое, то ли...

— Это жавр, между прочим, — поспешил перебить его заботливый отец. — Ты, когда шел по болоту, имел все шансы познакомиться с ним на такой же короткой дистанции.

Харр так и подскочил:

— У, строфион твою мать, да ежели бы я знал, ни за что не сунулся...

— Выбирай выражения при детях, — строго заметил Юрг, — а то вылетишь вон туда!

Он указал большим пальцем на полупрозрачную заднюю стенку, за которой маячили силуэты дружинников, маявшихся в традиционном мужском ожидании. Теперь, после загадочной для них гибели товарища, каждый чувствовал себя в какой-то степени опекуном еще не родившегося малыша.

Харр пожал плечами и босой ногой подгрел поближе разноцветные земные погремушки, заброшенные на их корабль еще на Барсучьем.

— И откуда это в тебе, — флегматично обронил он, — ты ж вроде и не князь...

— Вот закончится вся эта катавасия, — пообещал командор, которого сейчас, когда он чувствовал себя не в своей тарелке, отнюдь не тянуло препираться с тихрианином, — и я тебе покажу, кто я таков. Кстати, за мной обещанный меч, не забыл?

— А я уж думал — заматаешь... — У Харра была какая-то врожденная антипатия к субординации.

Оба замолкли, прислушиваясь. Ничего не доносилось, кроме механического топотка сервов.

— Однако не бывало тихо, — заметил Харр. — Не очоурилась бы девица. Говорил я тебе — надо было мне браться за дело, сам двоих сыновей принимал, да и у чужих случалось, мало ли передрыг на дорогах. Через колено перекинуть — враз опростается...

Юрг еще раз восхитился синонимической емкости транслейтора.

— А ежели дело замаринуется...

— Заткнись, и как там далее про строфиона, — сказал командор.

— Ни фига себе ордонанс, — с уважением проговорил по-Харрада и замолк.

И вовремя: из растворенного настезь шатра явственно донесся слабый, но постепенно набирающий силу плач новорожденного.

— Заблеял! — радостно возопил Харр, ткнув командора кулаком в грудь.

— Нашей дружины прибыло! — отозвался Юрг, награждая собеседника ответным тычком.

Ю-ю чутко прислушался и, как это бывает у младенцев, тоже завопил — беззлобно и не требовательно, а просто так, за компанию.

Харр вскочил на ноги, обратился лицом к стене, за которой томились в ожидании семеро джасперян, и, поднеся ладони к губам, снова издал ни на что не похожий разбойничий свист.

Из шатра вылетела разгневанная Сэнни:

— Совсем обалдели, мужики?

— Кто? — заорали два голоса одновременно.

Принцесса заулыбалась, счастливо и чуточку виновато, словно она сама за чем-то недоглядела:

— Девочка...

— О-го-гей! — завопил тихрианин.

— А ты-то чего радуешься? — резонно спросил Юрг.

— Так у нас невеста!

Юрг уже поднял было руку, чтобы покрутить пальцем около виска в интернациональном, как он полагал, жесте, но мона Сэни неожиданно подбежала к гостю, обняла его за плечи и чмокнула в серую щеку. Харр утерся лапищей, которая, в отличие от лица, была абсолютно черной, словно тихрианин носил лайковые перчатки.

— Ну, хозяйшкa, уважила, — сладким голосом промурлыкал менестрель. — Только это, я пони-
маю — закуска, а сам пир впереди? А то я не против
подмогнуть на кухоньке — твои-то блошастики много
ли наготовят!

Мона Сэниа махнула рукой — ну конечно же, как
такой день без пира, да и Ушинь надо усадить за стол,
соответствующий ее королевскому рангу. Потом спо-
хватилась — ведь остальные еще не знают!..

Повинуясь ее мысленному приказу, привратный ко-
раблик распахнул настежь оба люка, приглашая ис-
томившихся дружинников, которых харров свист уже
привел в состояние стартовой готовности. Они ворва-
лись возбужденной оравой, сопровождаемые низко па-
рящей Гуен; вот только Кукушонка все это время
как-то не было видно, но при его повседневности и
неприметности на это никто не обратил внимания.

— Тс-с-с, — заставила всех примолкнуть принцес-
са, — никому приветственные кличи не издавать, бли-
же чем на два шага, не подходить. Сейчас принесу это
чудо!

Она исчезла в шатре и тут же появилась обратно,
неся на сгибе локтя обещанное чудо, запеленутое в
расшитое диковинными цветами одеяльце. Все вытя-
нули шеи, а Харр даже высунул кончик лилового
языка. Несколько секунд стояла зачарованная ти-
шина.

Потом раздался негромкий голос командора:

— Фирюза...

С крошечного сморщенного личика малышки гля-
дели в теплое небо Джаспера неправдоподобно боль-
шие глаза — неотразимая васильковая синь скюзо-
вых очей, смягченная и разбавленная материнским
молоком.

Когда мона Сэниа вернулась в шатер, королева
Ушинь уже сложила свою корзинку, и лупоглазое су-
щество — то ли божок, то ли живой талисман — чуть

пошевеливался в ее глубине. Шоёо старательно умылся, по-кошачьи стирая лапочкой давешнее наваждение; мордочка его сохраняла выражение крайней озадаченности. Касаулта спала тем глубоким и самым счастливым на свете сном, который недоступен мужскому пониманию; нареченная странным земным именем новорожденная так же безмятежно взирала на потолок, как и на небо — краткий промежуток покоя между ужасом рождения и первым голодом. Жизнь входила в нормальную колею.

От пира Ушинь отказалась — дела домашние, да и мало ли кому на ее островах понадобится неотложная помощь! Возразить было нечего.

— Прими благодарность, великодушная королева, от всех нас и от этой малышки, которая родилась, чтобы никогда не увидеть собственного отца, — проговорила принцесса, невольно вкладывая в свой голос всю радость, облегчение и печаль, которые наполняли ее одновременно. — И соблаговоли сделать мне подарок: обратись ко мне с какой-нибудь просьбой!

Серебряная королева улыбнулась легко и чуточку смущенно, как бы извиняя принцессу за некоторую церемонность ее речи:

— Покажи мне твоего сына, моя милая.

Сэнни унеслась, стремительная, как девчонка; тут же появилась с сыном, держа его поперек живота. Наследник хрюкнул и потянулся к легкому ореолу, окружающему голову королевы, — вероятно, приняв ее летучие волосы за огромный одуванчик.

— Так вот, значит, каков наследник трона Величайшего-Из-Островов, — задумчиво проговорила Ушинь.

— Надеюсь, что нет, — вырвалось у принцессы. — После моего отца трон достанется кому-нибудь из братьев, вот и пусть у них голова болит!

— По древним законам Джаспера, который вы, как я вижу, не сохранили, сын не может наследовать трон.

Только внука можно успеть научить всему, что следует знать мудрому королю, — тихо проговорила королева, и в ее интонациях мона Сэниа уловила ту же горечь, что и в разговоре с Алэлом. — Но не принимай мои слова как совет, моя милая: древние законы существуют только для первозданных.

Принцесса догадалась, что королева Ушинь называет так не только свои острова, но и обитающий на них народ.

— Мне пора. — Ушинь сняла свой фартук из рыбьей кожи и, сложив, поместила в корзинку, старательно расправив углы, — как показалось принцессе, это было сделано для того, чтобы укрыть от посторонних глаз певучую животинку, чей вид будил какие-то смутные воспоминания. — Мой муж и господин прислал бы за мной лодку, но сегодня он не властен над морской стихией...

— Ушинь, вы не успеете моргнуть, как будете дома, — не могла сдержать улыбки мона Сэниа. — Честное слово, это совсем не страшно. Я сейчас.

Она вернулась в комнатку Касаулты, чтобы подвинуть к ней поближе новорожденную. Ушинь между тем вышла на солнечный луг, жмурясь от яркого света.

— Э-э, бабулька, можно тебя на минуточку? — услыхала она над самым ухом.

Это, несомненно, была незабываемая пара — крошечная розово-серебряная женщина и полуголый верзила, словно обмазанный дегтем с головы до громадных четырехпалых ступней.

— Дай-ка сюда. — Харр по-Харрада бесцеремонно вытащил у нее из корзинки опустевшую флягу; встряхнув, откупорил и с горестным подвыванием выцедил последние капли.

— Анделисова слеза... — пробормотал он сокрушенно. — Где ж это видано — такой благодатью да конечности грешные обмывать! Грех. Грех, бабулька. Радость надо людям дарить, а не на землю лить.

Он с горестным вздохом возвратил королеве пустую емкость.

— Ты, как в другой раз будут кликать повитуху, меня возьми. Подмогну. Да не думай, я задаром.

— Благодарствуй, милый юноша, — совершенно серьезно ответила серебряная королева, — я справлюсь. А ты найди дорогу к моему дому, и мои дочери изукрасят твое чело, а древние боги осенят своей благодатью.

— Заметано, — сказал менестрель, хлопая Ушинь по плечу.

В этот момент мона Сэниа вышла из шатра.

— По-Харрада! — взвизгнула она. — Перед тобой королева этих островов!

Обернувшиеся на ее крик дружинники все как один преклонили колена. Юрг немного помедлил но, вспомнив о возложенной на него дипломатической миссии, решил, что маслом каши не испортишь, и присоединился. Один Харр остался торчать, как Александрийский столп, почесывая одной босой ногой другую.

— Не гневайся, моя милая, — проговорила своим журчащим голосом Ушинь. — А ты, сын черной Ночи и хмурого Вечера, и впредь не подлаживай свою речь под чужой голос. Такие, как ты, милы первозданным. Да будет благословен ваш бирюзовый дол!

— Я сразу же вернусь, — шепнула мона Сэниа и, почтительно обняв Ушинь, которая не могла удержаться от того, чтобы пугливо прикрыть глаза, исчезла вместе с нею.

Дружинники подымались, отряхивая штаны.

— Это что за слово дивное — би-рю-зовый? — старательно выговорил непочтительный певец.

— Камень такой, — пояснил Юрг. — У вас что, не встречается? Точь-в-точь как глаза у... у Касаултовой дочки. Имя-то она пусть сама придумывает.

— Ты ж вроде ее нарек, а ты — властитель, твоя и воля.

— Не городи чепухи. По нашим обычаям сыну выбирает имя отец, а дочери — мать... Впрочем, иногда это обоюдно. А Фирюза — так прозывают красавиц с голубыми глазами у нас в тех странах, где это — большая редкость; там все больше черные.

— А красных не бывает?

— Бывает. У белых крыс.

Над только что получившим свое название Бирюзовым Долом, примерно на высоте птичьего полета, возникла Сэнни, высматривая себе свободное место для окончательного появления. Гуен с радостным кличем, способным довести кого угодно до заикания, ринулась ей навстречу, и принцесса позволила себе несколько секунд так любезного ее нраву свободного падения. Но стоило гигантской сове поравняться с ней, как она исчезла, чтобы в тот же миг очутиться рядом со своим супругом. Гуен затрясла головой и подняла торчком затылочный гарпиевый гребень — эта способность людей только-только начать игру, а потом пропасть неизвестно как, доводила ее до бешенства. К счастью, характер у нее был отходчивый.

— Пришлось спастись бегством, — весело сообщила принцесса. — А то алэловы дочки из чувства симпатии чуть было меня не разрисовали. Представляете — я да с маргаритками во лбу.

— Твоему лбу пристала молния, — с неожиданной галантностью изрек менестрель.

— Да уж, — согласился Юрг. — И как там дочки?

Мона Сэниа помялась:

— Да на чей вкус... Глазастенькие, губастенькие — есть в них что-то рыбье.

— Ну это не по мне! — не смог, как всегда, удержаться по-Харрада. — Это еще какая рыбка — если взять, например, барракуду... — Флейж да еще Эр-

ромиорг, как старший, только и были способны как-то умерять варварскую непосредственность тихрианина.

А непосредственность фонтанировала вовсю:

— Пíр, пíр, пíр, мой кастрюли до ды́р, мя́со жа́рь на верте́лах, будет пы́шно на стола́х.

Юрг поморщился — поэтические экспромты мене-стреля находились тоже на пещерном уровне.

— Делу — время, а потехе — час, — проговорил он с удивившей его самого назидательностью.

— Да, — подхватила его мысль жена, — я сверху присмотрела прелестнейшее плато на северном склоне хребта, трава свежая, не выжженная — будем ставить там загон для коз и конюшни. От центральной просеки туда пойдет плавный спуск, так что давайте подсчитаем наших сервов, их-то в первую очередь придется выдворить за пределы Бирюзового Дола, вот вам еще пристройка к стене...

— Дорогая, не все сразу. Ты не забыла, что мне нужно на минуточку слетать на Землю? Я же Стамену обещал.

— Ладно, а как только вернешься, я на минуточку загляну на Тихри — ты не забыл, что я должна посоветоваться с Лронгом?

— Мне б так жить... — с захлебом вздохнул Харр по-Харрада.

Юрг неторопливо шагал по свежерасчищенной просеке, и исполинские хвойные, так похожие на корабельные шишкинские сосны, чуть наклоняясь друг к другу, смыкались у него над головой. Старая просека не была прямой, следуя неровностям рельефа, но и теперь угадывалась безошибочно. Судя по аккуратно увязанным охапкам сучьев и плоским брикетам спрессованной хвои, она была затянута порослью цепкого безъягодного можжевельника, необычайно пахучего, с длинными мягкими иглами. Под ногами хрустели крошечные, как горошины, шишечки, под ними

должен был залегать ровный камень. Юрг поковырял сапогом почву, но до твердого слоя не добрался. Видно, дорогу мостили в незапамятные времена, и делали это умело; вот только петляла она как-то непредсказуемо и нелогично. Покрытые мелкой плотной чешуей стволы уходили вверх метров на тридцать, заканчиваясь компактной сизой кроной; рассматривая остров с изрядной высоты зависшего кораблика, он не мог определить точно, как широка эта лесная полоса, пролеглая вдоль хребтины протяженного острова, но самую пышную ее часть, прилегающую к Бирюзовому Долу, он еще тогда про себя окрестил Воротником Игуаны.

Где-то вдалеке, за очередным поворотом слышался треск, истеричные взвизги пилы и мягкое буханье — сервы тут же прессовали хвою. Бережливые ребята. Как только Юрг узнал у караульного Дуза, что мона Сэниа на просеке, он рванулся туда чуть ли не рысью, лишь успев поцеловать спящего Ю-ю, но, очутившись в тени сизо-зеленой чешуйчатой колоннады, он разом припомнил все колдовство папоротниковой ночи, и ему вдруг до чертиков не захотелось вливаться в общую суетливую толпу славных братьев по оружию и их жукообразных механических слуг. Ведь была же мысль — шугануть их отсюда и хоть несколько дней провести с женой в отнюдь не целомудренном уединении. Ах да, теперь ведь еще и Касаулта — ну нянька не в счет. И надо ж было затеять его дражайшей половине всю эту сутолоку! Конечно, понять ее можно — улетел на минутку, а проторчал на Земле около суток. Разумеется, он передал через Киха, что непредвиденная задержка — Стамена перевели в Балтимор, а там уже весь медперсонал принял стойку и языки от предвкушения его, юрговой, кровушки повысовывал — дорвались до волшебства. Пришлось огорчить эскулапов, категорически заявив, что он — не ходячая селезенка, чтобы что-то там им на потеху да диссорта-

ции вырабатывать, эдак ведь они и до головного мозга доберутся, только позволь; вот помрет — пожалуйста, можете развлекаться на вскрытии. Юмор был еще тот, но это от удручающего контакта со Стаменом: тот уже сегодня мог бы подняться на ноги, если бы не полнейшая, непобедимая депрессия. «Понимаешь, — тусклым, шелестящим голосом поведал он другу, — не могу спать: как только закрываю глаза — барахтаюсь в липком тумане, как муха в патоке, и каким-то не моим, посторонним умом понимаю, что никогда и ничего не смогу сделать для моей девочки...»

Юрг что-то бодренько наврал ему относительно победительных планов, прекрасно понимая, что на самом деле никогда больше не возьмет с собой этого закоренелого материалиста, не способного принимать любое волшебство таким, какое оно есть.

Не годился Стамен для других миров.

Всю обратную дорогу от Балтимора до Барсучьего Юрг механически пробежал глазами подsunутые ему медицинские экстренные выпуски: ничегошеньки не понял и не запомнил кроме того, что вспомогательное белокрысиное воинство потеряло энное количество лап и хвостов. Нет, с медициной надо было завязывать. Тем более что в его крови исследователи всех пяти континентов не нашли ровным счетом ничего.

И вот теперь он шел — все медленнее и медленнее — по такому земному лесу, и налево и направо расстилались такие земные белые мхи, одновременно ломкие и пушистые, и кое-где из них торчали абсолютно земные боровики... стоп.

Налево уходила тропинка. Никто из тех, кто по-быстрому расправлялся с можжевельовой порослью и уже ушел далеко вперед, не обратил на нее внимания, потому что выдавал ее только не такой пышный, как везде, мох; но четкая прямизна этой заросшей тропы и темнеющий холм, к которому она однозначно направлялась, не оставляли сомнений в том, что она про-

торена человеческими ногами. Юрг сошел с дороги на тропу, постучал каблуком — под белым моховым настилом гулко отозвался камень. Не раздумывая, он двинулся к холму.

Вблизи это бурое сооружение не казалось таким внушительным — приблизительно два человеческих роста. Кажется, примитивное, глинобитное жилище... Нет. Вовсе не жилище. Элементарный термитник. Конечно, не такой, как в Африке, но очень похож. И давным-давно покинут обитателями. До середины обложен седым мхом, как снегом занесен, и ни одной дырочки. Тропинка делает вокруг него аккуратную петлю и идет дальше, к такому же конусу. Забавно. Это все равно как если бы у нас в нашем бору под Асташковым асфальтировали дорожки от одного муравейника до другого. Ну, пойдем дальше!

...собственно говоря, а почему? Он же искал Сэнни, и если идти, то вместе с ней, а для страховки еще прихватить...

Ни хрена себе муравейничек! Метров пять. А дырку-то сделали не насекомые — она точно в человеческий рост, да и по ширине на не слишком толстопузого. Тук-тук, кто в теремочке живет? Да видно, что никто не живет. Отель открыт для постояльцев. Как говаривали в старину, пожалуйте на халяву!

...хоть десинтор-то сними с предохранителя, кретин! Где фонарик? Нету. Зажигалка? Отдал Харру. Дерьмо ты, а не космолетчик...

Кажется, меня кто-то обозвал кретином? И справедливо. Я действительно недоумок. Потому что мечтал обойтись без волшебства. Но там, где ты, Сэнни, там всегда... Нет, это даже не магия. Особенно когда ты такая, как сейчас. И как тогда, в папоротниковую ночь...

Он очнулся от малоприятного ощущения, что рядом, вплотную к нему, кто-то проползает. Он замер, сдерживая дыхание, и осторожно приоткрыл глаза —

на него полз белый мох. Седоватые комья выдирались из общей массы и торопливо подкатывались к нему, тычась под спину, которой он опирался на стенку термитника. Лаз, через который он каким-то образом успел выбраться наружу, уже был затянут кружевной пеленой; его выдавшая виды куртка, с прошлой ночи еще и приукрашенная пятилепестковыми горелыми пятнами — следы огненных цветов, — лежала рядышком, притиснутая снятым с предохранителя десинтором. Под нее тоже подползали моховые шустрые комочки, и она шевелилась, как живая. Юрг поднялся на ноги, пошатываясь — странное дело, ведь всего триста кубиков сегодня перекачали Стамену, а состояние обморочное, как у благородной девицы после первой ночи с эскадроном гусар летучих... Черт побери, а был ли он сам сегодня на высоте? Память не сохранила ничегошеньки, даже интерьера термитного отеля, но оставила твердую уверенность, что — был.

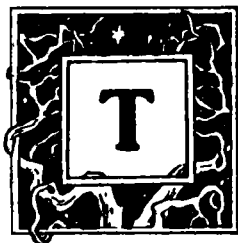
И на том спасибо.

Издалека, оттуда, где должна была пролегать просека, доносились голоса — видно, дружинники после трудов праведных решили прогуляться до дома пешком, подышать можжевельным терпким духом, которым исходила каждая вязанка сучьев с кольчатыми смолистыми срезами. Юрг глубоко вздохнул, и память принесла нежный фимиам персидской сирени, и аметистовый отблеск мха, устилавшего изнутри термитник...

Он не удержался и, благоговейно зажмурившись, ткнулся носом в моховую завесу, уже укрывшую вход в их приют неистовой любви. Из термитника отчетливо несло рыбой.

VII. ГАРЕМ ПО-ТИХРИАНСКИ

Такие надменные, непроницаемые морды мона Сэниа видела разве что в Королевском Совете собственного отца — потому-то в свое время и держалась от него подальше, опустошая охотничьи угодья сопредельных ленных земель. Отправляясь на Тихри, она рассчитала, что эффективнее всего будет предстать перед этими кочевниками в роли блистательной владельницы далекого мира — в сиреновом, усыпанном аметистами и затканном серебряными лилиями платье, подхваченном под самой грудью (чтобы создать иллюзию длинноногости).

Не помогло.

Пять пар глаз, подсвеченных алыми бликами ритуальных одежд, глядели на принцессу — или, вернее, сквозь нее — с высокомерным равнодушием. Замечание командора, что-де «мужики — везде мужики, они на красоту — что коты на сметану», по всей вероятности, было справедливо в границах земного космодрома. Или чуточку шире. Но не здесь. Мона Сэ-

ния чувствовала, что на вопросы, которые она задавала знатнейшим мудрецам княжеского двора, у них нет ответа — но ведь они и НЕ ПЫТАЛИСЬ найти хоть какой-нибудь ответ.

Она сделала еще одну попытку:

— Тогда ответьте мне, о стражи законов Незакатного, почему в страшном месте, именуемом Адом, мои воины не утратили свою способность мгновенно перелетать с одного места в другое, в то время как все волшебство, известное моему супругу, потеряло свою силу?

Один из солнцезаконников тоскливо поглядел на потолок четырехугольной воинской палатки, по которой стучал монотонный несильный дождик;

— Чужедальняя владетельница, твои полеты, как и способность всех твоих воинов, — это не волшебство, а естество. Из твоих слов следует, что исчезнувший Кадьян, хаттатутарх Оцмара Великодивного, ограничил свои заклятия волшебством, а не естеством. Мы же блюдем законы, управляющие естественной стороной жизни на Дороге Лроногирэхихауда Милосердного. Кудесная сторона нам чужда, и вопросы о ней не найдут ответа в наших умах.

Последнее в самых различных вариациях, почтительно и не очень, она выслушивала уже в двадцатый раз.

Принцесса зябко повела плечами — и стоило ради этих козлов, как говаривала Таира, облачаться в лучший свой наряд! Только пыли насобирала длинными юбками. Сибилло, притулившийся сзади всех, отлепился от стенки, неслышно скользнул к чудом спасенному от пожара креслу, которое было сейчас предоставлено знатной гостье, и подсыпал ореховой скорлупы в маленькую жаровню, стоящую у ее ног. Затрещало. Мона Сэниа инстинктивно подобрала юбку.

— Хорошо, — сказала она устало. — Последний вопрос: если не вы, то кто же?..

Равнодушное молчание. Впрочем, иного она не ждала. Да-а, разжиревшим охламонам из захолустного Оршника, которые лебезили перед престарелым сибиллой, было до этих истуканов как до небес!

— Все свободны! — резко проговорила она, подымаясь.

Солнцезаконники поднялись только тогда, когда встал молчавший все это время Лронг. Он махнул рукой, и они, накидывая на себя полы верхних одежд, чтобы уберечь от дождя свои многомудрые головы, степенно покинули зал заседаний.

— Распустил ты их, стервецов, — с ненавистью проговорила принцесса, глядя им вслед.

Лронг снял с себя парадный княжеский плащ и накинул ей на плечи. Плащ оказался бесподкладочным и кусачим.

— Это уже не существенно... — проговорил бывший лекарь каким-то странным, донельзя угнетенным голосом.

Мона Сэниа вскинула на него ресницы — неужели на него так подействовал ее царственный наряд? Да, похоже — в его словах звучала неумная грусть, совсем как прежде, когда он говорил ей: «...если я когда-нибудь забуду тебя, неназванная...» Но в палатку заглянул Сорк, все это время мокнувший под дождем, и напустил целое сонмище прислужниц с подносами, кувшинами, подушками и прочей совершенно ненужной ерундой. Обрадовался только сибилло, вообразивший, что теперь-то и настанет черед тому, ради чего их собрали — они с Лронгом наконец «примут принцессу по-княжески».

— Ну хватит суеты, — сказала мона Сэниа, присаживаясь на подушки, чтобы не возвышаться на тронном кресле. — Гони всех, и поговорим.

— Я не смог тебе помочь, — сокрушенно покачал головой Лронг, и это у него вышло как-то по-старчески. — На моей дороге сейчас около пяти сибилл, и я

посылал ко всем своим самых быстрых вестниц. Но на твои вопросы никто не смог дать ответ. Заклятие, наложенное таким могущественным колдуном, каким был Кадьян, нерушимо.

— К дальним сибиллам посылал, — проворчал себе под нос старый шаман. — Ответят они, как же! Недопески. Молоко на губах не обсохло, чтобы князю советы подавать...

— Помолчал бы ты, — с досадой обронил Лронг. — Сам ничего сообразить не можешь, даром что преджизней прожил более, чем перлов в моей казне.

Мона Сэниа тихонечко вздохнула — у нее тоже были кое-какие надежды на этого выживающего из ума ворчуна. И напрасно. Вот и сейчас он, вместо того чтобы думать, строил какие-то нелепые гримасы. Видно, впал в свое обезьянье детство.

— Тогда мне пора, — сказала принцесса, кивая Сорку. — У тебя ведь и без меня забот выше головы, как всегда бывает в начале правления, не так ли? Кстати, как там Вечная Чернавка? Отстали от нее твои красноштанники?

— Не удручай себя моими бедами. — Лронг покачал головой так безрадостно, что у моны Сэниа сердце перевернулось.

Да и глядел-то он на нее так, словно видел последний раз в жизни.

— Что с тобой, Травяной Рыцарь? — Она порывисто шагнула к нему и положила руки ему на плечи. — Говори, если действительно считаешь меня своим другом! Что, до Чернавки таки добрались?..

— Нет, пока я ее прячу здесь, в гареме. Паянна помогает.

— Что-что? В гареме? У тебя есть гарем?

Выражение бесконечной грусти на черном лице сменилось легким недоумением:

— Так... как же без гарема? Он — не мой, он вообще... княжеский.

Ну да. Вероятно, в здешнем представлении князь без гарема — это все равно что король без трона.

— А что значит — здесь? Не держишь же ты свой гарем в этом походном лагере?

— Так это ж гарем и есть, — хихикнул сибилло.

Принцесса недоуменно покрутила головой. О гаремах она знала только из сказок, которыми развлекал ее Юрг в золотом подземелье ее осажденного замка, и это название как-то невольно ассоциировалось в ее представлении с обязательной роскошью, пышнозадыми красавицами и угрюмой бесполой стражей. Правда, когда они шли сюда от четырехцветного полотнища, по которому она безошибочно нашла лагерь Лронга, ей бросилось в глаза многоцветье крошечных палаточек и шатров, соединенных легкими временными переходами; ей и в голову не пришло, что населяли этот пестрый муравейник одни женщины.

— Паянна присоветовала, — завистливо шепнул сибилло, — говорит — бабы лучше цепных псов, чуть беду учуют — такой гвалт подымут, что только ноги уноси. Бабий слух самый что ни на есть сторожкий. Это она верно сообразила.

— Ну и ну, — покачала головой принцесса — не знала, что и сказать на то, что благородного рыцаря охраняли визгливые женщины. — Может быть, надежнее приспособить какой-нибудь город под новую столицу? С укрепленным дворцом, стражей надежной...

— Это все делается, — отмахнулся Лронг, — столицу готовят, туда уже и знать потихоньку перебирается. Только я пока отсюда двинуться не могу — надо придумать, как быть с сокровищницей.

— Хочешь, я подниму тебя в небо на моем кораблике, и ты сверху присмотришь себе место для нового хранилища?

Лронг печально покачал головой:

— Это не поможет — когда они до меня доберутся, голубая звезда сама приведет их к новому месту.

— Постой, постой, — спохватилась принцесса, — а куда же сейчас переправляют все твои запасы жемчуга? Караван на виду, стражи не так уж и много; если бы кто-нибудь хотел все это захватить — сделать это можно было бы давным-давно.

— Перлы — это всего лишь деньги, они по рукам ходят только для порядка. Истинный княжеский клад — это голубое золото. Говорят, покорный Оцмар напал на богатую жилу, голубое золото в слитки переплавил — оно, в отличие от желтого, плавится, как олово — и спрятал надежно.

— И ты знаешь где?

— Знаю. Звезда указала. Я уже был там один раз, своими глазами видел... Если б для меня в том и счастье состояло, чтобы таким кладом владеть, мне одного погляда хватило бы, чтобы до самой смерти на седьмом небе пребывать.

Теперь она поняла. Молодой правитель, без надежных друзей, без верных воинов, готовых отдать за него жизнь, и в придачу со сказочным богатством, дорогу к которому открывает голубая звезда, висящая на груди, — это было просто чудо, что он еще жив.

— Что же делать? — проговорила она растерянно. — Чернавку я еще могу взять с собой, пожалуй и Рахихорда. Но ты, князь, согласишься ли и ты укрыться на моем Джаспере?

Он покачал головой:

— Судьба отдала мне в руки эту Дорогу. Я — ее князь, и меня уже прозвали Милосердным. Сколько бы я ни правил, мой народ будет вспоминать меня добрым словом, и я пребуду таким до конца.

— Ага! — взвизгнул сибилло. — Только твой конец — это еще и карачун Рахихордушке, и Чернавке светлячковой, да и мне, болезному, ох как придется...

— Не скули, сам знаю, — отрезал князь. — Паянну поклить.

Сибилло засеменял к приоткрытому пологу, выставил плешистую голову, все еще украшенную земным офитом, надетым на засаленную камилавку, протяжно возопил:

— Почтенную трехстоялую Паянну — к Милосердному-у-у!

За кожаным пологом клич подхватили, сначала одним голосом, затем, славно отражая его в бесчисленных зеркалах — десятью, тридцатью, сотней, все дальше и дальше...

— Сколько их тут?.. — чуть ли не с ужасом прошептала принцесса, всегда плохо переносившая женское общество.

— А кто их считал, — вздохнул озабоченный князь. — То мать тяжелыми родами отлетит в края бессолнечные, то вот так, как Паянна, схоронит мужа, караван свой в казну отпишет и — сюда; а более прочего дочек на выданье. В соседских караванах — почти сплошь родня, вот и присылают на погляд, чтобы гости княжеские, балующись, к невестам примерялись.

— И казне прибыток, — вставил шаман, отлепляя ухо от кожаного полога. — Ежели караванник именитый да с достатком, то с него наши законники такую брачную виру слупят... Однако не прытко поспешает наша кочерыжка: как Рахихорд на нее глаз положил, так она...

— Разболтался! — оборвал его князь.

Мона Сэниа про себя усмехнулась — раньше она такого тона из уст сердобольного лекаря и представить себе не могла. Лронг искоса глянул на нее, догадался:

— Ты как-то назвалась ненаследной... Да возблагодарит небо того, кто наградил тебя этим титулом. А я и представить себе не мог всей тягости власти. Думал — достаточно одной доброты...

Сибилло снова не удержался — мерзко хихикнул. Сорк, безмолвно застывший на страже у входа, легонько шлепнул его по спине. В тот же миг с другой стороны шамана звучно стегнуло кожаным пологом, и в палатке появилась женщина.

Ее явление было сродни полыханию черного пламени; застыв перед князем, сидящим на туго набитой подушке, она ударила себя кулаком в лоб — звучно, надо сказать; потом неожиданно гибко наклонилась и тем же кулаком ткнула в пол. С достоинством выпрямилась, завершив этим приветственный ритуал. Черные светоносные глаза ее остановились на принцессе, сидящей рядом с князем. Выражения ее лица мона Сэниа определить бы не рискнула — оно было таким черным, что отдельные черты скрадывались, не различить было даже губ. Только две пары молочно-белых уголков, обрамляющих агатовую радужку, совершенно сливающимися со зрачком.

— Новенькая, что ли? — с таким спокойствием, что это исключало бесцеремонность, произнесла она, упирая кулаки в крутые бока и становясь похожей на торговку-оценщицу. — Откуда только взялась? Бела, как жабье брюхо, и бровью плешива. Кто за такую виру даст?

И тут произошло то, чего мона Сэниа и сама никак не ожидала от себя — она расхохоталась. Действительно, ситуация была более чем нелепая: она, дочь короля Джаспера, супруга звездного эрла Юрга из рода Брагинов, да что там говорить — командор могучей дружины, облетевшей чуть ли не все планеты страшного созвездия Костлявого Кентавра, — она сидела на полу промокшей палатки (парчовая подушка не в счет), и какая-то нахальная троглодитка еще привередничала, оценивая ее на предмет купли-продажи!

И, как это нередко бывает, беззлобный смех вернул ей прежнюю уверенность в себе и вместе с тем — безошибочность мгновенных решений.

Она стремительно поднялась:

— Ну вот что. Я знаю, где надежнее всего спрятать голубое золото: его нужно перенести на Джаспер.

Шаман, застонав, присел на корточки, зажимая себе уши ладонями; гримасы на лице беспорядочно сменяли одна другую, сухие губы беззвучно шевелились.

— Да не старайся ты мне открыть, сибилло, что здесь стены имеют уши: я как раз собираюсь достичь обратного. Сорк, ты сейчас слетаешь на Игуану — кстати, прихватишь на всякий случай Чернавку, а то в первый момент, не разобравшись в ситуации, кто-нибудь из солнцезаконников поретивее может захватить ее в заложницы, мы такое уже проходили. Далее вот что: оставишь Чернавку с Касаултой, а сам вернешься сюда, захватив Пы... и кто там у нас еще с богатырской мускулатурой? — а, с Борбом. Заодно захватишь для Лронга небольшой десинтор и несколько запасных обойм.

Милосердный князь беспокойно шевельнул плечами, словно у него по спине проползло что-то липкое.

— Не волнуйся, добрейший друг, тебе совершенно незачем рассматривать эту вещь как оружие, а тем паче — стрелять в людей. Для всех это будет только амулет, способный метать молнии — для поднятия твоего престижа. — Тут принцесса покривила душой: она надеялась, что если уж дело до дела дойдет, то у Лронга не дрогнет рука защитить своего отца или кого-нибудь другого, столь же незащищенного. Дальше уже совсем просто: ты, Сорк, вместе с Борбом отправитесь туда, куда отведет вас князь Лроногирэхи-хауд, и переправите все до крупницы голубое золото на Игуану... хотя бы на то место лесной просеки, где вы вчера закончили работу — не мять же цветы возле дома, в самом деле... Когда закончите переброску, вернете князя сюда, а сами, если его светлости больше ничего не потребуется, — домой. И всё.

Сибилло продолжал корчиться на полу, зажимая уши — впрочем, не так крепко, чтобы не слышать слов принцессы; Лронг глядел на нее с немым обожанием, ибо уверенность в себе вернула былую царственность ее красоте, а Паянна попросту раскрыла рот в том редкостном восхищении, которое так нечасто встретишь в отношении одной женщины к другой.

Но тут она тряхнула головой, словно сбрасывая с себя очарование, наведенное голосом чужеземки:

— Нет, сибилла светлая, не все. Не знаешь ты ледяной лютости солнечных слуг. Если уж учинят они заговор против светлого князя, а рано или поздно это неминуемо случится, негожий он им, не ихнего он каравана; то пытаться они его будут смертной мукой, пока не велит он вернуть золото обратно.

— Вот потому-то я и хочу, чтобы все услышали: голубое сокровище в другом мире, распоряжаюсь им я, и нет у вашего князя способа, как в этот мир весть переслать. Запытать его до смерти нетрудно, судя по вашим обычаям; только вот тогда — и пусть все это усвоят хорошенько! — голубое золото будет потеряно навсегда. Навсегда!

Тишина наступила такая, что, казалось, замерли не только находившиеся в палатке, но и те, кто, несомненно, этот разговор подслушивал.

— Ты все-таки собери свой сановный совет, князь, — подсказала она, — и повтори это во всеуслышание, чтоб запомнили накрепко. И прибавь, что время от времени мои воины будут незримо появляться во всех концах твоей дороги, проверять, все ли благополучно. И что тем, кто попытается учинить смуту, завидовать не придется... Амулет свой, молнии мечущий, ты там же и продемонстрируй, только целься в потолок. Тогда рука не дрогнет.

Ну, кажется, все было расставлено по местам.

— Зови Чернавку, — распорядилась принцесса.

Паянна круто развернулась, словно приказ был отдан непосредственно ей, распахла палатку — светлый грибной дождик хлынул ей навстречу.

— Кивка! — крикнула она — видно, кто-то появился на ее крик, потому что продолжала она уже чуть слышно: — Пусть приведут ту, что под охраной рогаточниц, да покрывала не снимают с головы и маски тоже, чтоб ни один глаз ее не углядел!

Она задернула полог и обернулась к принцессе, как бы извиняясь:

— Замучают очищениями служаки солнцевы...

— Да, — подтвердил Лронг, — закон неизменен — Чернавке маску снимать до смерти не ведено, пришлось снова надеть.

— Вот в твоём мире, девонька, пусть она с босым лицом походит, авось загорит, а то уж больно светла, как зола, — не упустил случая вставить свое слово сибилло.

— Ну, это мы уже там решим по ходу дела, — подвела черту принцесса. — У тебя все, милосердный князь? Тогда я возвращаюсь... сын ждет.

Костлявые пальцы поскребли ее сапог. Мона Сэ-ния с удивлением глянула вниз — сибилло, присев на корточки, снова отчаянно гримасничал, всеми мимическими знаками давая ей понять, что хочет сказать ей что-то без посторонних ушей.

— Что еще, уважаемый? — Ей очень не хотелось тратить время на выслушивание пустых баек отставного колдуна, но с другой стороны, еще неизвестно, когда ей придется снова побывать на Тихри — так уж лучше покончить со всеми вопросами разом. — Подальше от людского жилья? Хорошо, только на минуточку.

Она нагнулась, обнимая шамана за плечи, но в этот миг теплая властная рука сжала ее запястье:

— Я с вами, — непререкаемым тоном проговорила Паянна. — Не верю я трухлявому.

— Отвяжись, кочерыжка! Заколдует тебя сибилло!

— Как же, — усмехнулась женщина, — заколдуюшь. Загнулась твоя колдовалка!

Мона Сэниа только головой тряхнула — в ее жизни явно началась полоса стремительных решений, и такой образ действий вполне соответствовал ее нраву, Поэтому, не тратя лишних слов, она покрепче взялась за локоть чернокожей хозяйки гарема, прикидывая в уме, что и сибилло, и эта далеко не старая женщина вместе не тяжелее, чем один боевой конь, которого ей не раз приходилось переносить через НИЧТО.

Один шаг — и вот они втроем уже стояли среди заброшенных домиков того первого селенья, в котором очутилась дружина после зловещего медового Ущелья, которое отнюдь не было медовым.

— Безлюдье гарантировано, — жестко отчеканила она. — Говори, сибилло!

Шаман зябко поежился — между домишками свистел пронизывающий ветер. Неминухая осень царствовала здесь вовсю, выметая все следы человеческого духа.

— Убьют князюшку, порешат милосердного... — Сибилло залился неподдельными слезами. — О нем ты заботишься, а о сибилле бесприютном подумала?

Ну вот, только этого ей и не хватало — тащить еще и этого юродивого к себе на Игуану!

— Твой мир здесь, и ты — не беззащитная женщина, — безжалостно отрезала принцесса. — Могу перенести тебя на другую дорогу, если трусишь. Прикинешься всемогущим — сойдет. Отрастишь на каком-нибудь баране шерсть до земли...

— А кто тебя живой водой напоил, забыла? — взвыл шаман.

— Ну так что тебе?

— Амулет! Амулет, молнии мечущий! Только чтоб никто не знал...

— Не давай, — спокойно проговорила Паянна. — Со страху своих перешибет.

— Естественно. Вот возьми другой, огонь рождающий.

Шаман боязливо принял легкую золотистую безделушку с колдовскими рунами вдоль боковой стеночки. Если бы он был сведущ в земном языке, то прочитал бы загадочные буквы: ВАСИ. Волшебные руны означали, что зажигалка изготовлена умельцами-раритетчиками из Валдайской Артели Скобяных Изделий.

— Я уже сказала, что мои воины будут время от времени за вами приглядывать, если что — очутишься на другой Дороге.

— Хорошо б на Морскую, погреть кости на бережку... — мечтательно проблеял шаман.

— Он еще привередничает! — фыркнула Паянна.

Было в ее выжидательной позе что-то такое, что заставляло мону Сэниа предполагать, что тихрианка ждет, когда с сибилловыми капризами будет покончено, чтобы перекинуться с ней парой слов наедине. Поэтому она представила себе самую большую из всех подушек, валяющихся на полу княжеской палатки, и без лишних объяснений отправила сибиллу прямо туда. Исчезновение шамана не произвело на женщину ни малейшего впечатления — она продолжала сохранять невозмутимость эбеновой статуи.

— Говори, — по-королевски бросила джасперянка.

— Князя убьют, — непререкаемость тона граничила с равнодушием.

— Что, и тебя спасти в этом случае?

— Нет. Ты — белокожая сибилла, ты все можешь. Достань живой воды.

— О, древние боги! И как это я сама не догадалась... — Естественное недоверие одной незнакомой женщины к другой вспыхнуло у нее совершенно закономерно. — Значит, достать живую воду... и отдать ее тебе?

— Не стоит — у нас ведь не только каждое слово услышат, но и каждую нитку пересчитают. Могут украсть. Так что отдай этому трухлявому, его за дурачка держат, обыскивать не будут.

— Хм. Что ж ты не посоветуешь князю призвать к себе сибиллу посмышленее?

— Да какого? На нашей дороге настоящий всего один, да и тот еще не в летах; остальные липовые.

И снова возникла пауза, словно чернокожая женщина не решалась о чем-то попросить.

— Ты говори уж все, Паянна; неизвестно, когда мы еще встретимся!

Тихрианка набрала побольше воздуха и задержала дыхание, точно собиралась броситься в воду. Потом решительно тряхнула головой:

— Хорошо. Слушай, белокожая сибилла: ты всемогуща, ты прилетаешь и исчезаешь, так что ты можешь не опасаться неудачи. Так сделай доброе дело: уничтожь всех анделисов на нашей дороге!

Мона Сэниа отшатнулась от нее — так велико было ее изумление:

— Но вы же... вы же молитесь на них?

Шквальный ветер взметнул черное одеяние, и оно жестко захлопало вокруг столпообразных ног тихрианки, прямо-таки ошеломляющих своей величиной. В то же время княжеский плащ, согревавший плечи моны Сэниа, оставался неподвижным, словно какая-то сила заслоняла принцессу от лютости надвигающейся зимы.

Она почувствовала это и беспокойно оглянулась.

— Здесь их нет, не бойся, — угадала ее мысли тихрианка. — Эти твари теплолюбивы. И крутятся там, где люди.

— Но они воскресили твоего Рахихорда, — неуверенно продолжала мона Сэниа, с изумлением отдавая себе отчет в том, что она, собственно, защищает крэгов.

— Да, временами они это делают. Но не из сострадания. Каждый возвращенный к жизни несет на себе

печать: «анделисы — спасители всего сущего», слово эти слова огненными буквами горят у них во лбу. Скажи, после чудесного возвращения Рахихорда ты сама не уверовала в это?

Принцесса была вынуждена понуро кивнуть.

— А кроме того... у меня нет четких доказательств, но я полагаю, что каждый воскрешенный несет в себе заложенную анделисами информацию, выгодную...

— Информацию? — Этот термин, слишком неожиданный из уст варварки, заставил мону Сэниа снова насторожиться.

— Разве на твоей дороге нет такого слова? Это означает — корзинка с разными мыслями. Вот все то, о чем сплетничают в гареме...

— Я поняла, — оборвала ее принцесса — действительно, этот специфический термин, так неожиданно выданный транслейтором, на языке Тихри мог существовать в какой-нибудь совершенно посконной форме. — Но ведь вместе со старым рыцарем они воскресили и ребенка?..

— Вот именно. Подозреваю, что ребенок, возмужав, станет самым фанатичным пропагандистом...

Опять транслейтор.

— Ты меня убедила. — У моны Сэниа нарастало какое-то предчувствие, что ей не стоит задерживаться здесь ни на одну лишнюю минуту. — И более того: могу тебе признаться, что с наслаждением вымела бы эту пернатую нечисть прежде всего с собственной планеты. А уж с Тихри — это в придачу. Но я поклялась оставить все как есть.

Паянна подалась вперед:

— Но ведь эта клятва касалась только твоей дороги?

Мона Сэниа прикрыла глаза. «Ты можешь поклясться, что сделаешь все, чтобы эти слова стали для Джаспера законом?»

Венценосный крэг промахнулся — ему следовало бы сказать «для всех миров».

— Я не могу обещать тебе, что начну что-нибудь делать немедленно. — Обнадеживать эту странную, полную решимости женщину у нее не хватило духа. — Ты, наверное, не знаешь, но я прибыла сюда, чтобы попытаться найти ту... ту, которой князь Оцмар завещал голубую звезду.

— Об этом весь гарем уже знает, — усмехнулась Паянна. — В корзинке наших новостей эта — с самого верху. Но ведь говорят, что на ее могилу наложено заклятие — ни один человек с Тихри... там еще упоминали два мира, но я не запомнила названий — ни один не сможет отыскать ее. Ты из этих миров, белокожая?

— Да. Значит, мы пытаемся напрасно? Что же делать?

— Ну это просто. Законы волшебства хороши своей незамысловатостью. В твоем деле ничего не смогут сделать все люди трех миров. Ну так найди четвертый мир, такой, в котором отыщется смелый воин — или, если посмотреть с другой стороны, легковверный дурачок, — который не побоится отправиться с тобой в ледяной Ад.

Принцессу потрясла даже не легкость, с которой эта странная, удивительно независимая женщина подсказала ей решение, казалось бы, тупиковой ситуации; глядя на это неподвижное, застывшее, точно маска из черного дерева, лицо, она почувствовала ту притягательность, которую всегда ощущала, стоя над бездной.

Маска снова дрогнула, невидимые черные губы разлепились:

— Не теряй времени, светлокожая. И запомни: нашей дорогой правит Милосердный князь. И даже не солнцезаконники. Здесь правят анделисы, а им голубое золото не нужно. И они всеведущи, потому что,

облегчая муки умирающих, они узнают абсолютно все, что происходит на Тихри.

— Разве они умеют читать мысли?

— Какой-то способ у них имеется...

— Знаешь ли ты, Паянна, что ты — самый мудрый человек из всех, кого я встретила на солнечной Тихри? — черное лицо осталось неподвижным, хотя мона Сэниа ожидала, что в ответ на ее искренние слова эта туземка хотя бы поведет своей заплетенной в косичку бровью. — Так вот, Паянна: когда я найду возможность прилететь сюда в следующий раз, я хотела бы знать — каким образом анделисам удается проникать в тайну человеческой мысли.

Черноугольная маска качнулась в едва угадываемом кивке.

— Ну, возвращаемся...

В княжеской палатке было пусто, если не считать сибиллы, который, сидя на подушках по-турецки, самозабвенно чиркал зажигалкой.

— Ты учти, запасы волшебного огня не безграничны!

— Упреждать надо было сибиллу обездоленного!

— Цыц, обездоленный! — прикрикнула на него Паянна. — Ишь, кисеты напоясные брякают — на-клянчил, наворовал...

Милые бранятся — только тешатся.

— Князь?..

— На горе, на горе. С твоими. А Чернавку спровадили на твою дорогу. Только грех это, грех, и окажется он себя...

Мона Сэниа исчезла, не прощаясь.

С подоблачной высоты, на которой она всегда появлялась, чтобы зорким оком хозяйки и воина оглядеть Бирюзовый Дол и его окрестности, ни малейшего шевеления в лазоревой чаше заметно не было, только валялся между боковыми корабликами забытый кем-то плащ, да тусклой цепочкой замерли вдоль стены не

обремененные никакими приказами сервы. Зато на просеке царило оживление: два всадника направлялись к дому, а трое дружинников валяли дурака, затеяв весьма популярную у молодежи игру, которую Юрг как-то окрестил «конно-подпространственной чехардой». В конце просеки то и дело вспыхивали на солнце пронзительные звездчатые блики — принцесса догадалась, что это переправляемые с Тихри слитки голубого золота.

Она опустилась поодаль, среди деревьев, чтобы не испугать коней. Первым всадником был ее муж, державший на руках Юхани. За ним следовал Харр, впервые, вероятно, взобравшийся на крылатого коня. Его громадные ноги не влезали в стремяна, и тем не менее он держался в седле, как влитой; Флейж, Дуз и Ких поочередно рысью догоняли его першерона и, поравнявшись, вскакивали на лошадиный круп, чтобы потом соскочить, сделав в воздухе какой-нибудь замысловатый курбет.

Словно почувствовав ее появление, Юрг натянул поводья и остановил коня, озираясь.

— А вот и мамочка, — сказал он, поднимая малыша. — Грабительница тихрианского отделения швейцарского банка. С каких пор, дорогая, ты воспылала страстью к презренному металлу?

— С тех пор, как нашему Лронгу понадобилась весомая гарантия его безопасности. Сейчас расскажу.

Она поставила ногу на стремя своего звездного эрла, и он поднял ее и посадил перед собою, совсем как во время их самых первых прогулок по полям бесцветника сразу после свадьбы. Которой, впрочем, и не было. Дружинники тактично поотстали, зато Харр бесцеремонно пришпорил коня своими белыми астронавтскими сапожищами, выглядевшими по меньшей мере неуместно в сочетании со средневековым камзолom, и поравнялся с ними.

Но прежде всего мона Сэниа отобрала у мужа уже изрядно потяжелевшего сына — он тут же уперся голыми светло-кофейными ножонками ей в колени и отчаянно брыкнулся.

— Мужик, — прокомментировал Харр. — Ему отцовские руки под стать, а не бабьи нежности.

— Изыди, — беззлобно огрызнулся счастливый отец.

— А где Чернавка? — вспомнила принцесса, покрепче обхватывая поперек живота неукротимого наследника.

— Сорк оставил ее на солнышке, навалил перед ней кучу лакомых блюд, сказал — на час как минимум ей хватит.

Хорошо утрамбованная сервами дорога начала плавно подниматься вверх, к темнеющему проему незапертых ворот.

— Вы все-таки не оставляли бы Бирюзовый Дол без единого стража, — по-хозяйски обеспокоилась принцесса. — Касаулта, правда, еще на воздух не выходит, но все-таки...

— Да ворота же на виду, — сказал Юрг, впервые за много дней пребывающий в блаженной беспечности. — И Гуен там. Присмотрит.

— Гуен купается, я сверху видела.

— Что-что? Новенькое в орнитологии. Совы никогда не купаются, да и гарпии, насколько мне позволяют судить более чем скудные познания в этой области, — тоже. Хотя наша Гуеша что-то зачастила на птичий базар, а с кем поведешься, от того и наберешься.

Харр по-Харрада радостно заржал:

— Это надо запомнить! Когда под телегой блохи преодолевают...

Его конь не выдержал и возмущенно захрапел.

— Слезай, — сказал Юрг, натягивая поводья. — Ты мне конягу попортишь своим немелодичным ржа-

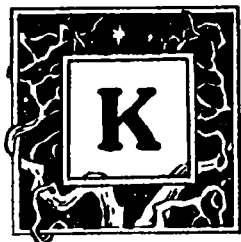
нием. Тоже мне менестрель. Эй, Ких, переправь-ка этих мустангов обратно в замок, не бросать же их в лесу, пока конюшню не отстроили.

Он обхватил жену за гибкую талию, которую не испортило материнство, и спустил на землю. Чуть пригибаясь, они прошли сквозь двойные ворота распахнутого настежь кораблика и ступили на неувядающие колокольчики Бирюзового Дола. Воздух, настоящий на солнечных лучах, был жарок и сладок какой-то древней, первобытной медвяностью; дальний гул моря и однотонное гудение пчел — слагаемые полуденной тишины — налагали невесомую печать на разом пересохшие губы. В этом мареве хотелось плыть...

— Дайте-ка мальчика, — жестко проговорил Харр по-Харрада, выхватывая ребенка у моны Сэниа и отступая с ним в безопасную тень привратного кораблика. — Это пахнет кровью.

VIII. А БЫЛИ ЛЕГКИМИ ПОБЕДЫ

кой — она исчезла.

Первым стряхнул с себя оцепенение Юрг. Растолкав дружинников, застывших за его спиной, он бросился в свою спальню. На постели, взъерошив пестрые перышки, угрожающе щелкал клювом Кукушонок — закрывал собой распластавшегося по сиреневому покрывалу Шоёо.

— Видел, кто?.. — отрывисто спросил командор, роясь в своих вещах. Кукушонок только покачал хохолком. А вот и плоская металлическая фляжка. Почти пустая...

Он ринулся обратно, но над изуродованным телом Касаулты снова замер в нерешительности. Потом поднял фляжку и осторожно поболтал ею над ухом.

— Еле-еле на один глоток, — пробормотал он.

Мона Сэниа молча протянула руку, и он вложил в нее серебряную посудину. Ни секунды не колеблясь, принцесса подняла крошечное тельце ребенка и, сдержнув зубами колпачок, осторожно влила живую воду в приоткрытый ротик. Ничего не произошло. Она прислонила младенца к своему плечу и тихонько похлопывала по спинке, почти беззвучно что-то напевая. Внезапно в воздухе пронеслась теплая шуршащая молния — Кукушонок опустил на плечо женщины и прикрыл Фирюзу своими крыльями.

— Ты что?.. — инстинктивно ринулся ему наперехват командор, про себя отмечая, что точеная головка этого удивительного создания была поднята кверху; тонкий изящный клюв глядел в потолок, словно Кукушонок боялся дотронуться до темечка ребенка.

— Ей же холодно, — укоризненно прошептал Кукушонок.

Мона Сэниа зарылась носом в перья, потом медленно подняла голову.

— Дышит, — проговорила она с безмерным изумлением, словно ждала чего-то другого.

Хоронили Касаулту уже в сумерках. Недалеко от груды голубых слитков обнаружился еще один «термитник», в нем пробили отверстие и у противоположной стены выкопали глубокую могилу. Когда опустили туда тело, завернутое в серебристый плащ — сколотить гроб было просто не из чего, — Харр по-Харрада забормотал было что-то про незакатное солнце, но потом спохватился, что молитва Тихри вряд ли подходит для женщины едва знакомого ему иного мира. И замолк. Потом внутри этой импровизированной усыпальницы покидали слитки голубого золота, до которого как-то всем не было дела, и старательно замуровывали вход. У Юрга почему-то возникла твердая уверенность в том, что уже назавтра все следы челове-

ческих трудов будут скрыты под нерукотворным узором инеистого мха.

Вечерняя трапеза напоминала тризну — да в сущности, она таковой и была. Мона Сэниа, покачивая уснувшую девочку (Харр так и не выпускал Ю-ю из своих черных лапищ), силилась представить себе лицо погибшей — и не могла. Мелкие черты, черные — жесткими завитками — волосы. Такие привораживают мужчин, все время их подкалывая и насмехаясь. О таких быстро забывают. Несомненно, кто-то из шайки Джанибаста решил взять реванш за свое поражение, с наглядной жестокостью расправившись с похищенной у них заложницей и вместо нее взяв новую — ничего не подозревавшую несчастную Чернавку, которая вместо обещанной безопасности попала прямохонько в лапы болотных выродков. Правда, оставались и другие варианты...

— Ты как-то говорила, — осторожно начал Юрг, глядя куда-то мимо жены, — что члены королевской семьи могут переноситься в любое место независимо от того, видели они его или нет. Может, кто-то из принцев... ну я не хочу допускать намеренного злодейства, но ведь может случиться и приступ помешательства?..

— Нет, — твердо отрезала принцесса. — Такого не может быть. Бой на равных — да, но поднять оружие на беззащитного... Ты не понимаешь. Рука разожмется, это... это, как говорят у вас на Земле, физически невозможно. Разве что кто-нибудь из жавровой банды?

— Жители Равнины Паладинов не бывали на Лютых островах уже лет двести, — возразил Эрм. — Перелететь через Внешнюю Цепь, очутиться здесь, где островок за островком тянется, как нанизанные на нитку бусины...

Действительно, островной архипелаг сверху смотрелся точно переплетение плавно изгибающихся гирлянд — во время большого отлива, наверное, можно было бы на конях пройти десятка два островов. В та-

кой необъятной акватории выбрать ничем особенно не примечательную Игуану, да еще и в определенной ее точке, и в тот момент, когда Бирюзовый Дол опустел, — это могло произойти с ничтожной вероятностью. Это понимал даже туповатый Пы.

— Может, аборигены? — робко подал он голос.

— На них это совсем не похоже, — с сомнением покачала головой мона Сэниа. — Да и остров необитаем. Конечно, какой-нибудь одичавший изгнанник...

— Полоумный робинзон? — усомнился Юрг. — А зачем? И куда он делся вместе с Чернавкой — ведь мы с того момента, как тут появился Сорк, не спускали глаз с ворот. Я допускаю, что, обладая цепкостью дикаря, он смог бы перемахнуть через каменную стену, есть же там трещинки, зацепочки; но перетащить еще и женское тело, пусть легкое — нет, невозможно. Здесь кто-то исчезал по-вашему, по-джасперянски.

— И все-таки королеву Ушинь надо поставить в известность о имевшем место случае вторжения... — Чопорный тон Эрма свидетельствовал о том, что он накрепко вошел в роль сенешаля.

— Это само собой, — тоскливо согласился командор. — Когда нам будет что сказать.

А сказать можно было еще одно: появление в Бирюзовом Доле постороннего допускалось лишь в том случае, если кто-то из дружинников хотя бы на долю секунды принес этого постороннего сюда вместе с собой. Они, скажем, появились в запасном кораблике, предназначенном для гостей, один взгляд — и чужак уже исчезал. Чтобы вернуться сюда в любое время.

Пожалуй, все, кроме Харра, это уже понимали. Но никто не мог произнести это вслух: ведь тогда выходило, что один из сидящих сейчас в тесном кругу — предатель.

— О, древние боги! — не выдержала принцесса. — А ты-то что на меня уставился и молчишь, славный менестрель? Раньше ведь рта не закрывал!

— А я все жду, когда вы мудрствовать перестанете, — спокойно изрек по-Харрада.

— Дерзишь! — рявкнул Эрм, которому тоже было не по себе.

— На том стою. А гляжу я на тебя, владетельница, потому как ты кожей светла, волосом черна, собой пригожа, летами млада, и дитя при тебе.

Все онемели, уже поняв, к чему он ведет.

— Так ту ли убили?

— Нет на Джаспере человека, который не знал бы меня в лицо, — с королевской простотой изрекла принцесса.

— Так то ж на Джаспере...

— Да ты сам подумай, что говоришь, — накинулся на него Юрг, — мы решили спасти Чернавку от твоих законников, а она, в благодарность за спасение, полоснула своей избавительнице по горлу?

— А другого не дано, — спокойно парировал Харр. — Две бабы, одно дите. Когда одна баба со своим дитем найдены убиенными, на кого думать?

— Знаешь, милый, это даже для варварской логики слишком примитивно.

— А то, что истинно, всегда просто, — пожав плечами, легко бросил менестрель. — Жизнь, смерть, злодеяние. Это как пальцем ткнуть — во, в этот кувшин. Вот я ткнул, это — истина. Вот я в руки взял — а она емкая, стерва. Внутри мно-ого чего.

Эта первобытная сентенция подействовала на всех ошеломляюще.

— Слушай, ты, гусь лапчатый, — встряхнулся наконец Флейж, — ты, конечно, поднаторел на своих пирах сиволапых караванников развлекать, но здесь...

Принцесса остановила его взмахом руки:

— Допустим, от всего пережитого Чернавка сошла с ума. Но тогда где она?

— Эх, жалость, что ваши шустрики служивые говорить не обучены... Так. В ворота она выгляну-

ла — увидала коней. Что ей оставалось? Стена. Я бы враз вскарабкался.

— Глядите, у кухонного навеса уголок осыпался — утром был цел. — Это, как всегда, не ускользнуло от наблюдательного Сорка.

— Но там же обрыв, высота невероятная, — осторожно вставил Дуз.

— А она что, знала?

Сразу трое или четверо, похватав факелы, воткнутые в землю, в один миг очутились на кромке стены.

— Гуен еще там! — крикнул Ких, вглядываясь в темноту ночного моря, глухо ворчавшего у подножия обрыва, который сейчас казался уходящим прямо в преисподнюю.

— В дом, и затворитесь, — коротко бросила мона Сэниа Эрму, передавая ему девочку. — Все — вниз!

Через секунду все дружинники, подняв факелы, уже стояли, сгрудившись, на отполированном волнами камне, едва выступающем из воды. Примерно в полуполете стрелы от них на остром, кривом, как коготь дракона, утесе сидела Гуен. Она периодически встряхивалась, подымая все три хохла, потом как-то опадала, становясь вдвое меньше. Внезапно она сорвалась с места, скользнула вдоль лунной дорожки и нацелилась на какую-то бесформенную массу, всплывшую из глубины. Послышался удар, сопровождаемый всплеском.

— Гуен, назад! — крикнула принцесса. — Домой, Гуен, домой!

Птица поднялась, описывая над водой сторожевой круг, нехотя начала набирать высоту, временами как-то обвисая и едва не срываясь в вертикальное падение. Флейж догадался, ринулся наперехват — несчастная стражница промокла до последнего перышка; исчез вместе с нею.

— Ты что, велел ей охранять Чернавку? — вполголоса спросила принцесса Сорка.

— Ну да. А разве можно было иначе? Естественно, иначе было просто нельзя. Но в программе обучения этой могучей птицы не было такого предусмотренного случая, когда из двух вверенных ее попечению людей один нападал на другого. Сейчас было трудно — да в сущности, и незачем — гадать, что произошло в стенах Бирюзового Дола, когда Гуен услышала крики Касаулты и почуяла запах крови. Одно очевидно: спасаясь от разъяренного крылатого чудовища, убийца сумела вскарабкаться по каменному откосу, но там-то ее и достал смертоносный клюв никогда не промахивающейся Гуен.

Появился Флейж и притащил с собой по-Харраду.

— Ой-ёй, — вздрогнул тот, обнаружив себя на скользком камушке посреди ночного моря — ситуация для странника, путешествовавшего всю свою жизнь исключительно по суше, не вполне ординарная. — А вы не думаете, что сейчас из воды дракоша вынырнет?

Но мифический дракоша никого сейчас не интересовал; все всматривались в лунную дорожку, на которой, кажется, снова появилось что-то бесформенное. Ких сунул свой факел Пы, скинул камзол и свечечкой бухнул в воду. Плыл он неумело, как подметил Юрг — «по-собачьи»; было видно, как он протянул руку, по-дельфиньи подпрыгнул — на берегу, в непроглядной темени сбегающего к самой воде лесочка, что-то тяжело хлюпнуло. Хорошо, догадался не тащить ЭТО в Бирюзовый Дол...

Склоненные факелы закалили смолой черную дрань одежды. Скрюченные, точно обугленные руки, белый оскал беззубого уже рта. А выше — ничего. Расклеванный бесчисленными ударами череп, мозг вымыло начисто. Влажные изломы кости поблескивали в лунном свете.

Сорк наклонил свой факел совсем низко к тому, что осталось от лица. Лохмотья мышечной ткани, изрядно намокшей за все это время, казались совершен-

но бесцветными, но вот остатки кожи выделялись аспидной чернотой.

— Кажется, на Тихри кто-то говорил, что ее светлой коже следует немного загореть, — пробормотал он неуверенно.

Но Харру этого было достаточно. Он выдернул из ножен свой меч, и мона Сэниа впервые в жизни вздрогнула от этого свистящего звука. Он поддел влажную ткань, и она с плачевным скрипом распалась надвое, обнажая щуплое мальчишечье тело.

— Вот вам и Чернавка, — присвистнул тихриан. — На пуп поглядите!

Смотрели-то все не на пуп, но, подняв немного взгляд, каждый мог заметить не до конца смытый серебряный кружок, от которого расходились немногочисленные лучи.

— Солнечный раб, — сказал уверенно менестрель. — Таким назначают испытание; ежели пройдет — законником станет, а не сдюжит... В лучшем случае останется в кабале до самой смерти.

— Ни хрена себе естественный отбор, — пробормотал Юрг.

— Пришли сервов, чтобы закопали, — сухо проговорила принцесса, отворачиваясь.

Продолжать вечернюю трапезу никому даже на ум не пришло. Впрочем, отправляясь на ночь в привратный кораблик, Харр по-Харрада насовал всякой снеди за пазуху столько, что полусонное хрупанье доносилось оттуда до самого утра, как из стойла.

А ненаследному принцу пришлось потесниться в своей драгоценной колыбели — подарке никогда не видевшего его деда-короля.

— Я только упрежу Лронга, а то как бы до него не добрались. — Командор был уже одет и застегивал клапаны серебристо-белого комбинезона. — Со вчерашнего дня он вряд ли со своего места стронулся.

Оба, не сговариваясь, подумали об одном и том же; каждый раз, когда им казалось, что для них наступила спокойная семейная жизнь, получалось так, что проходил день — и, оглядываясь назад, они с трудом могли себе представить, что ВСЕ ЭТО могло уместиться в коротенькие двадцать четыре часа.

— Будь осторожен, — чуть слышно шепнула мона Сэниа.

— Что я слышу? — изумился Юрг. — И от кого? И с чего бы?

Она вздохнула:

— Ты что-то слишком тщательно застегиваешься на все пуговицы... .

М-да. Неистовая девочка прямо на глазах превращалась в классическую супругу высшей пробы.

— Еще немного, и ты начнешь мне ладанку на шею вешать...

— А что мне еще делать, муж мой, любовь моя? Я теперь немолодая, небогатая, с двумя детьми на руках. Меч возьмешь?

— А как же. Ну а теперь зови тех, кто поумнее, — Эрма, Сорка, и вместе садитесь за Звездные Анналы. Твоя чернокожая советчица права — придется искать какой-то четвертый мир.

— Да уж не соскучусь. Не задерживайся.

— Я ж на минутку! — словно собирался к соседу за спичками. — Ких, возникший мой солнечный, поехали! Подставь-ка носик, Химена...

И кораблика как не бывало.

Откуда-то, почесываясь, появился Харр.

— И чего к мужику вяжешься? Ну гульнет на стороне малость, так от тебя убудет, что ли?

— Изыди!

Жена, как всегда, была права: проговорив с Лронгом не более получаса с глазу на глаз (посторонние уши подразумевались, но на этот случай пригодился

язык жестов, доступный без переводчика), Юрг был представлен Паянне — друг другу они не очень понравились, — после чего он незамедлительно отбыл.

Не на Джаспер, разумеется, — напрямиком в Ад. По проторенной дорожке.

— Из кораблика ни в коем разе ни ногой, — строго наказывал он Киху, вытаскивая из-под коврика две плоские канистры. — Если что, потянешь меня за тросик. Но не думаю, потому как в прошлый раз это чудище поганое на меня напоролось. Теперь остережется.

Он еще раз проверил крепление тросика к поясу и вылез наружу. Подача кислорода и обогрев, естественно, не работали, так что в узкую прорезь двустворчатого щитка просачивался ледяной до едкости воздух. После субтропиков Игуаны было как-то дискомфортно, да и сатанинские сполохи неугомонного вулкана в этот раз своей трагической красотой не пленяли.

Юрг спешной рысью двинулся вперед, досадуя, что под хрустким слоем свежавывающего снега не видно их давешних следов. Впрочем, ошибиться было нельзя — широкая полынья дэвова лежбища виднелась прямо по курсу. Он постарался выровнять дыхание, чтобы на традиционный вопрос ответить скоренько и без запинки, и с некоторым удивлением отметил, что Скудоумец прихорошился — блестел, во всяком случае, как стеклышко. И молчал.

— Эй, кладезь премудрости, — крикнул командор, останавливаясь на самом краю, — ты что, навел марафет и разговаривать не хочешь? Зазнался?

Ветер, шурша кристалликами льда, погнал по зеркальной поверхности невесомую поземку. Случилось то, чего он боялся, не позволяя себе об этом даже думать: источника живой воды больше не существовало. Все превратилось в один замерзший пруд.

— Дезертировал, сволочь! — Юрг на всякий случай довел до сведения потенциального слушателя свое отношение к происходящему.

Дэв не отозвался.

Юрг повернулся, захлопнул щиток и потрусил к кораблику, сматывая на бегу тросик, прикрепленный к поясу, и уповая на то, что воздуха внутри шлема ему хватит, а то недоставало ему еще ангины.

За корабликом смутно угадывалась громада неприступной горы, укрытой туманом и заклятиями. Состоять туда на авось не имело ни малейшего смысла. Тем более что покинувший свое рабочее место Скудоумный Дэв мог вполне пригнуться именно там.

Засаленные Анналы листались едва ли не благоговейно.

— Мирт Богдыхана, — читала принцесса. — Кто-нибудь слышал о таком?

— Вроде бы мой двоюродный дед рассказывал, — неуверенно проговорил Борб, подергивая себя за ухо, вероятно, для освежения памяти. — Да, определенно в семье о Богдыхане рассказывают. Но там побывали давно. Поколений пять назад.

— Значит, отпадает. Дальше: Ромбион. Вспоминайте, вспоминайте: четыре желтые звезды да еще одна потухшая. Годных планет для заселения три, сплошные описания райских куш.

— А что о населении? — спросил Юрг, уже порядком утомленный.

— Ни полслова.

— Тогда положи накладку. Может, Шоёо с одной из них.

Мона Сэниа почесала лайковое брюшко зверька, разлегшегося тут же на ковре лапками кверху.

— Вспомни еще раз, малыш: какого цвета было твое солнце?

— Я не мог смотреть на него. Никто не смотрел на солнце. Но я помню, что сквозь щели проникали серебряные лучи, совсем как твой огромный меч.

— А луны? Что было на небе ночью?

— Ночью я спал в дупле, а потом в домике у ёт-Хриёр-ёта.

Попытка отыскать мир, из которого был принесен Шоёо, казалась уже почти безнадежной.

Мона Сэниа кротко глянула в куполообразный потолок, восстанавливая душевное равновесие, и монотонно продолжала:

— Стылая Овчарня... Древние боги, кто-нибудь помнит это пленительное словосочетание? Нет? Ну напрягитесь... О, четыреста чертей, да мы же просидим над этими проклятыми Анналами до собственных правнуков! Здесь тысячи созвездий, чтоб им всем перетухнуть...

Увесистый том полетел в угол — хорошо, не за пределы Бирюзового Дола. Юрг осторожно обнял жену за плечи:

— Я с тобой полностью солидарен, малыш. К чертям последовательность, тем более что она никогда не была королевской привилегией. Попробуем с другого конца: до сих пор мы искали, на какой из планет мог проживать уважаемый ёт-Хриёр-ёт. Возможностей, действительно, до... словом, множество. Сузим их круг: на какой из ПОДСТАВЛЕННЫХ вам планет это могло быть? Не понимаете?

Он с некоторой тоскливостью оглядел дружинников, сгрудившихся над кипой старинных звездных карт. Решимость и исполнительность, и беззаветная преданность в придачу. Еще бы кроху инициативности...

— Вспомните вашу игру с покойным эрлом Асмуром. Половина колоды у вас на руках, половина — у эрла. Вы одинаково видели изображенные там созвездия?

Хор голосов был скорее удивленным, чем утвердительным: а разве могло быть иначе?

— Но ведь волшебная колода — это тридцать шесть пустых картонок, только и всего. Если вы оди-

наково воображали, что видите что-то, то это означает... Ну-ка, напрягитесь!

— Что нашими крэгами командовал кто-то рангом повыше, — воскликнул Флейж, опровергая устойчивое заблуждение, что самый задиристый в бою — как правило, самый пустоголовый.

— Вот именно. Кажется, его именуют прокуратором, чтоб ему... прости, дорогая. Надо думать, созвездия он вам подсовывал не случайно, а по обдуманному плану — так сказать, домашняя заготовка. Корабль, который мы захватили, удирая с Джаспера, был брошен прямо со всем грузом — совершенно очевидно, что он побывал в открытом космосе где-то между вашим полетом и экспедицией Иссабаста, иначе его успели бы разгрузить. Но началась заварушка с крэгами — каюсь, не без моего участия, — и на нашу долю таким образом досталось несколько инопланетных амулетов, в том числе и Неоплаканные Звери. Так вот, моя мысль сводится к следующему: я не думаю, что в игре с «командой икс», как я назвал бы пока неизвестных нам путешественников, вышеупомянутый прокуратор стал бы подбирать какие-то новые сочетания созвездий — разве что за небольшим исключением. Так что вам остается...

— Припомнить ход игры! — крикнул Флейж, ударя себя по колену.

И тут у всех до единого дружинников появилось какое-то отсутствующее выражение... Даже мона Сэниа затаила дыхание. Они снова были там, на Звездной Пристани своей боевой юности, все в девятую, исполненные воинственного пыла и щенячьего восторга, и магические карты их судьбы рождались ниоткуда, посланные рукой самого прославленного эрла Джаспера, которому еще предстояло назвать себя супругом юной и безрассудной принцессы...

— Первой была Золотая Ступка, — тихо проговорил Дуз. — Ее пбили Собачьей Колесницей.

— Нет, — слышался застенчивый, но уверенный голос. — Эта карта называлась Колесом Златопрялки. Затем — Колесница, Болотный Серв и Кометный Гад...

— Ты все точно помнишь, Кукушонок?

— Конечно. Ведь карты были в руках Гаррэля...

Дальше дело пошло практически молниеносно — во всяком случае, по сравнению с первоначальным вариантом. Были отобраны звезды, у которых имелись планеты, по очевидным или косвенным признакам заселенные человекоподобными (если доверять Анналам) существами. Со всеми допусками таких звезд набралось двадцать две.

— Мы почти у цели, — ликовала принцесса. — Итак, у нас двадцать две планеты, на которые «команда икс» высадиться вроде бы могла — крэги выбирают только ненаселенные миры. Значит, отбираем системы, в которых цивилизация находилась уже в фазе затухания и разумная жизнь могла исчезнуть сравнительно недавно.

Список сократился до семнадцати.

— Ну, этой цифры достаточно для одного похода, — почти беспечно заявила мона Сэниа. — Готовимся...

— Кх-гм, — командор издал неопределенный звук, не поддающийся переводу транслейтора, но прекрасно интерпретированный принцессой. — Это кто готовится? Что-то я припоминаю, что количество детей у нас увеличилось до двух. На кого же ты собираешься их оставить? На нашего старого, доброго по-Харраду?

Мона Сэниа так стремительно повернулась к нему, что старые карты вздыбились на ковре, поднятые маленьким смерчем:

— Всем выйти вон!

Славная дружина шарахнулась из шатра, чуть не сбив с ног уже упомянутого Харра по-Харраду, сло-

нявшегося по изрядно притоптанным колокольчикам в силу своей некомпетентности в вопросах космонавигации. Кукушонок с тихим шелестом последовал за всеми, Шоёо тактично скользнул вон на гладком брюшке.

Сцена, разыгравшаяся в обиталище изгнанников между супругами, в джасперянских исторических анналах отражена не была.

Примерно после часовых пререканий командор появился на пороге:

— В нашем распоряжении восемь кораблей, из них один остался на Барсучьем под загрузкой. Я беру три малых корабля и пятерых людей. Эрм и Сорк, вашей зоркости и мужеству я поручаю принцессу и детей. Вопросы есть?

— Шоёо с нами?

— Естественно. Ведь нам нужна, во-первых, его планета, во-вторых, человек с его родины, способный нам помочь, в-третьих, если не найдется такого человека, то какой-нибудь захудалый амулетик, уничтожающий заклятие невидимости... ну и, в-четвертых, как оптимальный вариант, — сам ёт-Хриёр-ёт. Лично.

— Ну тогда облететь семнадцать шариков действительно можно будет за один поход, — легкомысленно бросил Ких. — Вот Ёта придется поискать... То есть его мумию.

Мона Сэниа, как разъяренная фурия, выросла за спиной командора:

— Кто здесь смеет говорить о едином походе? Здесь приказываю я, и вот мое слово; после каждого перелета вы будете возвращаться обратно независимо от результатов. И только я, владетельница Игуаны и ненаследная принцесса Джаспера, буду решать вместе с выбранным мною кругом лиц, куда отправляться в следующий раз. Если таковой вообще будет. Сейчас вам предстоит посетить созвездие, которое в Звездных Анналах носит наименование «Трижды Распятый». Готовьтесь. Я сказала все.

Она круто развернулась и исчезла в глубине Корабельного Замка.

Юрг позволил себе осторожный выдох. Такого тона он от своей жены не слышал ни разу в жизни и, честно говоря, просто не знал, как на него реагировать. Хотя нет — знал, но на это у него просто не было времени. Семнадцать планет. И легкомыслием Киха он не обладал.

— А почему это — Распятый? — вдруг тихонечко проговорил Пы.

В его голосе не было робости, только недоумение: с чего это им начинать с такой поганой планетки, которая невольно ассоциировалась с темно-лиловой картой ночного козыря?

Неужели принцесса забыла, что несчастная масть неминуемо обрекает на гибель одного из участников похода?

— Потому что это — планета белого солнца. И потом, всегда лучше начинать с конца, а это, если я не ошибаюсь, была в игре чуть ли ни предпоследняя карта.

У него самого было другое объяснение: начинать следует с наименее приятного. Потому что от одной экспедиции к другой силы и энтузиазм будут соответственно убывать.

— Ну и ладненько, — уже совсем обыденным тоном проговорил Флейж. — Начинаем, как всегда, с проверки обойм и заточки мечей. Эй, сервы!

— Минуточку, минуточку, — раздался голос менестреля, о котором все, на общую радость, совершенно забыли. — А как же я?..

IX. ЕДИНОЖДЫ РАСПЯТЫЙ

алив, хорошо просматривающийся в донный иллюминатор, был мелководен, а песчаный берег — пустынен. Впрочем, как и все обозримые окрестности.

— Ни малейших следов цивилизации, — буркнул командор. — Может, в Анналах ошибка?

— Они, конечно, составлялись более полутора тысяч лет назад, однако до сих пор никто не жаловался, — ответил Дуз как самый старший и, следовательно, опытный. — За это время, правда, жители могли поголовно вымереть, но остались бы следы.

Три спаянных вместе кораблика снова подпрыгнули, очутившись под заранее выбранным облачком. Метрах в двухстах от залива начинались скалы, сглаженные ветрами и занесенные до половины песком; на них словно нехотя напелзл кустарниковый лес, наверняка колючий и непроходимый, тянувшийся уже до самого горизонта. Кое-где у самой кромки воды виднелись сероватые валуны, вокруг которых вились

некрупные летучие существа — скорее птицы, чем перепончатокрылые.

— Судя по наличию живности, дышать можно, — заметил Юрг. — У вас как, принято брать пробы воды и образцы почв?

— А зачем? — спросил Флейж.

— Да, действительно... Тем не менее я был бы не прочь высадиться на поверхность. Как-то нелепо побывать совсем рядом с чужой планетой и хотя бы не потоптаться на ней.

Дружинники, объединенные широкими проходами, раскрытыми из одного кораблика в другой, выразили полную солидарность — естественно, присесть стоит. Если не потоптаться, то хотя бы облегчиться. Командор чувствовал себя хуже всех — в сущности, он впервые по-настоящему был их командором, без оглядки на опыт и наследственную власть собственной жены. В результате оказалось, что он и команды-то толком отдать не способен — мямлит, как последний слизняк. «Я бы не прочь бы...» В довершение всего самого непредвиденного планета оказалась необитаемой. И он словно чувствовал собственную вину за таковую пакость. Правда, у блеклого лунообразного солнышка насчитывалось еще не менее трех спутников, на которых вполне могли распать неведомого скитальца, чья горестная судьба и определила название созвездия. Юргу совсем не улыбалось на первом же своем шаге врезаться чеканным астронавигаторским профилем в инопланетное дерьмо.

— Садимся возле дюн, — сухо распорядился он. — У них не традиционная форма — возможно, занесенные песком руины.

Дюны, действительно, были какие-то квадратные. И песок сверкал так, словно был смешан с алмазной пылью.

Сели.

— Оседания почвы не наблюдается, — констатировал Юрг — замечание не ахти какое глубокомысленное.

ленное, если принять во внимание, что громадные валуны, то тут, то там видневшиеся на песчаном пляже, красноречиво свидетельствовали в пользу этого хотя бы своей более чем убедительной массой.

Уже без всякой команды с его стороны люк раскрылся, и дружинники попрыгали наружу с легкостью, ужаснувшей командора множественностью вполне предсказуемых трагических последствий.

Но пляж был жарок и пуст, только стайка крыланов торопливо порхнула прочь при виде первого же джасперянина. Из песка выбивались какие-то стеклянисто-прозрачные метелочки, осыпавшие свои сверкающие на солнце семена; их-то и нес по гладкой песчаной поверхности дующий с моря полдневный зефир, вызывая алмазное мерцание. Командор тоскливо глянул на застывшую в жаркой одуре гладь залива, и начал прикидывать, как бы не очень резко отказать своим легкомысленным собратям по оружию, когда они попросят купаться. Он уже вспотел в своем легком скафандре и высоких сапогах, в которых по желанию можно было включить подогрев. Дружинники же были одеты в их традиционные костюмы, которые они именовали полускафандрами — пуленепробиваемые куртки до колен, скроенные, вероятно, из оболочек недоношенных жавров или подобных им болотных гадов. Капюшоны у всех были откинuty, кое-кто уже успел расстегнуться.

Пы вразвалочку двинулся к ближайшему валуну, намереваясь, по-видимому, расположиться в его тени; не успел он сделать и десяти шагов, как «валун» с паническим трубным ревом вскочил на ноги — он напоминал носорога с мордой бульдожки, но без костяных выростов. Гулко впечатывая слоновьи ножищи в плотный песок, он галопом помчался к зарослям, подымая и увлекая за собой дремавших сородичей.

Пляж опустел.

— Так, — сказал Юрг, — с людьми они знакомы. И накоротке. Не мешало бы нам поискать каких-нибудь следов. Пы, держись-ка поближе ко мне. Остальным тоже действовать парами.

Флейж послал шутливый поклон Киху, приглашая его обследовать кромку воды; Дуз и Борб, молчаливо объединившись, двинулись по следам умчавшихся животных. Юрг придирчиво оглядел близлежащую дюну — похоже, ее основанием служили развалины древнего сооружения — подобия ацтекской пирамиды, чьи уступы были немилосердно сглажены ветром и песком. Основание пирамиды казалось не менее ста метров по каждой из сторон; но высота ступеней доходила только до колена, а ширина достигала полутора метров. Даже если бы эта пологая лестница так не располагала к восшествию на ее вершину, Юрг все равно полез бы вверх, движимый исключительно врожденным общечеловеческим инстинктом, повинаясь которому каждый индивидуум, прекрасно отдающий себе отчет в том, что «умный в гору не пойдет», совершает прямо противоположное. Большинство делает это безотчетно, некоторые пытаются найти теоретическое обоснование.

— Знаешь, Пы, — проговорил командор, забираясь на первую ступень, — когда бог создал человека, он предопределил ему движение по горизонтали и предостерег от взгляда вверх. Дьявол не замедлил этим воспользоваться...

«Отсюда-то и появилось выражение: куда тебя черти понесли?» — закончил он мысленно. Смысла в его восхождении не было ни малейшего; они прекрасно разглядели все окрестности сверху. Вероятно, просто хотелось размяться.

— Ладно, я сейчас спущусь, — проговорил он, испытывая неподдельное сострадание к полнотелому крепышу, истекающему потом в своем непроницаемом по-

лускафандре. — Еще пару ступенек... О, четыреста чертей и яйца в майонезе!

А это и в самом деле было яйцо. Зарытое в горячий песок, оно треснуло под ногой и выбросило, как плевок, струйку вонючего желтка. Величины оно было приличной — пожалуй, крупнее страусинового. Какая-то сообразительная птичка — а может, и ящерица — заложила здесь кладку, понадеявшись на иллюзорную неприступность пирамиды. И напрасно. Юрг перепрыгнул на следующую ступень, дабы не вляпаться по второму разу, и присел, свесив ноги и соображая, что лучше: попросить Пы перенести его на мелководье или дать яичной корочке подсохнуть, дабы потом она отвалилась сама собой. Инстинктивное тяготение к варианту «само собой» перевесило — видимо, оно тоже было заложено в человеческой сути от Адама. Под таким сумасшедшим солнцем нужно было подождать всего пару минут. Пару тоскливых минут, отнюдь не подслащенных воспоминанием о восторженной готовности ко всем чудесам запредельных миров, обещанных ему Звездными Анналами, по всей видимости, составленными доисторическими фантазерами, дорвавшимися до межзвездных перелетов лишь в силу врожденных способностей.

— Послушай-ка, братец, — спросил он у изнывавшего от дисциплинированности Пы. — А что вы обычно делаете на таких вот планетах?

— Как что? — изумился тот. — Купаемся.

Командор вздохнул. Ни магия, ни подвиги им не светили.

— Ладно, — сказал он. — Можете сигать в воду, только проверьте ее семь раз на безопасность. Я к вам скоро присоединюсь, заодно и обувку помою.

— Эгей! — заорал Пы, рассылая голос веером по всему пляжу. — Братцы-первопроходцы, купаемся!!!

В следующий миг он был уже у кромки воды, посеребрянной сверкающим просом песчаных метелок.

Почти замкнутый залив представлял собой кристально прозрачную лужу без малейших признаков жизни. Конечно, могли тут водиться и бесцветные медузы, грозящие смертельно ядовитыми стрекалами, но врожденная невосприимчивость к ядам делала джасперян по-детски беззаботными.

— Щца проверим водичку... — крикнул он, прыгая на одной ноге, освобождаясь таким образом от сапога и получая одновременно то несказанное детское удовольствие, какое доставляют прыжки на таких вот небольших планетках с уменьшенной силой тяжести. Вот так безмятежно, по-заячьи прыгать — это все равно как испускать бессмысленные восторженные вопли в солнечном июньском лесу, где каждый шелушащийся от смолистой избыточности ствол рождает серебряное эхо, жадно поглощаемое мхом и зубчатыми трилистниками земляники.

Слева и справа запрыгали еще две пары, и Пы, уже расстегнувший пояс и взявшийся за штаны, небрежно бросил:

— А чего командора-то не прихватили?

— Командора? А где он?

Пы растерянно оглянулся:

— Да вон, на ступенях... — и замер, держась обеими руками за спущенные штаны: командора на песчаной пирамиде не было.

Мгновенный уничтожающий взгляд, которым наградил его Дуз, словно стегнул его одновременно по голый заднице и по розовым вспыхнувшим щекам. Он не в первый раз ощущал на себе не очень-то лестные взгляды своих товарищей, но такое откровенное презрение было для него внове.

Поэтому, растерянный и оскорбленный, он переметнулся на песчаные ступени последним.

— Вот... — Он потыкал пальцем в плотный песок, устилавший каменную, подозрительно ровную по-

верхиость. — Вот тут он сидел. А вон там, ниже, в яйцо врюхался... Эк воняет, тухлое было...

— Не мог же он провалиться! — Флейж несколько раз топнул, но неотзывчивость камня неоспоримо свидетельствовала об абсурдности такого предположения.

— Тихо! — велел Дуз.

Все замерли, но кроме легкой, но достаточно тошнотворной вони, в воздухе не витало ничего.

— Надо было взять с собой Кукушонка... — скрипнул зубами Дуз.

— Но есть Шоёо! Если у него тонкий нюх... — Ких не успел закончить фразу и исчез, ринувшись в обосновавшуюся в центре пляжа трехглавую конструкцию спянных воедино корабликов.

Дружинники не успели перевести дыхание, как он появился снова с только что разбуженным зверьком на руках.

— Тепло-то как... — блаженно прощелбетал пушистый комочек, разворачиваясь и подставляя белым лутчам шелковистое брюшко.

— Шоёнчик, милый, не время ловить кайф! — Ких опустил зверька на песок. — Ты можешь по запаху определить, куда пропал наш командор? Он только что сидел на этом месте.

Выразительная мордочка сразу как-то заострилась, пушистый хвост напрягся и вытянулся стрункой. Шоёо повел головой влево, потом вправо, вбирая в себя целый веер запахов, потом приподнялся, как суслик, и уперся взглядом в стеночку, ведущую к следующей ступени.

— Да тут камень! — досадливо крикнул Флейж и что было силы саданул сапогом в песчаный отвес.

Раздался хруст, слюдяные осколки, покрытые тонким слоем приклеившегося к поверхности песка, обнаружили чернеющую за ними дыру. Борб, стоящий на самом краю неширокой террасы, повторил

движение Флейжа — и тут за слюдяным экраном открылся ведущий вниз наклонный лаз. Дружинники принялись молотить по замаскированным окнам, и скоро слюдяные осколки открыли им не менее дюжины отверстий, выстроившихся в ряд, так что ацтекская пирамида разом превратилась в подобие архаичного дота двухвековой давности — впрочем, джасперянам, не знакомым с земными историческими фильмами, такое сравнение прийти в голову и не могло.

— Но не мог же командор сам собой сюда провалиться... — растерянно пробормотал Пы.

— Естественно. Тем более что кто-то задвинул за ним эту заслонку, — возразил Дуз. — Шоёо, принимайся — куда нам?..

— Здесь! — Зверек, напряженный, как фокстерьер в погоне за уткой, уже ринулся в наклонный лаз, но Дуз успел ухватить его за хвост:

— Хоп! Без команды никуда. Ты еще понадобишься. Ких, ты самый юркий, пойдешь первым; как только очутишься внизу, доложишь обстановку. Чуть что не так — возвращайся. Ну, пошел!

Ких переложил десинтор из кобуры за пазуху, старательно прикрыв, чтобы не запорошило песком, и нырнул в дыру ногами вперед. Некоторое время он скользил относительно плавно, пересчитывая спиной гребенчатые уступчики, позволявшие обитателям пирамиды взбираться по довольно круто уходящей вниз трубе; струйки песка, обгоняя его, успевали, шурша по плечам, умчаться вниз, как бы оповещая хозяев дома о его прибытии. Но когда каблуки его сапог врезались в кучку песка, а всемогущий офит, перейдя на инфракрасное видение, позволил сориентироваться в обстановке, никаких следов владетелей этого подземелья он не обнаружил.

— Глубина — три моих роста, — коротко доложил он, посылая на поверхность свой голос. — Впе-

реди горизонтальный коридор. Пусто. Продолжаю двигаться по направ...

Гулкий, ухающий удар уже не мог быть передан им наверх — но Дуз и Флейж, лежавшие на животе, свесив головы в дыру, отпрянули, когда прямо в лицо дохнуло сухой пылью пополам с ощущением беды. Шелестящий гул песчаного обвала достиг их ушей секундой позже...

Наверное, этот шум, подкрепленный упругим толчком, распространившись на все подземелье, и привел Юрга в чувство. А может быть, пренеприятнейшее ощущение, когда кто-то пытался загнать тупой гвоздь в синтериклоновую перчатку на его левой руке.

— Не старайся, она непробиваемая, — как-то машинально прохрипел он, одновременно радуясь тому, что горловые хрящи, выходит, не повреждены.

— Врешь, — уверенно отпаривали откуда-то сзади.

В первый миг не было ничего, кроме дошедшего до икоты изумления: голос говорил по-русски. Но, с трудом побарывая произвольную пульсацию изрядно-таки травмированного горла, командор, окончательно пришедший в себя, сообразил, что это — всего лишь милость транслейтора. Он рванулся, пытаясь подняться, и не смог: запястья и щиколотки резануло тонкими, но абсолютно лишенными упругости путами. Он слегка поерзал спиной по гладкой поверхности того, на чем он лежал, и не без удивления почувствовал под лопатками неширокую доску. Значит, если ему посчастливится освободиться, он еще будет куда-то падать. Что излишне. Так что не мешает срочно выяснить обстановку в тех пределах, в которых его голова способна поворачиваться.

В помещении царил скорее полусвет, чем полумрак: окошко в потолке, забранное плетеной из веток решеткой, было затянута то ли рядом, то ли матовым стеклом и с трудом пропускало солнечные лучи. Вто-

рым ощущением была тошнотворная вонь, приносимая откуда-то издалека равномерными порциями, точно кто-то гнал ее сюда плавными махами крыльев. За головой шелестели и топотали. Уменьшенная сила тяжести — значит, аборигены не должны быть обременены могучей мускулатурой.

Юрг медленно повернул голову влево, к умельцу, все еще старавшемуся загнать какое-то острие в накрепко прикрученную к поперечной доске ладонь. Раздалось раздраженное шипение, и туземец... Нет, все-таки командор ожидал увидеть какое-то лицо, хотя бы издали напоминающее человеческое. Но на него уставилась крайне злобная крупная морда, более всего схожая с кроличьей. Выпуклые красные глаза пуговично поблескивали из редкой бесцветной шерстки; там, где полагалось бы находиться носу, прятались в морщинах и вибриссах множественные крупные поры; полуоткрытая белесая пасть обнажала клыки, вряд ли принадлежащие травоядному, и над всем этим безобразием возвышались кожистые уши торчком, под каждым из которых болталась розовая индюшиная серьга. Красавец, одним словом. Между передними лапками упруго покачивался какой-то свернутый жгут; как только существо заметило, что пленник повернул голову, жгут развернулся и хлестко ударил командора по лицу — прежде чем у него посыпались искры из глаз, командор успел заметить на конце этого хвоста кисточку шевелящихся щупалец. Вот этим-то его и захлестнули вокруг шеи, так что он не смог даже крикнуть и, теряя сознание, только смог порадоваться, что жесткий воротник не позволил сломать шейные позвонки. Хорошее дело — скафандр, даже самый легкий: вот и сейчас капюшон, спружинив, спас его от явного сотрясения мозга.

Юрг набрал в легкие побольше воздуха:

— Я приказываю тебе освободить меня, пока на тебя не обрушились кары моих верных слуг! — за-

орал он во всю командорскую мощь, надеясь не столько на адекватность перевода, сколько на то, что его крик будет услышан дружинниками.

Где-то за головой послышалось хлюпанье, переведенное транслейтором как лающий смех. Шлеп, тлен — кажется, эти зверюги передвигались короткими прыжками. Да, так и есть: справа в поле зрения возник более крупный абориген, и его движения выдавали в нем родственника исполинского тушкана.

— Я тебе не враг! — крикнул Юрг, с ужасом сознавая, что в Военно-воздушной академии совершенно катастрофически упустили такую дисциплину, как «общение с инопланетными туземцами неканонического вида».

Тушкан бесцеремонно ощупал привязанные ноги.

— Говорливая обезьяна, — промолвил он удовлетворенно. — Мясистая. Жира мало. Тухнуть долго.

Отрывистые фразы, звучавшие как выстрелы-дуплеты, могли бы вогнать в ледяной пот кого угодно; но одновременно всплыл в памяти китайский кулинарный рецепт приготовления «тухлых яиц». Если эти зверотушканы предпочитают пованивающую человечинку, то тут их ожидает непредвиденное затруднение: раскрыть скафандр им не удастся. Для этого пришлось бы набрать двузначный код под клапаном нагрудного кармана... черт, не сообщил этой цифры Дузу! Кретин. И в следующую экспедицию все пойдут в шлемофонах с рациями. Это уж непременно. Но пока надо было как-то выпутываться из сложившейся ситуации, если не сказать — катастрофического положения.

— Каждый, кто попробует моего мяса, умрет страшной смертью! — громогласно пообещал Юрг.

— Обезьяна невежественна. Обезьяна несъедобна. Ну слава тебе, господи!

— Тогда на кой черт я вам сдался?

— Раздавил яйцо. Снесешь яйцо. Я решил.

Ну и тон — прямо «так говорит Заратустра».

— Пардон, мсье, яйца нести не обучен. — Юрг стало даже смешно.

— Все не.

Где-то за пределами изголовья возникло шушуканье — голосов было не меньше пяти. Удалось различить: «Радость есть» — «Двое много» — «Радость вдвойне» — «Уфекалимся зело» — «Всемиловитв верховный» — «Нажраться, нажраться...» Все-таки каннибализмом припахивало. И куда подевались верные собраты по разномастному и разнокалиберному оружию?

— Люди! Сюда!!! — заорал он, отталкиваясь спиной от жесткой доски.

— Люди нет. Песок бух. Бух сверху, — проинформировали его.

Разорвать пути снова не удалось. Насчет результативности «бух» он сильно сомневался, но дружинников что-то задерживало. Юрг прикрыл глаза, сосредотачиваясь.

— Обезьяна спит! Сон сказочен! Сон чудорожден! Слава верховному!

Голоса заверещали так, что могли бы разбудить мумию, вздремнувшую веков так пятьдесят назад. Если они считают, что на него снизошел магически наведенный сон, то и пусть себе заблуждаются. Придется копить силы, чтобы потом разочаровать этих тушканов. Хотя уже закрадывалось сомнение в том, кто в конце концов останется разочарованным. Конечно, в защитных силах скафандра сомневаться не приходится, но открытое лицо... Ведь достаточно красноглазым хозяевам проявить капельку гостеприимства и попытаться его накормить — бр-р-р... Кстати, они, кажется, именно на жратве и зациклились — гомон, который они подняли, складывался из каких-то писков и хрюканий, звучащих по-разному, но запарив-

шийся транслейтор, не в силах подобрать земных эквивалентов, монотонно переводил: «Еда, еда. Еда, еда. Еда...»

— Я милостив, — снизошел наконец крупный тушкан. — Нажремся вдвое. Потом предадимся.

Уши у него порозовели и выросли сантиметров на десять. Чему он собирался предаться, осталось тайной — вся стая с гоготом двинулась мимо крестообразной дыбы, на которой был распят командор, причем каждый норовил кисточкой на конце хвоста погладить его по лицу. Почти всем это удавалось, и когда шлепающий топоток замер в невидимом для Юрга проходе, вся кожа у него подергивалась от едкой слизи, словно он с размаху врезался лицом в медузу-стрекишницу.

Ну дела. Домечтался о троллях и гоблинах. Так что же предпринять? Он в который раз дернулся, стараясь если не разорвать, то хотя бы ослабить веревки, и снова напрасно. Зато слева послышался едва уловимый стон — так нечаянно выдает себя совершенно обессилевшее животное.

— Эй, кто там?

Надежда вспыхнула — и разом погасла, когда Юрг повернул голову и разглядел то, что до сих пор загораживал от него тушкан с острым шипом, трудившийся над его левой рукой. Да, это был еще один пленник, тоже распятый, с дымчатой шерсткой и бесильно свисавшими вниз ушками, впрочем, ухо отсюда виделось только одно.

— Ты кто, страдалец? Говори, не бойся, все ушли!

— Сын яйца. Яйца черепахи.

— И давно ты здесь?

— Некормлен трижды.

Характерный отсчет времени.

— И как ты думаешь, что с нами собираются делать?

— Засеять отрыжкой.

— Фу, черт! Все равно не понял. Объясни попроще.

— Обезьяна глупа, — вздохнул дымчатый хвостатик. — Яйцо расти. Обезьяна питать. Обезьяна протухнуть. Яйцо греться.

Его вдруг заколотило от ужаса прежде, чем память подсказала термин — эндотрофное размножение. Комиксы-ужастики, будоражившие детское воображение на продолжении трех веков, вдруг начали приобретать кошмарную, осязаемую реальность. Хотя какая-то часть разума усиленно противилась этому, навязывая вариант бредового состояния (виртуальная реальность исключалась ввиду явного отсутствия цивилизации компьютерного уровня).

Юрг на всякий случай прикусил губу — стало больно. Нет, не сон. Но разум продолжал беспомощно, пощеничьи тыркаться в поисках альтернативного варианта объяснения всего происходящего.

— Слушай, сын яйца черепахи, я совершенно запутался. Если вот эти красноглазые собираются откладывать яйца, то кто же они — выходит, женщины?

— Женщины — кто? — переспросил пленник, старательно выговаривая явно незнакомое слово.

— Ну вот эти, которые нас сцапали, — это самцы или самки?

— Самцы — непонятно. Самки — непонятно.

— О, черт... Отложим. Сейчас главное: как выпутаться из этой катавасии. Соображай, чей-то сын! Как нам спастись?

— Спастись никак.

И тут снова возникла надежда — на сей раз в форме поросычьего визга. Кто-то катился по боковому, невидимому для Юрга проходу, точно вышвырнутый пинчком щенок, и непереводимо голосил. Впрочем, добравшись до пленников, он несколько раз хлестнул себя хвостом по бокам и уже вполне членораздельно пожаловался:

— Мало еды. Не покормили. Говорят — молод. Рыбье дерьмо.

Ага, до изысканных выражений цивилизация здесь уже поднялась.

— Молодой человек, — проговорил командор, прилагая все усилия к тому, чтобы голос звучал как только возможно убедительнее и проникновеннее. — Юрг добрый. Юрг тебя накормит. Накормит сытно.

Пушистое рыльце ткнулось в его плечо.

— Чем, чем?

— Вот что захочешь — то и получишь. Много-много.

— Где, где?

— У меня на животе коробочка... Нашел? Пальчики на лапках имеются? Вот и открой. Доставай, доставай, штука это тяжелая, но для получения еды совершенно необходимая... Так. Вот этот ствол... ну трубочка... палец, если угодно... Ага, понял. Направь прямо в потолок, и еда свалится сверху. Не валится? А, смотри: там видна красная кнопочка... Ягодка, если угодно. Нажимай! Сильнее!

Громыкнуло будь здоров — калибратор стоял на бронебойном разряде. Оставалось только надеяться, что в районе потолочного окна, осколки которого все еще продолжали сыпаться прямо на Юрга, никого из дружинников в этот момент не было. Поросячий визг взметнулся — и затих в том же направлении, откуда появился. И почти сразу же два голоса синхронно рывкнули:

— Командор, не стреляй! Свои!

— Где вас только черти носили, своих-то... — буркнул Юрг, уже не делая попыток освободиться собственными силами.

Встревоженные физиономии Дуза и Борба возникли в потолочной дыре, и Юрг уставился на них с таким восторгом, словно одна рожа принадлежала Венере Милосской, а другая — мадонне Сикстинской.

Или наоборот — соображал он сейчас только в одном направлении.

— Да отвяжите вы меня, черт побери!

Джасперяне попрыгали сверху, как кузнечики.

— Если б не разряд — еще сутки проискали бы, — бормотал Флейж, перепиливая веревки. — Кругом заросли стеклянных метелок, даже Шоёо не проползти... Готово!

— Десинтор мой поищите, он где-то на полу, — кинул командор, спуская ноги со своего гостеприимного ложа. — О дьявол, до чего же хочется вставить этим тварям здоровенный фитиль!

— За чем же дело стало? — осведомился Ких, да и на лицах остальных дружинников отразилась живейшая готовность посодействовать.

— Да не виноваты они, — вздохнул Юрг. — Угрозило ж их родиться яйцекладущими. Заскоки эволюции. Пошли отсюда.

Он поймал себя на том, что начал разговаривать фразами, состоящими только из двух слов.

— Да, чуть не забыл: этого, примолкшего, тоже развяжите.

Развязали.

— Все наверх!

На плотном песке, заляпанном стекловидными, уже застывшими натеками — все, что осталось от прозрачных метелок, — освобожденный пленник показался совсем жалким. Сейчас было видно, что позвоночник у аборигенов плавно закруглялся, так что хвост торчал не сзади, а спереди, являя собой еще одну хватательную конечность. Правда, не у этой особи — дымчатый тушкан трясся всем тельцем, прижимая к груди что-то вроде растрепанной веревки; уши у него тоже висели, точно тряпочные.

— Скажи-ка нам на прощание, приятель, — обратился к нему Юрг, — есть ли на вашей земле еще такие же, как мы?

- Как вы. Есть, есть. Сколько угодно.
- Где?! — воскликнули сразу шесть голосов.
- Как — где? На деревьях.

М-да. Разведка, похоже, была закончена.

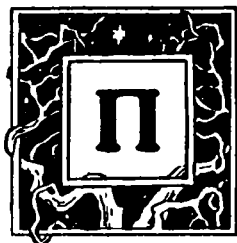
— Ну прощай, яйцекладущий, — сказал Юрг. —
Желаю вам когда-нибудь дозреть до млекопитания.
И держи уши торчком!

Тушкан перестал трястись и задышал тяжело, даже с каким-то жужжанием, словно гигантский шмель, готовящийся взлететь.

— Это вовсе и не уши! — выдал он гигантскую фразу и покраснел, как вареный рак.

Х. КОРОЛЕВСКИЕ САДЫ

очему каждый раз, когда он возвращается на Игуану, это происходит вечером? Совпадение?

— Где принцесса? — спросил он, отпрыгивая от спешащего с кувшином козьего молока серва, которого он едва не сбил с ног, появляясь на голубом ковре неувя-

даемого Бирюзового Дола.

— Ее высочество купается. — Эрм все больше входил в роль сенешаля.

— Где?

Эрм испуганно округлил глаза и поджал губы — спрашивать об этом кого-либо, кроме членов семейства, он уже считал неприличным.

Если и дальше так пойдет, то церемонность отношений в боевой дружине может помешать ее боеспособности. Да и вообще... Если бы он сейчас возвращался к себе в космодромную гостиницу, то прямо повалил бы в бар, собрал вокруг себя ребят и признался: ну, братцы, я ведь, честно говоря, наклал в

скафандр под самый подвздошный клапан... Впрочем, Стамену он так и скажет.

Но тут разом отхлынуло все: и джасперянская галлантность, и космодромное балагурство. Стамен. Каждый раз, когда он возвращался вечером от Стамена...

Он вылетел за двойные ворота, словно его несла неведомая на Земле всепроникающая сила джасперян. Начало просеки, коротенький перешеек, соединяющий почти отвесный конус горы, увенчанной Бирюзовым Долом, с плавно изгибающимся массивом протяженного острова — заросший кустами можжевелоподобного хвойника участок, уже окрещенный Загвивком Игуаны. К морю можно было спуститься и с южной стороны, где из воды выступали причудливые утесы, черные по вечерам, но под дневным солнцем обретающие феерическую яшмовую пестроту, и с северной, с крошечным песчаным пляжем, над которым двумя великолепными террасами природа позаботилась о пристанищах для кротких небодливых коз и грозных крылатых коней. Судя по перестукам и повизгиваниям пил, сервы не собирались прерывать строительство стойл и загонов даже на ночь.

Юрг уверенно свернул налево. Здесь не было протоптанных тропинок, и приходилось спускаться к морю, цепляясь за колкие ветви, оставляющие на ладонях полоски смолы, клейкой и сладкой, как рахат-лукум. Он не торопился, потому что уже знал, как все произойдет: совершенно неожиданно из-за корявого ствола или каменного когтя скального выступа покажется лицо, узкое смуглое лицо, замершее в очарованном бережении предназначенной для него страсти, и неотвратимо повторится все то, что могло быть только сладостной карой за его еретические слова: «Я хотел бы хоть один день прожить без волшебства...»

Наверх он глянул нечаянно — подвернулась нога, и он заскользил по усыпанному порыжелыми иголками

ми склону. И лицо, глядящее на него сверху, он сначала и не узнал, столько было в нем нежного отчаяния, словно она по собственной воле прощалась с ним навсегда. И еще что-то, неуловимое и странное, что волновало его каждый раз, так и оставаясь неосознанным...

Обломившийся сучок впился ему в бок, и он раскинул руки, чтобы хоть за что-нибудь уцепиться и остановить падение. Ему это удалось, и он снова вскинул глаза вверх — пусто.

— Сэнни, выходи! — крикнул он. — Я тебя видел!

Можжевельовый склон замер в вечерних лучах, вбирая последние крохи тепла и света.

— Сэнни! — повторил он уже с досадой. — Ну прямо как маленькая... Раз-два-три-четыре-пять, я полез тебя искать!

Вверх, как всегда, карабкаться было проще, чем катиться вниз. Суховатые пряди мха временами оставались у него в руках, обнажая смуглые пятна притаившегося под ними песчаника, и Юргу уже начинало казаться, что виденное им лицо было просто игрой вечерних теней на причудливом склоне; подкрепил это предположение чей-то голос, призывавший его, по-видимому, с просеки.

— Да здесь я, здесь, — отозвался он, сознавая, что на сей раз интуиция решительно и бесповоротно показала ему кукиш.

Рядом возник Борб и разом оборвал его гимнастические упражнения, препроводив с крутого склона прямо на порог их маленького «корабельного замка». Вся дружина была уже в сборе вокруг моны Сэниа, которая, отжимая мокрые волосы одной рукой, другой старалась не расплескать полную кружку молока. По тому, как медленно и осторожно закрывал свой рот Флейж при появлении командора, последнему стало очевидно, что ключевые моменты их похож-

дений на триждыраспято-проклятой планете уже доложены, и не без юмора. А он-то ломал себе голову, что бы такое поневиннее наврать жене, чтобы не слишком ее напугать!

Она глянула на него — как ему показалось, чуточку снисходительно:

— А я слетала на козью ферму. На минуточку. Молока хочешь, герой?

...А ночью, когда он уже действительно почувствовал себя героем, нечистая сила дернула его за язык — и тоже не без снисходительности.

— Каждый раз удивляюсь, дорогая: насколько сильна в тебе эта неподражаемая женская черта — оказываться не такой, какую я ожидал...

Она засмеялась:

— Я бы употребила термин: естественная женская черта.

Ей и в голову не пришло, что этот небрежный ответ увел их от опасного поворота разговора, который мог бы изменить всю их дальнейшую жизнь.

— Ладно, вернемся к моему героизму. Как ты сама понимаешь, авантюры вроде вчерашней не на шутку затягивают — это как наркотик. Или собственное вранье: чем больше врешь, тем сильнее тянет фантазировать и дальше. Это я к тому, что слетать еще на десяток-полтора планеток, даже таких помойных, как гнездилище тушканов, — милое дело. И всегда готов. Только вызывает сомнение уверенность в результате...

— И что ты предлагаешь? — спросила она, удобнее устраивая голову с не просохшими еще волосами у него на плече.

— Пойти двумя путями сразу. Отправить половину дружины на поиски тех, кто побывал на Земле Шоёо... или хотя бы знает, как она обозначена в Звездных Анналах. Ведь эти люди здесь, на Джаспере!

— Это не так безопасно, муж мой, как шастать вооруженной бандой по отсталым мирам. Эрромиорг рассказывал, что секта «ревнителей крэгов» разрастается, они нападают на всех, кто носит офиты. С другой стороны, уже появились какие-то оголтелые «поборники света», которые уничтожают крэгов. Сам понимаешь, это почти начало гражданской войны. Все затворились в своих замках, и послать кого-то в такую разведку — это почти что на верную смерть. Единственное место, где относительно безопасно...

— Королевский дворец?

— Вот именно. И как раз завтра в его садах должен был бы состояться традиционный бал... Эрм не слышал, чтобы его отменяли.

— Не хочешь ли ты сама проникнуть туда в маскарадном костюме? — не подумав, предположил Юрг.

Мона Сэниа сняла голову с его плеча:

— Как ты мог подумать такое? Я дала слово. Земля Равнины Паладинов...

— Для тебя недоступна, знаю, — подхватил он. — Но любую формальную клятву, да еще под принуждением данную каким-то сволочам, нужно выполнять дословно, не более. Ты ведь можешь и не ступать на землю — просто пролететь над садами.

— И что это даст?

— Ну... все-таки...

— Что-то не слышу командорской уверенности, муж мой, любовь моя.

— Берегу ее для следующей планеты.

Ему показалось, что упоминание о следующей экспедиции она восприняла как-то слишком равнодушно. Но тут же одернул себя: и нечего удивляться, ведь он рассказал ей только о том, что его привязали с неясной для него целью, а тут и дружиннички подоспели... Знай она, от чего он был буквально на волосок — и еще неизвестно, как отнеслась бы она к воз-

можности его дальнейших полетов, уж слишком уязвимым делало его отсутствие тех врожденных способностей, которыми обладали рядовые джасперяне.

И тут она безошибочно угадала его мысли:

— Скажи, муж мой, а ты все поведал мне о своих приключениях?

Ах ты, глупенькая моя! Да какой же мужик расскажет любимой женщине, что он едва не обгадился со страху?

И вот тут пришел настоящий страх.

— Что ты молчишь? Уж признавайся!

— Послушай, Сэнни, по-настоящему страшно мне стало только сейчас. И знаешь, почему? Я пережил все, что случилось в подземном лабиринте, и вдруг понял, что ни разу не вспомнил о тебе. И в это время тут с тобой могло случиться...

— О, древние боги, что за чушь! Ты же прекрасно знаешь, что я могу схватить обоих малышей и исчезнуть в любом направлении.

— В каком, например? Джаспер для тебя почти целиком закрыт.

— Ну, под крылышко к Лронгу Милосердному.

— Да? А ты забыла, что они даже сюда умудрились подослать убийцу — со жрецами не шутят, это у нас на Земле известно еще со времен Фараонов.

— Значит, на вышеупомянутую Землю. На Щучий... то есть на Барсучий остров.

— Не советую — во всяком случае, без меня. Нам с тобой ведь официально сообщили, что на моей планете угнездился какой-то прокуратор, и надо думать, не без свиты. Боюсь, что некоторые происшествия, так и оставшиеся загадочными для нашего интерпола, не обошлись без участия этой вселенской нечисти.

— Ага, вот мы и докопались до того, что ты от меня скрывал!

Ох, и не хотел же он ее пугать! Тем более что тайна так и осталась тайной.

— Скажи сначала, Сэнни: бывали у вас случаи, когда бесследно исчезали дети?

— Странный вопрос — возьми хотя бы Ю-ю...

— Нет, раньше.

— Ну я думаю, это всегда бывает. На любых планетах. А у нас, когда мать или отец хочет спрятать малыша от собственной дражайшей половины — хотя бы из ревности... Да сплошь и рядом. А почему ты спрашиваешь?

— Как только мы прилетели на Землю, мне сообщили, что произошло несчастье: в семье покойного Юхани — тогда еще никто не знал, где он и что с ним, — был похищен ребенок. Новорожденный ребенок, о котором сам Юхани даже и не знал.

— Мальчик?

— Девочка.

— А ты не допускаешь, что это — совпадение?

— И это не все, малыш. Помнишь, ты предложила мне навестить вдову, а я тебе ответил, что она в специальной клинике? Так вот, она сошла с ума: все время собирает всякие тряпки, одеяльца, сворачивает их, чтобы это напоминало запеленутого младенца, и прячет. И еще — рисует. Она всегда хорошо рисовала, особенно картинки к детским книжкам. Так вот, она рисовала крэгов. Вернее, одного крэга, сидящего у нее на плечах — так, как если бы увидела это в зеркале. Рисует только это, бессчетное число вариантов. Плачет, если ей не дают бумаги... Вот почему при виде нашей дружины с птичками на загривках люди были потрясены. Ну и выставили вокруг нас охрану...

— Выходит, они не нас охраняли...

— А принимали меры предосторожности.

— Значит, девочку не нашли?

— Нет. И она была бы чуть старше нашего Ю-юшки.

Наступило молчание. Юрг скосил глаза и поглядел на жену — она лежала, какая-то отчужденная,

устремив невидящий взгляд в потолок — на ночь она свой аметистовый офит все-таки снимала.

— О чем ты думаешь? — осторожно спросил он.

— Пытаюсь представить себе, где же на Джаспере ее прячут. И главное — зачем?

— А меня беспокоит другое: каким образом крэги нашли дорогу к дому Юхани?

— Ну хотя бы по Звездным Анналам.

— Это могло привести их только к Земле. Но они безошибочно появились у Юхани... И вскоре после того, как он погиб. Шастать по всей планете наудачу они не могли — их непременно заметили бы и занесли в Красную Книгу. Причем с восторгом. Но кроме Юхановой вдовы, их никто не видел — даже его два сына. Как это могло быть?

— Не знаю, не знаю. Мы ведь вообще о крэгах почти ничего не ведаем, это для нас было табу.

— А тебя ни на какие мысли не наводит еще и такой факт: вскоре после этого на Земле, причем в самых различных ее уголках, произошло несколько совершенно чудовищных — и одинаковых по исполнению — убийств, жертве наносили прямо в глаз сильнейший удар, причем не ножом, а, как заключили эксперты, костяным или роговым предметом. Орудия убийства обнаружить не удалось, следов — тоже.

— И погибшие были... дети? — глухим голосом спросила мона Сэниа.

— Почему — дети? Нет, вполне взрослые люди. Но всех их объединяло одно: причастность к какой-нибудь религии. Католическая монахиня из Сеговы, кришнаитский гуру из Мадраса, поп-расстрига откуда-то из-под Читы, слепой служка из синтаистского храма в Иокोगаме... Какая-то гаитянка, баловавшаяся вуду... Еще кто-то...

— Может быть, заговор? — осторожно предположила принцесса.

— Тогда это мог быть только заговор сумасшедших, а они, как известно, не могут объединяться и проводить так тщательно подготовленные акции. Нет. Экспертиза утверждает, что все убийства совершены одним и тем же лицом. И с таким разрывом во времени, что ни один вид транспорта не мог бы доставить преступника из одного места в другое.

— Но жертвы, похоже, выбирались случайно... В отличие от новорожденной девочки Юхани, где, как ты говоришь, цель была выбрана точно, а попадание — стремительно и безошибочно. Значит, тебя спрашивали обо всем этом, и ты указал на крэгов как на возможных виновников?

Юрг зло фыркнул:

— Скорее — как на несомненных и единственно вероятных.

— Ну и что?

— А мне не поверили.

— Как? Они же видели, кто сидел у всех нас на плечах!

— Знаешь, дорогая, у моих соотечественников удивительно развита способность не верить тому, что они видят собственными глазами. И стоять насмерть за то, чего просто не могло существовать.

— О древние боги! Если бы я не знала тебя... и Юхани — я предположила бы, что у всех землян на загривках угнездились невидимые крэги!

— Ну я бы не сказал, что Джаспер миновал подобную полосу развития — кто-то тут частенько поминает каких-то залежалых богов, вряд ли имевших материальное воплощение...

— Как знать, как знать, муж мой, любовь моя. Разве не богиня ночи укрыла нас сейчас своими мягкими крыльями?

— Ага. И по ее темно-синему брюху ползут светящиеся жуки разноцветных лун... Очень поэтично.

Она подняла ладонь и безошибочно хлопнула его по губам:

— Ты врожденный и неисправимый безбожник!

— Да ну? А кто для меня — ты?

— Когда муж начинает говорить своей жене комплименты, это становится подозрительным...

Он вдруг почувствовал, что разговор зашел в тупик. Сколько он мучился, ловил себя на неосторожном слове — только бы не проговориться, только бы не напугать... Самое страшное, что могло произойти с его родной планетой, — появление иноземных чудовищ. Первые кровавые жертвы. Овеществление фильмов-ужасиков, создаваемых в беззаботной уверенности, что этого никогда не будет, потому что этого не может быть никогда. Это было так неправдоподобно и жутко, что решено было не оповещать об этом все человечество: началась бы бессмысленная паника, фантастическая по размаху и совершенно безнадёжная в попытке избежать опасности, которую никто даже представить не в состоянии. К тому же все убийства уложились в двадцать четыре часа и больше не повторялись.

Может, прилетели — и улетели ни с чем?

То есть — с единственным похищенным ребенком?

Говорила же Сэнни, что крэги никогда не остаются на уже заселенных планетах — иногда они даже требуют уничтожения аборигенов, как это случилось с несчастными кентаврами где-то в его родимом созвездии. Но с другой стороны — расплодились же они на Тихри! И потом этот бред, переданный Кадьяном, относительно власти над мирами, включая и подчинение богов... Вот и поди разберись!

Он тихонечко повернул голову и поглядел на жену: в полумраке лунного свечения, проникающего через матовый купол шатра, было видно, что она безмятежно спит, как это нередко с ней бывало, с открытыми незрячими глазами. Он спустил с постели

босые ноги, стараясь не зашуршать, натянул штаны и бесшумно выбрался из дома. Присел на пороге. Из сторожевых корабликов, ограждающих вход, одновременно выглянули Дуз и Сорк — командор покачал головой, беззвучно давая понять, что ничего ему не надобно, и они убрались. Остальные дружинники сгруппировались в привратном теремке, уже затворенном с внешней стороны; костров было ведено больше не разжигать, и они веселились как могли, с превеликим трудом сдерживая свои звонкие, неумные голоса. В ярком голубом свете полутора лун — вторая вечерняя уже положила свой подбородок на кромку стены — было видно, что потешаются все над Харром, которому взбрело в голову обучиться проходить через НИЧТО. Топая двухпудовыми ножищами, помахивая головой и фыркая, как миннесотский бизон, он делал короткую пробежку, а потом, повинуясь негромкому, но дружному: «Оп!», делал отчаянный прыжок, бодливо пробуя плотность ночного воздуха, и рушился на землю под сдавленный хохот своих тренеров. Потом упрямо подымался и, необидчиво помахивая головой, возвращался на стартовую позицию. Дружинники невольно затихали -- ну и упрям тихрианский мужик!

Юрг невольно вздохнул: с таким же успехом он мог обучаться летать. Откровенно говоря, этот инопланетный визитер загостился у них на Джаспере, но, с одной стороны, лишний меч, когда дружина отправлялась в поход, чуточку увеличивал гарантию безопасности и моны Сэниа, и малышей, правда, чуточка эта была микроскопической, но все-таки. К тому же Юрг и сам был в этом мире чужаком, правда, уже признанным за своего, уже совсем адаптировавшимся, но в чем-то Харр был ему даже ближе, чем вся дружина вместе взятая. Притом не надо сбрасывать со счетов и скуку, которая несомненно должна была рано или поздно появиться гнусной ползучей тенью в их

уединенном пристанище, особенно тогда, когда большинство дружинников исчезало и принцессе оставались только материнские хлопоты и воспоминания: о тех временах, когда предводительницей летучего отряда была она. Во всяком случае, Юргу думалось именно так.

Да и сам он сейчас чувствовал себя претоскливо — то ли из-за несостоявшейся встречи на каменистом склоне, то ли оттого, что, глядя в ночное небо, он вдруг впервые ощутил себя невыразимо далеко от собственной Земли — так далеко, что сейчас, припоминая свои первые впечатления от полета к Марсианской орбитальной станции, он только усмехался. То же мне даль! Вот сидит он на пороге высушенного жаврова остова, глядит в галактическую даль, и знает, что нет уголка, в который не перенесли бы его верные вассалы. Беда только в том, что уголков этих невообразимое множество — не выбрать, куда податься.

И ни в одном — подумать только; ни в одном он не может укрыть свою жену с двумя малышами так, чтобы быть на все сто процентов спокойным за их безопасность. Неужели крэги успели заполнить всю Вселенную? Конечно, нет; но появиться они могли где угодно и когда им вздумается. Пример тому — Земля. И как, черт их подери, им это удается?..

Кажется, он заскрипел зубами от бессилия.

— Что?.. — раздался из-за спины шепот жены.

— Сигарету бы, — вздохнул он. — Была такая радость на первом курсе.

Она переступила порог и устроилась рядышком — тоже босоногая и полуодетая. К счастью, комаров тут не водилось.

— Она блондинка? — спросила она подозрительным безразличным тоном.

— Кто?

— Эта... Сигарета.

— О, да! Пока не сгорит.

Она засмеялась, и Юрг с облегчением понял, что это — хорошо разыгранный экспромт.

— Я не знаю, как это принято у вас на Земле, но у нас полагается отвечать визитом на визит. Поэтому я думаю вот что... — Мона Сэниа на секунду задумалась, пошевеливая губами. — Завтра во дворец полетят Эрм — как самый представительный, Сорк — как самый наблюдательный и Пы — как самый простодушный, при котором можно болтать о чем вздумается, не стесняясь. А мы с тобой — и с чадами, разумеется — отправимся в гости к Ушинь. Я ее домик видела, так что с утречка могу послать туда голос с предупреждением, чтобы не свалиться чересчур уж непрошенными.

— А что так вдруг? — осторожно поинтересовался Юрг.

— Во-первых, через день-другой ты уже куда-нибудь умчишься, искать себе новых ушастиков или рассказывать об их проделках Стамену.

«Ни хрена себе проделки, — мелькнуло в голове у Юрга. — Да и ушки тоже. Хорошо, я тебе не все рассказываю...» В соответствии с этой здравой, с его точки зрения, убежденностью, он и тут промолчал.

— Во-вторых, — продолжала жена вопреки обычной женской особенности так и останавливаться на «во-первых», — она приглашала в гости нашего по-Харраду. Персонально.

— А «в-третьих» будет? — поинтересовался муж.

— Будет. В-третьих, это единственное место во всей Вселенной между Ушинь и Алэлом, где я почему-то буду чувствовать себя в абсолютной безопасности.

Недаром на Земле говорят, что муж и жена — одна сатана. Последний, похоже, был крупным мыслителем. Если и жена у него была не безмозглая красотка, и думали они одинаково, как вот сейчас у него

получилось с Сэнни, — просто удивительно, как они не одолели Всевышнего?..

Все самое сказочное происходило на Джаспере почему-то по вечерам. Каменные ступени, ведущие к королевскому дому — никак не вязалось с ним пышное именование «дворец», — еще источали золотой жар летнего дня, но с моря, уже потемненного предвкушением грядущей ночи, подымалась йодистая целебная прохлада, навстречу которой жадно раскрывались смежившие свои лепестки питомцы королевского сада — здешняя Флора, как видно, блюла сиесту. Ушинь выпорхнула им навстречу, как пуховый шарик — свежая, розово-серебряная, с нежной сетчатой полумасочкой. Нарисованной, естественно. Вместе с ней на гостей снизошел волшебный дух вишневого пирога с ромом, отчего Харр по-Харрада, начисто отменяя легенду о собственном благородном происхождении, бесстыдно зачмокал губами.

Ушинь звонко расхохоталась и, осыпая гостей приветствиями, где каждым вторым словом было — «милые вы мои», повела их не в дом, а еще выше, в тот самый садик, который был расположен над ним, на следующем скальном уступе, так что усыпанная морскими пестроцветными камушками площадка оказалась крышей королевского далеко не обширного дома. Сад был зеленой коробочкой, открытой только стороной, обращенной к морю; стены и свод ее были образованы тщательно подровненным кустарником, по ветвям которого струились вверх разноцветные махровые въюнки. Сад прямо-таки дышал благодатью сосуществования друг с другом как растений, так и людей.

Две девицы — к сожалению, не красавицы, но привлекающие той потаенной силой, которая рождается молодостью, уверенностью в себе и исполнением самых заветных желаний, при виде гостей порывисто поднялись из-за деревянного стола, занимающего чуть ли не все пространство садика.

— Мои дочери... — Ушинь не успела договорить, как Харр по-Харрада, бесцеремонно сунув ей в руки запеленутую Фирюзу, ринулся вперед с буйством вепря и, пав на колена, протянул руки одновременно к обеим царевнам.

У них хватило мужества не шарахнуться, но обе непоправимо смутились, чем привели в недоумение королевую-мать.

— Моя старшая, Радамфань, — представила она гостям ту, чей лоб и подбородок были изукрашены сложнейшим геометрическим узором, выписанным с каллиграфической тщательностью. — Она продолжает летопись Первозданных островов.

По тону Ушинь сразу стало ясно, что старшая дочь — ее любимица.

— А это вторая, Шамшиень. — Нет, пожалуй, истинной любимицей была именно эта, чью простоватую румяную физиономию чуть ли не сплошь покрывали изображения крошечных райских яблочек — издали их можно было бы принять за очень крупные веснушки. — Ее руки украшают и наш сад, и наш стол. Да что с вами, милые вы мои? Что вы стоите? Разве гостей в нашем доме так встречают?

Царевны дружно вспыхнули и, похватав со стола исписанные свитки и корзины с черешней, умчались прочь.

— Я их не предупредила о вашем приезде, — оправдывающимся тоном пояснила Ушинь, — а то они красились бы целый день... А ты встань, бездельник, ишь как дочек моих смутил! Что-то муж скажет... Да вон и лодка приближается.

Все невольно глянули вниз, на синее до самого горизонта гладь утихнувшего после полудня моря. Справа, вдоль зеленой цепочки островерхих скал, полуприкрытых морским лишайником, кружила, точно стайка чирков, целая флотилия юрких рыбацких лодчонок. Сохраняя свою броуновскую суету, они тем не

менее неуклонно приближались к подножию королевского острова, шесть или семь лодок подошли к каменному причалу одновременно, и в общей толчее прибывших мона Сэниа, перегнувшаяся через легкие, едва ли не тростниковые перильца, не смогла различить короля.

— Сегодня был День Огня, — не вполне вразумительно пояснила Ушинь, — мой муж вместе с принцем возвращаются с Кузнечного Подковья.

Она уловила немое недоумение гостей.

— Это дальние земли, — поспешила объяснить Ушинь, — где с незапамятных времен княжит младшая ветвь королевского рода Первозданных. Именно оттуда дочери короля получают своих мужей, а сыновья — жен. Но судьбе было угодно, чтобы сейчас там оказался только один принц подходящего возраста... А, вот и они! Хлеб и солнце вам, милые вы мои!

Появление мужчин как-то скрыло то неприятное ощущение, которое появилось у гостей при нечаянно сорвавшихся у Ушинь словах: «дочери получают своих мужей...»

Как-то это не вязалось с царящей здесь добротой — бери, мол, что дают. С другой стороны, появился естественный интерес: а кого именно «дали» одной из островных царевен. Поэтому общее внимание оказалось прикованным не к королю, а к принцу-консарту. Он был чуть повыше кряжистого короля, но как-то бледен и жидковолос. Одним словом, выглядел он весьма неубедительно для отпрыска потомственных кузнецов. Да и старше любой из дочек был он, наверное, вдвое. Неудивительно, что у нее, бедолаги, так и не появилось наследника...

— Милые вы мои (это уже гостям), вы познакомьтесь с королем Алэлом и нашим зятем, Подковным эрлом Захео, за накрытым столом. А сейчас им приличествует умыться, ибо их огненные филактерии не подходят к праздничной трапезе.

Гости согласно закивали, а Юрг невольно почесал за ухом: от слова «филактерии» несло каким-то сморщенным старинным пергаментом или даже папирусом, ничего себе словарный запас у транслейтора! Только на Земле, кажется, это были тексты молитв или заклинаний, которые прикладывались к лицу — перво-зданные решили этот вопрос много проще: они прямо рисовали символы этих молитв на собственной коже — вероятно, за недостатком телячьей.

Царственные мужи — о чем, впрочем, трудно было бы догадаться по их кожаным передникам, тюленьим сапогам и пятнам несмытой гари — степенно удалились для приведения себя в надлежащий для приема гостей вид. Уходя, король что-то шепнул Ушинь, и не без укоризны — та вспыхнула и засуетилась, хотя дочери уже прекрасно накрывали на стол и без нее.

— Дорогая Ушинь, — поспешила вмешаться принцесса, — если вас тревожат мои малыши, то достаточно какой-нибудь козьей шкуры, чтобы уложить их тут, в уголок — вон как они посапывают от здешних-то запахов!

— Нет-нет, моя милая, нас с королем встревожило исчезновение нашей младшенькой. Ведь она первая должна была бы приветить вас! Ари! Трусиска! Мы тебя ждем...

Она появилась из-за цветочной стены, словно прошла через нее — самая невзрачная из сестер, худенькая и словно пожизненно угнетенная собственной немиловидностью.

— Моя младшая — Ардиень. — Ушинь только назвала ее полным именем, но уже стало очевидно, кто на самом деле здесь была любимейшей дочерью. — Ну же, ручки-тонковеточки, мы ждем...

Только тут все вновь прибывшие обратили внимание на то, что на груди у девушки висел на ленте небольшой лоток; он был плотно уставлен какими-то разноцветными чашечками. Ардиень смиренно скло-

нила голову и направилась к мохнатой шкуре, на которой уже мирно дышали — нос к носу — смуглый золотоволосый Ю-ю и белокожая Фирюза, чья головка была еле прикрыта черным пушком. Пальцы девушки сложились щепоточками и легко запорхали над головками младенцев — Юргу вдруг померещилось, что она творит какой-то очень земной старинный обряд, вроде крестного знамения. Но нет — Ардиень отступила на шаг, и стало видно, что она едва уловимыми прикосновениями украсила лобик девочки чем-то вроде василька, а на щечках ненаследного принца появились контуры легко угадываемых крыльев. Малыши даже не проснулись, только Ю-ю сморщил свои августейший нос.

— А меня?.. — не замедлил выступить Харр по-Харрада.

Что-то вроде улыбки промелькнуло на невзрачном личике; Ардиень вытерла руки о передник, и тогда стало видно, что в каждой из них — коротенькая кисточка. Она обмакнула их в чашечки, взмахнула руками — двигались они с непредставимой быстротой и независимо друг от друга — и через две секунды на черных руках менестреля появилось изображение пылающего меча и летящей кометы. Девушка снова вытерла кисточки о передник и обернулась к моне Сэниа. На секунду ее глаза расширились, словно она увидела что-то, окружающее принцессу неуловимым для остальных ореолом, потом осторожно взяла ее левую руку и на тыльной стороне ладони осторожно нарисовала черное солнце. Не делая ни малейших попыток объяснить свои действия, она отвернулась от принцессы и приблизилась к командору, не поднимая глаз. Он, словно угадав ее просьбу, протянул ей левую руку. Ардиень взмахнула кисточками, и на ладони Юрга появился едва обозначенный светлый сиреневатый крест, нежный косой росчерк, как бы печальный знак неприкасаемости.

Что-то подтолкнуло Юрга, и он, поднеся свою руку к губам, почтительно поцеловал этот крест.

Но тут снизу раздался шум шагов, мужские голоса, и король в сопровождении своего блеклого зятя появился возле накрытого уже стола. Ардиень заспешила навстречу, торопливо вытирая кисточки о передник, а затем с привычной молниеносной быстротой разукрасила их лица какими-то магическими знаками и контурами золотых чаш. И снова вытерла кисточки о передник.

Снизу, с невидимой отсюда пристани, раздавался сдержанный гул голосов.

— Ардиень, у дворца ждут подаяния, — негромко, но отчетливо произнесла старшая из сестер.

Девушка завела руки за спину, чтобы развязать тесемки передника, и только тут стало видно, что беспорядочные цветочные пятна, оставшиеся от прикосновения кисточек, сложились в диковинный узор, напоминающий, хотя и отдаленно, летящего зимородка с огненной стрелой в клюве.

— Высокие гости могут истолковать чародейный узор по разумению своему, и будет им дано по речению их, — возгласила Радамфань торжественным тоном верховной жрицы.

Чувствовалось, что она привыкла выступать в роли хранительницы семейных и исторических традиций. Для маленького островного королевства это выглядело чуточку смешно. Тем не менее Юрг, не теряя почтительного выражения, поклонился какой-то средней точке между расписным фартуком, Радамфанью, застывшей в позе Геры, и королевской четой:

— Благодарю за честь и за доброе предзнаменование, ибо синяя птица на моей родине является символом исполнения желаний.

— Ну да, — не замедлил вмешаться Харр, — только предварительно придется врезать кому-то между глаз огненной стрелой!

— Да будет так, — сказал король Алэл.

Ардиень встряхнула передник и, подбежав к перилам, бросила его вниз. Ветер подхватил расписное полотнище, а взрыв нетерпеливых криков и топот под-сказали, что на берегу началась погоня за летучим «подаванием». Между тем король подал руку моне Сэниа и почтительно повел ее к столу; старшие сестры привычно и не столь торжественно повлекли под обе руки принца-консорта, так что опять осталось в тайне, с которой из них он повенчан. Юрг, мгновенно сориентировавшись, стал спутником улыбающейся Ушинь, а менестрель суетился вокруг младшенькой, помогая ей освободиться от лотка с красками и что-то нашептывая ей на ухо, что она воспринимала с плохо скрытым недоверием.

Мир и благодать воцарились за простым дощатым столом, единственным украшением которого были створки великолепных раковин-жемчужниц, заменяющие собой блюда и тарелки. Церемонности больше не было — сестры в четыре руки обихаживали консорта, король, орудуя костяной вилкой и грубоватым кинжалом, разделявал запеченного гуся — или какую-то другую водоплавающую птицу, а Харр щелкал орешки для Ардиени. Внезапно мона Сэниа вздрогнула и едва удержалась от пугливого восклицания: перед ее прибором неизвестно откуда появилось то пучеглазое шестиногое существо, которое привозила с собой в корзиночке королева Ушинь. Существо присело на задние конечности — теперь было видно, что они принадлежат отнюдь не насекомому, а некрупному зверьку вроде ласки, только средняя пара торчит коленками наружу. Перетянутое в талии, как у жужелицы, тельце было покрыто темно-бурым ворсом или шерсткой, а аккуратная мордочка с кончиком розового язычка ну никак не сочеталась с огромными фасеточными глазами, над которыми подрагивали два антенных завитка мотыльковых усиков. Существо про-

тянуло нежную аккуратную лапку — совсем как благовоспитанная крыса — и взяло с ракушечной тарелки кусочек хлебной лепешки.

— Это один из наших свяничей, — сказала Ушинь. — Этого сладким не кормите, а то он последнее время что-то почесываться стал.

— А что за зверь? — спросил Харр. — Мышей-то хоть ловит?

Шамшиень, не сдержавшись, фыркнула.

— Сие не зверь, — наставительно заметила Радамфань, — а игрушка вечных богов. В домах он переносит и хранит их силы.

— Понятно. Домовой. — Юрг сам улыбнулся этой мирной допотопной ассоциации. — Нам бы в Бирюзовый Дол такого.

— Не вашего он племени, — неожиданно возразил Харр. — С вами-то ему, поди, тоскливо будет. Облиняет. Не давай ему зверя, королева!

Ушинь почему-то жалобно и просительно глянула на короля, словно напоминая ему о каком-то давешнем разговоре. Но Алэл едва заметно мотнул головой. Королева разочарованно повернулась к чернокожему певцу:

— Я все время думаю, как бы наградить тебя за твою доброту, милый человек...

— А ты отдай за меня одну из твоих дочек!

Сломанная вилка хрустнула в руке короля. Ушинь заморгала, и на ее серебряных ресничках показались слезы. Радамфань сделала глотательное движение и выпрямилась, словно при этом почувствовала в пищеводе полуметровую кость. Шамшиень презрительно выпятила и без того отвислую нижнюю губу. Ардиень впервые лучезарно улыбнулась. Юрг проклял бесчувственность менестрелевых ножищ, по которым он бешено и безуспешно пинал.

И только Подковный эрл продолжал невозмутимо жевать.

Наконец Ушинь справилась с собой:

— Прости нас за наше замешательство, дорогой гость, и не прими за обиду невольный отказ: это невозможно вовсе не потому, что ты, в отличие от твоего спутника, не королевской крови. Просто все три наши дочери уже замужем.

— Это еще за кем? — спросил так и не угомонившийся Харр по-Харрада.

— За принцем Захео, Подковным эрлом Дымноструйных островов.

Дымноструйный консорт продолжал жевать.

ХІ. ОБРЕТЕННАЯ МУМИЯ

оковое состояние, понемногу освободившее от напряжения хозяев, теперь наложило холодную лапу на гостей.

— Почему это вас удивляет? — мягко, чуть ли не извиняющимся тоном проговорил Алэл. — Первозданные острова должны иметь наследника, которому я мог бы передать свое умение повелевать всеми пятью стихиями. Без этого Первозданные острова остались бы беззащитными после моей смерти.

— А что, король, — бесцеремонно спросил Харр, — все пять стихий не могут сделать тебя бессмертным?

— Смерть — шестая стихия, которая мне не подвластна.

— Пх, — фыркнул менестрель отнюдь не мелодично. — И всем-то подавай монарших отпрысков! А может, твоим царевнам простые рыбаки приглянулись?

Юрг пнул его так, что стол подпрыгнул.

— Мои дочери чтят заветы предков, — горделиво улыбнулся король, — и послушны добрым советам отца.

Ушинь едва слышно вздохнула.

— Ну а не случилось бы подходящего принца — что тогда? — не унимался несостоявшийся жених.

— Не знаю, — отрезал властитель заброшенного архипелага. — Такого еще с Первозданными не случилось. Правда, раньше, кроме царствующей, имелись две королевские ветви — еще и на Мелководье. Туда же и отдавали младших отпрысков нашего рода. Но с некоторых пор...

Он замолчал, что-то припоминая. Юрг невольно покачал головой: такие тесные скрещения судеб уже через десяток поколений могли дать плачевные результаты. И, похоже, дали.

— И... давно ли установился такой обычай? — спросил он осторожно.

— С тех пор как наши предки заселили Первозданные острова. Впрочем, лучше меня об этом поведаст вам Радамфань. Прошу тебя, милая.

Последние слова короля, однако, относились не к старшей дочери, а к младшей — та проворно соскочила со своего места, подхватила кисточку и, приблизившись к Радамфани, легким росчерком обозначила на тыльной стороне ее ладони соблазнительные полуоткрытые уста — надо сказать, гораздо более привлекательные, чем у островной Клио. Затем она не вернулась на свой уголок стола, а присела на козью шкуру рядом со спящими малышами и, обхватив коленки руками, приготовилась слушать.

Хранительница преданий затерянных островов, по непонятной ошибке прозванных Лютыми, торжественно выпрямилась, словно заглотив очередную кость, и начала свое повествование.

Как следовало из ее рассказа, отселение джасперян на пустынный архипелаг началось еще до насту-

пления Темных Времен. Когда-то в древности все жители центрального континента, называемого сейчас Равниной паладинов, одинаково поклонялись пяти богам, олицетворявшим пять извечных и изменчивых стихий — ими были огонь, вода, земля, воздух и живая плоть. Шестая стихия — смерть — находилась в подчинении незримого и неназываемого демона, который властвовал даже над богами, разрушая их создания. Кажется, существовал еще и какой-то неведомый дух, сейчас уже позабытый — Запредельный Херувим, которому подчинялось все то, что лежало за границей джасперианского неба. Долгие века он никоим образом не давал о себе знать, пока появление здесь пришельцев из иных миров (Радамфань почтительно склонила голову перед Юргом и Харром по-Харрадой, отдавая должное не столько самим гостям, сколько собственным легендам, через несколько веков нашедшим свое подтверждение), не напомнило еще раз о том, кому уже столько времени не возносили молитв.

Харр, похоже, чуть было не брякнул, что своим появлением здесь он-то обязан отнюдь не херувимам, а самым обычным соплеменникам уважаемой рассказчицы, и благодарственным молитвам он предпочел бы кувшин доброго вина, но укоризненный взгляд моны Сэниа подействовал на него гораздо результативнее, чем все пинки командора.

Радамфань между тем продолжала свой рассказ. Первоначально никто из обитателей зеленой планеты не умел мгновенно переноситься из одного места в другое, и совершенно непонятно, когда эта способность появилась. Одни считали это даром Запредельного Херувима, другие полагали, что тут вмешался безымянный демон, надеявшийся таким образом заставить жителей Джаспера переселиться в какой-нибудь другой мир. Поначалу смельчаки, подымавшиеся высоко в небо или даже за пределы его голубизны, погибали,

задохнувшись прежде, чем успевали вернуться. Но разведение жавров позволило создавать легкие скафандры и неуязвие корабли. Началась сказочная эпоха вселенских полетов, принесших Джасперу изрядную долю диковинок и сокровищ — и ни с чем не сравнимое богатство знаний. Зеленый мир вступил в пору буйного цветения.

Но одновременно возникла и скорбная тень, всегда сопутствовавшая вспышке света: внезапно обнаружилось, что очень небольшое, но все-таки ощутимое в пределах планеты, число джасперян этим даром перехода через НИЧТО не обладают, как во все времена рождались и слепцы, и глухонемые. И эти несчастные начали чувствовать себя незаслуженно обойденными судьбой; веяния гуманизма, всегда несколько отстававшие от технического развития, еще не облагородили умы, и к обездоленным соплеменникам начали относиться как к париям. Но сознание собственной неполноценности, как это часто бывает, заставило этих людей объединиться под знаменем любой идеи, которая компенсировала бы им отчуждение от общей массы.

Так появилась идея Первозданности, слепленная из старинных верований, уже порядком позабытых в пьянящей атмосфере безбрежности распахнувшейся Вселенной и пророческой убежденности в том, что покидающих Джаспер обязательно постигнет кара за отрыв от родной земли. И эта беда минует только тех, кто блюдет в чистоте заветы предков. К счастью, никому в голову не пришло, блюдя сии заветы, вернуться в пещеры, одеться в звериные шкуры и предаться канибализму — отверженные, назвавшиеся первозданными (в отличие от «перелетных», как презрительно именовали они всех остальных обитателей собственного мира), просто основали что-то вроде обширного монастыря на одном из болотных островов и предались занятиям магией. К собственному удивлению,

они весьма в ней преуспели — вероятно, все-таки какие-то крохи инопланетных знаний, от которых трудно было полностью изолироваться, помогли им в этом; верховный жрец, поклонявшийся поочередно всем пяти богам, добился того, что болотные воды начали отступать, а чистые подземные — бить хрустальными ключами под его жезлом; ветры стихали, чтобы не тревожить зреющий небогатый урожай, а рукотворный огонь обогревал невоспламеняющимися шарами убогие жилища. Дети начали рождаться здоровыми и выносливыми, но ни один не приобрел греховного свойства летучести. Затерянная в восточных болотных краях (тут Юрг с принцессой переглянулись), немногочисленная община процветала, изредка принимая таких же, как они сами, изгоев.

И тут беда пришла в королевскую семью: один из сыновей не смог овладеть таинством перехода через НИЧТО. Мальчика скрывали как могли, тая позор семьи, но с достижением возмужалости он больше не захотел таиться. На своем крылатом коне он преодолел топкие болота и прилетел в обитель первозданных. Наделенный от природы неистовостью стремлений, он не захотел мириться с плешивым пятачком земли, окруженной гнилостной топью, где под корягами и трухлявыми стволами гнездились смертоносные жавры. Он принес с собой карту бескрайнего моря, со всех сторон омывавшего Равнину Паладинов; смутным крапом на ней были обозначены никем не посещаемые острова.

Сначала никто не поддавался на его уговоры; но со временем он овладел всеми секретами древней магии и, заняв место верховного жреца — за немногочисленностью общины бывшего одновременно и ее правителем, — как-то подозрительно быстро добился от бывших противников небывалого энтузиазма в вопросе переселения. Было решено начать строительство кораблей и на первом же послать разведчиков.

Если бы события разворачивались по такому сценарию, то само переселение отодвинулось бы на два-три поколения, а там — кто знает? Новый верховный властитель умов мог бы все повернуть на сто восемьдесят градусов. Но тут случилось непредвиденное: с Равнины прибыл еще один изгой, с трудом преодолевший болотистые пространства на отощавшем, изможденном коне. И он рассказал, что на счастливый некогда Джаспер опускается черная пелена слепоты. Он сам едва различал дорогу, ребенок его родился слепым; даже конь, неудачно приземлившись, переломал ноги, и его из милосердия пришлось прирезать.

На месте единовластного правителя первозданных любой другой, несомненно, объявил бы слепоту, поражающую население Равнины Паладинов, карой древних богов и, оставив мечту о кочевье по Бесконечному морю, начал бы готовиться к захвату земель, исконно принадлежавших их предкам, в свою очередь загнав немногих уцелевших «перелетных» в специально отведенные резервации, благо слепота делала их неспособными к переходу через НИЧТО.

Но только не этот.

Трезвый расчет — или чутье ведуна — подсказали ему, что начатая в злой час война обернется кровавой местью, если «перелетным» удастся освободиться от своего недуга. И сила будет не на стороне первозданных. Он огласил соответствующую энциклику, где объявлял недуг в высшей степени заразным; несчастный вестник беды, сам не подозревавший о том, на что напорется, был предан сожжению — в интересах общего дела, как его понимал властитель первозданных. Сакраментальное словосочетание «кара бѣгов», естественно, тоже не было упущено. А смысл жреческого послания сводился к тому, что надлежало оставить абсолютно все дела, кроме одного: строительства кораблей.

Неумелые корабли, как он и ожидал, наломали дров: хотя магические чары и помогли верховному жрецу все время поддерживать попутный ветер и не допускать к неспешно плюхающей флотилии ни одного урагана, примерно одна треть судов затонула, еще не успев обогнуть материк. Смятение, охватившее народ Джаспера, и постепенно заволакивающая Равнину Паладинов пелена незрячести позволила путешественникам проскользнуть вдоль самого берега, оставаясь незамеченными. Во всяком случае, ни одно предание не сохранило памяти о беглецах. Но оказавшись в открытом море, жители болот запаниковали. Жрецу пришлось применить все доступные меры устрашения, от заградительных смерчей, поднятых перед теми, кто чуть было не повернул обратно, до призраков морских чудовищ, окруживших корабли, рискнувшие взбунтоваться.

Еще труднее было удержать своих подданных, когда они наконец увидели цепочку круто подымавшихся из воды приветливых островков. Собрав все свое могущество, он опалил звездчатыми молниями зеленевшие доселе скалы и громогласно объявил, что так будет с каждым, кто рискнет высадиться на внешнюю цепь островов. Пройдя узким проливом между ними, корабли переселенцев двинулись в глубь архипелага.

И вот наконец они достигли цели: протянувшиеся гирляндами небольшие, вздымавшиеся уступами острова были словно созданы для заселения дружными, трудолюбивыми семьями. Но прежде чем разделить новые земли между своими соплеменниками, верховный жрец отдал крайние своим сыновьям, положив начало Подковной и Мелководной ветвям королевского рода перевозданных. С ним осталась его дочь, но не ее, а только что родившегося внука провозгласил властитель своим наследником, введя таковое правило в непреложную традицию. Вообще законов было до

сметного мало, и с течением времени число их практически не увеличивалось.

Первый, наиглавнейший закон гласил: все первозданные равны, кроме короля и наследного принца.

Второй был суров; первозданным под страхом проклятия бездетностью запрещалось вступать в брак с перелетными.

Третий был просто фантастически гуманен: на Первозданных островах запрещалось убивать ради забавы.

...а вот и оборотная сторона гуманизма — теперь не поохотишься! Неприрученным соколом выметнулась в вечернее небо последняя радость моны Сэниа: мчаться на крылатом коне, настигая добычу...

Четвертый закон: каждый волен обращаться к королю за помощью богов. Только король, общаясь с этими верховными существами, которых никто и никогда не видел, мог получить от них неведомую силу, которую хранили и переносили не вполне миловидные жукообразные твари величиной с добрую крысу. Мона Сэниа невольно покосилась на свянича, проводящего подбиравшего крошки возле блюда с медовыми коржами. Свянич, словно собака, отзывающаяся на свист, тотчас обернулся и уставился на нее выпуклыми многогранными глазками, поблескивающими, точно хорошо ограненный турмалин. Из него вышел бы хороший товарищ для такого одинокого Шоёо...

Свянич стрекотнул и прыгнул ей прямо на колени.

— Оп-ля! — возликовал Харр по-Харрада и, бесцеремонно окунув палец в горшочек со сметаной, принялся кормить свянича прямо с руки, немилосердно оскверняя парадное платье принцессы жирными кляксами. Радамфань сделала неодобрительную паузу, и мона Сэниа поняла, что пропустила какую-то значительную часть ее рассказа.

— ...сколько прошло с момента его смерти —件 известно, — продолжила старшая королевна. — Оди-

наково высохли и тело, и неразлучная с ним птица, укрывавшая своими крыльями его голову. Островитяне, не сомневавшиеся в том, что это и есть предсказанный легендами Шестой бог — Властелин Смерти и черной магии, бережно перенесли мумию из лодки в пустовавший свяничник, расположенный прямо на берегу, и начали поклоняться ему, умоляя отдалить неминуемый для каждого последний час. И, не желая ни с кем делиться обретенным чудом, они окружили гробницу Шестого бога глубочайшей тайной. Даже король всех Первозданных островов оставался в неведении, хотя он как раз в это время отдавал свою младшую дочь в жены одному из отпрысков боковой королевской ветви, которой в свое время было отдано в вечное владение все Мелководье.

Старшая королева сделала очередную паузу, чтобы передохнуть, но моне Сэниа показалось, что та как-то чересчур подчеркнуто не смотрит в сторону Ардиени. Уж не процветает ли соперничество между алэловыми дочерьми?..

Или младшая дочь Алэла виновна в чем-то?

Мона Сэниа тряхнула руками — ей показалось, что на них остались капельки липкой свяничевой слюны. И опять что-то пропустила из рассказа Радамфани.

— ...стала едва ли не самой неистовой из приверженцев новой ереси. Оправдать ее могло только одно: молила она не за себя, а за младенца, которому еще предстояло родиться. Она просила для него бессмертия... Мальчик родился обычным, только очень уж крикливым — его плач был слышен даже на соседних островах. Не тревожил он только мать: роды были такими страшными, что она потеряла и слух, и дар речи; зрение ее тоже медленно угасало. Но она находила на ощупь обрывки бумаги и каждый день писала — одно и то же, всегда одно и то же: она умоляла не обращаться за помощью к верховному

королю, ее отцу. Она посылала ему приветы и подарки, но ни разу не обмолвилась о своем недуге, хотя он мог бы исцелить ее, обратившись к Богу Живой Плоти. Но она почему-то предпочла угаснуть в темноте и безмолвии. А мальчик рос, ужасая окружающих своим нравом. Единственными игрушками его были мечи, копья и стрелы; специально приставленные для того слуги по ночам тайно портили их, подпиливая рукоятки и затупляя лезвия, чтобы мальчик не преступил закон, убив кого-нибудь для забавы. Наверное, и такое случалось, но на Мелководье уже существовала одна тайна, нетрудно было хранить и вторую. И по мере того как он мужал, становилось очевидным, что ни одна дочь верховного короля, да и девушки властителей Подковного архипелага, в жилах которых текла древняя королевская кровь, не согласятся соединить с ним свою судьбу.

Радамфань снова наградила своих сестер многозначительным взглядом, смысл которого для всех гостей так и остался за семью печатями. Мона Сэниа тоскливо подняла глаза к вечернему небу, подернутому слоистой дымкой. Море, кажущееся отсюда, с высоты крошечного алэлова сада, особенно низким и ровным — каким-то усмирненным, подчиненным человеческой воле, — вызывало у нее то же ощущение, которое она испытывала, глядя на дикого зверя, помещенного в клетку. Оно приобрело какой-то винный оттенок, совершенно несвойственный воде, чарующий и лживый. Ореховые скорлупки лодок — все без парусов — замерли недвижно, словно в привычном и безнадежном ожидании какого-нибудь маленького чуда. А ведь они все — все, до единого! — тоже живут без волшебства. Один король со своими шестиногими челядинцами владеет магическими силами, только, похоже, особой радости это ему не приносит. Так зачем же этот бесконечный вечер с томительным повествованием и еще более тягомотными паузами, если он не

поможет найти ответ на главный вопрос, с которым она рвалась сюда, к мудрому и беспристрастному Алэлу: как ей жить дальше, сберегая пуще зеницы ока самое дорогое на свете — единственного сына, и в то же время не умереть от тоски, представляя себе, как в это время ее дружина мчится по бескрайней Вселенной, отгороженной от нее вот этим золотисто-закатым небом?

Не говоря уж о зеленой Равнине Паладинов...

— ...сам отправился на Подковный остров, чтобы добыть себе невесту, — продолжался неспешный рассказ Радамфани. — Хроника не сохранила всех подробностей невероятного переплетения скандалов, вспыхнувших в семействе ненаследных отпрысков королевской крови, но доподлинно известно, что молодые люди дрались между собой на незатупленных мечах, сестры уродовали друг дружку, матери соперничали с дочерьми... Незадачливый жених одних травил на собственных отцов, других совратил, кого-то изувечил, одного даже убил. С тем и отбыл восвояси. На родимом острове все продолжалось еще хуже: он соблазнил собственную сестру, добрался до матери — и был убит обезумевшим от ужаса отцом. И за всеми этими кошмарами, непредставимыми до сих пор для жителей Первозданных островов, как-то оказалось незамеченным, что вокруг гробницы Шестого бога творятся чудеса. Посох одного из паломников, воткнутый в землю, покрылся черными листьями — его осторожно выкопали и перенесли на вершину близлежащей горы, где он вскоре превратился в могучее дерево, на котором время от времени появлялись золотые шарообразные плоды. Созревая, они опускались на землю так медленно, словно были наполнены легчайшим пухом; но взятые в руки, внезапно взрывались десятком крошечных молний, сжигая дотла смельчака, рискнувшего к ним прикоснуться. Затем кто-то увидел, как из моря выполз зеленый

угорь и пробрался в могильник — через некоторое время он вернулся в море уже пятнистым, и с тех пор некоторые из рыб или мирных дельфинов вдруг покрывались белыми пятнами и начинали в бешенстве нападать на рыбацьи лодки... Затем в гробницу залетел лазоревый зимородок — и вскоре над морем появились огромные синие птицы, нападавшие даже на корабли... Те, кто рискнул добраться до их гнезд, чтобы разорить их, рассказывали, что они вскармливают своих птенцов грудью, как звери или люди. И все это уже невозможно было скрыть от верховного короля. Он прибыл на Мелководье как раз в тот момент, когда вокруг гробницы творился кощунственный обряд поклонения...

— Кому? — вдруг совершенно неожиданно встрепенулся Харр.

— Но я же рассказывала — обретенной мумии Шестого бога, — несколько раздраженно, что не вышло с ее величавыми манерами, бросила Радамфань. — Все обряды свершались на берегу, который уже был усыпан жертвенным пеплом...

— Во дурики-то! — Распоясавшийся менестрель весело заржал и с такой лихостью шлепнул черными ладонями по столу, что начисто смел все окрестные кубки и тарелки. — Не тому поклонялись! Мертвяк сохлый — он-то что; его, видать, оживляли, да только он каждый раз снова копыта откидывал...

— Прерви суетные речи, сын безлунной ночи! — Маленький король словно вырос в своем деревянном кресле, расписанном затейливыми узорами, и неведомым образом вдруг мгновенно превратился в грозного владыку, чей голос слышала мона Сэниа в свою первую встречу с ним. — Ответствуй, не лукавя: кто мог оживить давно почившего?

— Да анделис, кто же еще? Твой морской народ, поди, за курицу его принял вяленую, только анделисы бессмертны...

— Прости, государь, — поспешил вмешаться Юрг, — но наш гость пересказывает легенду, существующую на его родине: якобы крэги способны оживлять мертвецов. Но если бы это было действительно так, то наш Кукушонок не позволил бы умереть маленькой Фирюзе и ее матери. У нас же хватило живой воды только на малышку.

— Откуда живая вода?

— С той же самой родины Харра, с Тихри, государь. Но ее там больше нет — источник замерз, а зима там длится чуть ли не половину человеческой жизни. Но рано или поздно...

Алэл поднял ладонь, прерывая его:

— Помолчи, гость мой. Я должен подумать.

Воцарилась тишина, в которой явно слышалось обиженное сопение менестреля. А моне Сэниа почему-то показалось, что ее супруг старательно уводит разговор подальше от способностей крэгов.

Наконец король встрепенулся:

— Кто из вас своими глазами видел, как птица оживляет человека?

— Никто. — Ответ командора, может быть, прозвучал и чересчур поспешно, но ведь он соответствовал действительности. — Никто, государь, самого процесса реанимации не наблюдал. Так ведь, Харр?

— Вестимо, так, но...

— Ты сказал. — Голос Юрга был резок, как никогда. — Наш гость с далекой Тихри — странствующий певец, он всю жизнь собирает песни, сказки и легенды.

Еще некоторое время стояла напряженная тишина, затем орлиный проблеск в глазах островного монарха померк, и он снова стал как бы меньше ростом.

— Радамфань, не заноси в хроники рассказ чернокожего странника, — мягко проговорил он, обращаясь к старшей дочери. — Продолжи свое повествование.

Но Юрг уже поднялся, почтительно кланяясь хозяину дома:

— Прости нас, гостеприимный Алэл, а также ты, добрейшая королева; извини нас, досточтимая хранительница былых свершений, но мы вынуждены будем дослушать, твою повесть в другой раз. Неотложные дела призывают нас вернуться к своей дружине.

Мона Сэниа и бровью не повела, хотя слова мужа были для нее полной неожиданностью. Поднялась, подошла к Ардиени, на коленях которой так спокойно — ну ни разу ведь не пискнули! — пригрелись оба младенца. Непонятно откуда появилось ощущение: вот этой молодой женщине, почти девочке, она доверила бы сына, не задумываясь.

— Ты всегда желанный гость в моем доме, владетельная Сэниа, — церемонно проговорил король, — но если ты торопишься — лодка твоих странствий ждет тебя.

Моне Сэниа почудился в этих словах скрытый намек — не нужно исчезать прямо здесь. Она поклонилась Алэлу, как равная равному, одернула по Харраду, который ринулся было облобызать ручки у королевен, и направилась вниз по ступеням к королевской ладье, водруженной на высокий базальтовый пьедестал.

А очутившись снова в бирюзовой чаше своего владения, первым делом по-супружески накинулась на мужа:

— Почему ты испортил вечер? У меня, конечно, тоже челюсти сводило от рыбьего занудства этой хроникерши, но ради добрых отношений с Алэлом можно было и потерпеть!

— Все гораздо хуже, чем просто занудство, девочка моя. Кажется, мы свалили крупномасштабного дурака. Отзывай людей из королевского сада на Равнине Паладинов, и будем думать, не натворили ли мы еще больших бед.

— Ага, — поддакнул менестрель, — как же, не натворили! Теперь вся ваша дорога, или как тут у вас на-

зывается, начнет выпрашивать у анделисов — то бить у крэгов — себе если не бессмертия, то уж избавления от двух-трех смертей, это как пить дать! Ишь, и королек этот крашенный, Алэл, не знаю, как по батюшке, сразу взволновался — почувал, что смертен, как все прочие...

— Я потому и велел тебе заткнуться, — устало проговорил Юрг. — Ты знаешь, Сэнни, что сказал мне твой отец, когда я прищучил его в тронных апартаментах... Это когда он тебя с помощью чародейного гребня усыпил? Так вот, он приложил меня мордой об стол: ты, землянин, не политик и вообще не деловой человек, и не берешь на себя труд рассматривать альтернативные варианты... Я-то тогда был на седьмом небе от радости, что тебя вызволил, послал его подалее и забыл. А ведь он был прав. Мы не просчитали, чего от нас добивается этот кур венценосный, даже на пару ходов вперед.

— Ты сам крикнул: поклянись, и быстрее!

— Клясться-то надо было быстро, да потом долго думать...

— Но я дала слово, что обо всем, происшедшем на Тихри, мои воины будут рассказывать одну только правду...

— Вот именно! Ты же не сказала: ВСЮ правду. Кое о чем следовало просто умолчать. Зови своих, хотя я думаю, что прошло столько времени, что уже поздно. Наболтали.

Принцесса воздела руки к первой вечерней луне:

— Эрм! Сорк! Пы! Немедленно возвращайтесь в Бирюзовый Дол!

Ее голос не успел смолкнуть, а Эрм уже стоял перед нею:

— Властительная принцесса, я прервал беседу с Высшим Советом, куда был приглашен от имени твоего отца, как только услышал...

— Скажи, мудрый Эрм, ты успел рассказать об анделисах?

— Да, принцесса. Твоего престолонаследного брата в первую очередь интересовало, имеются ли на Тихри крэги и служат ли они поводьями. Я ответил, что жители Тихри зрячи, но обитающие там крэги, именуемые анделисами, врачуют аборигенов, возвращая их к жизни или, в безнадежном случае, обеспечивая им кончину, исполненную радужных грез.

Ответом на этот краткий доклад был только дружный вздох.

— Слушай, а у кого-нибудь в Большом Диване был надет офит? — поинтересовался Юрг.

— Да у всех, включая короля! Самые изукрашенные, те, что и предназначались королевской семье. Но и крэги находились тут же, на специальных на-сестах.

— И богу свечка, и черту кочерга, — пробормотал командор. — О, и Сорк явился. Почто такой встречанный?

— Добровольцы одолели. Вся зеленая молодежь рвется служить принцессе, защищать незнамо от кого, но главное — оципать всех крэгов. Кстати, сами были поголовно в наших обручах. И среди них даже несколько воинственных дам. Насилу убедил, что к Лютым Островам заказано даже приближаться.

— Об анделисах все рассказал?

— Как было ведено — правду, и только правду. Ими-то интересовались в первую очередь, в силу неумной ненависти... И прямо волосы на себе рвали, что ты не призвала их на помощь, когда пропал новорожденный принц.

— Только их на Тихри и недоставало, — вздохнула мона Сэниа. — А о предшественниках Иссабаста — тех, чьими кораблями мы воспользовались — что-нибудь слышно?

— Нет, моя принцесса. Они словно сквозь землю провалились. Думаю, что все они в Жавровых болотах...

— Кстати, владения семейства Пы сопредельны с ними. Где он?

Он уже был тут как тут, какой-то прилизанный... А, вот что — переодетый.

— Прости, милосердная принцесса, припозднился... Негоже было пред тобой в рвани появляться.

— Кто рвал? — осведомилась мона Сэниа.

— Эти... Ревнителю. Что в крэгах и поныне. Я парочку-другую приложил, да много их оказалось, а в монарший цветник с мечом соваться заказано... чуть не одолели.

— Мог бы сообразить, что от целой оравы не грех и отступить, — наставительно заметил командор, ни разу в жизни не следовавший этому правилу. — Что было дальше?

— Дак папаня вмешался. Домой уволок. Велел больше без крэга ему на глаза не являться. Когда я рассказал, что наши-то на Тихри остались, он аж заплакал.

— Странный характер, — пробормотал Юрг.

— Дак он же верховный судья, а я — евоный наследник. Мне никак не положено без крэга. Когда унаследую.

— Я тебе потом все объясню, — быстро шепнула мужу мона Сэниа. — Скажи, мой доблестный Пы, все ли ты рассказал своей семье об анделисах тихрианских?

— Как на духу!

— Ну понятно... Все свободны.

Мона Сэниа прошлась взад-вперед по росистой траве, зябко обхватив себя за плечи. Остановилась перед мужем, потупив взгляд:

— С тех пор как я вернулась на Джаспер с Чакры Кентавра, меня преследует какой-то злой рок. И у меня подозрение, что все было бы иначе, если бы...

— Если бы я не навязался тебе в мужья, — покажно проговорил Юрг.

— О древние боги, как ты можешь? Совсем не то. Но мне кажется, что если бы я была наследницей престола...

— Сэнни, девочка моя, венец — штука тяжелая, это тебе не офит. И давно у тебя такие мысли?

— Да где-то с середины пребывания на Тихри...

— Затяжной случай. Но давай его не рассматривать, а? Ты младшая, ненаследная, что весьма меня устраивает. И вообще, пора малышей кормить. Эй, по-Харрада, неси отпрысков!

Харр, застрявший у привратного теремка, страусиным галопом помчался к ним, неся на каждом плече по ненаследному отпрыску.

— Древние боги! — ужаснулась мать. — Да что ты с ними натворил?

— Мне почудилось — вы оба в восторге...

Рожицы малышей были обильно изукрашены зелеными причудливыми узорами — сразу было видно, что незадачливый художник вместо кисточки использовал собственный палец.

— Всем мыться! — Сэнни выхватила у него размалеванных младенцев и исчезла, поскольку в качестве детской ванночки здесь приходилось пользоваться целым морем.

Юрг выразительно поглядел на менестреля и покрутил пальцем у виска:

— Краску-то где прихватил?

— А у рыбоньки-королевы. Она добренькая, да же если и заметит, так не настучит.

— Не настучит! А еще певец. И ворюга. И бабник. Веди себя прилично, рыцарь тихрианский, две брови, две ноги.

— Эт-то как?

— А так: не тyani, что понравилось, у ближнего своего.

— У дальнего фиг достанешь!

— И не клади глаз на чужих жен.

— Так ежели ейный муж, окромя глаза, ничего на нее не...

— Слушай, не вмешивайся во внутренние дела ала-лова государства. У короля были свои соображения, когда он всех дочек чохом замуж выдавал — ему наследник был позарез нужен.

— Ага, и дождался! Да таких, как этот хмырь подковный, в колыбельке душить следует.

Вот тут Юрг был полностью с ним солидарен. Оставалось только дипломатично заметить:

— Возлюби ближнего, как самого себя.

— Да на хрена ему моя любовь — что он, сироба-бий?

Юрг только рукой махнул — ну не давались ему нравоучительные беседы, хоть умри! И как он только будет Ю-юшу воспитывать...

Так что некоторое время спустя, задумчиво окуная сынулю в теплую до парной одури воду, он с каким-то недоумением признался жене:

— А я вот сейчас убедился, что вряд ли гожусь в воспитатели нашему подрастающему поколению. Не смог объяснить Харру простейшие нравственные принципы...

Мона Сэниа фыркнула:

— Тоже мне печаль! Нравственные принципы — не кашка, которую вкладывают в ротик. Их просто усваивают на примере ближайшего окружения. А если ты вдолбишь нашему гостю то, что ты называешь нравственными принципами, то он, вернувшись на Тихри, чего доброго поплатится за них жизнью.

— Если тебя ударили по правой щеке... Да, девочка моя, с такой моралью действительно и гробануться проще пареной репы. Но как же с Юшенькой быть — совсем его не пестовать?

— Твое дело, муж мой, любовь моя — научить его драться, но до этого еще далеко. Так что пока поко-мандорствуй всласть...

— Ощущаю грусть в голосе!

— Еще бы — мы ни на шаг не продвинулись в наших звездных поисках. Если бы мы могли заглянуть сейчас в магическую колоду и вычислить, какие два созвездия пропали из нее после полетов Иссабаста и его предшественника, это значительно сузило бы круг поиска. Но для тех, кто держит колоду, не имея крэга на плечах, она — пачка белых картонок...

— Постой, Сэнни, семейство Пы верно крэгам, и колода карт у них несомненно имеется. Что если он изобразит раскаявшегося?..

— А крэг? — Мона Сэниа вздохнула так, словно она действительно сожалела об отсутствии тех, кого чаще называли «пернатой нечистью».

— У нас же есть Кукушонок!

Юрг подпрыгнул в воде, как дельфин — глотнувший соленой влаги. Ю-ю отчаянно заверещал.

— Ты с ума сошел! Он же как член нашей семьи!

— Вот именно; поэтому на него можно положиться.

— Да, — нехотя согласилась принцесса, — на картине Оцмара были изображены и Кукушонок, и трехлетний Юшенька. Так что ничего с ними произойти не может.

— У тебя наконец-то прорезывается королевская мудрость... Чего не скажешь о Пы. Из всей дружины... Ишь, гогочут в соседней бухте — должно быть, Харра можжевельновыми вениками потчуют, это я их научил... Так вот, должен констатировать, что уважаемый Пыметсу — самый лихой рубака, каких я только встречал на своем веку. Махать мечом он мастер, но шевельнуть мозгой... Одним словом, достойный наследник верховного судьи.

— Ну это единственное, в чем можно быть уверенным.

— Ты серьезно? — изумился командор.

— Конечно. Судья — это, в сущности, просто палач. Если король кого-то приговаривает к смерти, то

осужденный получает меч и неограниченное время на поединок. Но дело в том, что верховный судья — это боец, не знающий поражения. Он непобедим.

— Ха! А нельзя ли пригласить его на какую-нибудь нейтральную территорию для небольшого показательного матча?

— Не шути, муж мой, любовь моя. С самых Темных Времен эта семья наследует должность, от которой, честно говоря, дурно пахнет. Но ни в одной летописи не отмечено, чтобы верховный судья проиграл хотя бы один бой.

— Знаешь, мне как-то расхотелось делать ставку на Пы.

— Да? А сколько предположительных созвездий мы насчитали? И помножь на количество звезд. Планеты, конечно, не у каждой... Ой, погоди-ка, погоди... Только сейчас мне пришло в голову, что ведь Иссабаст примчался на таком потрепанном корабле, что ясно и младенцу: тут козыри, указавшие ему созвездие, были ночные. А его предшественник, побывавший на сказочной планете Шоёо, был благодетельствован светлыми, дневными картами. Понимаешь? Из двух созвездий, пропавших из колоды, мы безошибочно выберем нужное.

— Остановочка за немногим — как объяснить нашему дюжему молодцу, какую роль он должен сыграть, и добиться, чтобы он запомнил...

— Дорогой, ты забываешь о Кукушонке — уж он-то вспомнит все карты до единой!

— Но если остальные крэги подслушают его мысли...

— А Кукушонок скажет им только то, что мы отпускаем Пы из дружины и дарим ему крэга — нам-то он не нужен. Что же касается мыслей, то он научился их прятать еще в подземелье. Нам придется их обмануть, и в успехе предприятия я ничуть не сомневаюсь.

— Бр-р-р, Сэнни, и подумать-то страшно, если — неудача.

— Я выросла в королевской семье, где обман — это профессия.

— Стоп! Но он невольно выдаст наше местонахождение...

— Каким образом? Что мы — на Лютых островах, знает весь Джаспер. А вот представить зрительно Бирюзовый Дол, чтобы сюда перенестись через НИЧТО, будет невозможно — словами этого не передать; конечно, если крэг сядет кому-нибудь на плечи и внушит нужную картину... Но Кукушонок не способен на такое предательство.

— Дай-то бог. Ох, Сэнни, разонравилась мне эта авантюра!

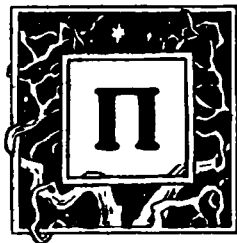
— Если бы я не винила себя в гибели Светлячка, я и сама на это не решилась бы...

Два непрошенных облачка четко и одновременно накрыли обе ранние луны, и в наступившей темноте море засветилось. У подножия камня, на котором сидели Юрг и Сэнни, держа на коленях завернутых в белые ягнячьи шкурки малышей, толклись лиловые фосфорические медузы, стремительными фонтанчиками холодных искр очерчивал свой путь припозднившийся дельфин, и ночная гагара, казалось, выуживала из ломких базальтовых вод не спящую рыбку, а крошечные слитки серебряного огня.

— Такого никогда не было, — прошептала принцесса, — мне кажется, это Алэл посылает нам знак, что оберегает нас...

ХII. СОРОЧЬЯ СВАДЬБА

ы вернулся на пятый день — мрачный, встрепанный.

— Папаня притомил, — коротко пояснил он. — Говорит: жиру я нагулял на принцессиных харчах.

Кукушонок, тоже какой-то невеселый, точно облинявший, молча снялся с его плеч и нырнул в ближайший кораблик. Пы тут же нахлобучил офит по самые уши. Юрг и Сэнни тревожно переглянулись и последовали за пернатым другом.

— Удача? — Сэнни не могла поверить в провал своей затеи.

— Полный крах, — прошептал он еле слышно. — Я никогда не задумывался над тем, как мы, крэги, общаемся друг с другом; так вот, мы слышим только те мысли, которые обращены к нам. Со мной же никто не хотел разговаривать. Мои бывшие собратья презирали меня еще сильнее, чем люди. До меня долетали только упреки в том, что я забыл свой долг — и по отношению к людям, и перед всеми крэгами...

— О, древние боги, и ты пять дней терпел эту травлю? — воскликнула принцесса, хотя вопрос был явно риторическим. — Но карты, вы с Пы просмотрели колоду?

— Да. Она оказалась белой. Вероятно, для того, чтобы увидеть изображения, потребуется настоящий крэг, а не такой изгой, как я.

Мона Сэниа осторожно сняла птицу со спинки кровати и прижала к себе, словно отогревая:

— Мы больше никогда не заставим тебя так страдать, слышишь, Кукушонок? Я клянусь тебе в этом честью своих трех имен, каждое из которых не запятнано. Но пойми и ты нас: мы думали, что крэги примут тебя так же, как семейство верховного судьи приняло Пыметсу, с состраданием к его раскаянию; мы надеялись, что твоим зрением он увидит магические карты, которые нам так нужны...

— С состраданием? — Пернатое создание завертело головкой, словно пытаясь разглядеть насмешку на лицах Юрга и Сэнни. — Да все семейство, включая приживалов, издевалось над Пы с утра до вечера! Иначе как «Пестрей» — это из-за меня — его и не называли.

— О древние боги, и он терпел целых пять дней!

— Теперь я понимаю почему, — прошепел Кукушонок, — мы вместе должны были открыть тайну карт — и не сумели...

— Да не вини себя, дружище! — Юрг как мог вложил в свои слова максимум убежденности, но на Кукушонка, по-видимому, это слабо подействовало, потому что он расправил крылья и, взлетев на выступ полки, нахохлился еще больше. — Ну не знали мы, что тут требуется настоящий, густопсовый крэг, с которым остальные пошли бы на контакт... Только вот такого на Игуане нет и не будет.

— А если — будет? — еле слышно донеслось сверху.

Кукушонок, спрятавший голову под крыло, отчего он окончательно стал похож на спящую курочку-рябу, казалось, сам испугался собственных слов.

— Ты что, хочешь кого-то сюда пригласить? — осторожно осведомилась принцесса.

— О, конечно нет! Но крэги напомнили мне о моем долге перед людьми — ведь если у новорожденного младенца отсутствуют крэги родителей, то позаботиться о нем должен ближайший крэг.

— Ну ты и заботился — и с Юхани возился, и с Фирюзой.

— Нет. Не то. Когда исчезло яйцо, предназначенное маленькому Ю-ю, кругом было много различных моих братьев, и думаю, что кто-то из них позаботился бы о маленьком принце, если бы вы не бежали с Джаспера. Но когда родилась Фирюза, я был здесь один, и я почувствовал... крэги объяснили мне, что это значило. Я должен снести яйцо.

Минуты две стояла обморочная тишина.

— Сюрприиз... — высказался наконец Юрг.

— Минуточку... — Мона Сэниа вскинула руки, словно призывая ко вниманию целую толпу. — Но ведь там, во дворце Оцмара, на картине было два крэга — Кукушонок и еще один, светленький такой; значит, так тому и быть! Это к удаче!

— Гм, дорогая, но ты ведь знаешь, что крэги делают с новорожденными... — не сдавался встревоженный отец.

— А кто говорит о новорожденных? Кукушонок воспитает своего сына на отдаленном островке, выстроим там ему хоромы; при них постоянно будет находиться кто-то из дружины, на предмет правильного воспитания. Рано или поздно Пы сможет вернуться в свое поместье уже не как презируемый блудный сын с пестрым и, главное, с чужого плеча, крэгом — а в качестве законного преемника своего достослав-

ного папеньки, и с молодым и прекрасным поводом-рем. Все в лучших традициях!

— Боюсь, Сэннюшка, у тебя острый приступ оптимизма. Ведь на это уйдут по меньшей мере годы... Кстати, когда это ты должен, с позволения сказать, разрешиться?

— Сегодня ночью.

— И ты молчал, курицын сын! Если б не этот разговор — что бы ты делал с яйцом?

— Я уже думал. Я снес бы его в море...

— Сынишку утопить? Ну, Кукушонок, я знал, что у вашего брата всего одна капля крови, но вот сколько мозгов...

— Не смей на него кричать! — взъярилась Сэнни. — Ты что, не понимаешь, что он собирался сделать это из любви к нам?

Юрг, ошеломленный ее тоном, потряс головой, словно пытался вытрясти из ушей визгливые нотки, а потом внезапно схватил жену в охапку и закружился по тесному кораблику:

— Бесценная моя супруга, поздравляю тебя: у нас первая настоящая семейная перепалка. Счастлив, что по достойному поводу.

— Ну что ты радуешься? — Сэнни, как это водится у прекрасной половины рода людского, всегалактического, отбивалась демонстративно и безуспешно.

— Что? Да то, что у нас всю жизнь будут поводы праздновать что-то в первый раз. Первое знакомство. Первая ночь. Первый сын. Потом второй сын. Потом третий...

— Вторая дочка.

— Нет, сын!

— Нет, дочка!

— Ах, так? Сейчас мы проверим это экспериментально...

— Веди себя прилично! Мы не одни.

— Ох, Кукушонок, прости. Мы совсем про тебя забыли. О чем... А, яйцо. Ты его что, высиживать будешь? И долго?

— Яйцо должно омываться лунным светом. Через девять дней из него появится птенец.

— И только годам к пятнадцати превратится во взрослого петуха.

— Если будет расти вместе с ребенком. Но рядом со взрослыми людьми это произойдет в считанные недели — уж я-то это знаю, пестрые крэги, появляющиеся взамен...

— Не вспоминай об этом, дружище. К тебе относились по-свински, но это закончилось раз и навсегда — во всяком случае, пока мы существуем на этом белом свете. А уж твоего скворчонка мы выпестуем будь здоров...

— Не опережай событий, муж мой, любовь моя. Прежде всего следует позаботиться о яйце.

Она выскочила из кораблика и чуть не наткнулась на Пы, который, сидя прямо на земле, угрюмо подрезал кинжалом стебельки беззащитных колокольчиков. Тихрианский рыцарь, расставив ноги, что делало его похожим на гигантский циркуль, высился перед ним в назидательной позе.

— На твоём месте я бы ему так врезал, так врезал, даром что родимый батюшка — не измывайся над сыном! И братьям...

— Ты это что мне дружинника портишь? — несколько запоздало вмешался командор. — Ты что, и собственного отца прибить способен? Тоже мне творческая личность!

— Да я бы своего отца — если б мне головой поручились, что это точно он, так как я его и в глаза не видел, — вон с той стеночки да прямехонько в море, головкой вниз. Он же меня, стервец, еще младенцем сиробабым продал, хорошо я от них вовремя ноги унес да к кузнецам в подручные

пристроился. Так вот, любезный мой кормилец-князюшка!

— Хм, — смущенно прокашлялся Юрг — ну не ладилось у него с воспитательной работой в коллективе, хоть застрелись! — У тебя, конечно, случай особый, но в целом родителей следует почитать.

— Сам-то, поди, не больно почитал-то?

— Я, знаешь, тоже вроде безродный, так что ты меня напрасно князем величаешь.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовалась Сэнни, — послушаем про твоих предков, а то мне как-то и в голову не приходило раньше поинтересоваться твоим генеалогическим деревом!

Пы смущенно переминался с ноги на ногу — вести разговор о предках супруга высокородной принцессы следовало, по его представлениям, не иначе как в королевском Диване, а не так вот, походя, на травке с колокольчиками. Но принцесса явно придерживалась другого мнения, стараясь отвлечь дружинника от пережитых обид:

— Я слушаю тебя, благородный эрл!

— Ну сейчас ты перестанешь величать меня благородным. Хотя история эта, надо сказать, печальнее некуда. Стоял себе большой беззаботный город, а жителей в нем, если еще и гостей прибавить, было, наверное, поболее, чем на всем зеленом Джаспере. И вот в один самый обычный, никем не угаданный день земля под ним... А что, разве на Равнине Паладинов никогда не было землетрясения?

— Только на самом дальнем севере, — быстро ответила принцесса, — это когда джаяхуудла созывает ледяных троллей, стуча копытом по вечному льду. Но продолжай, муж мой.

— Ну, да. Джаяхуудла. Копытом. Что-то я плохо представляю себе копыто, от одного удара которого рухнул бы такой город... А потом еще несколько морских волн. Короче, хоть со всего мира и слетелись все

до единого спасатели и поисковики, а откопать живых удалось ох как немного. Говорят, меня нашла собака. Лохматая шалая дворняга, которая работала лучше любого добермана. Когда она состарилась и ее из отряда спасателей списали, я ее к себе взял, в интернат.

— Куда, куда?

— А это такой большой дворец с фонтанами и бассейнами, куда собрали всех детишек, у которых не нашлось родни, а сами они по малолетству и имени своего не помнили.

— Откуда ж тогда стало известно, что ты — из рода Брагинов?

— Да не было у меня никакого рода! Брага — так собаку звали.

Харр, обманутый беззаботным тоном командора, весело заржал:

— Знал бы король Алэл, что ты псовой кличкой наречен, ни в жисть бы за свой стол не допустил!

И тут в моне Сэниа впервые разыгралась королевская кровь:

— Как смеешь, смерд?! Пусть мой муж, благородный эрл и бесстрашный воин, и не запомнил своих родителей — да будет благословен их прах в далекой Земле, — но они могли принадлежать только к знатнейшему роду, иначе меня... то есть я... О древние боги, да я же с первого мига нашей встречи чувствовала, что это так!

Юрг ошеломленно замер. До этого момента ему и в голову не приходило задуматься над тем, что чувствовала его будущая супруга в тот первый миг, когда он так бесцеремонно нарушил одним махом не менее половины пунктов дворцового этикета. Что она думала — он знал: ей померещилось, что вернулся ее первый муж. На Джаспере привыкли к чудесам. Но вот теперь оказалось, что кроме этого она почувствовала и какие-то флюиды древних голубых кровей... Он искоса глянул на жену. Она уже овладела собой и не

менее его была поражена собственной эскападой. А может, ей просто набила оскомину дурашливая развязность этого голенастого песельника? Кстати, загостился он тут, чувствует себя как дома (хотя он, наверное, повсюду ведет себя бесцеремонно) — надо будет как-нибудь вечерком послушать его куплеты и баллады, серенады и застольные песни, наградить позолоченным мечом пофасонистее... нет, двумя мечами... да хотя бы и тремя... и дюжиной кинжалов... да что там мелочиться — увешать его оружием с макушки до сапожных пряжек, пусть себе на это богатство купит рыдван на восьми колесах, обзаведется собственным гаремом... Только не сегодня. Сегодня вечером пусть еще поразвлекается тут, хотя бы и попоет, и можно будет на пару часиков мотнуться на Барсучий, связаться хотя бы по телекому со Стаменом...

— Где ты, муж мой, любовь моя?

Он встрепенулся — мона Сэниа глядела на него встревоженно и печально:

— С кем ты, муж мой?

— Со Стаменом, — честно признался он. — Врачи талдычат: ураганное заживление, чудеса экстрасенсорной терапии!.. А я же вижу — внутри у него словно стержень надломился, и вот он-то не заживает, не срастается.

Мона Сэниа вздохнула так незаметно, что никто, кроме Юрга, этого уловить не мог:

— Ну разумеется. А то потом у нас еще будет яйцо, которое нужно будет охранять, а затем и беспомощный птенец... Лети сейчас. Забери оставшиеся офиты. А если будешь в этой... как ты называл... клинике — пусть тебе сведут заклятие живого серебра с мизинца.

Юрг невольно опустил глаза на собственные руки — он как-то и позабыл, что левый мизинец, которым он пожертвовал, чтобы найти живую воду, а потом прирастил прямо так, как отрезал, в синтериклоне скафандровой перчатки, сохранил на месте прижив-

ления неширокое серебристое кольцо, которое было неотделимо от его плоти, словно стало ее частицей.

— Ну нет! — Он зябко передернул плечами. — Еще резать начнут... Бр-р-р! Я врачей боюсь. А тебе что, это мешает?

— Мне — нет.

— А я и позабыл про это. Как-нибудь к сибилле подольщусь, он мне за пару фианитов одними заклетьями это колечко снимет.

— Как же! — не мог не вмешаться по-Харрада, и так промолчавший на удивление долго. — Он тебе еще в нос подвесит! А если не в духе будет, то и на...

— Харр! Я улетаю... ненадолго. Останешься при принцессе, развлечешь ее как умеешь. — Он повернулся на каблуке, выискивая глазами ничем не занятого дружинника. — Ких, давай-ка по проторенной дорожке — на наш Барсучий. Там уже новые посылки с офитами приготовлены, неловко пренебрегать, хотя и того, что уже на Джаспере, всем за глаза хватит. Ну, Сэнни, не грусти. Я скоро.

Он исчез так поспешно, что у моны Сэниа сердце захолонуло. А что если кроме Стамена его притягивает и еще кто-то? Если судить по Таире, то земные женщины все как одна прекрасны, не чета джасперянкам.

Она встряхнула головой, так что вороные ее кудри, рассыпанные по плечам, метнулись, словно грива у норовистого коня. Довольно! И где это твоя природная гордость, принцесса Джаспера? Как ты могла допустить мысль, что тебе можно изменить?

Она стремительно повернулась, отыскивая глазами того, на ком можно было бы выместить свой ослепительный, как вспышка десинтора, приступ ярости. Сейчас она...

Ну а что, собственно говоря, сейчас? Разогнать сервов. Накричать на Харраду. Перепеленать Ю-ю. Когда он исчез, в жизни не было места ничему другому, кроме того, чтобы вернуть его, такого крошечного и

беспомощного. Но вот он вернулся, и даже этого ей не хватает не только для полного счастья — куда там! — а для той жизни, которую она воспринимала как естественную. Что же делать, что делать?..

— Эрромиорг, коней! — крикнула она, отсылая свой голос в далекий замок и нисколько не сомневаясь, что через несколько секунд на проплешине за воротами Бирюзового Дола ее уже будут ждать оседланные скакуны. Но это не будет ни боевой вороной Асмуре, ни спутница ее своенравной юности, пленительная сиреневогривая кобылка. Просто добрые кони.

— Харр, за мной.

— Слушаю и повинуюсь, ха! Только меч...

Она слышала, как он гулко топает у нее за спиной, со свистом вытаскивая свой недавно обретенный меч из ножен и толчком загоняя его обратно. Не наигрался еще.

— Вот ежели нам по дороге попадется дэв или, на худой конец, лешак заплутавший...

— Помолчи, сделай милость!

Просека была наполнена густым предвечерним звоном невидимых насекомых, стрекотом не то пичуг, не то крошечных зверьков наподобие свяничей, но главное — в нее сливался с окрестных холмов терпкий хвойный настой, отцеженный с кедровых крон полуденными солнечными лучами и смешавшийся с колдовским ароматом только что отцветшего папоротника. В этом золотисто-чащобном мареве, казалось, медлительно и торжественно вызревали призраки чудес, сотворенных для кого-то другого — не для нее. И даже для гнезда, которое нужно было сотворить где-то здесь, вдалеке от Бирюзового Дола, эта узкая прорезь в почти непроходимой заросли налитанного морскими ветрами хвойника была слишком неудобной, прямолинейной. Для гнезда требовалась заповедная ложбинка, а отыскать ее можно было только с воздуха. Мона Сэниа досадливо оглянулась на своего спут-

ника — тихрианский бродяга, которого не смущали никакие тяготы наземных дорог, смертельно боялся высоты. Если поднять в воздух крылатого скакуна, то и харрадов конь устремится вверх, и уж тут-то трусоватый, как и все задиры, менестрель поднимет такой переполох, что сгонит с гнездовой оба птичьих базара, прилепившихся к восточному окончанию Игуаны.

Принцесса досадливо поморщилась. Надо было взять в сопровождающие кого-то из своих. Она не сделала этого, стараясь каждый раз оставлять наиболее надежную охрану возле малышей. Свои... Может быть, их восторженная влюбленность — это именно то, чего ей так не хватало в последнее время? Каждый из них и сейчас, не раздумывая, отдал бы за нее свою жизнь; разница была только в том, что раньше это было бы готовностью пожертвовать собой ради прекрасной и желанной женщины, а теперь — ради бесконечно чтимой повелительницы. Но для нее, с детства привыкшей...

И тут черная четырехпалая рука бесцеремонно легла на ее поводья, а другая воровато скользнула, обнимая за талию. Конь чутко дернул головой и остановился как вкопанный.

— Ну так что, перепелочка ты моя непуганая, — проворковал над ее ухом заволаживающий, с томной ленцой, басок менестреля, — может, нам и впрямь поразвлечься, раз твой князь не против?

Стремительно бледнея от бешенства и отвращения, она вздернула коня на дыбы, так что его страшные, в шипах, копыта мелькнули перед самым носом незадачливого кавалера.

— Да ты что, дуреха? — В его крике послышалось искреннее недоумение. — Я же не с охалки, а жалеючи...

А вот это был уже полный беспредел. Руки, привыкшие к боевому мечу, не соразмерили силы удара. Харр, как и все кочевники не признававший стремя,

вылетел из седла, и в этот миг оскорбленное и мстительное воображение принцессы выметнуло на пути его падения невидимую пелену, которую все джасперяне именовали стародавним, ничего не значащим словом «НИЧТО» и, пройдя, сквозь эту неощутимую границу джаспериянского мира — и того химерического, который был подсказан принцессе ее дурманящей разум яростью, он с размаху плюхнулся в самое гнилостное, самое стылое, самое бескрайнее во всей Вселенной болото. В последний миг искра сострадания кольнула ее сердце, и она осветила зеленую ночь, простершуюся над неоглядной топью, жутковатой вспышкой одинокой звезды.

«Вот и пусть постранствует, — сказала она себе, одновременно пытаясь унять бившую ее дрожь и сляясь улыбнуться — то и другое не очень-то у нее получалось. — Помыкается по такому-то свету. Охладится. И больше о нем не думать!»

Она пригнулась к шее коня, поднимая его в полет. Ветер и хлестнувшие слева игольчатые лапы исполинских деревьев вернули его к действительности. Не на прогулку же она выехала — надо искать место для Кукушонкова отпрыска. Она вдруг поймала себя на том, что думает о будущем птенце совсем как о человеческом детеныше. А почему бы и нет? Кукушонк — не поводыр в отставке. Он — член семьи.

Белая тень скользнула над ней — Гуен, пропадавшая неизвестно где все последние дни. Еще одно существо, состоящее со всеми ними в непонятных родственных отношениях. Исполинская птица легла на левое крыло, вместе с конем описывая широкий круг над лесистым островом, протянувшимся с запада на восток, точно гигантский ящер, подставляющий южному солнцу свой правый бок. Сходство подчеркивали четыре крошечных островка, попарно прилепившиеся к каждому боку — во время отлива они смыкались с сушей, так что на них можно было пере-

браться, не замочив ног. До сих пор ни у кого из островитян не появлялось желания совершить экскурсию на эти неудобные скалистые выступы, так же как и Бирюзовый Дол, несомненно, вулканического происхождения, тем более что два из них были непроходимо загажены сонмищем морских птиц; ввиду их сходства с игуаньими лапами их так и называли — Правая Передняя, Левая Задняя... Сокращенно ПэПэ, ЭльПэ, ПэЗе и ЭльЗе, а между собой, когда это не могло коснуться принцессиных смуглых ушек, дружинники величали их по-своему: Попа, Лопа, Пиза и Лиза. Конь и сова набирали высоту, так что все четыре «лапы» были видны сверху одновременно.

— Послушай, Гуен, — крикнула мона Сэниа, заглушая свист воздуха, рассекаемого кожистыми крыльями ее коня, — а если бы ты хотела свить гнездо — где бы ты это сделала?

Желтые солнечные глаза уставились на принцессу холодно и бессмысленно. Ах да, она ведь понимает только зычные команды, к которым приучила ее Таира... Но в следующий миг тугие белые перья сложились так, что птица стала похожа на наконечник громадного копья, направленного безошибочно на левый передний мыс. Конь едва поспевал за нею. Шелест игольчатых лап под его брюхом, потом отвесный обрыв с четкими уступами ступеней и обломки легкого мостка, переброшенного на островок, отделявшийся от массива суши во время прилива. Вогнутая верхушка конусообразного мыса была пестрой, словно ее забрызгали краской с кисточек Ардиени. По краям что-то настораживающе поблескивало.

Это место было миниатюрной копией Бирюзового Дола — радужная площадка не более тридцати шагов в поперечнике. И с какой-то сероватой дырой посередине.

Конь сложил крылья и следом за Гуен бережно опустил свою всадницу на многоцветный ковер. Не сходя с седла, она огляделась.

Пегая пелена, устилавшая впадину, оказалась безобидным мхом, а глинистая масса в середине — разрушенным свяничником; у солнечной стены был сооружен каменный навес из плитняка, в глубине которого виднелся нетронутый временем алтарь из белого камня, не загаженного ни плесенью, ни лишайником. Золотая фигурка свянича тускло мерцала в тени каменного козырька. Это место было священо, но не вызывало ни трепета, ни благоговения — здесь было просто тепло и покойно. Пушистый, завораживающий своей шелковистостью мох так и манил ступить на него босыми ногами, и, опустившись на него, можно было бы часами предаваться неспешным и несуетным мыслям. Но вот заниматься любовью здесь было бы просто неловко — уж слишком царственно и равнодушно взидало на гостей золотое жуковатое существо, забытое здесь много десятилетий назад.

— Спасибо, Гуен, — сказала мона Сэниа и, перегнувшись с седла, впервые рискнула погладить тугие белые перья.

Поздно вечером, когда, уложив малышей, мона Сэниа ожидала мужа, в притемненных спальнях покоях зазвучал голос. Он то утихал до едва различимого шелеста, то резал ухо пронзительными металлическими нотами — так всегда бывает, когда звуки пересылает кто-то другой. Это было естественно — Ких никогда не слыл виртуозом в области передачи голоса.

Поразило мону Сэниа другое — какая-то несвойственная Юргу потерянность.

— Мне придется немного задержаться... Ты понимаешь, это очень нужно...

— Что со Стаменом? — перебила она его.

— Со Стаменом? Со Стаменом все в порядке... То есть так же. Просто мне нужно слетать на космодром. Киху передали картинку по видеосвязи, он меня перебросит.

— Что...

— Сэнни, я не знаю, что будет. Вернусь — расскажу.

— Я сейчас возьму Юхани и буду рядом с тобой.

— Ох, только не это!

Она отшатнулась, точно ее ударили. С трудом разжала губы:

— Юрг, это... женщина?

— Да, да. О черт, все слова из головы вылетели...

Юшку береги. Я скоро.

И — все. Тишина.

Она подняла с пола походный плащ, зябко закуталась. Впервые ее муж был в беде — и оттолкнул ее, когда она захотела встать рядом. Маленький кораблик, служивший им спальней, позволял сделать всего шесть шагов вперед — и столько же назад. Так она и металась, взад — вперед, налево — направо, точно жучок-водомерка на тихой заводи, пока в соседнем шатровом покое не раздался едва уловимый серебристый звон.

Она замерла и вскинула голову — ее насторожила неопознаваемость этого мелодичного, совсем не опасного звука. Не оружие. И не посуда. Музыка?

Она выхватила из-под подушки маленький десинтор (на одной планете с крэгами жить — с оружием не расставаться!) и, загасив светильник, осторожно выглянула в соседнюю комнату — там, в плоской серебряной чаше, забытой на столе, наливалось живым свечением небольшое перламутровое яйцо, и жуки-фонарики, не решаясь приблизиться, пугливо кружили над ним.

Юрг вернулся только к полудню — измотанный, растерянный и виноватый. Сразу прошел в детскую, даже не заметив Кукушонка, настороженно оберегающего свое яйцо, уселся прямо на пол возле колыбели, свесив руки между колен. Поматывая головой, словно

пытаясь отогнать от себя кошмар прошедшей ночи, проговорил:

— Вернулась жена Стамена. — Мона Сэниа поняла, что он не в силах произнести: «мать Таиры». — Из марсианской кругосветки. Я не мог — понимаешь, не мог, не имел морального права взвалить на Стамена ЭТО...

Она поняла, что значит «это» — Юрг не позволил Стамену пройти еще через одну муку — рассказ о гибели дочери. Принцесса не могла понять другого: что такое «моральное право», но почувствовала, что сейчас не время для расспросов. Командору и так досталось. Она опустилась рядом с ним на ковер, прижавшись щекой и теплым обручем офита к его руке.

— Сэнни, — прошептал он едва слышно, — что нам делать, чтобы уберечь нашего Юхани?..

Она сама задавала себе этот вопрос тысячу тысяч раз, но сейчас, когда он с таким отчаянием прозвучал из уст ее мужа, чаша ее материнских страхов вдруг переполнилась.

— Мы найдем Светлячка, — твердо проговорила она, подняв на Юрга потемневшие до черноты глаза, — и после этого Юхани всегда и везде будет с нами — в путешествиях, сражениях, любой беде и опасности. Принц трех планет не должен расти под моей юбкой!

И Юрг даже не удивился. Только пробормотал:

— Так ведь сколько еще придется искать...

— Кукушонок снес яйцо. Птенец подрастет быстро, Пы уже сейчас ни о чем другом не говорит, кроме того, как будет с ним нянчиться. Сейчас они с Флейжем пух собирают для гнезда.

— Где место нашли?

— Гуен подсказала — на Левопередней.

— Надо будет посмотреть. Пригони нам с Харром по кобылке...

— Я отослала Харра назад, — быстро проговорила она, опуская глаза. — Что-то утомили меня его шуточки. Остроумие, уместное в конюшне, но не возле колыбели нашего сына.

Ого! Это была речь королевской дочери.

— Как это — назад? — не понял Юрг. — На Тихри?

— Надеюсь. — Мона Сэниа вспомнила абстрактное болото и невольно поежилась. — У него будет возможность попутешествовать по незнакомым землям. Ты недоволен?

— Нехорошо. — Юрг потер подбородок. — Я же обещал ему свой меч!

— У него один из лучших мечей из моей оружейной!

— Я обещал — свой.

— Пусть будет так — я ему переброшу и твой тоже. И еще дюжину. Для Тихри это — несметное богатство. А сейчас займемся гнездом.

— Знаешь, а ведь мы так и не слушали его песен...

Яйцо росло не по дням, а по часам, и в перламутровых переливах его нежной, чуть тепловатой скорлупы все явственнее проступали голубые оттенки — то ли отсветы летнего моря, притихшего у подножия скалистого островка, то ли память о пронзительной, унаследованной от отца синеве глаз маленькой Фирюзы. Пыметсу, бессменно обосновавшийся под каменным козырьком, то и дело подсовывал под него невесомую пену гагачьего пуха, доставляемую с птичьего базара неугомонным Флейжем. Так же неотлучно находились возле яйца еще два стража: Гуен и Кукушонок. Все трое ревниво поглядывали друг на друга, словно каждый из них чувствовал себя единоличным родителем будущего птенца. В неистовой преданности Пы принцесса не видела ничего удивительного: младший дружинник, туповатый и неповоротливый

всюду, кроме поля боя, вызывал легкие, хотя и не всегда безобидные насмешки собратьев по оружию, и вот теперь ему — именно ему! — было поручено дело первостепенной важности: вывести название той звезды, возле которой находилась родина Шоёо.

Но Юргу, ежедневно навещавшему гнездовье и внимательно приглядывающемуся к сыну верховного судьи, чудилось иное — безотчетная радость при одной мысли о том, что с ним снова будет его собственный крэг...

Малыш вылупился на девятый день, едва первая луна выбелила пестрые мхи гнездовья. Мона Сэниа и Юрг, появившиеся здесь сразу же, как до них долетел восторженный зов Пыметсу, с естественным восторгом разглядывали крошечное пернатое чудо. Новорожденный птенец, не крупнее голубя, тем не менее был точной копией взрослого крэга, ничем не напоминая мокрых беспомощных малышей, появляющихся в гнездах обыкновенных птиц. Белый на первый взгляд, он сохранил на своем оперенье тот голубоватый перламутровый отлив, который был присущ скорлупе яйца; клюв, коготки и изящный хохолок были темно-голубыми.

— Фируз! — негромко позвал Кукушонок.

И новорожденный крэг, в первый раз расправляя подсвеченные луной лазоревые крылья, легко порхнул навстречу родителю.

— Прелестно, — прокомментировал Юрг. — Урыдаться можно.

Мона Сэниа встревоженно вскинула ресницы — так ведь верного Кукушонка и обидеть недолго.

— Не будем им мешать, — проговорила она, отступая назад и увлекая за собой мужа. — Подрастай побыстрее, Фируз, ты — наша единственная надежда!

А очутившись у себя в спальном покое, она недоуменно взглянула на Юрга:

— Что с тобой, муж мой, любовь моя? Разве можно оскорблять того, кто нам верен?

— Да у меня и в мыслях не было! Хотя — крэг все-таки...

— Его воспитают Гуен и Кукушонок, а верность завету — в природе крэгов. Не их беда, что венценосный синклит заставляет их творить зло...

— Сэнни, да что с тобой? Еще немного, и ты начнешь этим тварям клювики вытирать!

— Я только справедлива, чему учили меня с малолетства (ого, снова речь королевской дочери!). Всем нашим джасперианским крэгам я свернула бы шеи, последовательно, поодиночке и с наслаждением. Но Кукушонок и его сын — исключение. Значит, могут быть исключением и другие. Кстати, что ты сделал с золотым яйцом, которое предназначалось нашему Ю-ю?

Юрг задумчиво почесал в затылке:

— Если память мне не изменяет — выбросил на помойку. До того ли было!

Их глаза встретились, и оба поняли, что думают об одном: если бы не обстоятельства, может быть, у них бы сейчас было на одного члена семьи больше.

— Сделанного не воротишь, — вздохнул Юрг. — Будем теперь надеяться на то, что наша кроха окажется акселератором и будет расти так быстро, как предсказывал его папаша.

Он хотел еще добавить: а много ли мы знаем об истинной природе крэгов и что в нее заложено? Но промолчал, потому что ответить на этот вопрос Сэнни не смогла бы. Вот разве что Алэл...

А Фируз, кажется, действительно был акселератором. Через неделю он был уже величиной с фазана, через две — с глухаря, через месяц он уже укутывал плечи Пыметсу легким перовым покрывалом, и принцессе пришлось пожертвовать своим единственным зеркалом, привезенным с Барсучьего острова, чтобы ее младший дружинник, точно красна девица, мог постоянно

любоваться шелковистыми павлиньими переливами, которые ласково попыхивали на молочно-бирюзовой поверхности его живого убора. Юрг ворчал что-то про «нарциссов комплекс», но все меры перевоспитания самовлюбленного молодца решил отложить до того времени, когда он выполнит свою задачу. Темные, как египетская ляпис-лазурь, коготки *еще* не дотягивались до запястий, и, чтобы удержаться на плечах молодого хозяина, Фируз вцеплялся в тонкий обруч офита, так что крылья, обвиваясь вокруг головы, превращались в затейливую чалму, увенчанную горделивым хохолком. Залюбуешься. И чтобы это любовование не перешло все мыслимые границы, Юрг придумал для Пыметсу нелишнюю тренировку: по его просьбе Сорк нарисовал по памяти все магические карты, бывшие в игре с эрлом Асмуrom; перед дружинником складывали колоду, из которой попеременно изымали какую-нибудь пару карт, и он должен был за одну-две секунды установить, каких картонных картинок не хватает.

Худо-бедно, а к концу месяца он с этой задачей уже справлялся.

И все-таки когда мона Сэниа, поутру появившись в пестроковровой площадке на верхушке Левопередней, сказала: «Пора!» — Пы побледнел и хватанул воздух ртом. И что он волновался — ведь в прошлый раз отправился в отцовский замок с легким сердцем, хотя и с той же задачей. У принцессы удивленно дрогнули брови, но нечаянная мысль — а не девицу ли какую вспомнил дружинник, что так взволновался — остановила чуть не сорвавшийся с губ вопрос. Впрочем, ответить на него Пыметсу все равно не смог бы: его томило неясное предчувствие, угнездившееся непонятно где — так перед медленно вызревающей грозой каждая жилка в теле наливается тяготной стынью... А ведь мечтал, что полетит в отцовские хоромы, как молвь-стрела легкокрылая, несущая солнечную весть.

Но счастье вернулось к нему полной мерой, как только он почувствовал под сапогом гулкий камень отцовского двора. Он размашисто шагал по серым плитам, неся на сгибе локтя, точно кречета, диковинную голубовато-перламутровую птицу, какой не видел еще никто на Джаспере, и все многочисленное семейство верховного судьи, высыпавшее из хоромины, позамирало, разинув рты. Пы с изумлением отметил, что все они как один были в новеньких обручах с черными глазками, но тут же следом выметнулись сервы, да не какие-нибудь кухонные, а парадные, изукрашенные резьбой и воронеными накладками с цветным стеклом вместо самоцветов — раньше таких брали на приемы да балы, чтобы несли за хозяином плащ, а если вдруг подвернется благодатная оказия, то и все остальное, вплоть до исподнего.

Но сейчас парадные сервы несли шесты с перекладинами, тоже причудливо изукрашенные, и на верхушке такого сооружения лениво ниспадал всем своим оперением сонный крэг. Теперь вот так, значит. Пы знал отца — если что заводилось при королевском дворе, то он, как верховный судья, первым перенимал новшество, чтобы в случае чего иметь право попенять тому, кто к монаршим нововведениям недостаточно внимателен.

Братья и сестры, все, как и он сам, черноволосые и низколобые, остолбенело следили за его триумфальным шествием; когда же он приблизился к кованой двери, даже днем угрюмо затворенной от солнечных лучей (скуп был батюшка-судья, ковры берег старинные, чтобы на солнце не повыгорали), обе створки вдруг широко распахнулись, и на двор, распрямляя квадратные плечи, вывалился глава семейства собственной персоной. Видно, углядел сына в узкое, как бойница, оконце и не выдержал, не стал дожидаться, как в прошлый раз, в гостевой зале, точно встречал чужого. Пыметсу открыл было рот, чтобы прогово-

рить все то, что было хорошо заучено и десятки раз отпетитировано (чтобы не брякнуть лишнего), и сам, поперхнувшись, замер: на глазах никогда не знавшего жалости рубаки подрагивали две крошечные мутные слезинки.

Потому-то он и не заметил, что следом за отцом появился серв с кроваво-красным недремлющим крэгом, и остальные птицы вдруг разом встрепонулись, словно по команде, и уставились на юного сородича ледяными оценивающими глазками.

Ну а дальше, как и следовало ожидать, был учинен пир до самой последней луны, с обязательным непомерным обжорством, от которого воздерживался только сам судья — надо же форму держать! Пыметсу говорил немного, расчетливо отмеряя слова. Да, высокородная принцесса вспомнила заслуги бессменного судьи и справедливо рассчитала, что негоже оставлять его без законного наследника его должности. Старший сын — он и есть старший сын. Утеха и гордость отеческая. Мощь и отвага ее дружины. Пока верховный еще в силе, пусть не опасается, места его никто лишать не намерен, а сын, если он не возражает, пусть пока остается в дружине. Сегодня же она прислала доблестного Пыметсу только для того, чтобы отец увидел; сын его снова обрел собственного поводыря, как и положено по древнему Уговору, и в любой момент, по воле батюшки, может занять его место при королевском дворе. Теперь ему стыдиться своего крэга не придется, не захудалый пестряк какой-нибудь, диво несравненное, каковому и принцы позавидуют. А откуда?

Тут все было строго обдуманно, чтобы не соврать лишнего. Девку Скузову отбили у болотных поганцев. Со страху раньше времени родила и теперь помирает, а единственный оставшийся при дружине крэг, пестряк Гэля покойного, тут оказался на высоте — снес яйцо красоты невиданной, пожалел малютку-си-

ротку. По принцесса мудро постановила, что раз уж дитя родилось зрячим, то нечего к ней крэга подпускать — ему, Пыметсу, он нужнее, чтобы без сраму и стыдобы свой пост при короле занимать, как по Уговору положено.

За благодное решение ненаследной королевны поднимался кубок за кубком; перепившись, помянули всю дружину поименно, не забыв и павших, сдержанно осушили еще по одной — за супруга своенравной моны. Дошли до новорожденной, появлению которой и был обязан Пыметсу своим обретением — ну тут винные реки опять зажурчали над непросыхающими скатертями. Мать ее болезную помянули — подняли за здоровье. Пыметсу, повысив голос, сокрушенно возразил: никакой надежды не осталось, последнюю просьбу твердит страдальца: отыскать ее крэга, утерянного в жавровых болотах, и по чести и Уговору доставить его на любую далекую землю, по его выбору.

Братья в один голос вызвались в дружинный полет.

— Мой крэг — моя и честь, — гордо заявил Пыметсу. — Так что, глаза ополоснув, не худо бы в колоду заветную глянуть — что там для разгула молодецкого предуготовлено...

— За разгул молодецкий! — дружно грянули братья.

Никому и в голову прийти не могло, что все это представление было затеяно с единственной целью: просмотреть обновленную колоду магических карт.

И не братьев да сестер, не отца, еще отнюдь не престарелого, с таким блеском водил за нос Пыметсу — нужно было обмануть крэгов, которые, несомненно, уже знали о похищении из болотного замка беременной Касаулты — ведь действительно, мотается же ее неприкаянный крэг где-то над болотами, вопит небось о помощи. Но о том, что делается в заповедных стенах Бирюзового Дола, не должен был знать

никто, кроме допущенных на Лютые острова. Крэгам, разумеется, известно, что по их присуждению принцесса с семейством и дружиною обосновалась где-то в морском лабиринте; но — и только. К счастью, пиршество набирало размах с такой стремительностью, что никто из судейского дома просто не успел проявить опасное любопытство. Сам же виновник торжества незаметно выплескивал кубок за кубком через плечо, стараясь, однако, не попасть Фирузу на хвост. Все равно одежда на спине прилипла и парила, пробирая винным паром от хребтины до пупа насквозь. Пы незаметно почесывался.

А когда последняя луна стала клониться к замковой стене, он шумно рыгнул, утерся и достаточно неверным шагом направился в малый хоронушный покой, где под чеканным изображением венценосного крэга хранилась шкатулка с магической колодой.

Многодневные тренировки не пропали даром — через минуту он уже стоял на вечноживых колокольчиках Бирюзового Дола.

Принцесса, так и не сомкнувшая глаз за эту ночь, босиком вылетела на порог:

— Ну?..

— Могильный Гриф и Сорочья Свадьба, моя госпожа! — торжествующе возгласил Пыметсу из рода могучих Тсу.

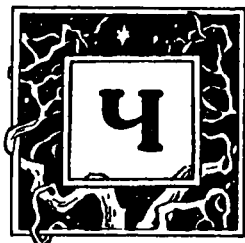

Часть вторая

ЛИХИЕ ВРЕМЕНА

І. ЛИХОПЕТЕЦ

то-то держало его за ноги, и Харр осторожно скосился вниз; в свете ослепительной зеленой звезды, злобно сиявшей на черном небе, он ничегошеньки не углядел, кроме того, что его роскошные белые сапоги по щиколотку утопали в какой-то навозной жиже. Он потихоньку вытянул одну ногу из этой мерзости, потряс ею, как цапля, и чуть было не сделал шаг вперед. Но инстинкт прирожденного странника вовремя остановил этот порыв: болото — дело коварное, сейчас он на твердой кочке, а на чих впереди — может, и зыбучая трясина. И добро бы это было на родимой Тихри, делла-уэлла Тихри, по которой он вдруг ощутил едкую, как свет этой змеиной звезды, тоску; но небо было черным, как ни на одной из дорог его родины, и безлунным; стало быть, его отправили куда-то подальше от принцессиного острова. Глухомань была еще та, так что пришлось помянуть капризную королевну недобрым мужским словом. И не таких обхаживал, и венчанных, и

невенчаных, — и не выдрючивались, поди. Обиходила гостя, одним словом.

Однако надо было выбираться отсюда, а не досаду лелеять. Так и стоя на одной ноге, он вытащил длинный свой меч и, слегка наклонившись, потыкал перед собой. Твердо. А со стороны небось журавль журавлем. Крупная птица припомнилась недаром: на бескрайнем болоте не чувствовалось ни малейшего шевеления; если вода в нем отравная, так и лягушки не поймашь. Нет, надо выбираться. Он твердо поставил ногу и снова ткнул мечом. Опять твердо. Странное болото. Он ткнул в третий раз, и меч пошел в чем-то упругом, точно хрящ. Попробовал пошевелить им — зажало. Дернул обратно, обливаясь потом — не ломать бы! Оружие-то бесценное. Вышло легко, только на острие повисла какая-то клейкая сопля. Для надежности он ткнул чуть подальше, и в этот миг почва под ним угрожающе качнулась.

Подавив вскрик, он раскинул руки, удерживая равновесие. Под ногами что-то подымалось, точно стоял он на щите. Только щит-то был неправдоподобно велик. Внезапно слева и справа возникло какое-то трепыхание, точно два длинных плавника, сходясь углом к невидимой пока голове, забили по мелкой воде. Твердь под ногами все подымалась, и вот уже стала видна и голова того чудища, на спине коего он так некстати — а впрочем, может быть, и к стати — очутился. Голова была некрупная, не больше единорожьей, и походила на змеиную. Плоская спина, вымощенная квадратными чешуями величиной с добрый щит, была треугольной, и от торчащего копьём хвоста до этой безобидной на первый взгляд головы приходилось не менее двадцати шагов. Так что, учитывая короткую шею страшилища, можно было не опасаться, что оно обернется и достанет своего непрощенного седока.

Кожистые плавники продолжали размеренно шлепать по болотной жиже, но вряд ли их одних хвати-

ло бы для того, чтобы так плавно, словно играючи, продвигаться вперед. Видно, под брюхом мелко сенила не одна пара перепончатых лап. Только куда вот они его привезут?

А везли уже долгонько. Злая звезда склонилась влево, не потеряв, однако, яростного блеска; край неба на противоположной стороне начал светлеть, приобретая нежный яблочный оттенок. Конца же ровной зеленой глади не предвиделось. Присесть было некуда; чешуйчатую спину гигантского плавунца покрывала жидкая грязь; Харр расставил ноги и оперся на меч. Так можно было и подремать. Вот он и задремал, убаюканный мерными хлопками плавников по плескучей податливости воды. А когда, словно от толчка, снова открыл глаза, прямо перед ним подымался из воды молочно-зеленый полукруг блеклого светила, перечеркнутый каким-то темным крестом. И тут по всему — по жирной занавоженности воды, по злобной зоркости единственной звезды, по неблесткому свечению несуразно зеленого, словно неспелого, солнца, Харр по-Харрада, вечный странник, понял, насколько же далеко он теперь и от пыльной многодорожной Тихри, и от ласкового Джаспера — с его чистыми морями и многолунными ночами, страх перед которыми он научился так хорошо скрывать.

Он не очень четко представлял, где может быть расположен этот совсем другой мир — вполне достаточно было того, что он расстилался и спереди, и сзади, и слева, и справа. Да, так что там насчет того, что впереди?

Громадный солнечный диск, тусклый, как медное блудо, которое на долгое время забыли в лохани с кислым молоком, позволял глядеть прямо на него, даже не прищуриваясь. Странное сооружение, перечеркивающее его точно пополам, было здоровенным шестом, торчащим прямо из воды. Сверху к шесту была прикреплена такая же массивная перекладина,

и вокруг всего этого зеленым жгутом обвивался невиданной величины змей. Движение чудовищного плавуна замедлилось, он ткнулся носом в подножие столба и замер. Замер и Харр — ему вдруг показалось, что два этих монстра в сговоре и вот один услужливо доставил завтрак другому. Насчет завтрака это еще надо будет посмотреть, кто кого — голова змея приподнялась, и стала видна толстая шея, без зауженности, как у доброго копья перед наконечником. Значит, гад не ядовит и, проявленный на угольях, мог бы послужить запасом пищи не на один переход. Харр изготовил меч и потоптался, проверяя, не оскользнется ли нога при выпадении.

И тут вдруг ему померещилось, что головы двух чудищ, обращенные одна к другой, как-то совсем почеловечески задвигались, то кивая, то указывая в сторону, точно они беззвучно переговаривались между собой. Плавун шлепнул по воде и легонечко отодвинулся назад; змей мотнул тупым рылом в сторону зашедшей звезды, и Харра чуть не отбросило назад — с такой прытью его живой плот устремился влево. Вихрь брызг за клубился с обеих сторон — видно, они вышли на легкую чистую воду. Солнце скрылось за мелкими облачками, курчавыми, как баранья шкура, и на этом клубящемся фоне явственно проступили очертания громадной скалы. Плавун направлялся к ней. Харр напряженно вглядывался в темно-зеленую массу, гадая, то ли это голый камень, на который, выбираясь, не раз носом приложишься, то ли крыт он мхом, а плоше того — непроходимым кустарником, который хуже древесной чащи. Только это его сейчас и тревожило, а вот что за народ обитает на тихом затуманенном берегу, его нисколько не занимало — меч с ним, придет время, разберемся. Подгреб бы только добрый плавун к самому берегу...

И тут вдруг у подножия быстро надвигающегося на них утеса вспыхнуло два огня, точно раскрылись

два глаза, и золотые чешуйчатые дорожки побежали по воде, тронутой легкой зыбью. Плавун, пофыркивая, шел точно посередине. Громада берегового камня надвинулась почти вплотную, и Харр, подобравшись к краю спины, изготовился прыгать в воду. Но чудище, не сбавляя скорости, нырнуло в зеленую темноту, и его седоку пришлось пугливо присесть — что-то засвистело над головой, вроде живое, Харр даже не успел испугаться, как несущий его гад вдруг резко притормозил, изогнулся — и его невольный седок, точно камень из пращи, вылетел куда-то вперед, через голову чудовища.

Приземление было мягким — на чуть влажный песок, Харр поднялся на ноги, радуясь сразу трем вещам: во-первых, тому, что он не догадался обнажить меч — хорош бы он был в этом кувырке с голым клинком на пару! — затем естественному разрешению проблемы с осклизлыми прибрежными камнями; ко всему прочему, кажется, и с поиском дороги обошлось — судя по сквознячку, в горе был проложен прямехонький туннель.

— Благодарствую, добрая скотинка! — проговорил он дружелюбно, оборачиваясь к невидимому чудовищу и кланяясь в темноту.

В том, как его сюда доставили, чувствовалась чья-то воля, и неведомого доброхота следовало поблагодарить. Плавун не ответил, вероятно, уснул.

Харр все-таки меч достал и потыкал им в стороны — над головой и по бокам означился свод. Ну, значит — вперед.

В темноте он как-то утратил счет времени, и когда впереди забрезжил свет, то никак не мог сообразить, долго ли он брел, нащупывая перед собой твердую почву. Под ногой мягко зашуршал пористый камень, угадались неширокие ступени, и он очутился перед спуском во влажную долину, поросшую какими-то зелеными тычками. Если это были дере-

вья, то странно — как их не сломал первый же сильный ветер? Уж больно тонки.

Он безбоязненно шагнул на верхнюю ступень, потянулся, хрустнув косточками, и подивился собственной легкости. С голодухи, что ли, усох? Да рановато со вчерашнего дня-то. Он глянул влево — и подивился еще больше: над мягкими купами рыжевато-зеленых кустов подымалось строение, до того легкое в причудливом совмещении витых столбиков и только означенных дугами куполов, что первая мысль была — не люди возвели такое, а кто-то летучий. Навроде анделисов. И ни камешка, ни бревнышка голого — чистая, свежая позолота. Да, не Тихри это — такую хоромину на долгую зиму-ночь не оставишь, поляжет под снегом и льдом. И не Джаспер — там все из тяжелого, неподъемного камня.

Он еще покрутил головой, восторгаясь увиденным, как вдруг на середине уходящей вниз лестницы возникло точно белое облако — откуда-то появился невиданный зверь, ростом чуть ли не с самого Харра. Белоснежная, с голубоватыми тенями, шерсть струилась с треугольной головы, увенчанной позолоченными витыми рогами, раскосые черные глаза глядели, казалось, в глубину камня, и плавная поступь была бесшумной и какой-то обреченной. Диковинный козерог проплыл мимо, обдав менестреля снежной свежестью, и исчез в нагромождении добротнo отесанных камней.

Харр призадумался. Похоже было на то, что его занесло прямо в дворцовые владения какого-то государя. А где двор, там и стража. Он на всякий случай спрятал за спину меч, чтобы не приняли за грабителя или, того хуже, подосланного убийцу, и запрыгал вниз по теплым ступеням, стараясь держаться в тени. Достигнув низа, по проторенной дорожке, теряющейся среди деревьев-тычков, не пошел, а круто подался вправо, в нешумливую чашу. Сад или, скорее, лес бы-

стро густел — появился подлесок, мелколистственный и какой-то лиловатый, пахнущий прямо до одурманивания. Потом пошли и вовсе колдобины да падушие стволы, и если бы не стародавняя привычка продира́ться сквозь чащу так же просто, как и сквозь толпу людскую, Харру пришлось бы несладко.

А вот насчет толпы здесь было негусто. Ветви, обломанные кое-где, указывали на то, что пробирался тут кто-то и до него, но скорее зверь, чем человек. И ни кострищ, ни мусору побросанного да цветов лесных, бессмысленно потоптанных, не наблюдалось. Харр пошел потише, приглядывая дерево с сучьями, чтобы залезть да оглядеться. Но таких не находилось — стволы были прямы и шершавы на добрых три-четыре роста, а затем сразу одевались щеткой густой зелени без сучков, длиною в локоть, не более.

Становилось все жарче, хотя зеленоватое солнце, красящее все вокруг нежным яблочным тоном, так и не появлялось из-за облаков. Харру удалось дважды напиться, встречая красноватые ржавые ручьи, но вот с едой было хреновато. Что ж тут, ничто не зреет, никто не бегаёт? Он с досадой пнул разлапистый куст, пушистой шапкой разлегшийся на прогалине, и радостно чмокнул губами: под качнувшейся лапой приоткрылись продолговатые алые ягоды. Он присел, подымая ногами меча тяжелые нижние ветви, и, нимало не опасаясь, начал набивать рот ягодами, сладкими, что бабьи уста. И не услышал — почувствовал, что кто-то еще таится поблизости, замирая от страха.

Он стал на карачки, пачкая жирной землей носки белых сапог, заглянул в подлиственную глубину — так и есть, бурый комок шерсти, скомканный лютым страхом, и часто мигающие белесые точки глаз. У хищной твари око стоячее, зеленое. Проверенным лесным приемом он выбросил вперед руку с растопыренными пальцами и, хватанув побольше воздуха, задержал дыхание, перебрасывая между собой и зве-

рем мысленный мосток. Глазки перестали мигать — жертва замерла, оцепенев. Для верности Харр издал змеиный шип, обращающий кровь в красную ледышку — и обед можно было брать голыми руками. Он ухватил зверька за отвислую шерстку на загривке и потянул из-под куста, ухмыляясь счастливому случаю. Сейчас костерок...

И тут в каком-то десятке шагов от него раздался пронзительный заячий крик. Да не заячий, нет — детский. Заученным охотничьим движением Харр подбросил зверька, перехватывая его за задние лапки, шмякнул головой о древесный ствол — теперь, поди, не убежит! — и как был, с обвисшей тушкой в одной руке и с невынутым из ножен мечом — в другой, ринулся на вопль. Продрался с треском через ломкие заросли, вляпался в какую-то лужу — и замер в удивлении: на прошлогодней листве, возле замшелого пня боролись две девки. Одна, во всяком случае, прижимала другую к земле.

— А ну, поди прочь! — гаркнул Харр, хватая ту, что сверху, за голое плечо и отшвыривая в сторону.

Девка, даром что плечи широченные, как у мужика, оказалась на удивление легка и пролетела шага три, пока не шлепнулась прямо на четвереньки. Что-то цапнуло Харра по руке — должно, ногти. Он с удивлением поднял бровь: девка разогнулась, как пружина, приседая и готовясь к прыжку. Вот только не хватало ему бабьей потасовки!

— Не моги на меня... — начал он — и подавился словом: на него с очень смуглого, как жареное зерно, лица злобно сверкали светло-желтые, точно отравный болотный лютик, глаза. Губы набухшие, с вывертом, поцелуешь — малиновым соком брызнут. Зубы скалятся — одной ровной костью, неделинные. Страсть!

— Тронешь Мади — горло перегрызу! — свистящим шепотом пообещала бешеная девка.

— Да нужна она мне! — пожал плечами мене-стрель. — У меня и без вас, придурошных, забот хватает. Сама ж ее чуть не до смерти затискала!

— Хочешь сказать — тебе одной Гатиты хватило?

— Пф! — только и удостоил ее Харр.

На сапог смачно шлепнула темная капля — умудрилась-таки стерва чем-то до крови порезать. Ишь, жмет в кулаке, то ли шип терновый, то ли коготь-напалечник...

— Ты, если всерьез бороться вздумаешь, — проговорил он спокойно и наставительно, — носи с собой ножик поздоровее. Ты девка дюжая, справишься. А не справишься — я научу.

Злости на нее почему-то не получалось. Скорее удивление.

— Не он это, Махида, — слышался снизу нежный шепоток.

— Не, не я, — подтвердил Харр, не имея, впрочем представления о том, что это двух таких здоровых девок напугало. — У меня одно дело: костерок запалить да вертелок соорудить. Поможете?

— Сдурел? — оборвала его та, что звалась Махидой. — Здесь?..

— А почему не здесь?

Удобный был приемчик — вот сейчас они расслабятся, перестанут видеть в нем врага и наперебой примутся рассказывать; так он и узнает, куда его занесла судьба-недоля.

Он пошарил взглядом по земле на предмет валежника или сучьев палых, и вдруг увидел ЭТО.

Вот почему младшая закричала не своим голосом, а старшая бросилась ей рот зажимать! Третья девка лежала, уставясь в небо выколотыми глазами, и по всему — по аккуратно взрезанной одежде, прикушенному языку и отсутствию крови было видно, что ее сначала придушили, а уж потом с безответной, но еще теплой, тешились.

— Это кто ж ее так?.. — пробормотал он, не подходя, впрочем, ближе, чтобы не перетянуть на себя беду. — Тут и анделис, поди, не поможет...

— Лихолетец, кто ж еще, — зло проговорила Махида. — Щитовые уже пропил, а ножевые еще не получил. Иначе у моего порога сшивался бы, а не беззащитную посередь леса стерег.

Харр из ее слов понял далеко не все — а скорее, не понял ровным счетом ничего, но расспрашивать сразу не стал: окажешь себя несмышленным — чести не дождешься. На сапог между тем снова капнуло; видно, жара не давала крови запечься.

— Ишь, напроказила, — досадливо проговорил он, протягивая Махиде левую руку. — На-ка, залижи.

Она приняла это как должное, и ее горячие, бысролетные пальцы привычно обласкали его задубевшую кожу; маленько трепещущий язычок тоже, видно по всему, знал свое дело отменно. Так. С этой, значит, мы поладим. Ишь, на колени пала и снизу глазом своим желтушным так и зыркает, так и приманивает... Его даже в жар кинуло. Ведь пока на голубом острове гостевал, на девок только издали любовался...

Но не здесь же.

— Будет тебе, — проговорил он хриловато, принимая руку. — И так сгодится. А теперь идти надобно, родных покликать, а то как бы мухи поганые тело не обсидели.

Над погибшей, действительно, уже роились не то мелкие стрекозы, не то длиннокрылые мухи. Он оглянулся на другую девку — та так и осталась сидеть в траве, подтянув коленки к груди и опустив голову, только чтобы не видеть страшного. Руки ее машинально вытягивали из-под куста какую-то длинную мелкодырчатую сеть.

— Дом-то далек? — спросил Харр.

— Недалек, господин. Дай-ка, приму у тебя добычу.

Махида гибким движением поднялась на ноги, высвобождая из стиснутых пальцев полуостывшую тушку. Потом нашарила в траве такую же, как у Мади, сетку — только здесь трепыхались две довольно крупные птицы — и отправила туда же харров обед.

— Ну, пошли, что ли? — Ее дружески протянутая рука предназначалась подруге, а зазывный тон и недвусмысленное круговое движение бедрами — неожиданному попутчику. Словно тут двор стоялый, а не лес густой, где под деревом подружка расхристанная. Ну и ну.

Харр, почесывая за ухом, глянул на тело — не прикрыть ли плащом? Потом справедливо рассудил, что плащ у него один, могут и не вернуть; девок же много и время, судя по всему, на этой дороге лихое.

— Ну, кажите путь, а то я нездешний, — кинул он по-хозяйски.

Та, что звалась кратким, но приманчивым именем Мади, поднялась наконец-то с земли и скользнула мимо него, продолжая натягивать на смуглые плечики травяную сетку. Споткнулась о его здоровенную ножищу, и он инстинктивно протянул руку, чтобы ее поддержать, но она отклонилась, как стебелек, — даже не пугливо, а чуточку высокомерно. Наверное, и губки надула. Он не прочь был бы заглянуть в ее лицо, но обе подружки уже двигались впереди него по тропинке, перепрыгивая через бугристые корни деревьев. Обе были длинноноги, как тихрианки, и стройны, точно княжеские плясуньи. Вечный странник, Харр, естественно, начал сравнение двух девушек не с чего-нибудь, а именно с походки. У Махиды лыковые плетешки грубых сандалий обрамляли шафранные пятки, основательно впечатывающиеся во влажную лесную почву; узенькие пяточки Мади, словно выточенные из кости и оплетенные алыми кожаными шнурками, и земли-то почти не касались. Махида шагала размашисто, Мади семенила, време-

нами как бы подлетывая, точно напуганный цыпленок. Такие девки были Харру не по вкусу.

Как и всякий мужик, Харр делил женщин на две категории. У каждого своя примета, позволяющая разделять их на желанных — и не очень; у Харра этой приметой была манера раздеваться. Девки с широкой, размашистой походкой, как правило, скидали одежду бездумно, не глядя, и так же беспечно, щедро отдавались на волю его коротким, но ухватистым рукам.

Те же, что отличались шагом малым и как бы считанным, были и с одеждой аккуратны не к месту — даже заведенные умелой настойчивостью лукавого песенника, они разоблачались с какой-то досадной бережливостью, складывая всю свою одежку ровной стопочкой на чистом месте. Радости от таких, как правило, было с воробыный коготок. И то напросишься...

Харр с трудом отвел глаза от призывно покачивающихся бедер Махиды. Распалился, козел певучий, нашел время — за спиной-то ведь тело неостывшее... И тут впереди раздался ни разу не слышанный Харром звук, рокочущий и густой, точно что-то упало с вышины и быстро умирало, исходясь затухающей дрожью. Мади радостно вскрикнула и бросилась вперед, полыхнула разлетевшейся золотистой юбкой и пропала за поворотом тропинки. Ах ты, анделис тебя забери, лица-то он так и не углядел!

— Не иначе как это Иофф еёный, — лениво бросила через плечо Махида, не ускоряя шага.

Он продолжал шагать молча, сохраняя достоинство, — потом все сама расскажет. Вот именно, потом. Он входил в новый для него мир, он, странствующий рыцарь Харр по-Харрада, и привычно полагал, что ему, как рыцарю, очень и очень многое предоставится даром. Прямо так, на смуглых ладошках. Он невольно облизнул губы, потому что все, чего он

ожидал, теперь было уже совсем близко — между стволами деревьев забрезжил просвет.

— Погоди-ка, господин мой, — прячась от света, проговорила Махида, прижимаясь животом и грудью к чешуйчатой шершавинке ствола. — Ежели сейчас меня Иофф увидит, не миновать Мади выволочки.

— И мне, что ли, прикажешь хорониться? — заносчиво вскинулся Харр.

— Тебе-то с чего? Ты, почитай, Мади от лихолетца спас, тебе в доме Иоффа и почет, и стол.

Самозванный рыцарь только криво усмехнулся — не на стол да почет рассчитывал...

— Да что ты мне все про какого-то Иоффа толкуешь?

Сразу за лесом начиналась холмистая равнина с одиноким крутым курганом, на склоне которого торчал полупрозрачный камень, точно соляной столб.

— Да вот же он, сейчас вззоет!..

«Камень» шевельнулся, у ног его под только что проглянувшим солнышком странно означились золотые усы. Сразу стало понятно, что это попросту белогривый старец, торжественно возносящий правую длань к небесам. Если б его одеяние было не белым, а пурпурным, то его вполне можно было бы счесть за тихрианского солнцезаконника.

Высокий, блеющий вскрик полетел над холмами; рука упала — и тут же возник мощный рокочущий гул, как бы свитый из шести вибрирующих звуков; шесть гигантских невидимых шмелей колебали воздух упругими крылышками, разнося окрест скорбный сигнал, возвещающий смерть.

— У, строфион тебя... — шепотом выругался Харр, потрясенный неслыханной музыкой. Прищурившись, он различил наконец, что золотые усы есть не что иное, как рога того белоснежного зверя, что попался ему на каменных ступенях, вернее — его уже почившего собрата, который мог послужить добрым

обедом для целого каравана. Отполированный до блеска треугольный череп козерога упирался в землю, чернея жутковатыми дырами глазниц, а витые рога были стянуты посередине костяной перемычкой. Между нею и черепом протянулось что-то вроде дождевых струй.

— Мади говорила, что он закончил свой новый рокотан, — прошептала Махида, — они с Гатитой и помогали его на Успенную гору втаскивать.

Холмик, на склоне которого примостился старец, вряд ли стоило называть горой.

— А зачем? — равнодушно спросил Харр — его больше волновало, скоро ли можно будет двинуться дальше.

— В первый раз струны отлаживать надо подале от людей, — засмеялась Махида, — а то как бы с кем родимчик не приключился.

Харр представил себе, что он стоит рядом с рокотаном, и от одной этой мысли тело его напряглось и по хребту прошла волна дрожи. Да уж, под такую музыку застольную не споешь! А все-таки надо бы поглядеть поближе...

— Знала бы Гатита, какую весть рокотан понесет по далям подоблачным! — со слезами в голосе проговорила девушка.

Харр про себя отметил, что она мгновенно переходит от смеха к глубокой горести, со всей полнотой отдаваясь нахлынувшему чувству, как это бывает только у людей простодушных, искренних и бесхитростных. Значит, повезло ему на этой новой дороге вдвойне. От этой мысли грешная истома снова нахлынула на него, и он, уже не тая нетерпения, процедил сквозь зубы:

— Да пойдем мы или что?..

— Чего же не пойти! Только дорога, поди, уже перекрыта. — Словно в ответ на ее слова откуда-то из-за холма, но в то же время и снизу, как из-под земли, раздался отчетливый удар колокола. — Вот, говорю ж тебе — домовину уже вынесли.

Она потянула его за рукав и повела вправо, из леса, однако же, не выходя. Кого боялась? Старец опустил на землю, по-дружески обняв рогатый череп, и сидел к ним спиной; ни Мади, ни кого другого среди туманных холмов не было видно. Стройные голые стволы, мимо которых они шагали, точно пересчитывая их, росли чересчур ровным рядком, да и почва под ногами сделалась гладкой, утопанной. Значит, они уже вышли на дорогу, обсаженную тычками этими мохноголовыми, а он и не заметил, видя перед собой только это крепко сбитое смуглое тело и облизываясь, точно горбатый кот.

Действительно, они все шли и шли, оборотя левое ухо к солнцу, — на Тихри он решил бы, что путь к Дороге Свиньи. Но здесь это была просто аккуратная обсаженная деревьями аллея, и слева от нее...

Он так и замер на месте, внезапно поняв, что слева-то, за ровной гребенкой стволов, нет абсолютно ничего. Точно свет там кончался. Но любопытство пересилило страх, и он, упершись раскинутыми руками в два соседних ствола, осторожно вытянул шею и глянул вниз.

Крутой обрыв уходил в глубину шагов на сто, не менее; дорога, петляя причудливо извернувшейся змеей, спускалась вдоль него в поросшую высоченными деревьями долину. Это их кроны он и принял за холмы, тонкие во влажных полуденных испарениях. А среди зеленых куп золотились, складываясь в затейливые короны, кресты и купола, легкие дуги и витые, точно рога, стержни; кое-где просматривались арки и колоннады, такие же неестественно легкие, а ближе всего, перекрывая дорогу, виднелись массивные, но все-таки не тяжелые ворота, увенчанные двумя изогнутыми остриями, нацеленными в небо, как будто по земле не могло приблизиться ничто такое, что стало бы угрожать этому сказочному городку. Харр вспомнил легенды о Пятилучье, в котором он так и

не успел побывать, и уже не сомневался, что там, внизу, расположился княжеский двор.

— А ты что, тоже при князе состоишь? — оглянулся он на Махиду.

Пронзительно-желтые глаза ее округлились в изумлении. Только сейчас, когда ее лицо оказалось совсем близко, он углядел еще одну его особенность (до того мешали ее глаза, немыслимые в своей светоносной желтизне) — темные волосы, треугольным мыском спускавшиеся до самого переносья, вовсе не были аккуратно подстриженной челкой — они и росли так вот, точно из родниковой точки между глаз возникал пушистый темно-каштановый султанчик; из этой же точки разлетались к вискам чуть изломанные дуги бровей. Диковинное лицо — да только все ли тут таковы?..

— Господин мой, а господин! — Махида теребила его за рукав.

— Ась? — встрепенулся он, стряхивая наваждение — нет, положительно девка на него чары наводила.

— Кто такой «князь», спрашиваю?

Он открыл было рот, чтобы объяснить, и тут его окончательно доконало сомнение: а с чего это она понимает каждое его слово? Он и на Тихри-то не сразу приспособливался, когда на новую дорогу подавался, а тут мир другой — а слова все одинаковые.

А может, ему все это только чудится в смертном сне, потому как уже потонул он в топкой трясине под зеленой звездой?

Он еще раз поглядел вниз: из зеленокаменных врат уже вылился на дорогу черный ручеек — цепочка людей под одинаковыми покрывалами; на плечах они несли что-то длинное и тоже черное, вроде сундука. Они уже подымались вверх по дороге, и было очевидно, что встречу не пройти. Сколько ж ждать?

Словно угадав его мысли, Махида смущенно проговорила:

— Я б спустилась, господин мой, да вот тебе та-
кой дорогой не уместно следовать.

— Это какой же?

— А по воздуху!

Он мигом представил себе головокружительный полет с этого обрыва, и ужас тошнотным комом поднялся из пустого желудка к самому горлу. Воды и высоты боялся бесстрашный странник, привыкший всю жизнь шагать по ровной земле. Те, у кого он побывал в гостях (словно век назад — ишь как время-то отодвинулось!), умели и летать, и плавать, но так на то они и были чужедальние, с которыми он и не сжился, и не сгостевался. Ну да строфион с ними.

А тут ему — и лететь? Не-ет, наваждение это, не иначе.

Он отступил на несколько шагов от края обрыва, стал посреди дороги, широко расставив ноги, и велел:

— Эй, девка!

Она послушно шагнула к нему.

— Дай-ка мне по морде.

— А виру не спросишь, господин?

— Не спрошу, не спрошу. Давай.

И тут же нижняя челюсть у него екнула и полезла на сторону — ну сильна была девка!

— Хо! — выдохнул Харр, помахывая головой.

— Еще, господин мой?

— Будет.

Слава тебе, солнце дальнее незакатное, — не сон, значит. Не наваждение.

Наваждение-то было потом, и длилось оно до самого вечера...

Он проснулся, когда свет зеленой звезды уже лежал четким квадратом на земляном полу. Кто-то громадный стоял посреди хижины, растопырив руки, и Харр бесшумным движением выпростал руку

из-под прикрывавшей его холстины и цепко ухватил меч, привычно положенный возле постели. Верзила не шелохнулся. Харр одним толчком отпрыгнул прямо со своего ложа за изголовье, приседая и выгибая хребет, и тут наконец понял, что это всего-навсего его собственная одежда, вывешенная на распалочке для просушки.

Махида, сидевшая на пороге, обернулась на шум:

— Ай, жаркий мой?..

Коли догадается, что шарахнулся он с перепугу, — уважать перестанет. Он шагнул к ней, по привычке изобретая какую-нибудь врачу поправдоподобнее:

— А мне спросонья помстилось, что ты сбежала, так я сразу в тоску впал и искать тебя наострился...

Она откинулась, прижимаясь курчавыми жесткими волосами к его голым ногам.

— От тебя, жаркий мой? — С колен разметнулись по двору пух и перья — видно, щипала птицу, торопясь приготовить ему ужин. Славная была девка, правильно свое дело понимала: ублажила мужика — накорми. И проворная: посреди дворика над небольшим, но складным очагом уже побулькивал котелок, разнося приманчивый дух мясной похлебки с неведомыми ему травами.

Он решил, что сейчас не худо бы отступить и хотя бы надеть штаны, дабы не отвлекать ее от благого занятия, но она уже извернулась, как ящерица, и ее широкие теплые ладошки побежали по его телу — вверх, но совсем не туда, куда следовало бы. А к бусам, единственному, что было сейчас на нем.

— Да как же я сбегу от тебя, жаркий мой, смоляной мой, черноугольный... Ты ведь мне еще ничего не подарил!

Он поймал ее за запястья, развернул лицом ко двору, легонько шлепнул пониже спины:

— Ты давай, свое дело знай. Огонь вон притух.

Настроение у него отнюдь не ухудшилось — девка как девка, одежу обшарила, ничего не нашла. Теперь к принцессиному подарку подбирается. Надо будет завтра в город податься, поглядеть, что к чему и не требуется ли кому на пир веселых песен да прибауток с рассказами о странах дальних, здесь не виданных. Городок, правда, был невелик, но Харр мог поручиться, что не беден. А в таком странствующему певцу всегда честь и место. Хорошо, он свои кисти наушные да травы-перегуды — обязательное снаряжение певца — в ножны упрятал, а туда девка сунуться побоялась. Ну да завтра ей тоже что-нибудь перепадет.

Она между тем безошибочно угадала его мысли:

— Наниматься, что ли, завтра надумал?

Он сдернул с распялки штаны, встряхнул их с такой гордостью, словно это было княжеское знамя, небрежно обронил:

— Рыцари не нанимаются. Их в лучшие дома приглашают с честью!

Она поверила, зябко подобрала ноги под юбку:

— Прости, господин мой, может, я обидела тебя, что позвала в убогий свой угол? Да ты ведь сам пошел...

И верно, хижина ее, как и десятки таких же жалких жилищ, располагалась за городскими стенами. Собственно говоря, это нельзя было назвать даже домом — у посаженных в кружок деревьев кроны были связаны вместе, сучья за несколько лет привыкли стигаться, образуя шатер, а густая листва, вероятно, не пропускала ни капли дождя. Стволы были оплетены широкими полосами светлой коры, так что жилище Махиды было попросту громадным лукошком. Такое же древесное кольцо ограждало крошечный дворик с той только разницей, что ветви деревьев, наоборот, были над ним срезаны. Пройдет еще несколько лет, стволы раздадутся и превратятся в сплошную стену — только конопать мхом. Хитроумно!

— Ты пеки да вари, — проговорил он наставительно, — я твоей стряпни отведаю — вот тогда и скажу, в обиде я или нет.

Она вынула из-под широкого листа сырую лепешку, ловко завернула в нее ошипанную птицу, бросила на плоский камень очага. В теплой дымке плясали давешние стрекозы — грелись, что ли? Харр потянулся, хрустнув косточками, и вдруг почувствовал, что безмерно счастлив. Он снова был на случайном привале своей бесконечной дороги, вдали от родной земли, до которой снова шагать и шагать — а то уж забиралось под ложечку щемящее сомнение: вот дойдет до дому — что тогда? Вроде и искать будет нечего. Но сейчас долгожданное васильковое небо и душистая строфионья степь привычно слились воедино и сжались в мерцающую, чуть печальную звездочку, манящую его из недостижимого далека. Он снова был волен как птица — сам себе хозяин, не то что в гостях, где все подано, да никогда не знаешь, что позволено.

Да, кстати, о звезде.

Он подтянул штаны (богатый джасперянский камзол, шитый серебром да лиловыми шелками, побоялся закапать — оставил на распялке), вышел во дворик, где жар очага ластился к босым ногам, подставил ладонь зеленым лучам:

— На той дороге, где я гостевал последнее время, такого света ночного не видывали, — дипломатично умолчал он о том, что на родимой Тихри и вообще-то ночи не для людей — для нечисти ледяной.

— Потому и лихолетье объявлено, что звезда-предвозвестница возгорелась, — не вполне вразумительно для него пояснила Махида.

— То есть как — возгорелась? — невольно вырвалось у Харра, хотя он и старался блюсти самим же заведенное правило: лишних вопросов не задавать, а время от времени кидать небрежные замечания.

— Так не было ж ее, только три ночи, как ярится!

— А вам, убогим, и неведомо, кто ее зажег и для чего...

— Неведомо, господин. — Когда речь зашла о вещах возвышенных, она снова оробела. — То ли мор грядет, то ли дожди несусветные, то ли в людшках брожение. Недаром наш стенной амант лихолетцев набирает из пришлых бродяг.

— Да уж, набрал он сволочи, — вздохнул по-Харрада, вспомнив страшную находку на лесной тропе. — Так что лучше бы этой лампаде поднебесной притухнуть так же скоренько, как она и зажглась.

— Да кто б не рад! — закивала Махида, утирая ладошкой нос — тоже, поди, Гатиту-покойницу вспомнила. — Только звезды-то далеко, руками не дотянешься; вот и нету на них аманта.

— А ежели б был? — снова не удержался от вопроса Харр.

— У-у-у! Был бы звездный амант — он уговорил бы ее с неба сойти, хоть в глубь озерную, хоть в прорву ненасытную, куда неуправных неслухов кидают. На худой конец — припрятал бы за тучку-облачко.

Харр почесал за ухом. Заковыристое словцо свербело у него в памяти, точно в носу перед чихом. Амант. У простого люда он его не слыхивал. Но вот где... И тут память подсказала: так именовали своих любовников стоялые караванницы.

Но тогда как понять: «стенной амант»? Прямо на стене городской он, что ли?..

— Садись, господин мой. — Махида вынесла из своего жилища толстую плетенку, швырнула на землю. — Готова похлебка, а до утра стылого еще ох как далече... Подхарчимся впрок, а там поглядим, кто первый сомлеет.

Харр, присаживаясь, даже крикнул и руки потер — уж оч-чень радужная открывалась перед ним перспектива.

— Сговорились, значит. — Он принял от нее тяжелую дымящуюся чашу на подчашнике и еще малюсенькую чашечку-хлебадку — помогать себе, если что на дне останется. — Стало быть, гожусь я тебе в аманты, а?

Она так и подскочила, всплеснув руками — хорошо, котелок успела возле очага примостить. Бросилась к выходу, сунула встрепанную голову в узкий створ — не подслушивает ли кто? Из соседних хижин доносились неразличимые голоса, тоненько верещал младенец, где-то цокали деревянные колотушки. Обычный шум караванного становища, где никому нет дела до соседа.

— Ты чего всполошилась? Боишься, уведут меня у тебя из-под носа?

Она неожиданно злобно сверкнула на него козым глазом — видно, отразился зеленый луч:

— Ну тебя-то я никому не отдам ни добром, ни по-худому, — уверенно возразила она. — Да и сам не уйдешь. А вот называть себя званием господарским — грех. Смотри, друг сердечный мой смоляной, прилипчивый, как бы тебя неуправным не объявили! В нашем стане, как в любом законном сельбище, три аманта — у нас это ручьевый, лесовой да стеновой. Других быть не может.

— А не у вас?

— В Межозерном стане — сам понимаешь: озерный, луговой и моховой, в Серогорском — ветровой, огневой да белорудный. А звездного нигде нет, это я тебе точно говорю. Между прочим, я сама в подданных у лесового аманта состою, он у нас наиглавнейший, — добавила она с гордостью.

Странно все это было слушать — аж голова кругом шла.

— А с чего это ты меня никому не отдашь? — игриво проговорил он, чтобы перевести разговор на понятное.

— Так ты ж мне еще ничего не подарил!

Ах ты, шельма, скряжная! Только он и таких видал-перевидал.

— Сказано — завтра!

— Да чем завтра-то разживешься, господин мой? Вот ежели в лихолетцы подашься, так сразу щитовые получишь. Да тебе и пути другого нет. Ишь, нож-то у тебя какой длиннехонький, тебя с ним враз возьмут!

Он задумчиво почесал правую бровь — вот тебе и свобода! От его движения роившиеся стрекозы прыгнули в стороны, отражая крылышками звездный свет.

— Как же мне в лихолетцы-то идти, ежели сама знаешь, каковы они нравом?

Махида криво усмехнулась:

— Зато ты ж лучше всех будешь!

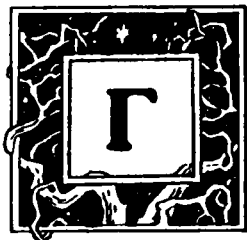
Тоже мне утешила. Он досадливо отмахнулся от назойливой мухи-стрекозы, выплясывающей у него перед носом замысловатый насекомый танец. Раздалось злобное жужжание, и летучая тварь мгновенно оделась туманным облачком, точно завернулась в ватный кокон; изнутри он начал наливаться бледным светляковым мерцанием.

— Не трожь мою пирлипель! — заверещала Махида. — Она же счастье приносит!

— Это я тебе теперь буду счастье приносить, — заверил ее Харр по-Харрада, тихрианский странствующий менестрель.

II. САМ СЕБЕ РЫЦАРЬ

ород — если это можно было назвать городом — разочаровал Харра раньше, чем он успел добраться до массивных зеленых ворот. Хижины и шалаши самых различных конструкций (жилище Махиды было еще одним из наиболее благоустроенных) образовывали невзрачный и местами совершенно невыносимо пахнущий лабиринт, в котором его обитатели скрывались раньше, чем он успевал спросить дорогу. Чуткий слух музыканта уловил, что из плетеной хибары, кое-где помазанной глиной, доносится мелодичное позвякивающее. Он невольно задержал шаг. Бряканье прекратилось, и в дверном проеме показалась подслеповатая бабка с ниткой ракушечных бус. Харр решил, что на первый раз и это сойдет.

— На что, старая, сменяешь свое сокровище? — спросил он, наклоняясь к ее уху.

Бабка довольно долго стояла, вперив остекленевший взгляд в пряжку на его штанах, потом медленно поднесла ко рту указательный палец и принялась выразительно его жевать.

— Ага, — сказал Харр, — понял. Ты пока это припрятать для меня, а я как что-нибудь добуду, так вернусь.

Бабка внезапно швырнула ему бусы под ноги — хорошо, пыль да палая листва лежали толстым слоем, ничего не разбилось — и юркнула обратно в хибару.

— Я сказал — вернусь, долг отдам, — заверил Харр, пригибаясь к черной дыре входа.

Оттуда донесся тоненький вой. Вот бестолковая хрычовка, всю округу на ноги подымет!

И точно, подняла. Два охламона с зеленоватыми тарелками, которые они прижимали к животам, выросли у него на пути. Рыжеватые волосы, спускавшиеся до самого переносья, и бегающие глазки цвета стоячей гнилой воды напомнили ему мордочки горных обезьянок. Против таких и меч обнажать неуместно, да и начинать пребывание в городе с драки совсем не хотелось.

— А ну, брысь! — лениво проговорил он и выставил вперед кулак.

Первый кинулся охотно и доверчиво, Харр крутанул кулаком, делая обманное движение, а левой приложил недотепу в ухо — тот безмолвно сунулся мордой в пыль. Другой оказался серьезнее и выхватил было нож, но и это не прошло — Харр, расставив ноги, перехватил его запястье и изо всех сил дернул на себя и вниз, так что нападавший головой вперед влетел ему точно между колен. Харр стиснул его, так что заскрипели голенища высоких белых сапог, и обеими руками врезал ему по тощему заду — надо сказать, мяса на гузне совсем не было, аж руки об кость отбил. Отпихнул горемыку и пошел прочь, не оглядываясь — понимал, что эти не только не нападут, но и не пикнут.

Наконец добрался он до городской стены и, петляя и спотыкаясь на кореньях и пнях, пошел вдоль нее, похлопывая ладонью по чуточку влажной, ста-

рательно отполированной поверхности. Такой камень попадался и на Тихри, говорили, что берут его в неведомо где расположенных Медных Горах; раза два Харр видал вырезанные из него нагрудные знаки, один раз — чашу, но чтобы стены из него класть — о таком и мечтать было немыслимо. Но — вот она, стена, да еще и без единой трещинки, и узор прожилистый, витиеватый, точно нарисованный. Дивно.

Так, дивясь, и добрался он до ворот. Видно, никогда они не запирались — даже створки не были навешаны — а представляли собой две прямоугольные прорези в стене; первая, узкая и высокая, была увенчана золотой короной, сопряженной из тонких обручей со звездой на тоненьком шпиле, вторая была пошире, и над нею в таком же широком окне безмолвно застыл громадный колокол. Два золотых рога с широкими четырехугольными основаниями и загнутыми в разные стороны концами поразили его еще вчера, когда он разглядывал все это сверху.

Харр покрутил головой, не переставая изумляться обилию золота и бесценного камня, потом поддернул перевязь с мечом и шагнул в проем под сверкающей короной.

И тут же дорогу ему заступили двое. Он сразу понял, что эти — не чета прежним неумехам, а люди служивые и обученные, что видно по одинаковым прямоугольным щитам, зеленым кольчугам и плетеным круглым шапкам. Да и щиты-то были сплетены... Тут у него аж челюсть отвисла: и кольчуги, и голенища сапог — все было сплетено из узких полос того же зелено-узорчатого камня. Только двигались стражники так легко, словно камень был невесом, точно лист древесный. Ворожкой, что ли, камень смягчили?..

Пока он прикрывал рот и старался согнать с лица глуповато-восторженную ухмылку — в том-то ведь и радость странствий, чтобы поболее чудес повидать на коротком веку! — один из стражников

бесцеремонно ткнул его в живот рукоятью короткого меча, как бы ведя отступить; другой, не тратя лишних слов, большим пальцем указал на соседний вход. Харр только руками развел — не знал обычая, так что не обижаюсь, да и вы за обиду не сочтите. Сам же, отступая влево, откинул полу кафтана, где за поясом был припрятан джасперянский нож. Если придется биться с двумя противниками, то неплохо, чтобы обе руки были оборудованы, спасибо, Флейж научил. А что драться придется, он не сомневался — пока он шаг влево делал, те оба, как пить дать, мечи свои куцеклювые изготовили...

А ничего подобного. Когда он ступил в подколенные врата, оба воина стояли, обернувшись к нему спиной, и вполголоса перебрасывались шуточками еще с тремя товарищами, почти неотличимыми от них в своих плетеных доспехах. Те и совсем небрежно службу правили: сидели на земле, прислонясь к нагретой солнцем стене.

— Эй, ты, закоптелый, — дружелюбно бросил один из сидевших, и Харр понял, что обращаются к нему. — Где щит-то потерял?

Он повернул голову — небрежно, но не заносчиво:

— Пропил! — и лучезарно улыбнулся.

Все пятеро с готовностью заржали — сразу видно, служба была тягомотная, радовались любому поводу.

— Ты поглядывай, — посоветовал тот, что стоял ближе, — а то тебя любой встречный с ног сшибет!

— А ты попробуй, — предложил Харр.

— Хо! — возликовал потенциальный противник, передавая свой щит товарищу.

Какой-то миг Харр еще сомневался — а не включить ли, как его учили, волшебные кнопки на голенищах, отчего его роскошные серебристо-белые сапоги намертво припаялись бы к земле. Но, внимательно приглядевшись к стражнику, передумал: да, здешние жидковаты будут на удар, вот на мечах — дело

спорное, там может сказаться и увертливость, и скорость ударов. А на кулаках — нет, слабаки. Он расставил ноги, слегка ослабил колени. Стражник на тонких, как у журавля, ногах приплясывал, разогревая себя для удара.

— Давай, давай, — подманивая его пальцем, проговорил Харр.

Стражник извернулся и с коротким, хрипловатым выдохом шмякнул своего противника чуть ниже левого плеча. Плохой был удар, и слабый, и не туда.

Харр с сомнением скосился на свой кафтан — ткань выдержала, но нитки вышивки кое-где полопались, и шелковинки стали дыбом, как шерсть у рассерженного кота.

— Хочешь еще? — спросил он, приглаживая шелковистые лохмы.

Страж ворот отступил на пару шагов, упрямо мотнул головой и бросился на противника с разбега. Ударил под дых — то есть это он думал, что под дых; но под просторным, с чужого плеча одеянием не было заметно, что ноги у тихрианина все-таки длиннее, а туловище — чуть короче, чем у здешних; кулак врезался в пряжку от пояса, так что Харр досадливо скривился, а стражник взвыл от боли.

— Ну как, еще? — Менестрель решил идти до конца.

— Э-э, будет! — крикнул один из тех, что так и сидели, не отрывая задниц от утопанной земли. — Теперь ты его.

Понятно. Развлекаться за чужой счет, так по полной программе.

Горе-юбка стал напротив Харра, тоже расставив ноги и чуть приседая.

— Щит-то возьми, — посоветовал Харр. — Прикройся.

Он даже не целился — резким движением выбросил вперед громадную тяжелую ногу в литом сапоге,

щит гулко кракнул, но ни треска, ни звона не последовало. Страж, отлетевший к стене, прямо на руки сидевших товарищей, очумело тряс головой. Харр почесал бровь, прикидывая, не придется ли драться уже по-настоящему. Но нет, на него глядели с уважением, но без злобы.

— Щиты у вас добрые, — проговорил он примирительно.

— А как же! Только ты без своего-то нашему аманту на глаза не попадайся, — дружески посоветовали ему вслед.

Да уж, придется постараться.

Он шел по городу, отыскивая базар. Другому, может, без единой монетки против торговых рядов и делать было бы нечего, но Харр ухитрялся так заговаривать зубы торгашам, что давали ему даром. Однако он обходил дом за домом, а ничего похожего на рынок не встречалось. Да и сами дома — название одно! Стены — не стены, решеточки резные, столбики, прорези; все тянется ввысь, а есть ли крыша — не понять. А за этим золоченым дырчатым фасадом — сплошная зелень, словно строили это не для житья людей, а для сбережения густолиственных кустов. Наружу, впрочем, ни одной веточки не высывалось — подстрижено было гладко, вровень со стенами. И только углядев неширокий лаз — ему самому бы пришлось чуть не вдвое сгибаться, — Харр понял, что истинное жилище — там, за лиственной завесой, недоступное постороннему взгляду.

Между тем становилось жарко. Город, расположенный в безветренной низине, был переполнен испарениями душистой листвы, питаемой, несомненно, обильными подземными источниками. Харр изнывал от жажды в плотном джасперянском одеянии, но на пути его не попадалось ни колодца, ни источника, а узкие извилистые проходы между домами, казалось, были залиты теплым, невидимым глазу кисе-

лем. Поэтому, когда ноги вынесли его на открытую площадь, менестрель обрадовался уже хотя бы тому, что удалось вздохнуть полной грудью.

Но то, что он увидел, заставило его тут же забыть о зное и жажде. И прежде всего был звук — глухой храп, который мог вырываться только из стиснутой пасти неведомого чудовища. А оно, похоже, обитало в круглой загородке — невысокой, но весьма прочной, так как была сооружена из вкопанных в землю бревен, соединенных все теми же зеленокаменными перилами. Четыре стражника томились возле загородки, нерешительно переступая с ноги на ногу, и еще сколько-то полуголых рабов в травяных лапотках сидели тут же на корточках, кто с ведром, кто с лоханью. — Все были, похоже, при деле, а вот зрителей праздных не наблюдалось — значит, здесь не происходило ничего из ряда вон выходящего. Но Харр, с неудержимой силой влекомый ко всему, еще не виданному, естественно, направился прямо к загородке, рассудив, что ежели перила так низки — всего по пояс — то, стало быть, зверь там или пленен и прикован цепью, либо ползуч, но не прыгуч.

Но посередине зеленой — естественно, узорчато-каменной — площадки виднелся только дырявый шатер, прикрывавший яму с водой. Из воды торчал кончик бурого пупырчатого хвоста. Хвост нервно дергался то вправо, то влево — так рассерженные горбатые коты хлещут себя по бокам перед тем, как прыгнуть. И только тут Харр заметил по ту сторону шатра еще одного человека. Прямо на голое тело была надета плетеная безрукавка, но не сплошная, а с дырками; сапоги высоченные, аж до самого паха, короткими ремешками пристегивались к поясу, а на руки тоже было что-то надето — вроде чулок. Трудно было сказать, воин это или слуга при зверинце, но уж если полез к зверю неведомому, но страшному, то значит, человек подневольный.

Из глубины шатра снова донесся храп — похоже, тот, в безрукавке, дразнил чудовище палкой. Хвост задержался с удвоенной силой, клок ткани с треском отлетел в сторону, и стала видна пара коротких чешуйчатых лап, топтавшихся в мелкой воде. Хвост вдруг изогнулся, напрягся и замер.

— Эй, осторожно! — крикнул Харр. — Сейчас кинется!..

Но кинулись, как ни странно, на него. Два стража, прыгнув, повисли на его плечах, пригибая книзу и оттаскивая от перил. Видно, тот, кто находился внутри загородки, был обречен, и помогать ему не следовало. Харр даже не успел разглядеть его лицо, но по ловким движениям мог предположить, что тот еще не стар, скор на удар и бесстрашен. Чтоб такой да зазря погиб — на это у странствующего рыцаря глаза не глядят!

Он развернулся, пытаясь стряхнуть с себя нападающих, но те были злобны и цепки; у того, что справа, уже со взвизгом вылетел из ножен куцый меч. Харр резко присел, запрокидываясь на спину, и в стремительном кувырке успел приложить тяжеленным сапогом одного, а затем его же собственным щитом притиснуть другого так, что у того хрустнуло плечо. С этими было покончено. Он подхватил выпавший из рук стражника меч и, размахнувшись, швырнул его рукояткой вперед — «Держи!» — одновременно перемахивая через перила, благо длинные ноги позволяли сделать это без малейшего затруднения. И вовремя: чудовище, метавшееся по загону, мчалось прямо на него, набирая скорость. Харр отпрыгнул — зверюга не обратил на него ни малейшего внимания, но перед самой оградой вдруг развернулся, и массивный хвост с невероятной силой хлестнул по столбикам, подпиравшим перила. Раздался хруст, и Харр понял, что сейчас страшилище попытается протиснуться в образовавшийся пролом.

Он даже не успел по-настоящему испугаться; в сущности, он и разглядеть-то это чудо-юдо не смог как следует — в глаза бросилась длинная бугристая спина, мощные, развернутые в стороны передние лапы и еще несколько пар маленьких ножек, стремительно семенящих под тяжелым хвостом; под узкой, приподнятой кверху мордой висел, как мешок, переполненный зоб. Мгновенно сориентировавшись, он понял, что морда зверя вклинилась между частыми бревнами, и развернуться, чтобы достать его зубами, страшилищу не удастся. И тогда он прыгнул на шишковатую спину и всей тяжестью своего тела придавил зверя к земле. Шкура, между прочим, оказалась плотной и упругой, как поверхность шляпки гриба. Да, но что же дальше-то?..

Тот, кого он с таким проворством спасал, между тем не торопился. Четко впечатывая шаги в каменный настил, подошел и стал рядом. Харр повернул голову — на него глядело властное смуглое лицо в черной окантовке волос; мало того, что они росли гладеньким треугольничком вверх от горбинки на середине носа — усы, точно таким же зеркальным мыском спускавшиеся к бородке и почти скрывавшие тонкий надменный рот, плавно переливались в опушку вокруг щек и, пряча уши, оставляли с каждой стороны лица лишь по овальному светлому пятну; поглядеть бы издали — точно два боба рядышком. Но не смешно. Диковато.

— Держишь? — гулким, как удар по щиту, голосом произнес подошедший. — Ну-ну, держи.

Он швырнул меч за перила (как показалось Харру, чуть ли не гадливо) и, перегнувшись, через них, поднял с земли что-то причудливое, бело-золотое. Менестрель с удивлением понял, что это маленький рокотан, у которого золоченые рога торчали не вверх, а изящно заканчивались округлыми завитками. Диковинный музыкант приладил рокотан на плече и тронул струны.

Харр обомлел: никогда в жизни он не слышал ничего подобного. Рокотан издавал нежные, воркующие звуки, которые сливались в жалобное пение — так плачут разлученные, так поминают умерших младенцев, так стонут проданные молодые рабыни... Харр почувствовал, как по спине зверя прошла волна дрожи, и чудище осело брюхом на землю, точно растекаясь в блаженной истоме. Харр и сам был готов прижаться щекой к бугристой, шкуре, но легкий удар сапогом в бок заставил его поднять голову: лицо музыканта было напряженным, безжалостным, что никак не вязалось с мурлыкающими сладкими звуками, выпархивающими из-под его пальцев. Короткое, повелительное движение подбородком снизу вверх — это понятно: «Вставай!» Харр поднялся. «Оттаскивай за хвост», — раздался едва различимый свистящий шепот. Харр безропотно выполнил приказ, и чудище, оберегая собственное брюхо, как-то безотчетно засеменило крошечными подхвостными лапками; передние, издавая скрежещущий звук, бессильно тащились по камню, не оставляя, впрочем, на нем никаких царапин. Харр, немилосердно потев от натуги, дотащил зверя до самого шатра-навеса и глянул на музыканта — не хватит ли? Тот кивнул, опять же еле слышно прошипел: «Вали отсюда!»

Вторичного приглашения не потребовалось — Харр птицей перемахнул через перила. Дыра, пробитая хвостом чудища, уже была надежно заморожена щитами, и сейчас рабы в постукивающих каменных лапотках заводили зверю под морду широкую бадью, подвешенную на тонком шесте. Музыка зазвучала еще громче; рокотанщик, приблизившись к самой морде, исторгал из нехитрого инструмента звуки столь жалостливые и надрывные, что даже чудище не выдержало — задрало голову кверху, и из глаз его покатались крупные желтоватые слезы. Быстрым движением ноги хозяин зверя подпихнул ба-

дью прямо ему под пульсирующий зуб; потом резко оборвал мелодию и, наклонившись туда, где могли быть ушные отверстия, дурным голосом заорал:

— Йо-йо-йо-и-ааа!!!

Зверь подпрыгнул на месте, оттолкнувшись от камня всеми своими лапами, изогнул хребет и, разинув пасть, с оглушительным рыком блеванул прямо в бадью.

Рабы мгновенно ее оттащили.

— Травы! — зычно крикнул истязатель многоногого любителя музыки, но рабы уже перекидывали поближе к драконьей морде аккуратно увязанные снопики сочной зелени. Человек бесстрашно повернулся к чудовищу задом и, подойдя к перилам, неторопливо выбрался из загона. Как нечто само собой разумеющееся, протянул Харру руку в странном чулке, из которого торчали только пальцы.

— Ну! — сказал он. — Стаскивай.

Харр заломил бровь — ведь так, глядишь, и до сапог дойдет.

— Прислуживать не приучен, — проговорил он спокойно.

Подбежали рабы, привычно освободили своего повелителя от куцей кольчуги и наручных чехлов. Да, теперь стало видно, что это — совсем не подневольный слуга в зверинце. Обнаженное до пояса тело перетягивал широкий ремень с золочеными бляхами, соразмерные мускулы поигрывали под холеной кожей. Если с этим биться, то уж не шутя. Хотя — это смотря по тому, какой у него меч.

— Так уж никому и не прислуживал? — нараспев проговорил полуголый.

— Токмо девам прекрасным.

— А вот это зря.

Глаза цвета темного пива, в которых порой означался металлический просверк, цепко оглядывали по-Харраду, словно пытались что-то отыскать. Наконец остановились на укрытом в ножнах мече. Эфес

с затейливой насечкой и громадным самоцветом вместо шишечки говорил о том, что оружие не простое. Значит, не прост и хозяин.

— Ты кто? — Вопрос был прямолинеен донельзя.

— Странствующий рыцарь. Харр по-Харрада с дороги Аннихитры Полуглавого. — Ответ был исполнен достоинства — следовало держать марку. — И на пирах пою.

— Рыцарь... — задумчиво повторил вопрошавший. — Никогда не слыхал такого имени.

Он щелкнул пальцами, и тотчас ему был подан небольшой кожаный мешочек с перевязкой. Распустив шнурок, он вытряхнул на ладонь несколько зелено-каменных плюшек с тисненым звездчатым знаком.

— Приходи завтра, — проговорил он, подавая монеты по-Харраде. — Я тебе сам щит выберу.

— А я, господин, к тебе пока не нанимался, — еще спокойнее, чем прежде, отвечал странствующий рыцарь, пряча, однако, в карман кафтана то, что здесь, как он уже догадался, заменяло тихрианский жемчуг.

— Все равно приходи, — небрежно кинул через плечо хозяин чудовища, нисколько не сомневаясь, что этих слов будет достаточно: придет.

И неспешно, даже чуточку вразвалку направился к высоченному — человек пять друг на друга станут, и то до крыши не дотянутся — дому, обставленному подпорными столбами: Столбы были испещрены причудливым тиснением — узоры да заклинания, так ведь только клинки дорогого оружия чеканят. Наверху, вдоль края крыши, виднелись зеленые идолы из того же узорчатого камня... Опершись на столб, он обернулся.

— Только ты тут петь не вздумай! — крикнул он Харру и исчез в плотной зелени, заполнявшей дом.

Менестрель только пожал плечами: ишь ты, не вздумай! Оттого он и бегал от одной дороги до другой, чтобы им вот так не командовали.

Обойдя кругом дом с идолами, он увидал другой, почти такой же, только у того вдоль крыши стояли кадушки с невиданными цветами. А возле стены, кажется, было то, что он так долго и безуспешно искал — молчаливый рядок людей, присевших прямо на землю, с различной утварью и снедью, демонстративно разложенной на коленях. Харр двинулся к ним, потирая руки и издали уже приглядываясь к жирной куцекрылой птице, сонно покоящейся в чьем-то подоле. Подойдя, решил не торговаться, а потому сразу ухватил пришедшуюся по сердцу дичинку за связанные лапы:

— За сколько отдашь?

Владелица птицы ойкнула, обморочно закатила глаза и, упав на бок, поползла в сторону. Те, что были поблизости, тоже начали расползаться, укрывая руками и подолами свой товар.

— Да заплачу я!.. — начал было Харр, нашаривая в кармане побрякивающие кругляшки, и тут из-за колонн вылетела стража — один, два... Четверо. Бросились молча, как хорошо обученные псы.

— Цыц, вы! — крикнул Харр, подымая, как дубину, меч в жестких ножнах. — Не поняли, что ли — покупаю я? Не по-нахалке...

Нет, не поняли, пока одного не приложил ножнами по голове, а другого не отбросил строфионьим ударом обратно меж витых столбов, аж зелень захрустела. Двое других заверещали, по всей видимости, призывая подмогу. Харр вздохнул — ну что за город, и драться-то по-настоящему не умеют, а нарываются на кулак на каждом шагу. Но из-за угла высыпало уже около десятка, и непонятно, чем бы закончилось дело, если бы не раздался звонкий девичий крик:

— Стойте! Именем Стенного, Лесового и Ручьевого, стойте!

Все замерли, как стояли. Харр тихонечко повернул голову — надо же, Мади! Никогда бы не поду-

мал, что у нее может прорезаться такой повелительный, прямо-таки княжеский голос!

— Это чужеземец, — проговорила она, подходя ближе и придерживая за руку белокурого голыша в плетеных лазурного цвета лапотках и таком же ошейничке. — Он не знал, что это — данники аманта. Но он на службе... ты ведь получил место стража лихолетья, господин?

— Естественно. И не токмо место, но и жалованье. — Для пущей убедительности он побрякал каменными монетками.

— Любой, кто скрестит с ним оружие, оскорбит стенового аманта!

Воинов как ветром сдуло. Харр наклонился к девушке — сейчас она ему показалась еще более хрупкой и маленькой, чем тогда, в лесу, и только тут заметил, что она дрожит.

— Да ты что, испугалась?

Она даже не кивнула — захлопала ресницами.

— За меня? Вот дурочка. Да я бы их...

Но тут она подняла на него лицо, и он поперхнулся.

В лесу он ее и не разглядел, да и Махида его сразу приворожила. Но тут первое, что пришло ему в голову, — это то, сколько же раз в своих странствиях он дивился чему-то невиданно безобразному, до тошноты омерзительному. А вот красе невиданной — раз-два, и обчелся. Сейчас впору было загигать еще один палец.

Его поразила даже не та торжественная, благоговейная плавность, с которой некий творец начертал на песке судьбы контуры этого лица; его привела в изумление непреходящая светоносность ее спокойного полудетского лика, и попадись сейчас Харру тот лихолетец, что порешил вчера ее подругу — подвесил бы за причинное место за одно только то, что затуманил ужасом эти черты.

А вторая его мысль была та, что достанься она ему самому по жребию или на выкуп — посадил бы в светлый угол и любовался от одного дыма до другого...

А вот третья мысль была: все-таки на широкую лавку да под щекотную гукову шкурку заваливался бы он не с ней, а с Махидой.

На погляд была девка рождена — не для сладких утех.

— Ладно ты их разогнала, — не зная, что дальше сказать, буркнул он. — Ишь, все косточки на кулаках ободрал — с утра прикладываюсь.

Она тихонько засмеялась, как зажурчала:

— Меня слушают, потому что Иоффа чтят. Мастер он, один на все Многоступенье. А сейчас ступай домой, господин, Махида тебе руки травой-утишьем обвяжет, а я ввечеру зайду, снеди принесу — с Иоффом за большой рокотан рассчитались, в кладовушке повернуться негде.

Говорила она степенно, как взрослая хозяйка большого дома, а сама-то — от горшка два вершка, едва ему по грудь. Балахончик белый, праздничный, перепоясан ленточкой алой, как и на сандалиях. В таком наряде-то не больно в кладовушку сунешься. Не иначе полон дом челяди. А дед-то, небось, скареда, даже на бусы дешевенькие не расщедрился. На внучке — и на том ожерелок плетеный. Видно, не умеет девонька просить, не чета Махиде...

Он нащупал в кармане ракушечную нитку, покрутил в пальцах. Потом решил — негоже принародно-то.

— Я пойду, господин, поклонюсь лесовому аманту. — Она еще раз озарилась улыбкой, скользнула мимо него и канула в упругую лиственную завесу, несомненно служившую дверью в этот диковинный золоченый дом.

Ну домой, так домой. Он двинулся обратно, ведомый шестым чувством прирожденного странника —

бессознательно повторять уже пройденную дорогу, притом все равно в какой конец. Выбрался за ворота — стражи погоготали, приветствуя, но ленивое; Харр бросил им монету, на выпивку — удивились. Но обратно, в лабиринт застенного стойбища, что-то не тянуло... А куда? Дорога сворачивала направо, чтобы долгими извивами лепиться вдоль скального обрыва, на верхнем уступе которого кучерявился вчерашний лес. Туда брести по полуденной жаре его как-то не потянуло. Он перевел взгляд левее — ясная речушка бежала вдоль крутого склона, облизывая его ледяными язычками. В одном месте она расступалась крошечным, но глубоким озерцом (вчера он измерил-таки эту глубину). Над этим местом болталась висячая лестница с редкими гибкими перекладами, Здесь они с Махидой спустились вчера — как она и посулила ему, «по воздуху». Сперва он даже не поверил, выдержит ли двоих ненадежная снасть; ничего, и не заскрипела. Махида соскользнула проворно, на конце раскачалась и прыгнула на песчаный бережок — сразу видно, не в первый раз. И не в десятый. А он лез, зажмурившись, и когда сапог не нащупал следующей перекладыны, руки разжал и, естественно, плюхнулся в воду. Оно, конечно, безопасно, не разобьешься, но в другой раз он твердо решил предпочесть окольный путь по петляющей дороге.

Ну а сейчас карабкаться наверх на такую крутизну и думать было нечего — тяжел, неуклюж. Да что в лесу взять? Ягод разве.

А вот речушки, даже малые, кормили его не раз.

Он двинулся влево, уходя от шумного и пованивавшего околья, и очень скоро очутился в кустарниковых зарослях, куда не проникал ни один ветерок, и тем не менее крупные листья непрерывно шелестели, тревожимые стаями мелких птиц и неутомных разноцветных стрекоз, молчаливых в городе, но тут пронизывающих всю долину ручья прерывистыми

нитями разноголосого стрекота. В одном месте из кустов выныривала тропинка и, юркнув к воде, упиралась в плоский камень. Харр забрался на него, пригляделся — вода была прозрачна, но на чистом дне не виднелось ничего съедобного, ни рыбки, ни ракушки. Пришлось, продолжить путь, и наконец-то внезапно открывшаяся тенистая заводь, полная коряг и тростника, посулила ему добычу. Он влез по колено в воду, изготовил меч острием вниз и стал ждать, когда подводные обитатели уймут тревогу, рожденную его шагами.

Над водой растекался зной, и вездесущие твари, приносящие радость — как там их, ширли-мырли, что ли? — сновали над водой, временами щекотно присаживаясь ему то на плечо, а то и на нос. А, чтоб вас...

Он взмахнул правой, свободной рукой и ловко сшиб приставучую букаху, так что она шлепнулась в воду. И тут же из-под коряги высунулось тупая рыба башка. Ага, цель имеется. Он цапнул за крылышки еще одну стрекозу, на свою беду присевшую на рукав, и, слегка придавив, отправил туда же. Усатая рыбина, сторожко подрагивая плавничками, высунулась из своего укрытия почти наполовину. И тогда, решив дальше не испытывать рыбьего терпения, Харр ударил мечом, словно острой. Острое лезвие прошло хрустящую плоть и ушло в песчаное дно, не давая бьющейся добыче сорваться; он ударил по голове сапогом и потащил разом притихшую рыбину из воды, радуясь ее тяжести и желая одного — чтобы оказалась съедобной. Срезал лозу, очистил ее от листьев и продел под жабры. Теперь можно было возвращаться, и он двинулся назад, безотчетно радуясь не столько счастливому улову, сколько тому, что все вернулось в привычную колею, и ему и жилось, и дышалось, и ловилось точно так же, как на любой из дорог его родимой Тихри, делла-уэлла Тихри; и у него снова был дом, где он мог прикрыть глаза и распле-

сти косички бровей, не опасаясь, что в темноте ему подsunут под бок острый нож или злокусачую хамею; и девка была, с лица диковатая, но зато в плечах широкая, как строфионья степь, и животом плескучая, и длинными, охватистыми ногами желанная...

А еще у него была дорога, по которой он волен был уйти от всего этого — хоть сегодня, хоть через четыре преджизни. Но пока не тянуло.

Он развернулся и пошел назад, по собственным следам, немного дивясь, что громадная рыбина вроде бы непомерно легка. Хвост волочился по земле и временами шлепал его по сапогам, которые, слава солнышку нездешнему, под которым их тачали, не промокали ни при каких обстоятельствах — для путника просто клад. И за этими шлепками да хрустом кустов не сразу услышал, как кто-то временами тихонько побрякивает — так звенят на караванных плясуньях наушные кольца. Брякнет и долго-долго подпевает блеющим голосом. Харр затаился, вытягивая шею и примериваясь к просвету меж двух зеленых ветвей, хотя по-настоящему затаиться было просто невозможно: за шиворот так и лезли проклятушие пирли.

Между тем источник странных звуков оказался совсем недалеко: на плоском камне, с которого совсем недавно Харр разглядывал мелкопесчаное дно, сидел на корточках жирнозадый юнец с отечным лицом; пристроив на колене однострунный рокотан, он время от времени бил по струне серебряной палочкой и принимался нудно бормотать, изредка повышая голос. Делал это он с явным отвращением. Затем начал кидать в воду какой-то мусор — клочки шерсти, цветы мятые, перья. Вода быстренько принимала всю эту скверность и утаскивала под берег, подальше от глаз людских. Набормотавшись и опустошив мешок со всяких сором, ручьевый гость поцеловал свою руку, а затем сунул ее в воду, как бы дарствуя речным струям слюнявый свой поцелуй.

Покряхтывая, поднялся во весь рост, задрал хлами-ду и в довершение всех трудов облагодетельствовал чистый источник ленивой желтоватой капелью.

Вот этого Харр уж никак потерпеть не смог.

— Ах ты, паршивец! — завопил он, подымаясь из кустов и имея твердое намерение попробовать прибрежную лозу на так кстати обнажившейся заднице.

Но не пришлось. Точно дикие гуки-куки, повывпрыгивали невесть откуда лихие отроки, в воинский возраст, однако, еще не вышедшие. Повисли на плечах, злобно тыча кулачками куда ни попадя. С такими биться было совсем неуместно, поэтому пришлось положить рыбину на уже опустевший камешек, и покидать их одного за другим в холодную речушку, благо любому из них было там не более чем до пупа. Но, поскольку ни учить их вежливому обхождению, ни просто ждать, пока они выберутся на берег, желания у него не было, то подхватил он свой улов и нырнул снова в густую прибрежную зелень, мечтая только о том, чтобы добраться до махидино двора, затвориться там покрепче и чтобы хоть сегодня драк более ни-ка-ких. Вот так.

Но на круглом дворике, к которому он так целеустремленно продирался сквозь царапучие кусты, его ожидал сюрприз в виде испуганных махидиных глаз и еще доброго молодца, красноречиво подтягивающего штаны. Харр вздохнул, перехватил рыбину под жабры и со всего размаха попотчевал сластолюбивого гостя по уху хлестким чешуйчатым хвостом, молодец, даже не ойкнув, выкатился вон; Махида кинулась за ним, опасаясь выволочки. Харр перехватил ее поперек живота:

— Не бойсь, тебя не буду. Намахался за сегодня, надоело. Но покуда я тут, чтоб более ни единого жеребчика на твоей травке не паслось. Зарубила у себя на носу?

Она закивала так поспешно, что Харр понял: обманет. Но повторять дважды не любил, да и пра-

вило держал: девок добром привораживать, не кулаками. Хотя некоторые того стоили.

Он нашарил ракушечную нитку, подал Махиде:

— А это тебе за первую ночь, ладушка. А вот и на прокорм.

Она проворно цапнула и бусы, и монетки, залебезила:

— Да разве ж я знала, господин мой, что будешь ты столь удачлив... Я же тебе на кусок лакомый старалась...

— Не ври, — оборвал он, — и не будем больше об этом. Дай-ка я разуюсь, больно жарко.

Она уже хлопотала, разложив рыбу на широком глянцеви́том листе.

— Да, вот еще: отруби кусок от хвоста, да снеси бабке, что бусы вяжет. Я ей посулил.

— Жирно будет! — Махида уже вернулась к хозяйскому тону. — С нее и головы хватит, все равно она одну жижу пьет, тем и живет.

— Тебе виднее, только не позабудь!

Он, шлепая по утопанному полу, забрался в хижину, повалился на низкое многогрешное ложе и блаженно задрал босые ноги. Со двора потянуло ухой с духмяными травами.

Харр медленно проваливался в зыбкую дремотную тряси́ну — ночью-то не больно много удалось от сна урвать. Вот сейчас придет Мадн, и четыре проворные женские руки накроют хоть на дворе, хоть тут же, возле постели... А ежели здесь еще и брагу умеют варить, то Махида слетает, добудет...

Пушистая вечерняя пирлипель уселась ему на босую ногу, защекотала. Но он этого уже не почувствовал.

III. СУДЬБА ЛЮБОЙ ЗЕМЛИ

з сна он выскочил толчком, как из ледяной воды. И зря: это был лишь взволнованный голосок Мади:

— Поймали! Своим дружкам нахвастал и в Двоеручье подался, так его на тропе и догнали. Завтра суд.

Харр блаженно потянулся, потом пружинисто вскочил и, как был, босой, в одних штанах, выпрыгнул на дворик. Мади почему-то ойкнула и тут же прикрыла рот рукой:

— Разбудила я тебя, господин мой?

— И оч-чень кстати. — Он повел носом, удостовераясь в том, что уха поспела. — Только что вы меня все «господин, господин»... Не смерды же, в самом деле. Зовусь я Харр по-Харрада. А ну-ка, хором!..

— Гхаррпогхарра... — неуверенно повторила она Махида.

Харр поморщился — выговор у нее был с придыханием, как у самого серого простонародья.

— Ладно, зовите просто Гарпогар, я откликнусь. — Он повел плечами, все еще не отойдя от дурманного, как всегда перед ночью, сна. Мади, глядевшая на него широко раскрытыми золотыми глазами, вдруг вспыхнула и потупилась.

— А ты что? Напугал я тебя, страшен-черен, да?

— Не страшен, господин мой Гарпогар, а что черен, то ведь все вы там, в безводных степях, таковы, только сюда к нам редко кто из ваших добирается.

— Так что ж глаза такие круглые делаешь?

— Все не могу разгадать, что за тайна в тебе... Что-то вертится на уме, а припомнить не могу.

Харр мысленно вернулся к загону с чудовищем — тот, в плетеной безрукавке, тоже глядел на него, точно пытаюсь что-то припомнить.

— Ну, когда надумаешь — скажешь. — Он помрачнел, потому что на ум пришло предположение: эта тоже к его бусам дареным приглядывается. И зря. Сейчас все, что было с ним на далекой земле-Джаспере, казалось улетевшим сном, от которого остались, правда, сапоги с камзолом, меч да вот стекляшки эти. Одежу он скидывал, меч возле себя клал, а вот с бусами не расставался, были они всегда теплыми, как добрая память.

— Я тут утречком одного спасал от зверюги хвостатого, страшного, — проговорил он, принимая от Махиды полную чашу ухи, — так тот тоже на меня все пялился. А потом на службу к себе приманивал. Да я... Эй, Махида, да что это ты стол только на двоих накрыла?

Махида уселась напротив, аккуратно держа на коленях чашу на чисто выскобленном подчашнике, а Мади все вынимала из плетеной кошелки глиняные кувшинчики, продолговатые караваи, связки сушеных плодов.

— А чего ее кормить? У нее каждый день стол накрыт, и без всяких трудов! — В голосе Махиды

прорвалась такая полновесная зависть, что Харр внутренне поежился — ох и обидела она, поди, младшую подруженьку!

Но Мади и бровью не повела. Харр выудил из своей чаши кусок порозовее, на подчашнике подал девушке:

— На-ка, присядь да повечеряй с нами, а то мне кусок в горло не лезет.

— Я не затем пришла, господин мой Гарпогар. — Она остановила его таким сдержанным и в то же время исполненным достоинства жестом, что ему стало ясно: такую не обидишь. — Мне послушать тебя дорого. Скажи, уж не аманта ли стенового ты утром спасать решил?

— А я и сам не знаю. Волосья у него черные на лице вот такими ободьями. А ты почему решила, что это амант?

— Ну, во-первых, у тебя на сапог зелените капнуло, а его лишь на одном придворье добывают; во-вторых, за тобою пирлипель летела светло-серая, а они там обитают, где глина серая сложена, — значит, у того же стенового. И потом, Махида тебе ни одной монетки не дала бы — так какими деньгами ты расплачиваться собирался? Выходит, все тот же стеновой тебя наделил.

— Она у нас больно умная, — вставила Махида, на сей раз уже с малой толикой зависти.

Да уж. Он хотел было заметить, что чересчур большой ум девку не красит, но воздержался, а вместо этого почему-то принялся хвастливо рассказывать, как он сел на бугорчатую спину страшилища, а потом еще и тянул его за хвост. Подружки ахали и хлопали ресницами.

— И как это тебе зверь-блёв ноги не перекусил? Такие сапоги даром пропали бы! — сокрушалась Махида.

— Я б ему перекусил! А зачем его, гада такого, вообще кормить-держать?

— Как зачем? А откуда тогда зеленище брать? Амантовы телесы что угодно помажут — хоть мису глиняную, хоть кирпич настенный, хоть лапоток лыковый — и как зеленище засохнет, так уж ни разбить, ни проткнуть, ни разорвать. Только руки сразу в трех водах отмочить надобно, а то зеленище в глубь живой плоти прорастет, потом с мясом вырезать придется. Вот завтра убийца к окаменью присудят, так всего с ног до головы и обмажут.

Харр вспомнил скрюченные фигуры на крыше амантова дома и, не скрываясь, содрогнулся:

— Одного не пойму: как же тогда такого живодера столь ласковым словом называют — амант?

— Так он и есть ласковый, когда стену нашу неприступную холит-гладит, трещинки высматривает, песни ей поет воинственные, чтоб стояла прямо и гордо, чтоб ни перед каким врагом не расступилась, не рассыпалась. Каждый день на рассвете он ее с роко́таном обходит, во сне одну ее видит, женой любимой называет...

— Ну вот видишь, — обернулся он к Махиде, — я ж тебе говорил — я тебе амант и есть.

На сей раз она не испугалась, а просто возмутилась:

— Да как же можно не понять, господин мой? Ты меня просто трахаешь за бусы ракушечные, за монетки зелененые. И вся недолга.

Так с ним еще никто не разговаривал. Он покосился на Мадю — та деликатно обсасывала рыбку косточку.

— Ну, со стеною ясно, — сказал он, протягивая Махиде чашу за второй порцией, — а какое вы-то имеете к нему отношение?

— А никакого, — удивилась Махида. — Разве я не говорила тебе, что мы состоим в подных у лесового аманта?

— Ага, припомнил, значит, вы вместе с ним лесу молитесь?

Девушки изумленно переглянулись.

— Лес — амантов вседержитель, — наставитель-но, как, наверное, поучала младшего братишку, проговорила Мади. — У нас каждый имеет своего бога, по вольному выбору.

От непомерного удивления он закрыл рот, не успев вынуть из него чашечку-хлебалку. Зубы лязгнули по костяной ручке.

— Во сдурел народ! А не жирно ли это будет — каждому по богу?

Подружки одинаково поджали губы.

— Да ладно обижаться-то! Я спрашиваю, потому как на нашей земле все по-иному. — Но рассказывать о своей земле не хотелось — наговорился, напелся он за чужими столами, а сейчас вдруг ощутил блаженное довольство именно оттого, что сидел он господином, а два девичьих голоса журчали, услаждая его слух. — Вы давайте рассказывайте!

— У меня бог коровой, — сказала Махида, — я как по лесу иду — за корой приглядываю. Где трещина, дырочка — глину возьму, замажу. Зато всегда знаю, где коры гладкой, длинноленточной взять, хоть на лапотки, хоть на кольчугу, хоть двор оплести. А у Мади вон — пуховой, что птенцов новорожденных бережет. Ничего она с него не имеет, хотя каждый раз, в лес идючи, крошки со стола берет, чтоб возле гнезд рассыпать. Зато птиц в лесу — видимо-невидимо, потому как бог ее хорошо кормлен и оттого заботлив.

Харр хотел сказать, что птиц в лесу вдосталь, потому как пирлей этих приставучих — хоть сетью гребь. Жирные. На таких пернатой твари откармливаться — лучше не надо.

Однако вспомнил про поджатые губки — промолчал.

— А ты сам-то, господин мой Гарпогар, какому богу молишься? — робко спросила-таки Мади.

— А никакому.

— Вот беденький! — искренне вздохнула Махида. Они, дуры-девки, еще жалеть его вздумали!

— Говорю ж я вам, в нашей земле все по-умному. Молятся те, кому положено, — солнцезаконники называются. Просят солнце не уходить за край земли... Да только зря глотки надрывают. А мы, люд простой, только радуемся ему, красному, добрым словом поминаем.

Махида слушала, только головой покачивала, точно он байку плел; Мади же впитывала его рассказы жадно и недоверчиво, даже губы шевелились, как будто каждое его слово она пробовала на вкус.

— Я не обижу тебя недоверием, господин мой Гарпогар, — она подняла смуглый палец, на который тут же уселась рыжая пирлипель, — если спрошу: как же можно почитать за бога далекое солнце, если его нельзя ни погладить, ни приглубить, ни прислониться к нему... Как оно узнает, что ваши аманты его любят?

— А на какую такую радость его гладить, девка оно, что ли? Но кто видал землю ночную, бессолнечную, знает: нет жизни без него, светлого. Черной немочью, прозрачной, бестелесной покрывает небо землю, стеклом белым скованную. Ни травинки, ни деревца не зеленеет, ни одна тварь земная дыхом не дышит, только локки ледяные да джаяхуудлы волосатые, нелюдь смурая, от мороза лютого окоротятся, по сугробам ползают. Примерзают к земле тучи стоячие, пока их ураган-ледяная сечь от нее не оторвет да на дыбки не поставит стеной нерушимою. И нет силы, чтоб растопить ее, кроме лучей жарких солнышка весеннего...

— И долга ли такая ночь? — ежась от страха, спросила Мади.

Харр встряхнулся — ах ты, строфион тебя закрой, и не заметил, как увлекся, наболтал тут с три короба по привычке.

— Вот ежели б сейчас, милая, был по-нашему вечер, то утро наступило бы, когда у тебя за подол четверо внуков цеплялось бы.

Она быстро опустила голову — не поверила, знает. А он-то ее за разумницу держал!

— Да ежели бы не солнышко ваше утлое, зеленушное, не шуметь бы вашему лесу; кабы не лучи палящие, стыть бы вашему ручью льдом неколотым; в холоду-ночи и стена ваша рассыпалась бы, потому как блевотина непотребная без солнца не высохла бы... Да что там говорить! Над всеми богами бог — светило ясное, так что все ваши остальные идола — придумка никчемная, похерил бы я их на вашем месте.

Мади обвела широко раскрытыми глазами потемневший двор, почему-то едва слышно прошептала:

— Крамольные речи держишь ты, господин мой Гарпогар, а пирлипели почему-то не гnevаются, светом не наливаются...

— Должно, дождь собирается, — предположила Махида, запрокидывая голову, чтобы оглядеть небо. — Вот они и жмутся ко мне под крышу, привыкли, что ее и градом не пробивает.

Она демонстративно зевнула — как показалось Харру, намекая подружке на то, что ей пора бы и честь знать.

Упоминание о дожде навело менестреля, против воли что-то чересчур разговорившегося, на более практические мысли:

— Коли дождь-косохлест намечается, не худо бы подумать, чем согреться. Не разживешься ли, Махидушка, кувшинчиком чего покрепче, чем твоя ушница? Да к бабке загляни, голову рыбью снеси! А меня пока твоя подруженька развлечет...

Махида презрительно выпятила нижнюю губу, отчего не стала привлекательнее, а Мади спокойно заметила:

— Развлекь тебя я, господин мой, не сумею. На то у тебя Махида. Но если позволишь, спрошу тебя еще кое о чем.

— Красивая ты девка, ну прямо как писаная. А вот что настырная, так учти, мужики тебя за то любить не будут.

— Мне этого не надобно, господин мой.

И опять в ее голосе было столько неподдельной кротости, что Харр, кобель неисправимый, искренне ее пожалел — с таким нравом и в девках остаться недолго, скорбной нетелью весь свой век прокуковать.

— Да ладно уж, спрашивай, пока Махида нам кувшинчик промышлять будет.

— Ну-ну, чешите языки, — высокомерно обронила та, исчезая за дверной циновкой. Харр взял себе на зарубку, что она слишком часто теряет почтение к нему, благородному рыцарю по-Харраде, и начинает обращаться с ним, как со своими завсегдатаями.

Мади приманила на руку слетевшую было рыжую пирль, и Харр, никогда не любивший насекомых тварей, весьма досаждавших ему на степных дорогах, невольно залюбовался переливами солнечно-рыжих крылышек, не перестававших меленько трепетать даже тогда, когда эта букаха опускалась на твердую поверхность. Ему никак не удавалось сосчитать, сколько же у нее крыльев: два или четыре. Просто дрожал маленький незлобивый огонек, и глядеть на него было и забавно, и чуточку тревожно.

— Скажи, господин мой, много странствовавший, всегда ли на твоей земле был только один бог? — спросила Мади тихо, но так серьезно, словно это не было праздным любопытством.

Харр задумчиво почесал волосатую грудь, так что тихохонько брякнули стеклянные бусы:

— Вообще-то про это надо бы сибиллу какого-нибудь попытать, они, дармоеды, долгонько живут...

Но вроде поклонялись на разных дорогах где птицам, где зверью, где хлебу. Вон анделисовы пустыни, что для вещей птиц понастроены, с давних времен возле каждого города стоят. На Оцмаровой дороге ежели съедят какую-нибудь дичинку, тут же колобок глиняный катают и втыкают в него косточки — жертва богу охоты и добычи. Светильники в прощальных воротах зажигают, стараются, чтоб ни один огонек не дрогнул — тогда ветряной бог до следующего стойбища ни смерча, ни урагана не найдет. А вот на Лилилиеровой дороге еще недавно, говорят, на деревьях струны натягивали, чтобы листья, за них задевая, услаждали небо звуками причудливыми; за то и прозвали Лиля Князем Нежных Небес. Но только все равно выше солнца нет ничего на свете, и оно — и бог, и причина, и сила всего сущего.

— Крепка ты веришь, господин мой...

— Та вера крепка, которой разум сопутствует, но это, обратно же, не женского ума дело.

Мади помолчала, потом проговорила — тихо, но убежденно:

— Я так не думаю, господин мой Гарпогар.

Харр глянул на нее с изумлением и вдруг почувствовал, что кого-то она ему напоминает. Но слишком много женских лиц теснилось в его многогрешной памяти, чтобы вот так, с лета, припомнить — кого.

— Сколько дорог переходил, что вдоль, что поперек, — нигде не видывал, чтобы бабы с богами якшались. Дело женское — мужика привечать-улаживать да себя холить, обратно же ему на погляд. Вон Махиду хоть возьми: с лица, я б сказал... ну да не о том, а то еще наябедничаешь ей по бабьему вашему обычаю. Но ты сочти: на каждой руке у нее по пятку запястий, да на ногах по два, да вокруг ушей обвязки бисерные, на каждой косице шарик смоляной благовонный. Теперь на себя глянь: сирота непривеченная. Или дед твой скуп?

— Иофф не скуп, бережлив он и меня ни к чему не приневольивает. Только не любит, когда я к Махиде захаживаю.

— Ну, ясное дело — ты у нее женскому обряду научиться можешь. И поторапливайся, девонька, потому как хоть и глядеть на тебя любо-дорого, а ведь всякий мужик из вас двоих Махиду выберет. Помрет твой дед, и останешься ты одна, как перст.

Про нетель он уж промолчал, но она и без того вдруг понурилась и сжалась в комочек. Совсем как эта... как ее... младшенькая дочка островного королька-ведун. Тоже несчастная.

Острая жалость резанула его по сердцу. Он пригнул голову и стащил с себя ожерелье хрустальное, которое вдруг оказалось столь тесным, что едва-едва голова прошла — не хотело расставаться с хозяином, что ли?

— На-ка, горемычная. — Он протянул ей позванивающую нитку, сверкнувшую холодным изумрудным блеском в первом луче злой звезды, только что взошедшей над вечерним городом. — Носи, не кручинься.

Она глядела на него, широко раскрыв ясные свои глаза, как будто не понимала, о чем он говорит. Он покачал головой — ох и бестолковая! — и попытался сам надеть ей бусы на шею. Она замахала маленькими ручками и закурлыкала, как маленький журавлик-подлетьш — «урли-юрли, аорли-маорли...» На другом языке заговорила, что ли?

— Да не кобенься ты! — с досадой проговорил он, уже сожалея о своем благом порыве и опасаясь, что сейчас ворвется разъяренная Махида и перехватит подарок — с нее станется.

Ожерелье упало на смуглые плечики, засветилось по-княжески — все цвета радуги; рыженькая пирль, шарахнувшаяся было прочь от его рук, мгновенно присоседилась на крупной бусине и так яростно за-

работала крылышками, что по всей хижине шорох пошел. Широко раскрытые глаза Мади стали совсем круглыми, кровь бросилась ей в лицо, отчего оно стало сразу пунцовым; она отчаянно затрясла головой, закусив губы, точно повторяла про себя беззвучное «нет, нет, нет!». А потом вскочила на ноги и резким движением сбросила с себя пирлипель, вошь свою летучую ненаглядную, отчего та мгновенно налилась жгучим светом; все остальные пирли, до того мирно приютившиеся по стенам да углам, из соединения с обиженным родичем тоже разом снялись со своих мест и превратились в маленькие мерцающие облачка, внутри каждого из которых холодно сияло живое ядрышко. Но Мади, не обращая внимания на это светлячковое сонмище, с исказившимся, как от боли, лицом рвала с себя ожерелье, но оно, вместо того чтобы рассыпаться по бусинам, вдруг разомкнулось, скользнуло вниз — не тяжко, как подобало бы звонкому стеклу, а покачиваясь в воздухе, как падает лист осенний отживший; коснувшись земли, оно — колокольцем вперед, точно змеиной головкой — по-сороконожки побегало по утопанному полу и, ткнувшись Харру в ноги, замерло, свернувшись кольцом. Пока Харр наклонялся к нему, Мади вылетела вон, сопровождаемая полчищем летучих огней.

— Ну дела, — пробормотал он, пробуя на разрыв замкнувшееся ожерелье — нет, держалось прочно, руками было не разять. Покрутил головой, надел. За годы странствий он научился принимать чудеса как должное и не ломать себе голову над тем, что просто существует, и вся недолга.

Влетела Махида — с большим кувшином и разной снедью в подоле:

— Ты что это с моей Мадинькой сделал, охальник?

— Да ничего. Судьбу я ей предсказал незавидную, так она чуть свою пирлю-мырлю рыжую не прибила.

— Мади?! Быть не может.

— С вами, девками скаженными, все может стать.

Она ревниво оглядела постель — не было ли блуда? Успокоилась.

— А то я гляжу — мчится опрометью, меня не примечая, а за ней пирлипели встревоженные заревым облаком... Погоди лапоть-то, надо снесь в дом занести да очаг прикрыть, а то все небо тучами обложено, особенно с заката.

Он подождал, пока она соорудит над огнем двускатный шалашик, потом поймал за косы, намотал их на руку и притянул к себе:

— Ты, девка, вот что: любиться любись, а почтения не теряй. А то я тебе напомним, что над тобою нынче не шваль пригородная да лихолетная, а рыцарь именитый. И при любой погоде, учти.

— Ой, да господин мой щедрый, это ж я тебя для раззадору подкусываю...

Проснулись уже по свету. Мелкий нечастый дождик сыпался на толщу листвы над головой без дробного стука, а словно оглаживая зеленый купол мягким речным песочком. Харр прислушался; здесь, внутри, ничего не капало.

— Не протечет? — на всякий случай спросил он потягивающуюся Махиду.

— Не-а, — беззаботно откликнулась она. — На загорóдные дома какие ни попадя деревья не сажают, а только липки. У них, как дождь наклонется, листья сразу набухают и слипаются — хоть из ведра лей, все нипочем. Лучше навеса зелененого.

— Мелкий... на весь день зарядил, — заметил он.

— Дак и не на один!

— А чего ты радуешься? На двор к очагу тебе вылезать.

— То и радуюсь, что в такую морось ты от меня никуда не намылишься.

Харр прикрыл глаза и прислушался к внутреннему своему голосу; зуд странствий, гнавший его с одной дороги на другую, спал непробудно.

— Я вроде и не собирался.

Она плеснулась, как рыбина на перекате речном, неловко вцепилась пухлыми жаркими губами куда-то между ухом и бровью:

— Ой и ладушки, мил-сердечный мой, уж и обихожу я тебя, уж и расстараюсь... Не вставай, сейчас угли раздую, горяченького сюда принесу. — Она нашарила на полу свою пеструю хламидку, принялась стягивать. — Вот видишь, всем ненастье в убыток, а нам с тобою — в долю сладкую...

К обеду «сладкая доля» встала поперек горла. Дым от очага, прибитый к земле дождем, стлался понизу и заползал в хижину. В горле першило, но вина тоже не хотелось — дерьмовенькое было винцо, даром что кувшин ведерный. Харр лежал, тупо глядя в тяжелолиственный потолок, и невольно ловил застенные шорохи. Где-то совсем близко, похоже, в соседней хибаре, с плеском черпали воду, однообразно ругаясь, — видно, соседей заливало.

— Ты вот Мадиньке судьбу предсказал давеча, — ластаясь, пробормотала Махида, — а мне не сподобишься?

— А что тебе предсказывать? Деньжонок прикопишь, в город переберешься...

— Как же, пустят меня, безродную!

— Ну, здесь обустроишься. Полы зеленухой залешь, чтобы гладкими были, соседнюю хибару купишь, переход в нее крытый наведешь, там спальню-детскую наладишь, а тут — гостевой покой, с очагом на такую вот погоду; ремесло свое бросишь, потому как с богатым домом тебя любой замуж возьмет. Сына родишь голосистого да крепконового. Примерной женой будешь.

— Это почему ж ты так думаешь? — игриво поинтересовалась она.

— А потому, что вы, девки гуляющие, более ни на что негожи.

Она притихла, соображая, обидел он ее или нет. Но тут в осточертевший гул дождя вплелось легкое «шлеп-шлеп» — пришла-таки.

— Махида, кинь рухлядишку — ноги обтереть!

Он подперся рукой и, так и не вылезая из-под теплой шкуры, принялся беззастенчиво глядеть, как она, сидя на порожке, старательно вытирает крошечные свои ступни. Да, с такими ногами ей на дорогах Тихри делать было бы нечего. Не возить же ее весь век на телегах! А в знатные караванницы ей никак не пробиться — лицом хоть и приглядна, да характером не вышла, тут лахудрой остервенелой надо быть, вроде Махиды.

— А мне господин мой радость посулил! — крикнула Махида, уже успевшая заползти под островерхий навес, составленный из двух щитков над очагом. — Обещался соседнюю хибару прикупить да полы зелененые наладить! А ты что так спозаранку?

Харр только бровь приподнял: ну, Махидушка, блудня ненасытная, не ошибся я в тебе!

— Иофф пополудничал да и уснул. Он всегда под дождь засыпает, — скороговоркой, точно оправдываясь, проговорила Мади; на хвастливое признание подружки она никак не отозвалась — видно, знала ему цену.

— Ты лапотки-то свои не надевай, — велел Харр, видя, что Мади достала из узелка новенькие сандалии со змеиными ремешками. — Садись на постель, ноги под шкуру схорони, чтоб согрелись. А то не ровен час — заболеешь...

Он чуть было не брякнул: и не придешь. Но удивился собственной мысли и вовремя прикусил язык. Сдалась она ему! Да и Махида разъярится.

— Нет, господин мой Гарпогар, я отсюда тебя слушать буду, — тихо, но твердо проговорила она.

Так вот оно что! За сказками даровыми явилась. Дедок спит, а она младшего братика одного бросила.

— Ты б еще младшенького с собой притащила! Чай, не княжий пир — байки слушать, — проворчал он.

— Кого, кого? — вырвалось у обеих подружек разом.

— А ты что вчера — не с братишкой к аманту ходила?

— Как ты мог подумать такое, господин? На нем же был ошейник несъемный! — У Мади даже голос задрожал.

— Ты вот от меня баек ждешь, а мне ведь самому ваши обычаи любопытны. Отколь же знать, что тот ошейник означает?

— И с какой это ты такой земли явился? — фыркнула Махида, выставляя перед ним прямо на постели миски с едой. — На-ка, колобки с рыбой вчерашней... Коли ошейник несъемный на телесе, значит, он или строптив не в меру, или к работе непригоден.

— Какая работа? Он от горшка-то два вершка.

— Этого телеса малого Иофф в уплату получил за рокотан. Его да еще кучу добра в придачу, — пояснила Мади, справившаяся с невольной обидой. — Он с рождения нем и глух, вот на него и надели ошейник, чтоб сразу было видно: кормить его не досыта. Иофф велел его аманту нашему лесовому свести, это подать богатая, мы теперь до осеннего желтолистья ничего платить не будем.

— А аманту он зачем, если к работе непригоден?

— На жертву, зачем же еще, — равнодушно подавала голос Махида. — Вот ежели дождь не уймется, ручьевоу амант его у лесного выкупит да ручью и подарит.

Харр почувствовал, как по спине у него прошелся холодок, словно меч плашмя приложили. Когда-то его самого вот так же продавали, да не кто-нибудь — родной отец. Хорошо, никому в голову не пришло по злой погоде в ручье, как котенка, топить!

— А того ты не подумала, чтобы взять да и отпустить мальчика подобру-поздорову?

— За что ему мука такая, господин мой? — удивилась Мади. — Если бы он с голоду не помер, то ошейник уже впритык, еще немного, и придушил бы. Только медленно. Его ж так заковали, чтоб недолго жил.

— Ох и не по нраву мне законы ваши!

— А разве твоему богу единому не приносят жертвы? — недоверчиво спросила Мади.

— Это с какой такой радости?

— Ну... вот если он надолго за тучу прячется, выглядывать не желает... мало ли еще горести, боги ведь не только милостивы. А поля-леса жечь начнет злобной засухой?

— Солнце ясное — добрый бог, и любви его неизбыточной на всю землю хватает. А на человечесью смерть ему глядеть — не утеха.

Мади, сидевшая на корточках возле самого порога, недоверчиво покачала головой, потом обернулась к хозяйке дома и просительно проговорила:

— Махида, ну пожалуйста, дай мои окружя...

— При чужих-то!

— Господин никому не скажет.

— Не доведет тебя до добра забава эта!

— Ну часто ли я прошу тебя?

Махида, бормоча что-то под нос, отодвинула ящик с посудой, и Харр увидел под ним гладкую зеленую крышку сундука, врытого в пол. Кося на гостя пронзительным оком, она приоткрыла сундук и выкинула оттуда полотняный мешочек. Видно, не было в нем ничего бьющегося, потому что упал он к ногам Мади с глуховатым стуком.

— Не пали светильню, мне и так света хватает, — извиняющимся тоном проговорила Мади, топорливо доставая из мешочка зеленое кольцо — как раз такое, чтоб человеческий лик в нем помещался. Харр не успел угадать его предназначения, как Мади уже разъяла его на два, которые были вложены одно в другое. Выхватив из-под навеса большой травяной лист, которым Махида пользовалась то как скатертью, а то и полотенцем или прикрытием от дождевых брызг, девушка наложила его на малое кольцо и, натянув, надела сверху то, что побелее. Получилось вроде тугого барабанчика. Харр все еще недоумевал, к чему бы это, а она уже достала тонкую костяную палочку и принялась что-то царапать вдоль ободка. Харр вытянул шею, приглядываясь: сок, выступавший на месте царапин, застывал причудливой коричневой вязью, вроде узоров на клинке его меча.

— Не пойму я, — признался Харр, — как чудно это ты рукодельничаешь?

— Это не рукоделье, господин мой. Я записываю слова твои, изумляющие меня безмерно.

Безмерно изумился на этот раз он сам. Вот уж не думал, не гадал, что кто-нибудь его байки записывать будет! На Тихри мастерство такое доступно было лишь солнцезаконникам да князьям — и то не каждому. А тут — девка простая...

— Ну и что ты сейчас записала? — поинтересовался он.

— Я записала: не убивай.

— Хм-м-м!.. — озадаченно протянул он. — И всего-то?

— Но ты ведь только начал рассказывать, господин мой. Мы вечор остановились на том, что в земле твоей родной было много богов, а потом стал один. А в чужих землях как?

Ну, положим, вчера они остановились не на этом, но она разумно поступила, что не припомнила при

Махиде, что он чуть было не отдал ей чужеземные стекляшки.

— Широка вода на последней земле, где мне быть довелось, — напевным речитативом завел он, чтобы не дать возможность Мади вернуться к воспоминаниям о злосчастном ожерелье, — и плавает в той воде остров великий, на котором уместились и горы, и болота, и замки-дворцы высоты невиданной, и король там правит могучий и сыновьями богатый, да еще и в придачу у него дочь непокорная...

Махида насыпала перед ним горку сушеных ягод и пристроилась на краешке постели, вполуха прислушиваясь к неутихающему шороху дождя; Мади же, опустив на колени ободок с натянутым листом, так и замерла, приоткрыв по-детски еще припухлые губы. Нецелованные, поди. А его понесло по всегдашнему обычаю, и он, поплеывая мелкие косточки в кулак, принялся красочно описывать (впрочем, не очень и привирая) и Величайший-Из-Островов, и затерянные в морской дали, тянущиеся друг за другом, как утята, мелкие островки с разрисованным корольком-колдуном, и о древних пяти богах, на великом острове уже позабытых ради единого, страшного бога, имя которому было Крэг. Станный это был бог, иначе почему же королевская дочь Сэниа ненавидела его люто и беспощадно; эта ненависть и мешала ему расспросить о злом боге поподробнее. По обрывкам разговоров он только понял, что бог-Крэг летуч, всеведущ и мстителен.

Между тем незаметно подкрался вечер, дождевые сумерки заползли в хижину, и только красноватые пятна углей рдели во дворе под навесом.

— И что за дурни на том острове обитали, — проговорила Махида, подымаясь и похрустывая косточками. — Были у них боги как боги, так нет же — променяли на одного злыдня. И зачем?

— То мне неведомо, — нахмурился Харр, не любивший, чтобы его припирали к стенке. — Может,

это судьба любой земли — чтобы рано или поздно всех своих богов оптом на одного-единого поменять.

И снова острая косточка заскользила по натянутому листу, но теперь Харр безошибочно мог бы сказать, что там записала малышка Мади. Впрочем, это его нисколько не волновало — он твердо знал, что:

ни единой бабе,
и ни в какой земле,
и ни и коем разе

ни на малую толику не изменить существующего мира.

— Кончала бы ты писульки разводить да топала домой, — проворчала Махида, — а то скоро и лихая звезда взойдет.

— Ой, и вправду...

Но Харру такая бесцеремонность пришлась не по душе.

— Брось, посиди еще! Или ты вправду звезды далекой боишься? А еще разумница. Плюнь ты на нее!

Мади поглядела на него совершенно серьезно:

— Так ведь не долетит...

Он прыснул в кулак — поверила, дуреха.

— А вот гляди! — Он привстал на постели (во сладкая жизнь — так и провалялся весь день без порток!) и, почти не целясь, смачно плюнул в дверной проем. В хорошую погоду посовестился бы, а сейчас все равно было — дождь смоем. Но Мади уже захлопотала, складывая письменные принадлежности в мешочек, благодарно поклонилась и выпорхнула под дождь, зябко вздрогнув на пороге.

— Что там в кувшине? — спросил Харр, чутко прислушиваясь к себе: рад или нет, что теперь они с Махидой только вдвоем?

— Половина! — отозвалась Махида, встряхивая кувшин.

Тогда ничего. Жить можно.

И все-таки ночью, промеж утех, спросил как бы невзначай:

— Ну а что там, куда ручей ваш течет?

— А то же самое, — сонно отозвалась разомлевшая лапушка. — Низовой стан там, совсем как у нас, только стены лиловые да трава вокруг в человеческий рост.

— А подале?

— Трава там сухая. Да холмы. Зверь там падальник водится. М'сэймы обитают. Тоскливо там.

— А еще дальше?

— Чего ж еще? Новое многоступенье, вверх. Станы малые, как у нас. Спать давай, притомил ты меня, жаркий мой.

Вот обратного сказать было нельзя, и Харр малялся бессонно, глядя вверх, в ночную темень. Дождь не утихал, но и не убаюкивал. Он поднял руку с растопыренными пальцами и ни с того ни с сего загадал, что ежели усядется на палец пирль, то будет ему удача неожиданная. И тут же ощутил мизинцем легкое, щекотливое прикосновение.

— Посветила бы, — шепнул он более в шутку, чем всерьез.

Голубой огонек затеплился и, попыхивая, стал разгораться все сильнее, как всегда, одеваясь туманным мерцающим облачком. Он даже испугался — увидит Махида, еще невесть что подумает. Но лапушка, всласть убаженная, только всхрапывала, как добрый рогат в упряжке.

— А ну, еще трое сюда, и всем святить, — шепнул он, и тут же все четыре пальца его поднятой руки оказались увенчанными разноцветными светляками.

— Ну, будет вам, отдыхайте, — велел он так, словно это были и не муракиши летучие, а послушные смерды. А они и послушались, угасли и неощутимо исчезли в темноте.

Утром, еще не открывая глаз и впадая в тоску от неугомонного дождичка, он твердо решил, что это ему только приснилось.

Полдня он точил меч, придирчиво оглядывал сапоги и одежду — не случилось ли порухи. Нет, к сапогам вообще не липло ни грязинки (и где это Мадя пятнышко зелени приметила?), а точило у Махиды было хуже некуда, так что затею с мечом пришлось бросить. Ему не давали покоя слова стенового аманта, велевшего приходить на другой день. Он, естественно, не пошел, и вовсе не из-за дождя, а чтобы не получилось, что ему свистнули — он и побегал. Чай, не смерд. И не этот... как тут у них... в ошейничке. Надо было переждать день-другой, а потом заявиться гуляючи, с сытым форсом. Но в дождь гулять — это уж точно иметь глупый вид.

Не складывалось.

Так что когда прибежала Мадинька, как всегда, босичком — дед, видно, крепко приучил обувку беречь, — то даже не обрадовался, а скривился:

— Что, опять будешь тянуть из меня жилы или сама что-нибудь веселенькое расскажешь?

Она уселась на привычное место на порошке и, обтирая розовые ступни ветошкой, торопливо заговорила:

— А казни-то не было! Под дождем ничто нельзя зеленить, вода смое. Вот и порешили аманты наши его в Двоеручный стан сплавить.

— Зачем? — уныло поинтересовался Харр, хотя ему, в общем-то, было все равно.

— То есть как — зачем? — поразились Мадя. — В прорву его сбросят.

— Обратно же — зачем?

— Затем, что он убивец! — рассвирепела Махида, не уловившая, что он над ними потешается. — Или твой бог такой жалостливый, что и выродка-насилъника казнить не разрешает?

— Ох, девки, девки! Я же просил — расскажите веселенькое. И так этот дождь тоску навел, дальше некуда.

Сам же про себя решил, что в байке про доброго бога у него что-то не свелось, концы с концами не сошлись. Додумать надо будет в дороге, когда отсюда тронется: когда шагаешь, мысли так друг за дружкой и текут, иногда сам удивляешься, мудрее, чем у сибиллы.

— Прости, господин мой. — Мади искренне опечалилась. — Нечестны были слова мои. Только что в такой ливень-дождь может быть веселого?

— Это еще не ливень... — задумчиво протянул Харр, припоминая дикие бури, какие, бывало, заставляли его вдали от жилья. — Так себе дождичек, морось слякотная.

— Это по нашу сторону от верхнего леса, — возразила Мади. — А вот над озером, говорят, третий день льет как из ведра, все берега затопило. В заозерном лесу, что Лишайным прозывается, корни деревьев подмывает, они валятся и люд лесной давят. Зверье из нор повылезало, опять же людей задирает.

— А что, в лесах тоже люди живут?

— Да не люди это, — опять вмешалась Махида, — сволочь беглая. Так им и надо. От работы бегут, ленятся.

— От податей, — робко поправила ее Мади.

— Все едино! Мы, значит, вертись целый день, исходи седьмым потом, а они грибочки да ягодки собирают!

— Ладно тебе, труженица, — примирительно проговорил Харр. — Ты-то тоже не днями вертишься...

— Днем-то все легче, — со знанием дела возразила Махида.

Он хотел было легонечко дать ей по шее, чтобы не очень распространялась при маленьких, но было лень. К тому же ему вдруг пришла на ум странная

мысль: ведь он сам — тот же беглый. Только умело притворяющийся знатным рыцарем. Впрочем, на этой земле с его притворства мало проку, потому как здесь о рыцарях слухом не слыхали. И добро еще, что эти девчонки от него не шарахаются.

— А что, эти людишки лесные не шастают в город, не озоруют?

— Бывало и такое, что подкоряжные в орду собьются и какой-нибудь стан дочиста разграбят, — вздохнула Махида, вспомнившая, что ее хибара расположена не внутри городских стен. — Только вряд ли они к нам пожалуют — и поближе к ним становища имеются, и дорога с верхнего уступа длинна — стражи заметят. Да и стеновой амант уже успел лихолетцев набрать в помощь страже своей. Выдал им щиты да деньги оптовые, а ежели до дела дойдет — каждый по храбрости еще и ножевые получит.

— А из кого их набирают-то?

— Да из тех же подкоряжных, кому в лесу сидеть уж неведомо. Из соседних становищ бегут, особенно перед Белопушьем. А чаще те из м'сэймов, кому постная жизнь поперек горла.

— А это еще что за звери?

— Да просто с нашей верой несогласные. А так люди как люди. Только мяса не едят, на огню не готовят и баб к себе не допускают.

Вот это уже было интересно — несогласные с верой. Выходит, не просто так Мадинька-разумница выпрашивала его про разных богов. Но оказалось, что, кроме сказанного, ничего подробнее о м'сэймах подружки не знали, о холодном же дне с ласковым прозвищем Белопушье поведали охотно: перед ним запасают еды, топлива для очагов и запираются в домах наглухо, потому как летит с неба холодный прозрачный пух, в стылую воду обращающийся, и последние желтые листья вместе с ним опадают на землю, согревая ее; но на верхних ветвях уже распуска-

ются первые клейкие листочки, созревают орехи, которым мороз нипочем, сохнут-вялятся сладкие скрученные рогуши. А вот в ночь на Белопушье аманты собираются за уставленным яствами треугольным столом и говорят о своих заботах, а более всего — о недоимках. Ведь ежели подать скудная, то и телесы, живущие при амантовых дворах, на руку не проворны, силой обделены, мору-болезни подвержены. А стало быть, и стена защитная не подправлена, и лес-кормилец от валежника не прочищен, и мостки над ручьем того и гляди падут, течение запрудят. А уж о том, какова некормленная стража, и говорить нечего.

Так что скупно подать платить — стану не стоять.

И чтоб не было это пустыми словами, выбирают аманты из всех подных самого нерадивого, объявляют его неуправным неслухом — а дальше уже, как говорят солнцезаконники, «по протоколу». Здесь-то, конечно, людишки умом поскуднее, чем на Тихри, так что никто ничего не записывает, а просто на другой день после Белопушья является стража к обреченному несчастливцу, и — по златоблестким ступеням да прямо в Двоеручье.

— Там что, два ручья? — поинтересовался Харр.

— Там две руки, под которыми проводят тех, кто обречен на прорву ненасытную, — пояснила Мадди. — Мертвый это город — Двоеручье, его разорили подкоряжные, когда Иофф еще мальцом несмышленым был. С тех пор и стоят только те столбы да стены, что златоблестищем покрыты. Тогда еще не было обычая лихолетцев загодя набирать, вот стража одна и не справилась, и никакие стены не спасли...

— Ну вот, — вздохнул Харр, — опять мы про веселенькое. Ох и тяготно у вас тут в дождь, спасу нет. Вот принесла бы ты мне, Мадинька, от деда твоего какой-нибудь рокотанчик захудалый, я бы вмиг к нему приловчился, песенок бы вам напел потешных...

У Мади глаза снова стали круглыми, ну прямо как у той птицы белоперой, с тремя хохлами на голове, что обитала в Бирюзовом Доле. Опять что-то не так брякнул.

— У нас петь одним амантам дозволяется, — прошептала девушка. — А услышат — неуправным нарекут, и тогда...

Понятно. По протоколу. Белая птица между тем о чем-то напомнила. Бирюзовый Дол... А ведь гостить-то он там гостил, а хозяев не отблагодарил, ни разу не спел за праздничным столом. Хотя — были ли там праздники? Нет, не мирно, не весело жилось королевской дочери Сэниа, недаром его потянуло ее утешить...

— Что ты пригорюнился, господин мой Гарпогар? — услышал он нежный голосок Мади. — Али припомнилось, как ты певал в дальних странах, где побывать пришлось?

— Если честно сказать, то совсем наоборот. Вспомнилось мне, что я, невежа побродяжный, не уважил своих хозяев гостеприимных, не повеселил их песней разудалой...

— Ты еще вернешься туда, ты еще порадуешь...

— А, много вы, девки, смыслите в чужедальних обычаях! А что ежели там не ногами по земле ходят, а на крылатых чудищах под облаками реют, в мгновение ока с одного места на другое перескакивают, да и других перекидывают...

Одним словом, понесло. И про прожорливых жавров поведал, и про шкуры их послушные, коими двери затягивают, и про пеструю говорящую птицу, в принцессином доме живущую... Но все-таки пуще всего поразил его слушательниц не ласковый гладкобрюхий Шоёо, не слуги-коротконожки железные, не талисман-оберег, струйным огнем плюющийся, — самым невероятным показался рассказ о дивном умении перепрыгивать через загадочное НИЧТО, после чего можно было оказаться за семью горами, за пя-

тью лесами... Хотя и не любил он себя на посмешище выставлять, а все-таки поведал честно, как сам пробовал научиться колдовству, на его родимой Тихри неизвестному, как представлял себе это самое НИЧТО чародейное — уж кому-кому, а ему-то было ведомо, что это такое. Когда князь джасперянский Юрг, командором прозываемый, по началу знакомства взял его проводником в Железные Горы, над ними уже распростерлась мертвая ночь. И ежели бы не столб огня, вздымающийся над Адом, — не найти бы ему дороги в проклятое место. И не умер он от страха только потому, что не пришлось ему выходить из летающего дома, а глядел он сквозь пол прозрачный и видел жуткую, цепенящую черноту, в которой не может быть и не бывает никакой жизни. И когда много погода сказали ему про заветное НИЧТО, он сразу понял, что это такое: чернота ночи, одновременно прозрачная и непроницаемая, чуждая всему живому. И когда потом он под хохот дружинников пытался прыгнуть через этот воображаемый колдовской рубеж, он все делал правильно, только, видно, не дано было тихрианским мужам овладеть волшебством иноземным. Может, у сибиллы какого помудрение и получилось бы, а вот у простого странника — нет.

Впрочем, у всего люда, на островах королька Алэла обитающего, тоже ничего не получалось. А ведь пробовали, поди. И никакой за собой обиды не держали, что бесталанны. Жили дружно, весело, родителей чтили, а те за то были щедры и ласковы...

Тут уж пришлось все семейство Алэлово описать. И дом его, на дворец не похожий, но чудно расписанный цветами да узорами радостными. И сад с разноцветными чашечками, из которых высывались тугие ножки тычинок, увенчанные пушистыми шариками пыльцовой красочки.

А вот мона Сэниа, хоть и могла слетать хоть прямо на солнышко жаркое, хоть на луну блескучую,

счастья не ведала, похоже. Хоть и с лица была — краше утра росистого, не в пример дочкам алэловым, жабкам губастеньким.

— Отчего ж несправедливость такая? — задумчиво проговорила Мади, поглаживая пухлую нижнюю губку костяной палочкой, с которой она теперь не расставалась во все время Харровых рассказов. — Может, это злыдень-бог на нее такую напасть наслал по окаянству своему?

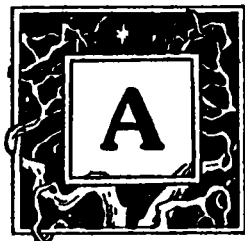
Харр угрюмо уставился в земляной пол. Ощущение несправедливости не покидало его каждый раз, когда он вспоминал о строптивой дочери короля, имени которого он даже и не знал. Только несправедливость эта относилась к нему самому. А уж королевна — та злосчастлива была исключительно по нраву своему дурному, строптивому.

— А поделом ей, — в сердцах проговорил он, поматывая головой, словно отгоняя от себя видение прекрасной и своенравной девы джасперянской. — Жила бы во дворце отцовском в послушании и радости, как дочери алэловы живут, — вот и была бы бедами непомрачима. Кто без матери да отца вырос, тот только и знает, сколь дорога родительская ласка. Грех от нее убежать, грех за нее добром не платить...

И опять заскользила по зеленому листу костяная палочка.

IV. ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

назавтра Мади совсем не пришла. Махида, принявшаяся за дело — решила гостю своему кольчужку льговую сплести, чтобы потом прикупить зеленища и сделать ее не уязвимой, — только пожала плечами: и что себе кровь портить, ну не пришла, так, верно, старобейный костыми занемог по сырости непроходящей. Трет, поди, ему спину шкуркой полосатой от зверя вонючего... ай не потереть ли и господину ласковому Гарпогару чего он изволит?

Но господин ласковый изволил пойти прогуляться. Видать, в земле евоной принято так — под дождем гулять. Ну прямо как зверь-блѣв, что дождик обожает. Вот и сапоги свои белые, бухалы огромные, натянул... Но тут шваркнула в сторону занавеска входная, на пороге страж амантов:

— Государь амант спрашивает, почему это странник иноземный до сих пор прийти не изволит?

Харр выпрямился во весь свой изрядный — по здешним меркам — рост, оглядел гонца с макушки до

пят. Непонятно было одно; что это — приглашение или приказ? Морда у гонца была непроницаема, как его собственный щит.

— Передай государю своему аманту, что благодарю за честь и буду к вечерней трапезе.

Страж поклониться не удосужился, развернулся и, не прикрыв за собою входа, исчез в поредевшем дождичке.

— Может, к вечеру утихнет, — оправдывающимся тоном пояснил Харр.

Махида тревожно заерзала широким задом по меховой подушке, на которой сидела, поджав ноги:

— Не гневил бы ты аманта, норов у него — у-у-у!

— Поглядим и на норов.

Однако собрался чуть пораньше, благо и дождь наконец утих, и в небе означились меж туч зелено-ватоголубые, как морская вода, промоины. До загона с одиноким зверем-блёвом, блаженно мокнувшим в неглубокой луже, он добрался без затруднений; теперь же предстояло угадать, куда направиться, чтобы дом стенового аманта отыскать. Но долго думать не пришлось — бесцеремонный тычок в спину заставил его резко обернуться.

— Иди за мной! — приказал страж — то ли тот же самый, то ли другой, неясно: все они для Харра были на одно лицо.

Он решил на ссору не нарываться, а вперевалку, с демонстративной ленцой двинулся следом. Дом, куда они направлялись, оказался тут же — сам мог бы догадаться, самый широкий по переду, а ввысь три уровня резных окошек, только все по здешнему обычаю зеленью заслонены, на двух верхних этажах — в кадках. Страж прошел меж двух крайних столбов и канул в густую листву. Харр медлить не стал; конечно, схватить тут было бы плевым делом, только зачем аманту его хватать? Смело двинулся вперед. Маленькая ручка высунулась из боковой завесы — вроде зё-

лень была уже не живая, а тряпочная — и, дернув за полу, как бы пригласила следовать за собой. Харр пригнулся, проходя под арочкой, и попал в сводчатый коридор. Строили по тутошним меркам — идти пришлось, склонив голову, чтобы не передвигаться на полусогнутых. Слева и справа мелькали проемы, занавешенные узкими зелеными лохмотьями; за ними слышались приглушенные голоса и обычная житейская хлопотня — засадой пока не пахло. Малолетний поводырь (тоже знак того, что бояться пока рано) раздвинул провисшие шнуры с нанизанными на них зелеными шариками, и они очутились во внутреннем дворе, где на гладко выровненном темно-зеленом полу лениво, по-вечернему топтались несколько стражей, помахивая тяжелыми зеленеными палицами. Небольшие каморы, расположенные на втором и третьем уровнях, были ничем не ограждены и открывали начальственному взору нехитрое воинское бытие, вплоть до вывешенных на просушку онучей. Служивые числом около дюжины сидели по краям своих жилищ, свесив ноги; при виде степенно шествующего отрока все они разом нырнули вниз, кто по веревочным лестницам, а кто половчее, то и просто лихим прыжком. Харр продолжал шагать невозмутимо, хотя было совершенно очевидно, что ратная потеха затеяна не просто так, а ему на погляд. Но мальчик провел его через весь двор, и перед ним расступались, как перед старшим. Затем они нырнули в темный проем и начали взбираться по винтовой лестнице; как это нередко бывает, дом, и снаружи-то казавшийся весьма просторным, изнутри оказался просто громадным. Наконец они очутились в верхнем покое, заставленном по стенам кадками и горшками с ползучей растительностью, которая укрывала не только стены, но и потолок. Что-то многовато ее было в этом городе.

Харр даже не сразу заметил аманта, сидевшего в углу на одинокой подушке. Больше сесть было не-

куда, и Харру подумалось, что это не больно-то обнадеживающий знак. На полу перед амантом лежала только что снятая кольчуга, и он блаженно чесал себе грудь, засунув руку под просторную черную рубаху.

— Явился, — проговорил он чуть ли не с отвращением.

Харр расставил ноги и качнулся с пяток на носки. Прямо с первых слов просить быть повежливее не стоило. Надо сделать так, чтоб сам догадался.

— А вот Льясс, амант ручьевый, говорит, что это ты ливень потопный накудесил.

Ах вот оно что!

— Только мне и радости, как дрызгом-слякотью верховодить! — насмешливо проговорил гость, снова покачиваясь. — Что я тебе, бабка-ворожейка, что ли? Я рыцарь Харр по-Харрада над-Гамаритон по-Гуррух. Не слыхал?

Быстро темнело, и рассеянный свет, проникающий через потолочное окно, затканное сетью вьюнков, позволял теперь видеть только темную фигуру в углу да еще фосфорические блики глаз, светящихся, как у горбатого кота.

— Ты каждый раз называешь себя рыцарем. Что означает это звание?

— Так именуют на моей родине тех, кто с мечом в руке и благородством в крови являет собой образец силы, отваги, верности, приятности в обличье и умения повелевать. Рыцарь не нанимается в услужение, но, будучи приглашен в дом равного ему, всегда готов помочь мудрым советом или добрым ударом.

— Охо-хонюшки-хо-хо... — Амант принялся чесаться с удвоенной силой, по комнате прошла волна потного духа, прямо как от смрадного сёкося. — Это ты-то приятен обличьем... Ну ладно. Послушаем, как там насчет советов. Что бы ты мне сказал, поглядев на моих воинов?

— Прежде всего ты напрасно обучаешь их драться на ровном дворе. Когда нападут враги, им придется прыгать через бревна да камни, а может, и уже павших топтать. Так что прикажи накидать на двор всякого мусора да кукол тряпочных, а там погляди, как твои рубаки оступаться да промахиваться будут.

Наступило молчание — амант переваривал услышанное.

— Совет дельный, — проговорил он совершенно чужим, безразличным голосом. — Поглядим насчет удара. И чем это ты собираешься его нанести?

Харра не нужно было долго упрашивать — взмах левой руки, и драгоценный его меч взметнулся в приветственном движении, каким обмениваются рыцари, готовясь к потешному поединку во славу своей возлюбленной. В последнем у Харра никогда недостатка не было.

Жаль только, в темноте этот амант недоверчивый не сумеет как следует разглядеть золоченый клинок... Словно подслушав эту мысль, амант приподнял какой-то колпачок, на который Харр и внимания не обратил, и прямо ему в живот уперся узкий луч света, сжатый чуть ли не в нить золоченой вогнутой поверхностью. Лучик поплясал на ножнах, переместился на меч. По комнате побежали призрачные блики.

— Спрячь, — тем же равнодушным голосом велел амант, быстро прикрывая светильник колпачком. — Оружье сгодится.

И снова наступило молчание, теперь уже в почти полной темноте.

— Значит, колдовству ты не привержен, а мечом ты оборужен таким, какового и у меня нет, — спокойно констатировал амант, и у Харра защемило под ложечкой — уж не дал ли он маху со своим простодушием...

Гостеприимный его хозяин зашелестел пристенной листвой, и в тот же миг на Харра сверху обрушилось

что-то трескучее, холодное, но не тяжелое — словно тысяча ящериц разом побежали по голове, рукам...

Сеть. И такое с ним бывало, ловили — набрался опыта. Самое главное — не рвануться, не запутаться сдуру.

— Что, играть со мной вздумал? — как можно спокойнее и насмешливее проговорил он, одновременно ловя губами узелок сети, чтобы распознать, что к чему.

Он правильно понял, что ловушка-то не простая — сеть была сплетена из бечевы, на которую были на- низаны бесчисленные каменные колечки, зелененые, поди, И гибкость сохраняется, и разрубить такую, если верить Махидиным рассказам, никаким мечом невозможно. Да и меч за правым боком — пока будешь доставать, амант сеть затянет натуго.

— Ну и что теперь скажешь, рыцарь? — насмешливо прозвучало из темноты.

— А то скажу, что гостем я был учтивым, а вот ты неприветным хозяином оказался.

Амант резко поднялся и, шагнув вперед, очутился с Харром почти что лицом к лицу — вернее, подбородок к макушке.

— И еще скажу тебе, амант, — продолжал Харр как не бывало. — Не ладно ты стал. Двумя ногами толкнушь и прыгну, сеть не помешает; а с ног тебя собью, так и придушу, я ведь тяжелельче.

Амант засопел, но не отступил. Харр понял: а ведь подмоги-то рядом нет. Но тот не шевельнулся.

— Ты мне вот что скажи, — амант перешел на приглушенный шепот, — за яйцом пришел?

Харр опешил:

— Да на кой хрен мне твое яйцо? Я уж и поза-втракал, и отобедал.

Амант наконец отступил, снова опустился на свою подушку. Видно, задел какой-то шнурок, потому что сеть дернулась, и Харр, потеряв равновесие, плюх-

нулся на пол. Падая, успел наполовину обнажить меч, но хозяин этого не заметил.

— Ну-ну, посиди, подумай, может, что другое отведишь.

— И ты посиди, хозяин мой благостный, вдвоем-то веселее. А то и спой мне, я ведь тоже петь горазд; у нас такие рыцари, что и петь еще мастера, менестрелями называются.

— Я тебе попою, менестрель...

Но в тишине, которая затягивалась с каждым разом все дольше и томительнее, становилось ясно: амант не знает, как выпутываться из создавшегося положения.

Не бывало, как видно, у него такого, чтобы пленник в сетях не бился, пощады не просил.

— Если скажешь, кто тебя послал... — завел было амант старую песню, но в это время кто-то бесшумно скользнул в комнату — судя по росту, прежний мальчонка.

— Возле дома девка бьется, кричит, что... — начал он, но амант, протянув руку, дернул его к себе, и все дальнейшее Харру услышать не удалось — отрок шептал на ухо.

— Так, — мрачно проговорил амант, — девку в подклеть, завтра сам ее допросишь — пора тебе учиться. Ступай.

Мальчик вышел, зыркнув на сидящего на полу менестреля рысьим глазом. Амант молчал, но сейчас Харр просто нутром чуял слова, которые вертелись на языке его пленителя: «Просто не знаю, что мне с тобой делать...»

Но вместо этих слов он услышал другое: дробный, неблагозвучный перезвон колокола, захлебывающегося в торопливости сигнала нежданной беды. Амант вскочил, ни секунды не раздумывая взмахнул рукой — свистнул клинок, и натяжение сети ослабло, видно, он перерубил шнур, ее стягивающий. Харр медленно распрямился, принялся со всей осторожно-

стью освободиться от упругих пут. Когда это ему удалось окончательно, в комнате уже никого не было. Он выхватил меч, взмахнул им для пробы — зелень, плохо различимая в полумраке, с живым писком разлетелась под ударами, словно пух из распоротой подушки. Ничего, рука затечь не успела. Не убирая меча, Харр ринулся к винтовой лестнице. Где-то в глубине затихали грохочущие шаги. Слетел птицей, перемахнул через опустевший двор. Выход нашел собачьим чутьем, выскочил на порог — перед домом никого не было, значит, Махиду уже успели внутрь затащить. Лады, она в безопасности. За спиной что-то загромыхало — дверной проем задвигали массивной плитой. Тоже хорошо.

Он побежал наугад, все явственнее различая шум разгорающегося боя. Незнакомые ему переулки петляли меж домов, где ни один не был похож на другой. Город был безлюден, накрепко затворен, и спросить, где тут жилище рокотанщика, было просто не у кого. Но, судя по отдаленности звуков, самого страшного еще не произошло — нападающие в улицы не просочились, их отбивали на стенах. Строфион их задери, раззяв, не могли по верхнему ребру острых тычков насажать!..

Натужное жужжание сбило его с толку — вроде не стрела, не дротик; он на всякий случай прынул в сторону; громадная пирль, величиной с ладонь, слабо светясь, пролетела мимо над самой землей, направляясь на шум битвы.

— Во, тебя там только, стервятницы, и не хватало! — ругнулся Харр, но двинулся бегом за нею, положившись на ее чутье. И не прогадал: в лиловатом тумане еще не отгоревшего заката он увидел впереди невообразимую свалку человеческих тел, сцепившихся врукопашную. Кто-то, громыхая щитом, откатился прямо ему под ноги, скрючившись и завывая от боли. Другой, присев, кошачьим прыжком ринулся на не-

го — Харр отбил ногой, потому как еще сомневался: а вдруг ударит своего? Но удар получился с разбега и под дых — похоже, смертельный; неумеха отлетел в сторону, как куль, и шмякнулся оземь, задирая босые ноги. Ну, слава тебе, незакатное, — не свой. Подкоряжный. Теперь ясно, как их различать — нападавшие были не обуты. Руководствуясь сим немудреным опознавательным признаком, он сдернул с опрокинутого навзничь стража какое-то косматое чудовище, врезал ему в лоб рукоятью меча, отшвырнул. Огляделся, кому бы еще помочь, увидел бедолагу, на которого насели трое — оторвал поодиночке, пришиб тем же способом. Покрутил головой, изумляясь — до чего же легок тутошний народ! Любого одной рукой можно приподнять за шиворот. Со стены, к которой он, оказывается, подобрался почти вплотную, на него свалился еще один босоногий, повис на плечах, прижимаясь вонючим телом и жарко дыша прямо в ухо. Похоже, у него не было даже никакого оружия — надеялся добыть в бою, да не пришлось: Харр перехватил его за голову, перекинул через плечо и с такой силой ударил оземь, что темные брызги полетели прямо на белоснежные сапоги. Краем глаза заметил, что один из стражей аккуратно добивает палицей тех, кто валялся у него за спиной. Со стены прыгнули еще двое, и Харр отступил подальше, чтобы не искушать судьбу: лицом к лицу он теперь не побоялся бы выйти и на четверых, но вот сверху могли и ткнуть какой-нибудь самоделкой вроде заточенного рога. Он огляделся: вроде здесь уже справлялись и без него, но стена-то длинная, всю кругом не обежишь — может, здесь нарочно послали человек двадцать поплотше, чтобы стянуть поболее стражи, а в это время где-то молча и бесшумно перемахнет добрая сотня?

Он похолодел от неминуемости беды, припоминая, что соседний стан вот так же втихую захватили и перебили всех до одного. Выходит, числом одолели,

и сколько их там, за стенами, одной звезде лихой ведомо. Кстати, солнышко село, пора бы ей и подсветить малость.

Он утер пот, мимолетно оглядывая одежду — хорошо, порвать не успели. Да и меч пока чист.

— Где амант? — крикнул он стражу, добивавшему упавших.

Тот ткнул палицей куда-то вправо. Прямо из-под его дубины вынырнула рассерженная лиловая пирль и полетела в указанном направлении, Харр двинулся трусцой, дивясь тому, что и бегать по этой земле как-то непривычно легко, даже будь на нем кольчуга каменная, не сбился бы с дыхания. Обогнул дом, ближе всех подходивший к стене (не перескочили бы на крышу!), и сразу увидал двоих, сошедшихся для нештучного боя. Вот из этих двоих он, пожалуй, ни одного не смог бы поднять за шиворот, как давешних, — оба были кряжисты и, судя по топоту, увесисты. Один взмахивал светлым мечом и делал обманный выпад, тут же отскакивая назад; другой орудовал страшным топором на длинной рукояти и с размаху обрушивал удар на то место, где противника уже не было.

В том, что был с мечом, Харр успел распознать аманта. И еще подумал: пока подкоряжный замахивается, можно бы два раза достать его, если острие меча хорошо заточено — кольчуги на лесных налетчиках не водилось. Но то ли клинок у аманта был короток, то ли сам он решил не нарываться на неприятности, то ли просто играл с противником, но поединок явно затягивался, а у лесных жителей был привычный союзник: темнота.

— Эй, — крикнул Харр, подбегая, — дай-кось подмогну!

— Не лезь! — рывкнул амант. — Гляди и учись!

Он снова отпрыгнул, подбрасывая меч и перехватывая его, как дротик, и в тот момент, когда верзила занес свой топор над головой, с каким-то харкающим

звуком метнул тяжелый клинок прямо в горло противнику. Подкоряжник выронил топор себе же на голову, замычал и повалился, как куль. Страшное его оружие, брякнув, отлетело прямо под ноги Харру. Он машинально пошевелил было его сапогом — не тут-то было: топор был каменным, тяжести несусветной.

— Чего это ты за меня заступаться вздумал? — спросил амант, наступая упавшему на грудь и выдерживая свой меч, застрявший в позвонках. — Я ведь вроде тебя стреножил, а?

— Да о руках я твоих затревожился, — признался Харр. — Не окольчужены они у тебя нынче, поцарапать могут. Как рокотан тогда держать будешь?

— Хм... — изумился амант. — Тебе б тоже не мешало щит какой подобрать. Платье-то на тебе бабское, изукрашенное — тоже жалко.

Ну вот и нашли наконец общий язык.

— Где ж твои хваленые лихолетцы? — спросил Харр, уже заметивший, что среди обороняющихся что-то не видно вольнонаемных.

— А там, за стенами, втихую режут. Кто потом сколько пальцев представит, столько ножевых получит. А у тебя, погляжу, клинок пока чист — решил не марафты, что ли? Аль награда не прельщает?

— Точно. Не люблю крови без надобности. Куда теперь, амант?

— Куда, куда... Глаза разуй, тоже мне рыцарь!

Харр вскинул голову, направляя взгляд вдоль амантова клинка, указующего на ровный срез стены, чернеющий на фоне угасающей лиловой зари. Ничего не увидел, кроме полудюжины пирлей, призывно попыхивающих призрачными огнями. Но амант уже мчался туда, и Харр припустил следом, слыша за спиной топот подмоги. Одна из пирлей вдруг резко взмыла вверх, и тут же на стене означился горбатый силуэт ночного налетчика. Амант успел — принял его на меч, по своему обычаю не потрудившись даже

добить; похоже, он оставлял эту честь Харру, но и тот утруждаться не стал, тем более что знал теперь; следить нужно исключительно за светляками-падальщиками. Вот три из них в причудливом своем танце круто пошли вверх — на стену выползли трое, уже прижимаясь, с опаской. Затаились, глядя вниз, в черноту узкого проулка между стеной и каким-то амбаром. Харр вдруг совершенно отчетливо представил себе, сколь невидимы даже для них, привыкших к лесному полумраку, его тело и пепельного тона одежда; а вот снежно-седые волосы и серебристо-белые сапоги, наверное, видятся им как бы существующие сами по себе, что припахивало нечистой силой. Значит, нападут на аманта...

Но он ошибся. Все трое разом бросились на него, но одного, кто чуточку упредил своих дружков, он мощным строфионьим ударом вмазал в стену, а двоих других поймал еще в воздухе и грохнул их головами один о другого — точно яйца лопнули. Харр знал, что руки у него, как и у всех его сородичей, не в пример слабее громадных ног, но в этом приеме все решала скорость. Да и стражники уже подбежали, чтобы добить оглушенных.

— Эх ты... — с каким-то недоуменным восторгом пробормотал амант, чуть поодаль наблюдавший за Харровым действием. — Силен!

— Научу, — коротко бросил Харр, вдруг подумав, что хорошо бы этого аманта на одну преджизнь закинуть в Бирюзовый Дол, командоровым дружинникам на выучку. Но эта мысль была сродни сказке, так далеко теперь отодвинулся недостижимый Джаспер, и Харр мотнул головой, прогоняя ее, чтобы не мешала в этом слишком реальном, хотя и не страшном ночном бою с лесными варварами.

— Что, зацепило? — вдруг с неподдельной тревогой спросил амант, по-своему расценивший его движение.

— Да нет. Ты вели, амант, куда дале бежать-то!
 — Ты зови меня Иддс. Вдоль стены пойдем караваном, а этих двоих как-нибудь лихолетцы мои приглубят, пирлюхи им укажут.

Светляки-падалицы, действительно, медленно сползли куда-то за стену, словно цепляясь за быстро темнеющее небо. Звезды уже проклюнулись, но лихой, зелено-отравной, Харр меж ними не приметил — должно, за амбаром пряталась. Амант махнул стражникам, и они сторожким шагом, чутко прислушиваясь к застойным шорохам, двинулись в обход города.

— Что думаешь? — как равного, спросил амант Харра, шагавшего с ним плечом к плечу.

— Думаю, уж слишком все просто получилось... — Он не успел закончить, как из-за угла молнией вылетела пирль, свечкой сиганула вверх, и Харр, успевший выставить перед собою меч, прежде всего услышал странный хлюпающий звук, точно громадная рыбина билась-прыгала на берегу. И бесформенный ком напоролся на острие с заячьим вскриком.

— Ты гляди-ка, Иддс, — изумился Харр, ногой по привычке отбрасывая подкоряжника. — Он же мокрый!

— Да не он один. В темноте-то не все на берег выпрыгивают, есть и такие, что прямо в воду бултыхаются.

Только тут Харр сообразил, что лесные бродяги спускаются по той же воздушной лесенке, по которой Махида доставила недавно и его самого; как видно, знал об этом и амант.

— Шли бы дорогой — их уже тут была бы тьма тьмущая. Но в лихолетье по дорогам змеиные заслоны ставят да ямные ловушки копают, вот они и поостереглись. Да ты не радуйся, эти — самые глупые, первыми сунулись, решили до яйца дорваться, скудоумки скоробогатые. Вот когда за ними уже матерые ползут, тогда и начнется настоящая потеха...

— А чего ждать-то? Дай мне десяток стражей небоязливых да охапки две коротких копий. Подстережем.

— Кто же тебе, шалому, ворота-то ночью отворит?

— А мы — через стену.

— А ворочаться как будешь?

— Вот рассветет, ты нам подмогу и пришлешь. Кто в живых будет, тот найдет, как вернуться.

Иддс некоторое время глядел на Харра, по-бычьи наклонив голову и уперев в него кошачьи светящиеся глаза, потом резко махнул рукой — подскочил страж; амант начал шептать ему на ухо — ясно, что не по сомнительности, а в силу привычки. Посланный умчался, спотыкаясь в темноте, и тихрианский рыцарь снова подумал, что придется ему самому взяться за боевые учения и погонять амантовых молодцев в хвост и в гриву, по бездорожью да по темному времени. Если, конечно, лихая судьба не прищучит.

Гонец уже возвращался, тяжело топоча, — тащил за спиной связку не то дротиков, не то толстых стрел (хотя луков что-то ни у кого не наблюдалось). За ним трюхала дюжина служивых, тоже кое с чем. Видно, не богаты были боевые припасы в беззаботном городе.

— Ну, ежели через стену, то давай здесь, — командовал Иддс, подбирая с земли оброненный кем-то щит и перебрасывая его Харру. Тот хотел было возразить, что непривычная тяжесть ему только помещает, но вовремя сообразил, что препираться сейчас не стоит. Между тем по амантову приказу несколько стражей пригнули спины и прикрыли их щитами; сверху взгромоздились еще двое, образовав нехитрую лестницу. Харр махнул рукой, подражая повелительному жесту аманта, и дюжина отборных бойцов (надо думать, небоязливых, как он просил) принялась карабкаться по щитам, забираясь на стену и не слишком шумно сигая вниз. Харр придири-

чиво оглядывал каждого, насколько позволяла темнота. Один из последних показался ему что-то чересчур щуплым и низкорослым; Харр перехватил его поперек живота — глаза бешеного котенка так и сверкнули, точно прокалывая насквозь.

— Эй, Иддс, придержи-ка мальчика! — крикнул он, отшвыривая мальчишку прямо в руки аманту; тот поймал его, пригнул и зажал между ног. — А я пошел. Эй, служивые, крепче щиты держите!

Он полез наверх; сел на ребре стены, свесив ноги наружу, прислушался: где-то далеко слева послышалось смачное «плюх!», а справа короткий всхрип, похоже, для кого-то последний. Он уже хотел было прыгнуть в темноту, как сзади раздался голос аманта — неуверенный, чуть ли не оробевший:

— Слышь-ка, певчий рыцарь (помнит, шельмец!), а правду твоя девка сказала, что это ты лихую звезду притушил?

Харр задрал голову, оглядывая ночное небо, — и верно, на том месте, где несколько дней назад злобно лучилось новоявленное ночное светило, теперь кротко мерцала крупная изжелта-зеленая звезда, не более страшная, чем полевой лютик.

— Так ты все-таки чародей? — совсем тихо донесся из-за спины голос предводителя городской стражи.

Харру даже жалко его стало. Ну не крутить же ему мозги посреди побоища, в самом деле!

— Да плюнул я на нее, и вся недолга! — засмеялся он. — И вот еще что: руки береги.

Он прыгнул вниз, зорко поглядывая по сторонам: не затеплится ли падалицик-указчик, выявляя притаившегося врага. Нет, прав был амант, первыши-торопыги воинами были никудышными и позволили себя перебить без лишних хлопот. Тем больше оснований было у немногочисленного отряда поспешать к месту их переправы. Хлюпая по непролаз-

ной грязи станового предместья, Харр старался не отстать от своих ратников, уверенно пролагающих свой путь по ночному лабиринту; его спасали только длинные ноги. Наконец скопище глиняных хибар и разных кружков тесно посаженных деревьев уступило место непролазным прибрежным кустам, через которые продиралась к воздушной лестнице узкая, полузатопленная недавними ливнями тропинка. Харр чувствовал, что они на верном пути; уже раза два впереди, в голове его отряда, слышался лязг оружия и вскрики — это на скорую руку убрали встречных. Но вот, обгоняя цепочку воинов, над их головами пронеслась пара жужжащих пирлей, и одновременно с шумом полноводно разлившегося ручья Харр уловил шум нешуточной схватки.

Оттолкнув шагнувшего впереди, он выскочил на прибрежный песок, еще в прыжке безошибочно нацеливая меч на выползающего из воды подкоряжника, над головой которого ошалело крутилась еще совсем махонькая пирлюшка.

— Посторонись, милая, как бы не зашибить... — Тут уж пришлось позабыть о своей нелюбви к кровушке — ударил так, что снес полголовы.

Зеленая пирлюшка круто взмыла вверх, и Харр, подняв голову, углядел пять или шесть подкоряжников, норовисто скользящих вниз по лестнице, — вернее, видны были не они, а остервенело нападающие на них светляки; им даже удалось напугать одного из налетчиков настолько, что тот разжал руки и с приглушенным воем полетел прямо в воду — видно, пирль угодила ему прямо в глаз. Но остальные, достигнув нижней перекладины, успевали откаться и перепрыгнуть на песок, но их принимали на мечи или давили щитами; кто-то немилосердно завыл, как могут кричать только те, кому попали в живот. Харр крикнул:

— Не кончать! Пусть повоюет.

Ратники попались бывалые, поняли с ходу — еще паре-другой выпустили кишки, и берег огласился такими воплями, что спускающиеся невольно замедлили свое движение.

— У кого запасные копыя, дротье — быстро втыкайте в песок да в воду зайдите, дно цепкое, удержит! — крикнул Харр. — Да в стороны подайтесь, они одной лесежкой не обойдутся!

Ратные опять сообразили — налегая по двое, втискивали негнувшиеся древки копий в вязкую почву, кто-то возился на мелководе разлившейся речушки.

— Есть еще место, где могут спуститься?

— Не, — уверенно подал голос кто-то постарше, — вверху край осыпчивый, только тут твердо; а ежели возьмут подальше, то в колючую ежумниху угораздят, из нее не выбраться, гад слизнячий зажалит.

— Полагаешь, точно дорогу знают?

— Да не иначе, как кто-то беглый из нашего же стана направляет... Чу, пирли-матицы ворога кажут!

Откуда только взялась — разномастная светящаяся стая мерцающим потоком устремилась ввысь, к подножию невидимого отсюда Успенного леса; похоже было, что подходили основные силы противника.

— Эй, кто успеет — подрубай сзади себя кусты, чтоб отскочить можно было! — крикнул Харр, запоздало радуясь, что из его людей не poleg еще ни один.

Но дело было уже сделано — берег и мелководе ошетинились смертоносными острями, беспорядочно натырканными на добрых двадцать шагов влево и вправо. Харр рубанул за собой ветви, прыгал на них, уминая, — не так чтоб очень-то ладно, но сойдет. И тут же услышал змеиный шелест; сверху разом слетели, разворачиваясь, упругие травяные веревки.

— Затаись! — скомандовал Харр. — Без приказа не бить!

По веревкам спускались умело — сразу видно, не чета первым-то скороспешникам! Зависли над водой, оглядывая берег, но мельтешащие вокруг них пирли не позволили бы им хоть что-то рассмотреть даже тогда, когда вовсю сияла лихая звезда. Не заметив засады и, видно, предположив, что истошные крики — следствие переломанных рук и ног, как бывает при неумелом прыжке, они разом раскатались и по громкому «хэк!» — видно, командир был в первой партии — попрыгали на светлеющий песчаный берег.

И тут началось то, о чем Харр впоследствии не стремился припоминать, исключив эту ночь из собственных ратных подвигов.

Это была бойня. Первых, поголовно напоровшихся на гибельные торчки, забили беспрепятственно и покидали в воду, на стремнину, благо полноводье тому способствовало. Следовавшие за ними, услышав явный шум короткой схватки, на всякий случай изготавились, но не шибко — не сомневались, что перевес был на стороне своих. Но и с этими затора не вышло. Беда была только в том, что забивать-то сыпавшихся сверху налетчиков забивали, да вот новые копыя, взамен поваленных да унесенных водой, заново втыкать не успевали. Росла и гора тел, заслоняющих острия, и Харр понял, еще немного — и те, что нескончаемой вереницей скользили по крученым веревкам, будут беспрепятственно приземляться на гору неубранных тел, как на перину. Тогда, уловив того, кто миновал поредевшее заграждение, он сшиб своего пленника наземь, приставил к горлу острие меча и свистящим шепотом пообещал:

— Отпущу плыть небитым, крикни только вверх, чтоб не перли больше, засада, мол!

Пленник было трепыхнулся, но, ощутив на себе небывалую тяжесть тихрианского веса, набрал полную грудь воздуха и послушно заорал:

— Не-ку! Не-ку!!!

— Не-ку! — жалобным, дребезжащим голосом подхватил Харр, не сомневаясь, что подкоряжник на своем лесном жаргоне сказал, что велено.

И точно — двое еще по разгону плюхнулись вниз, но кто-то уже на полпути запнулся, приостановив скольжение в смертельную темноту, а затем концы веревок замотались, поддержнулись -- и исчезли.

Обрубленная десница с треском рухнула вниз, цепляя перекладами за кустарник, угнездившийся в трещинах обрывистого склона.

— Надо же, отбились, — с некоторым изумлением проговорил Харр, все еще прижимавший коленом мокрого пленника. — Эй, вонючка подкоряжная, как думаешь: полезут еще твои в нынешнюю ночь?

— Ни в жисть! — с готовностью просипел тот.

— Ну ладно, обещался — так плыви.

Харр поднялся, пнул его ногой — подкоряжник утицей влетел в воду и тут же исчез, видно, нырнул, опасаясь, как бы все-таки не доби́ли дротиком.

— Как же, уплывет он! — с недобрый смешком отозвался кто-то из своих. — За поворотом выползет, обсохнет — и к нам.

— Да не должен бы — ученый уже... — засомневался Харр.

— В драку не полезет, это точно, — степенно подал голос тот, что объяснял Харру про возможности спуска сверху. — А завтра наймется в лихолеты, это как пить дать.

— Это что, против своих?

— А нет у них своих-то. Один другому — зверь голодный, кто первый упадет, от того будут куски рвать.

А ведь и вправду — на копыта валились, и ни один не крикнул наверх, чтоб поостереглись.

— Коли так, то ведь и нам соврать мог. Досидим до солнышка, а то вдруг снова наявятся. С другой стороны, амант ваш уже услышал, поди, что все стихло, — авось подмену пришлет.

— Не придет, — равнодушно отозвался пожилой стражник. — Уговору не было.

Ни смёны, ни подмоги амант, разумеется, не прислал. С первыми лучами зеленоватого солнышка притопали к воротам; страж, прятавшийся наверху, за массивным колоколом надвратным, придирчиво их осмотрел и только тогда дал знак, чтобы отодвигали щитовой заслон. Ворота приоткрылись на совсем узенькую щелку; Харр пропустил всех вперед, придирчиво оглядывая, нет ли урона: поцарапаны были четверо, но легко. Последним шел пожилой.

— Ты вот что, — остановил его Харр, — скажи аманту, чтоб раненых заменил, колья да остроги послал ставить засветло, а на большой дороге ловушек соорудил пару-другую, не менее. А я спать пошел.

Сказал и тут же пожалел: слова были неосторожны, так ведь и сглазить недолго. Ежели подкоряжники добрались до Махидиноного жилья, то надо еще будет искать нового пристанища.

Он круто развернулся и зашагал прочь, отыскивая глазами следы ночных потасовок. «Ишь, лихолетец, а распоряжается», — услышал он за спиной шепот привратного стража. Ворочаться и внушать к себе уважение наиболее доступным страже образом что-то не хотелось. Он быстро добрался до знакомого проулка, так и не увидев ни одного валявшегося тела — видно, перехвалил амант своих наемников, отсиживались они ночью, предпочтя целую шкуру каким-то обещанным ножевым. Дом Махиды был пуст и нетронут — в самом деле, не мог же Иддс отпустить девку на ночь глядя, да еще на какую ночь! Ладно, пусть утречком за счет аманта покормится, а там уж разбираться будем.

Он скинул на пол провонявшую потом одежду, повалился на трудовое девкино ложе и, едва прикрыв чресла ласковой шкуркой, захрапел на добрые десять дворов.

Пробудился он от щекочущего ноздри запаха — со двора тянуло жареным мясом, обильно приправленным незнакомыми пряностями. Первое, что бросилось ему в глаза, — ведерный кувшин, стоящий возле постели, и только потом — сама хозяйка дома, сидящая на пороге, подставив лицо солнышку. Три ряда новеньких блестящих бус отягчали ее шею.

По тому, как чутко обернулась она на слабый шорох, как кинулась к нему пастушкой, как заплескались по его телу тревожные ладони — не ласкали, а бережно выискивали следы недавнего смертоубийца, — Харр почувствовал что-то новенькое: кажись, перестала она видеть в нем гостя захожего, обнимала как мил-друга ненаглядного. Повысила в звании, одним словом. Харр запустил пальцы под туго заплетенные косички, заглянул в чуть косящие лютиковые глаза:

— Ну как, допросил тебя амантов малец?

Нижняя, и без того сочная губа выпятилась, носик, блестящий, тонко обжаренный желудь, забавно сморщился:

— Так это кто кого допрашивал...

Харр только головой покачал:

— Ох, стервушка, малолетка не пожалела!

Махида так и вскинулась — взыграла профессиональная честь.

— А я что делала? Токмо и жалела. Погоди, он еще ко мне по воле вольной придет-прибежит, как подрастет чуток... — и запнулась, спохватившись.

— Да ладно, не оправдывайся. — Он притянул ее к себе, и это движение тут же отозвалось в каждой пяди его тела памятью о недавних боевых тяготах; и тут же, как тень от блеска оружного, из той же самой боли-бремени поднялся неподвластный разуму черный хмель самой что ни на есть звериной похоти. И почему это каждый раз после драки вот так разбирает, ну прямо хоть к ножнам прикладывайся?

Но только ножны, слава Незакатному, не потребовались — Махидушка была уже под боком, стелилась, шелопутная, точно травушка шелковая...

Все путем. Чести не навоюешь — сласти не сподобишься.

Только вот со второй переменной на застолье любо-страстном заминка вышла — не ко времени припорхнула Мади:

— Во всем стане кличут... Ой.

— На дворе погоду! — гаркнула на нее подруженька.

Похоже, не впервой было рокотанщиковой внученьке вот так пичугой пуганой вон вылетать. Может, и прав был ее сивый дед, что заказал ей дорогу на блудный двор?

— Ладно уж, — сказал Харр, натягивая порты. — Самой, поди, не терпится амантовыми подарениями похвастать! Эй, умница, иди, полдничать будем.

Мади появилась как ни в чем не бывало, даже не покрасневшая, уселась на привычном месте, глядя сладкоголосому рассказчику в рот — не за угощением пришла, за сказками.

— Ну, так что там во стане твоём сказывают? — упредил он ее — пусть сама язычок разомнет.

— Что ты, господин Гарпогар, звезду-лихолетицу пригасил, что войско несметное порубанным по воде спустил, что дары бесценные за то от всех трех амантов получил...

— Как же! — взвилась Махида, за минуту до этого готовая похвастать небывалым богатством, в котором была хоть и малая, но и ее личная и вполне заслуженная доля. — Держи карман — дары! Горстка грошиков да урыльник с вином прокисшим...

Про грошики-то он, между прочим, впервые услышал.

— И по воде, право дело, не всех-то спускать было надобно. Пару-другую и в куст можно было

закинуть, до утра. — Махиду уже понесло, удержаться она не могла. — А сейчас мы бы их достали — в проулках-то, поди, ни одного поганца пришибленного не осталось!

— Уже подобрали, — вздохнув, согласилась Мади. — В одном тупичке только и нашли вроде, так там несколько старух сцепились...

— Стойте, стойте, девки. — Харр потряс головой, стараясь представить себе, о чем речь. — На хрен мне дохлые подкоряжники?

— Тебе, может, и в лишку, а я за амантовым столом не сиживаю, так что стащила бы их к свинарям, мне за то к Белопушью, может, цельная свиная нога перепала бы. А не то и поросенок.

— Не понимаю, — искренне признался Харр. — Что, свинарям мертвяки прислуживают?

Обе подружки так и прыснули.

— Во-во, прислуживают, — подтвердила Махида, утирая губы тыльной стороной ладони. — В котле поганом. Свинари их порубят и чушкам наварят. Не пропадать же добру.

Слава Незакатному, пополдничать он не успел. А то прибирать бы Махиде свою халупу...

— Это кто ж у вас моду такую завел — людей свиньям скармливать?

Мади по обыкновению округлила золотые свои безмятежные глаза:

— Но ведь это не люди, господин мой! — И это таким детским, чуточку назидательным тоном, каким она могла бы сказать: «аманту надо кланяться» или «не сопливь два пальца — для этого зеленый лист надобен».

Харр почувствовал, что звереет.

— Я, между прочим, тоже не с неба свалился, из лесу пришел, даже хуже того — из болота поганого, бескрайнего; так что, может, и меня сонного порубить да скотине сравить, чтоб жиру поболее нагуляла? А? Кто человеком родился, тот человечьим прахом стать

должен, потому как одинаково солнце светит и сыну амантову, и подкидышу лесному. Равны они перед богом незакатным. В людской судьбе своей они рознятся, это правда, и от рождения до смерти каждый волен себе дорогу выбирать, но уж если пресекался путь его, нечестивый или праведный, — верни кости земле, чтоб солнце ясное их не видело, тленьем смрадным не гнушалось; смерти ночь предоставлена...

— А как же рыба? — невинным голосом спросила Махида. — Сам же принес, сам и потребил. А в ручье-то кто не топ!

Харр прикусил язык — а ведь права была девушка. И медвежатинкой он лакомился, а медведь, с тех пор как на нем ездить перестали, совсем одичал, из лесу выкатывался и не токмо скотинку да ящеру придавливал, а и человечинкой пробавлялся.

Оттого что немудреная задачка засела в мозгу, как орех ядреный, который пальцами не расколоть, Харр рассвирепел окончательно.

— Ни ручью, ни рыбине слизкой ума-разума не дано! — рявкнул он, остервенело вбивая левую ногу в правый сапог. — А человека бог на то и тварью мыслящей сотворил, чтобы он честь и совесть имел, чтобы он видел глупость несусветную в обычаях стародавних, чтоб имел понятие о том, что такое грех непрощаемый...

Он вдруг осекся, потому что сторонней мыслью оглядел и оценил себя как бы глядячи чужими глазами. Да солнцезаконник, и только! И как слова-поучения у него складно полились, просто диво! Никогда за собою такого не числил. Сказки-байки сказывал, это был его хлеб; но вот проповеди читать, да кому — девкам куцемозглым! Срам. На каждой дороге свои законы-обычаи, и не ему их перекраивать; вот и тут — наскучат ему Махидины ласки-милости, встряхнется он, как горбатый кот, ручей переплывший, и снова айда в дорогу, и на кой ляд ему заботой маяться о том, что у него за спиной остается!

Он рванул с распялки почищенный камзол, так что невидимые днем пирли посыпались вниз, расправляя спросонья свернутые крылышки.

— Чтобы духу свинины в этом доме не было! — Он выкатился на улицу, пожалев только, что не было в халупах тутюшних навесных дверей: так бы хлопнул, что живая кора от стволов отскочила бы.

Махида тревожно засопела, прислушиваясь к тому, как затихают чавкающие по непросохшей грязи шаги мил-друга ненаглядного.

— Ох, Мадюшка, отвадишь ты моего...

— Ты ж сама про рыбу удумала!

— Что я скажу, то мне ночью простится. Разговорчивый он больно, так я ж не встречаю! Вон надумал: равные все под солнышком. Ха, держи карман! Выходит по-евоному, если в Лишайном лесу сучка подкорежная кутенка синюшного скинет, так он равен будет тому младенчику, какового ты, к примеру, родишь?

Мади вздрогнула, точно ее кольнули под ребрышко.

— А я о птенчиках-пуховичках думаю: если вылупятся они у зарянки-звонницы в Лишайном лесу — и в гнезде на твоём дереве; так ведь не только солнышко теплое, ты сама, Махида, не отличишь, какой откуда...

— Ну, приехали. Задурил он тебе голову. Иди, скупнись-охолонись.

— Ты лучше дай мне листы мои, пока я не позабыла всего...

— Ой, да ты ж мне всю зелень перевела! А ходить к ручью мне теперича не с руки — готовить надо.

— Там, помню, краешек свободный остался, а, Махида...

Зато амант встретил не дурацкими разговорами — хлопнул по плечу, почуял под рукой влажный от пота камзол, надетый на голое тело, и велел невесту откуда взявшимся рабам — а по-здешнему телесам — от-

мыть гостя в кадухе каменной, выдать три смены одежды на всякую погоду да полную справу воинскую.

В зеленой широкой кадухе (было б желание — хоть девку рядом укладывай!) вода была горяча и масляна, но не душиста; тер его злобный раб в неснимаемом ошейнике, и тер люто, Харр только постанывал — полегче, мол. Царапин на нем не было, ушибы не больно тревожили, но кожа, черная и бархатистая, выдавала в нем не воина, а человека, который сам себе господин. Правда, господин не шибко богатый. Хрустальную цепь он предпочел снять, но зажал в кулаке — странно: уместилась. Прибежала девчушка малая, на сынка амантова похожая, не смущаясь аспидной наготы, расплела ему брови и расчесала ласковым гребешком — и растерялась, не зная, как обратно заплести, то ли вниз, то ли вверх. «Погодь, пусть просохнут» — сказал он и небрежным жестом девчушку отослал: не приведи бог действительно амантова дочка, а он от телесова рвения брякнет что-нибудь непотребное... Его окатили травяным настоем, растерли, выложили штаны новые, сапожки подрезанные, легкие (ох маловаты, а жаль — в командоровых-то жарко, хотя и безопасно для ног: их и с размаху меч не брал); потом верхнее — камзол безрукавный из кожи, насколько он понял, щенячьей шкурки, выделки отменной и, видно, нездешней; рубаха до колен желтоватая, небеленая, и, наконец, кафтан просторный из легкого рядна — по тому, как бережно его выкладывали, стало ясно, что такое ценят тут превыше всего. Харр, прихватив тесьмой на затылке волосы вместе с бровями, накинул рубаху, упрятал на всякий случай ожерелье поглубже, чтоб не звенело, и принялся примерять кольчуги, поножи и прочую снасть. Все было легким и несгибаемым, на ремешках — надевать долго, срубить, ежели по шву придется, проще простого. Надо будет что-нибудь придумать.

Вошел вчерашний малец:

— Государь-амант за стол кличет!

Харр оттянул рубаху двумя перстами, с сомнением на нее поглядел — в чем идти на зов пристойно? Но малец развернул широченное полотенце с дырой посередине, приподнявшись на цыпочки, попытался надеть его на Харра, да не достал; тому пришлось присесть. Харр сунул ноги в мягкоремненные сандалии и вопросительно глянул на юнца: все ли в порядке? Все было в порядке. И потопали они снова вверх по винтовой лесенке. Покой, правда, был не вчерашний — зелени по стенам много меньше, над головой небо открытое, подушки на полу и стол невысокий. Амант уже ел. В одиночестве.

— Садись, — как ни в чем не бывало проговорил хозяин, и малец подвинул к менестрелю большое светло-голубое блюдо — с такого четверых кормить.

Впрочем, перед амантом стояло такое же, изрядно уже приукрашенное обѣдками. Само собой разумелось, что накладывать себе Харр должен был собственноручно. Амант, вытерев руки о такое же необъятное полотенце-укрывалище, что и на Харре (только неотстиранных пятен, пожалуй, было поболее), взял дымящуюся лепешку, какой-то рыжий плод, показавшийся Харру наливным яблочком, и коротким обеденным кинжалом размазал яблочную мякоть по румяной корочке — просто удивительно: мазалось, как сметана; накидал сверху мяса с разных подносов и протянул через плечо мальцу. Тот принял как должное, даже не поблагодарив, отступил и уселся у гостя за спиной. Что-то звонко брякнуло об пол — не иначе как мальчишка положил рядом с собой нож. И нешуточный.

Да, воспитание амантов сынок получал достойное, не то что ручьевый последыш.

— Отоспался? — неожиданно спросил амант.

Харр понял; это значило — готов снова в дозор?

— Стол у тебя богатый, Иддс-амант, — ответил он с сожалением, и хозяин тоже перевел это пра-

вильно: жалко, перед возможным боем набивать брюхо не годится.

Гость действительно отломил краешек лепешки и взял длинный кус вяленой козлятины.

— Вина глотни да орегоками червлеными зажуй, — посоветовал Иддс, — с них до утра прыгать будешь, как козлик взыгравший. Хотя у ручья теперь не больно попрыгаешь, я там велел столько кольев натереть — что травы некошеной.

— У ручья не стану, — степенно, как равный равному, отвечивал странствующий рыцарь. — Прошлой ночью оттуда никто не вернулся, так что остерегутся снова соваться. Они дорогу пытать будут, вперед опять дурней скороспешных выпускают.

Амант кивнул, соглашаясь:

— Ну, на дороге их тоже кое-что ждет.

Харр пригубил вина, делая над собой отчаянное усилие, чтобы не хлебнуть от души, бросил на зуб пару чищенных орешков с тоненькой алёй шелушинкой — во рту заперчило. Пришлось снова приложиться к чаше. Амант наблюдал за ним с откровенным доброжелательством, как смотрят на уже купленного боевого рогата чистых кровей.

— Сейчас твою рать ночную от сна подымать буду, — небрежно бросил Иддс, и Харр понял это так; а не удосужится ли гость дать какой-нибудь наказ-урок добрым молодцам?

— Гляну, — степенно отвечал Харр.

Не в его это было манере вот так отмеривать каждое слово, но он все время наблюдал за собой как бы со стороны и видел, что пока исправно играет роль бывалого воина; на шумных тихрианских пирах, когда ему приходилось тешить честных обедал своими байками, он и гукой скакал, и рогатом бодался, и задом вилял, как перезрелая караванница. Сейчас изображал того, кем, в сущности, никогда не был. Драться-то ему на своем веку приходилось

ох как часто — и мужья его пытались колом обжигать, и отцы-кормильцы кнут ременный на него припасали, а на Дороге Свиньи отбоя не было от разбойных шаяк; а уж озверелые вояки при дворе Полуглавого и вообще не в счет — задерганы они были капризами правителя донельзя и потому кидались выполнять любой бредовый приказ, как говорится, с семи глав — порой приходилось эту неумеренную исполнительность пресекать на корню. О потешных боях тут и говорить не стоило.

Но вот в настоящем сражении он участвовал всего один раз, когда Аннихитровы придурки по реке одолели междорожный лес и вломились на земли Оцмара. Тогда он помахал-помахал мечом (не этим — неуклюжей ржавеющей дубиной, коей он тогда так гордился), да и подался в лес, забрался в чащобу и укрылся на дереве. Два междымья просидел, из шишек зернышки выковыривал. Навоевался, одним словом.

Но всего этого Иддсу-аманту знать было не надобно, как не следовало ему и догадываться, что никакой особой доблести и умения на его земле славный рыцарь, приглашенный за щедрый амантов стол, и не проявил — просто ему было непривычно и необъяснимо легко, мог он и мечом ночь напролет без усталости махать, и прыгать с уступа на уступ на высоту, доселе недостижимую, и одной рукой поднимать легковесных здешних мужиков... Колдовство, наверное, но Харр, прирожденный странник, просто принимал все новое как данность, не очень-то задумываясь над причиной.

— Ну, пошли твоих храбрецов шустрить, — сказал амант, подымаясь. — Заспались. Ты им перво-наперво покажи, как это у тебя получается ногой дух вышибать.

Харр кивнул, хотя сам вряд ли мог связно объяснить, как это у него выходило. Видно, надо было просто родиться тихрианином.

— Метки с глиной подвешу — насобачатся, — пообещал он.

Амант наконец не выдержал и, осклабясь, торжествуя потер бугрящиеся мышцами волосатые лапы:

— Не во зло звезда мне воссияла: думал лихолетца нанять, а получил наставника в деле ратном! Ты ночью-то себя побереги, в первый ряд не суйся — мне надобно, чтоб ты еще и мальчишку моего вышколил.

Харр невольно оглянулся на отрока — тот, прижав боевой нож локтем к боку, старательно вылизывал пальцы. Харр не выдержал, мягкой сандалией ткнул его под локоть — нож, естественно, вылетел, но малец поймал его на лету и молча кинулся на обидчика, так что пришлось поймать его за руки и держать, пока гордый отец отнимал у него оружие и давал демонстративного леща — не наскакивай на гостя, паршивец!

— Ты его без кольчуги-то не задирай, — предупредил Иддс. — Так займешься?

— Пока буду в твоём городе гостить — что ж не побаловаться.

— Это как понимать — пока?

— А я сам себе господин, разве ты позабыл, амант? Хожу из одной земли в другую, людей новых встречаю, обычаи неизвестные в память укладываю...

Амант засопел, и Харр пожалел о своей поспешной откровенности. Как бы защитник города не принял меры к тому, чтобы редкостный наставник не соблазнился в каком другом становище стражу обучать. Нравы тут дикие, если судить по тому, как здесь обходились с павшим врагом, и от честного служак, более всего радеющего о благе доверенного ему поселения, ожидать можно всего, чего угодно — или, точнее говоря, отнюдь не желательного.

— Так что я у тебя тут с десяток Белопуший насчитаю, а потом в другую сторону подамся, — на всякий случай пообещал он.

За спиной презрительно фыркнули — малец, не выдавший Харра в деле, похоже, не горел желанием обучаться у какого-то захожего бродяги.

— Ну, насчет десятка ты загнул, — засмеялся успокоенный амант, — столько тебя твоя девка не удержит. Я удержу.

Странствующий рыцарь почесал незаплетенную бровь — неприятности-таки наклевывались.

— Чтоб не скучал, я тебя, как лихолетье минует, приставлю караваны купеческие оборонять, там и насмотришься на чужие становища. Хотя, честно тебе признаться, ничего нового не увидишь; везде одна и та же срань, только цвету различного. А чтоб тянуло тебя обратно ворочаться, подарю я тебе хоромы каменные; да не радуйся, не сразу — заслужи да голову убереги. Богатством-жирком обрастать начнешь — против воли обратно потянет, жалко будет бросить. Эх я порешил, а?

Ну, амант, не знаешь ты настоящих странников — чем больше достатка-рухляди, тем более вои́н тянет. Испытал. Но Махидушке это оч-чень кстати придется...

— Смотри, амант, как бы во мне с твоих посулов заячья душонка не прорезалась! — отшутился он вслух. — А за девку мою не волнуйся — как бы она окромя меня еще половину твоего гарнизона не удержала!

Так, со смешками, неспешно двинулись вниз по винтовой лесенке — Иддс, как хозяин, впереди, отрок, точно обережник приставленный, на шаг сзади.

— Ну а как заскучаешь, я тебе еще девок пришлю, — пообещал расщедрившийся хозяин. — Хотя насчет поговорить с ними — это хреново, разве похабелю какой потешут...

— Ну почему же, — из вежливости не согласился гость, — у тебя в становище девки — что наши

законники образованные: и про обычаи расскажут, и меня про наши нравы расспросят.

— Ну и что же ты им рассказываешь? — кинул амант таким безразличным тоном, что Харр почувствовал: в Иддсе снова проснулось служебное рвение; это не допрос, но язык бы прикусить.

— Да всяко... О правителях славных, о боге дремлющем...

— И что за правители?

— И не перескажешь, до чего разные!

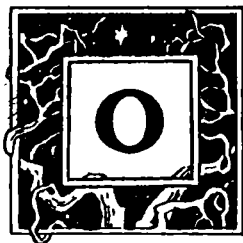
— А боги?

— А бог у нас един...

И замер — меж лопаток ему уперлось острие ножа.

V. ПОЛЕ ВСПАХАНО

и осторожно выпустил из горла задержанный воздух, понял: померещилось. Не нож это. Взгляд, что меча острее.

В изумлении несказанном повернул он голову и — глаза в глаза — уперся взглядом в амантова сына, тоже замершего двумя крутыми ступенями выше. Если до сих пор он только презрительно зыркал на непрошенного гостя, по-кошачьи отсвечивая болотным огнем, то сейчас глядел на него так, как сам менестрель в свое время впервые взирал на сказочный командоров меч.

С восторгом, надеждой... и, пожалуй, ожиданием.

Харр осторожно прикрыл веки, как бы говоря: погоди, разберемся.

— Эй, что застрял? — крикнул снизу Иддс, уже стоящий на зеленом покрытии ратного двора и сдирающий с себя засаленное полотенце.

Харр поспешно зашлепал вниз, на ходу освобождаясь от застольного покрывала.

— Ты давай облачайся. — Амант критически оглядел своего недавнего сотрапезника от белоснежного пучка волос на затылке, в который вплетались иссиня-черные пряди бровей, до пестрых, не иначе как из змеиной кожи, сандалий. — Вид у тебя не боевой, однако. А вечереет.

Харр опустил взгляд на собственное брюхо, так и оставшееся полупустым, по которому струились складки просторной рубахи, и мысленно с Иддсом согласился.

— На ручей все же послать бы кого, — проговорил он просительно, чтобы при посторонних не давать самолюбивому аманту прямых советов.

— Уже, — кивнул Иддс, продолжая его рассматривать.

— Ты чего? — не выдержал наконец Харр. — До мужиков охоч, что ли?

— Сказанул! — фыркнул амант. — Просто вчера мне в тебе померещилось что-то, а что, припомнить не могу...

Во семейка! То отцу что-то помстилось, то сынуле...

— Ну, давай команду, певчий рыцарь! Вот привязался — петь не дает, а дразнится.

— Знаешь что, — сказал Харр с досадой, — если вернусь подобиру-поздорову, будешь звать меня Гарпогаром.

А что и не вернуться было, когда настоящего боя не получилось. Вышли засветло, рядом с Харром шагала пожилой стражник, которого он про себя окрестил Дяхоном. Залегли по бокам дороги, не доходя до последней ловушки, указанной проводником, и дождались темноты; затем, уже хоронясь, обратались к ней вплотную. Сверху при дневном свете подкоряжным было видно, как амантовы телесы роют яму поперек дороги, копытами дно шетинят, потом

хворостом прикрывают и жухлым листом закидывают. Не знали они только, что за этой ямой поджидает их другая, заготовленная амантом стеновым прошлой ночью, когда передовой отряд бродячего войска так безуспешно пытался одолеть Харровых ратников, державших засаду на берегу ручья. Предводитель бродяг, если таковой у них действительно имелся, выслал вперед, как и ожидалось, добровольцев, подстегиваемых жаждой снять сливки при грабеже. Эти и устлали своими телами дно первой ямины, разметав прикрывающий ее хворост и черной нутряной глубиной, отчетливо видимой сверху при свете крупных звезд, обозначив опасность.

Вот тогда воровской главарь выслал умельцев с шестами, которые, заткнув за пояса самодельные (а иногда и настоящие, отнятые у застигнутых врасплох стражников) наостреннные ножи, разбегались по наклонной дороге, петляющей вдоль скального обрыва, и, оперев шесты в дно ловушки и добивая тем несчастных, уже оказавшихся там, перемахивали через зловещий проем — только для того, чтобы с размаху влететь в следующий. Во второй западные острия были понатыканы не простые, а багорчатые, так что если из первой потихоньку и начали выползать бедолаги, которых тут же приканчивали дротиками, то из второй не выбрался ни один.

Подкоряжники, прямо заходившиеся наверху от бессильной ярости, принялись сбрасывать сверху камни — так, на авось; уступы и повороты дороги задержали почти все, и лишь двоим стражникам не удалось увернуться, но и эти ушибы были не смертельны.

Харр позевывал, оценивая тупую несообразительность нападавших — он на их месте двинулся бы среди бела дня и как минимум попытался бы сверху поджечь город, но, слава незакатному, у бродяг были иные традиции.

Он вернулся к Махиде затемно и, чувствуя, что червленые орешки еще не утратили своей горячительной силы, учинил постельную баталию, с лихвой компенсировавшую ему стылую вахту на придорожных камнях.

Пробудившись, посетовал даже, что не заработал в эту ночь положенных за пролитую кровь ножевых, но только подумал — телес в дверь, и снова кувшин и зажаренная птица-лебедь с хрумчатыми колобочками внутри (то ли тестечко такое крутое, то ли орехи такие крупные) и — ого! целая горсть монет-зеленцов, которые он на сей раз прихватил себе в карман, оделив Махиду только одной. И так забаловал девку. А про дом городской, амантом посуленный, решил пока помолчать. Сейчас у него с государем стеновым лад-благодать, а ведь что далее будет — неведомо еще, какая ему вожжа под кольчугу попадет.

И снова только мысль промелькнула — Махида, кроившая из длинных кусков коры новые заслонки на оконные прорези взамен старых, покорежившихся от проливного дождя, в сердцах хлопнула себя по коленкам гибким лубом:

— Да что за жисть мне такая убогая присуждена — с корой мыкаться! Хоть до самых верхушек ею стволы оплети, а все равно каменного дома не получится. Ох и прав ты был, мил-желанный мой, что един бог на все про все надобен, уж у него-то я бы выпросила и домишко малый, да камен-зеленый, и слугу-телеса безответного, и еще кое-что, о чем тебе пока не скажу...

— Ты же говорила — есть у тебя какой-то там божок, личный в собственном твоём пользовании, вот и попроси у него, он ведь ничьими другими просьбами не обременен, — отмахнулся Харр, которому бабье нытье было горше перца водяного.

— Как же, попросишь у него! С мово корового проку — что с Мадиного пухового. Ты вот, жаркий

мой, на звезду-лихомань плюнул — и пригасил, так вот не расстарался бы ты...

— Вот что, — сказал он, подымаясь, — чтоб к тому часу, как я глаза открываю, кольчуга моя чищена была. Вразумительно?

Он и без ее поспешного кивка знал, что для девок такой тон — наиболее вразумителен.

— Налей вина и дичинки ломоть на лепешку кинь, мне сегодня недосуг — амантова мальчишку к мечу приучать буду. — Он решил подзатянуть узелки, чтобы не слишком садилась на шею. Да и от расспросов неплохо отдохнуть.

Он шел по извилистым проулкам предместья, дожевывая на ходу нежный кус лебяжьей грудки и где только можно срезая длинные прямые ветви, благо кустов и деревьев, не в пример городским улицам, здесь было предостаточно — в городе же, по странному его обычаю, вся зелень произрастала внутри домов. Он как раз набрал порядочный пук прутьев и уже успел очистить его от листвы, когда подошел к воротам.

— Эй, белоногий, — насмешливо окликнул его страж, — никак ты подрядился на амантову кухню хворост таскать? Надорвешься!

Общий хохот был беззлобным — стражи даже в лихое время умудрялись заскучать.

— Да нет, это я у своей любушки над постелью повешу, — отшутился Харр, — чтоб не гуляла налево, когда я в дозоре!

Шуточка была как раз по стражеву уму — ржали они до тех пор, пока Харру были слышны их голоса. А ему самому было уже не так весело: пока он разделялся с опавшими подкоряжниками в ночной темноте, он был героем; сейчас же, выставленный напоказ перед немногочисленным, но достаточно опытным по здешним меркам войском, он очень даже легко мог и мордой в грязь вляпаться.

Одна надежда — наследник.

Кстати, тот вдвоем с батюшкой уже прыгал на ратном дворе, размахивая своим недлинным, но хорошо заточенным и вполне боевым мечом. Как Харр и ожидал, обучение тут сводилось к поединку, где младший нападал, а старший только и думал, как бы не покалечить отрока.

К стене был прислонен кожаный мешок, из которого выползала голубоватая глина.

— Долго спал, — вместо приветствия констатировал Иддс, впрочем, без укоризны.

Харр молча поклонился — не шутки шутить нынче пришел. Мальчик тут же подбежал, присел на пятки, положил к его ногам меч — видно, так здесь определяют себя в ученики. Харр взял оружие, попробовал на большой палец — заточен он был, естественно, хреново, но рыцарь твердо знал, что начинать урок надо с доброго слова.

— Меч у тебя славный, — сказал он, не слишком таким образом покривив душой. — А не тяжел? Встань.

Мальчик вскочил, горделиво пошевеливая подкожным бугорком уже натруженной мышцы, которую у него на родине не без основания именовали мечеправной. Харр ткнул пальцем в упругую смуглую кожу:

— Живая?

— Ась?

Мальчик был так изумлен вопросом, что поглядел на собственную руку, словно под кожей, золотящейся, точно кожурка лесного ореха, была зашита лягушка.

— Ну, держи. — Харр кинул мальчишке меч костяной рукоятью вперед.

Как он и ожидал, цепкая рука ухватила его с такой силой, что косточки побелели. Вот и будет первый урок. Он нагнулся к куче камней и бревен, сложенной возле двери (ай да амант, ничего из его слов не позабыл!), вытащил палку средней увесистости и,

сложив собственный меч у ног Иддса, взиравшего на все с отрешенным видом, крикнул отроку:

— Как тебя звать-то?

— Завл!

— Ну, Завл, защищайся...

И пошел гонять его сперва лениво, а потом набирая и набирая лихость и следя только за тем, чтобы озверевший Завл, которому уже изрядно перепало и по ребрам, и даже по уху, не извернулся и сдуру не перерубил его дубину — тут ведь сгоряча и покалечить может. Но подросток, не привыкший к нападению — ох, папенька, дооборонялся! — уже позеленел от напряжения.

Харр внимательно приглядывался к его руке, стараясь ее не задеть, — может, хватит? Нет, еще чуток. И еще. А вот и попробуй повыше меч поднять... Он знал, как это бывает, когда всеми силами удерживаешься от того, чтобы левой рукой не поддержать локоть совсем уже онемевшей правой. Сейчас уже выбить оружие у Завла мог бы и воробей, только клюнь. Но Харр делать этого не стал, отскочил и палку опустил.

— Будет пока. Охолони.

И то сказать — пот так и катился по осунувшимся щекам, хоть бусы нанизывай. Харр вытянул руку и снова ткнул пальцем в мечеправную мышцу:

— А теперь — живая?

Мальчишка сглотнул, не находя в себе сил разжать губы. Прикосновения он не почувствовал, это было очевидно.

— Дрался ты справно, — похвалил его рыцарь, — но только толку от твоего мужества с гулькин нос, потому как сейчас, будь это бой взаправдашний, лежал бы ты уже с выпущенными кишками. Какая первая заповедь у настоящего бойца? А вот запоминай: от зари до зари бейся, а чтоб рука была свежа. Ты же ее так напруг, словно масло из рукояти выжимать собрался. Теперь оттереть бы ее не худо.

Это до Завла дошло — он запрокинул голову с полузакрытыми от усталости глазами и коротко свистнул. Харр проследил за его взглядом и увидел давешнюю девчурку, которая сидела на самом верху, на срезе крыши, и, болтая ногами, наблюдала за тем, что происходит во дворе. Услыхав призывный сигнал брата, она протянула руку, ухватилась за толстенную веревку, свешивающуюся от крыши до самого зелененого настила, и привычно заскользила по ней вниз, сверкнув голый попкой. Харр чуть языком не зацокал — не младенец же, в самом деле, а в ратном дворе порой бывает до полусотни стражей, мужиков в самом соку. Каким местом батюшка-то думает?.. Батюшка его сомнение угадал с лету, криво ухмыльнулся:

— У меня, между прочим, зеленые-то не только ошейники...

Харра аж мороз по спине продрал — это ж на всю оставшуюся жизнь!

Девочка между тем кивнула ему, как старому знакомому, и принялась сноровисто растирать братнину руку. Делала она это не только привычно — в ее общении с Завлом было что-то такое, что бывает у взрослых людей, объединенных одной тайной. И что-то не похоже было, что это — детские забавы...

Впрочем, уж его-то это совершенно не касалось. Пока круглозадая пигалица трудилась, приводя брата в норму, Харр набрал из мешка глины и сотворил на полу десять крепеньких кучек; в каждую воткнул прут.

— Что, рубить? — Завл так и рванулся из сестриных ручонок.

— Попробуй.

С норовом был малыш. И скорее всего, ему уже приходилось перерубать здоровые палки вроде той, что была у Харра в руках. А вот тоненькие пруты — нет. Подлая хворостина вздрагивала, завихря-

ясь ободранной корой, и укладывалась набок, приминая бороздку в мокрой глине. Завл чуть не плакал.

— Заповедь вторая, — с излишним, наверное, занудством проговорил новоявленный наставник, — прежде чем в бой ввязываться, оружие наточи да на шелковой нитке проверь.

Он круто повернулся на каблуке:

— Тебя, красавица, как кличут?

Пигалица по-взрослому повела тонкой бровью:

— Для своих я — Зава, а для опричных — Завулонь.

— Давай-ка, Завка, бери это полотенчико в зубы и чеши по-быстрому наверх; как влезешь, крикни погромче и кидай его вниз.

Завулонь какой-то миг размышляла — не обидеться ли? — но потом передумала и, послушно перекинув полотенчико через плечо и придерживая его зубами, проворно полезла вверх по висячей лесенке. Харр всеми силами удержал себя от того, чтобы не стрельнуть ей вслед блудливым взором. Вместо этого он подошел к аманту, наклонился за своим мечом и нравоучительно изрек:

— Вот гляди, как надо юного отрока обучать, когда я в отлукке буду.

Он стоял в непринужденной позе — во всяком случае, так могло показаться со стороны, — ожидая окрика сверху. Наконец пос ышалось звонкое «Эгей!», и он, молниеносно выхватив меч из ножен, подскочил к первому пруту, срубил его почти не глядя, легким козлиным прыжком перемахнул через бревно, срубил второй, обогнул грудь камней... Не успело полотенце коснуться утоптанного настила, как все десять прутков были срублены под корень, хотя для этого пришлось пересечь по косой линии весь двор.

— Это, как говорится, присказка, — улыбнулся Харр юному наследнику, взиравшему на его прыжки и увертки, как на плясунью или фокусника. —

Насобачишься на простой рубке — я тут еще и воинов понаставлю, и сетей понавешу. Не соскучишься. Ну, мы пошли вечерять, а ты еще поупражняйся можешь, только меч подточи.

Он подымался за Иддсом в обеденный покой, прыгая по ступенькам как мальчишка. Надо же — выкрутился! И самым неожиданным образом: от него ждали нешуточной боевой науки, а он взамен этого придумал игрище, а уж в этом-то он был мастак! И все довольны. Теперь он сколько угодно его сердцу будет забавляться с наследником, сохраняя при этом вид наисерьезнейший, а наскучит — оставит вместо себя Дяхона и подастся какой-нибудь караван сопровождать, амант ведь обещался.

Перспектива открывалась самая радужная.

— На дорогу сегодня не пойду, — предупредил он аманта, налегая на пироги. — Сяду с отрядом возле ворот, так чтоб до любой напасти было рукой подать. А ты разведчиков вперед разошли, можно и из лихолетцев.

— У нас пирлюхи — самые надежные разведчики, — отмахнулся амант. — Вчера, если приглядеться, их наверху мелькало видимо-невидимо, а сегодня одна-две, не более. Похоже, подались вонючки к Межозерью, не ждали у нас такой отпор получить. Но ежели и там им не отколетса, вполне могут по второму разу на нас попереть. Бывало.

— А обратно к себе в лес не уползли?

— И так возможно. — Амант тоже налегал на снесь, было видно — битвы сегодня ночью не ожидается. — Только у себя они не залягут, бабы ихние не дадут: ведь ежели поднялись, то значит, совсем нечего есть. Раненых бросят да на закат подадутся, к Медоставу Ярому. Ох и чуден нектарный стан, и аманты поют там не врозь, а втрое... Жалко будет, если гробанут.

Харр поглядел на него искоса, и ему почудилось, что солдатская душа аманта прикрыта не листовым

щитом, а плетеной кольчугой, и в крошечные дырочки нет-нет да и проглядывает что-то мягкое, розоватое, точно тельце улитки. До слез жалеет, а вот чтобы подмогнуть — так это маком, и в мыслях не затеплится. Вот и он подавать такую идею не стал, не его это земля, не его заботы. Еще накличешь хворобу себе на шею.

— Я вот о чем думаю. — Амант выбрал самый сладкий кус медового пирога и задумчиво покачивал им перед носом гостя. — Боюсь я в лихие времена выпускать на улицу владычицу дома моего. А она скушает. Ежели сегодня ночью тревоги не случится, приставлю-ка я тебя к ней обережником.

У Харра аж в глазах потемнело. Вот только холуйской должности ему и не хватало! Только намылился с караванами постранствовать...

— Аль не доволен? — изумился амант.

— Меня ты не спрашивай, мне в обережниках ходить не впервой, — умудрился вывернуться Харр. — А вот что ты доволен не будешь, так это я тебе наперед голову прозакладывать могу. Вот не поверишь: хоть бы раз мне с чести такой превеликой не бежать в темный лес, хорошо если не без порток. А уж было там что или не было, значения не имеет...

Иддс даже жевать перестал и молча уперся в гостя немигающими глазами цвета темного пива. Только сейчас Харр понял, что напоминало ему это лицо с двумя вытянутыми окружками смоляного волоса, обрамлявшими же глаз и часть щеки: ежели черное на белое поменять да три хохла на загривке вздыбить, то как раз получится голова диковинной птицы, обитавшей на крыше маленького замка принцессы Сэниа.

Амант сглотнул комок, застрявший в горле, и как-то не совсем внятно пробормотал:

— Слушай, я тебе как мужик мужику скажу — ты ж урод...

Харр только хмыкнул:

— А ты лет так через тридцать о том свою владительницу спроси; ежели ничего промеж нами не будет, так она тебе правду скажет, а вот если... хм... то и совет.

— Утопить бы тебя в блевотине, потрох ты свинячий! — захохотал амант.

— Не родился еще такой гад, чтоб меня с ног до головы обгадить, — примирительно проговорил по Харрада. — И кончим про владычицу дома. А вот дочку ты береги, шустр больно.

С тем и ушел к воротам, до смерти довольный, что и тут вывернулся. И пирог еще целый за пазуху прихватил, правда, незнамо с чем.

Ночь они прокоротали вдвоем с Дяхоном, прислонившись к теплой не по-ночному стене и поглядывая вверх, где, свесив ноги наружу, все время несли вахту два стражника, зорко вглядывавшихся в темноту: не зажужжит ли, наливаясь тревожным светом, вестник нападения? Но пирли иногда пролетали, со свистом рассекая влажный воздух — невидимые. Звезды мигали, чуть притушенные туманом, и никакой злобы не было в лучах скромной зеленоватой площадки... так светится глаз у сытого волка. Даже не верится, какой страшной она была всего седмицу назад.

— Кажись, минуло нас лихолетье, — задумчиво проговорил Харр, глядя вверх.

— А у нас никто и не сомневался, — отозвался Дяхон. — Звезда-то была зеленая, нашенская. Своих не обидела. А правду бают, что это ты ее пригасил?

— Врут, — уверенно сказал Харр, разламывая надвое пирог и протягивая меньшую долю старому воину. — Сама погасла. А что, у вас всякое лихолетье со звезды-страшилки начинается?

Харр предвидел, что рано или поздно ему зададут такой вопрос, и ответ был у него наготове: негоже, когда рядовые ратники полагают своего военачальника магом и кудесником — в решительный момент рази-

нут рты, мечи опустят и будут ждать от него чуда. А так — чести меньше, зато в бою вернее. Да и самому по ночам языком трепать не очень-то любо, лучше других послушать. Дяхон же, как многие бывалые воины, любил поделиться своими познаниями:

— Когда золотые столбы с неба в землю уперлись и на своде голубом четыре солнышка затеплилось, все зерно и у нас, и на нижнем уступе погорело... птицы на лету от голода мерли. Вот тогда орда подкоряжная вроде на Двоеручье двинулась, ан нет, стены-то были златоблестищем крыты, вот беда мимо и пронеслась, на Серостанье перекинулась. Зато когда над озером великим черный смерч гулял, Чернорылье спокойно спало, и точно — в Двоеручье всех начисто порешили, и отстраивать некому. Да и что говорить: зверя-блёва в том стане кормить хлопотно, солнцелик-цветок недолго цветет по весне, а наготовить его впрок надо на целый год, вот и выходит весь люд на поля с мешками. Подкоряжные их там и подстерегли...

— Выходит, каким цветом вашего зверя кормить, такова и отдача с него будет?

— А то!

— И что, каждый день его амант доит?

— Кабы каждый день, так он давно бы с голоду подох. Ему ж и в себя принять надобно. А менять цвет нельзя, каким с вылупления кормлен, таким весь его век потчевать.

— С вылупления... Значит, эта сука блевучая многолапчатая еще и яйца несет? То-то амант меня пытал, не за тем ли я в его город пожаловал!

— Не. Кобель у нас. Да и у всех остальных. А яйцо можно добыть только на Хляби Беспредельной, и не одну жизнь за то положить придется. Тайно притом, чтоб соседи не проведали, похитчиков не заслали.

— Тайно! — фыркнул Харр. — То-то и ты про него ведаешь, да и подкоряжники, похоже, не просто так сюда пожаловали.

Дяхон слегка отодвинулся, пробормотал:

— А я ничего тебе, лихолетец пришлый, и не говорил.

Голос монотонный, а слова сухие, точно деревянные чурки. Напугался, служивый, а показать страх фанаберия не позволяет. Сказал бы попросту: не выдавай, мол, браток.

— Подкоряжных, ясно дело, навел кто-то из тутошних, станowych, — проговорил Харр примирительно. — А что касаето меня, то запомни; я не лихолетец, аманту служить не нанимался и здесь по доброй воле.

— За дурака держишь? По воле...

Харр вздохнул и вытащил свой меч — даже при свете звезд был виден золотой чеканный змей, дивным образом протянутый посередке лезвия, и самоцвет на рукояти сыпал холодными ночными искрами.

— Видал ты такое у лихолетцев?

Дяхон шумно потянул в себя влажный воздух:

— Да ежели по чести сказать, то и у аманта не видал... — Харр уловил дребезжащую трещинку в голосе — так настоящий рубака говорит о добром оружии, которое ему не по карману, или законченный бабник — о девице, коя ему не по зубам.

Бродячий рыцарь не чужд был ни первому, ни второму.

— Так кто ж ты тогда? — тоскливо спросил Дяхон — простая душа, он никак не мог потерпеть рядом с собой чего-то неопределенного.

— Не поймешь ты, — отмахнулся Харр, уставший объяснять каждому встречному-поперечному, что такое «рыцарь». — Так что зови меня попросту Гарпогаром. И вот еще что объясни ты мне: а на что подкоряжным яйцо-то? Им что, так уж надобен в лесу их замшелом этот зверь-блѣв?

— Им-то? — изумился Дяхон непонятливости собеседника. — Им самим он на хрен не нужен. А вот ежели они его продали бы в тот стан, где собст-

венный зверь уже в летах, то получили бы столько, что вся их орда целый год кормилась бы. А по нынешним временам, может, и два.

— А что, корма подешевели?

— Яйца подорожали. Хлябь Беспредельную затопило, и надолго — разве не слыхал? Подкоряжни-ки-то это мигом сообразили.

Неясная догадка мелькнула в голове менестреля:

— Слышь-ка, а ты сам часом не из этих... лесовичков?

Дяхон степенно стряхнул крошки пирога с подола рубахи, торчащей из-под кольчужки, на корявую ладонь и приманил пирлей — те почуяли сразу, слетелись едва видимой в полумраке стайкой.

— Ишь, души безгрешные, есть не едят, а тепло доброе от пищи людской понимают... Чужой человек ты тут, Гарпогар, а то бы знал, что аманты в дом к себе только собственных окольных принимают, и токмо в отрочестве. Так что в стражи тебе не попасть, а в лихолетцы — это очень даже недурственно.

— Слыхал. Щитовых на один пропой, а потом что?

— Кто этими ночами расстарался, тот долго сыт будет — ножевые-то полной мерой платят. Потом у вдовушки какой-нибудь подкормишься, в оружейном дворе подсуетишься, так все лихолетье перекукуешь. А там птица ты вольная, хоть в пригороде вживайся, хоть в странники подавайся. Дойдешь до того стана, где новое лихолетье объявлено, — опять тебе служба.

— А тебе кто мешает?

— На мне ж клеймо, ни один амант к себе не пустит...

Так, значит. Не ошейник, так клеймо, как на скотине. Нет, эта земля ему положительно нравилась все меньше и меньше.

— Показал бы клеймо-то, — по неистребимой привычке не пропускать ничего диковинного поинтересовался он.

Дяхон засопел. Обиделся, что ли? Тогда непонятно почему, ведь, по его же словам, попасть в дом к аманту — удача и честь немалая.

— С какой это такой радости я перед каждым встречным посеред ночи портки спускать должен? — пробурчал он наконец.

— Так у вас что, клейма на заднице ставят? — Харр с трудом удержался, чтобы не фыркнуть и вконец не разобидеть старого вояку.

— А то! И кольчужкой прикрыто, и в бою не под ударом. И притом, когда не видишь, то забываешь быстрее...

— Сидеть-то не мешает? — не удержался Харр.

— Оно повыше того. Так что ежели и помру где-нибудь в караванном дозоре — враз установят, что был я из Зелогривья.

— По знаку?

— По цвету.

— Постой, постой, мне ж говорили, что нельзя на живое тело зеленище класть — прорастет?

— А то! Потому, прежде чем клеймо рисовать, это место слизью гада-стрекишника мертвят. Так-то. Не-ет, был бы у меня сын, ни в жисть не отдал бы его в стражи. Живешь — вроде бы и сыт, и под крышей; только жизнь-то быстро пролетает! А как немощь одолеет, даст амант горстку зеленушек на обзаведение, и вали со двора. С дружками попрощаться — половина долой, тут не то что хибары — деревца одинокого не купишь, чтоб повеситься. И помолиться больше некому...

Он покачал головой, отмахиваясь от нахлынувших на него горестных мыслей, глянул на посветлевшее небо и, достав из-за пазухи оселок, принялся вострить неуклюжий свой меч.

— Молиться всегда можно, — ханжеским тоном заметил Харр, только чтобы как-то утешить старика.

— Не скажи. Бог у меня солдатский, простой; да и сам посуди, велик ли выбор у нашего брата? Пока я в стражах, он мой меч блюдет — стало быть, и жизнь мою охраняет. А как отдам я меч свой обратно аманту, на что мне мой бог?

— Постой-ка, что-то я не пойму, о чем речь.

— Да вот он мой бог, в руках держу — Оселок-Направник. Не, плохого о нем ничего не скажешь, для служивого человека он в самый раз, у нас многие его выбирают... Только вот уж здоровья у него не попросишь, и ни девки сговорчивой, ни достатку, к старости припасенного... Эх, нет такого бога, чтоб был на все про все!

Харр с изумлением поглядел на своего собеседника — ишь ты, сам додумался до единого бога! Вот только край неба уже совсем зазеленел, скоро и солнышко выкатится травяной оладьей. Наслушался он сегодня вдосталь, а рассказывать про тихрианские обычаи — вопросов не оберешься. Хотя и не грех бы просветить старого служаку про то, какому такому единому богу поклоняться, кого чтить с рождения и до смертного часа.

Пусть своим умом доходит.

— Будет, — хлопнул он себя по колену. — Отсидели мы свой дозор.

— А и отсидели, — без особого энтузиазма отозвался Дяхон.

Продравши глаза пополудни, Харр ощутил себя в скверном расположении духа. Вроде и чужой ему Дяхон, а все-таки жаль. Делиться дарами амантовыми ему, разумеется, и в голову не приходило (одна Махидушка сколько выклянчит!), но хотя бы дать добрый совет... С другой стороны, давно положил он себе за правило в законы-порядки чужих дорог не вмешиваться, а поскольку все дороги на белом свете были ему, по правде говоря, чужими, то и стран-

ствовал он по ним, не оставляя ни малейших следов в умах встречавшихся ему на пути людей. И вот только здесь его что-то потянуло на мудреные речи: или староват стал, или не к месту пришлось на его стезе Мадиразумница.

На пороге зашелестело — ох, накликал. Явилась. Дом ей тут родной, что ли?

— Ты не занедужил, господин мой Гарпогар? — А голосок трепетный, будто и впрямь ее чужое здорovie заботит.

— Да чую, что не с той ноги встану... — Сел на постели, почесал подмышки. — Ночь тоскливая выдалась.

— В околье нашем троих, говорят, поймали, но это с прошлой ночи, в кустах отсиживались. А то тихо, как в мирные дни. Или замерз ты без теплого плаща? В степях твоих отеческих, говорят, много теплее...

Вот привязалась! И про неоглядные просторы тихирианские напрасно напомнила, еще тоскливее на душе стало.

— А, страж тут один весь дозор о своей нищей старости прогоревал. И впрямь жалко старинушку, одиноко и голодно жизнь кончит.

— Ага, жалея его, жалея, — живо откликнулась со двора Махида, — небось про грошки убогие тебе толковал, про то, что крыши над головой не присудится... Так?

— А что, не так?

Махида злобно хохотнула:

— А про заначку потаенную, что у каждого стража где-нибудь под стеной закопана, он тебе не говорил? А сколько он за свою службу из дома амантова накрал, не рассказывал? Ты поинтересуйся, утешение ты мое утрешнее, пропадун ночной, кто богаче — я или он?

— Да что ему красть-то?

Махида бросила стряпню, стала на пороге, уперев руки в крутые бока:

— Как в дозор по нашему околью их нарядят, каждый обязательно что-нибудь у аманта стянет — кто чашку, кто полотенишко. Так. В хибарах на жратву поменяют, самих-то сытно кормят, чтоб силу не потеряли, а вот телесов, особливо ошейных, — тех едва-едва. Значит, несут добытое обратно телесам, что с зеленищем возятся, те им в лохани зверевой со дна зеленище соскребут, в посудину поганую накладывают — и водицы сверху, так долго можно сохранять. А это уже на живую деньгу продают, в загашник свой. А кто иной и за будущую хибару платит, ему деревца в кружок посадят и растут-лелеют, ветви в шатер связывают. Через десять-пятнадцать зим глядишь — только корой оплести, и хоть трех жен приводи. А ты говоришь — крыша над головой...

Харр спустил ноги с постели, махнул Мади, чтоб отвернулась, и, угрюмо посапывая, принялся натягивать штаны и дневной кафтан из рядна, что в самый раз по тутошней влажной жаре.

— На что ты обиделся, господин мой Гарпогар? — Мади сидела на корточках спиной к нему и все-таки почувствовала, что на душе у него хреново.

— Да не обида это! Вам, девкам, не понять, как это бывает, когда почувешь чем-то, локтем, что ли: живой рядом человек, брат — не брат, но свой, и беды все его понятны, и душа толкает помочь... А потом послушаешь про него — ворюга продувной, да еще и слезу из тебя, дурака, давил... Мерзко. Голодал — бывало, а чужим всегда брезговал. Грех это, и не любо солнцу ясному на такое глядеть.

— Дай мои кружала, Махида, — еле слышный шепот, а точно шило в зад.

Опять за свои каракули примется, умница-заумница, будто в первый раз слышит, что воровать него-

же. Надоело. Он рывком подхватил перевязь с мечом, кивнул Махиде:

— У аманта пополудничаю! — и двинулся в город. Пора в караван напрашиваться, поглядеть, так ли уж тоскливо в соседних становищах. А то ни пиров, ни базаров — живут, точно им мозги обручем зелененым стиснули. Можно бы, конечно, и в одиночку рвануть, но лучше все-таки за спиной оставлять дом, куда можно вернуться без опаски. А то, строфион их задери, в соседних-то местечках, может, и еще хуже.

Так, голодный и раздосадованный, ввалился к аманту; сразу послышалась переключка рабов, докладывающих хозяевам о госте, и откуда-то сверху слетел Завл, восторженный, уже с мечом в руке.

— А отец что, в отлучке?

— В загоне, блёва дразнит, господин-пестун.

— Прикажи еду подать, не завтракал я нонче.

Мальчик вежливо поклонился, хлопнул в ладоши, что-то скороговоркой велел набежавшим телесам — видно было, что не впервой принимать кого-то за старшего. Повел Харра наверх, да не в покой с потолочными окнами, где обычно батюшка трапезничал, а прямо на крышу — на огороженной от ветров площадке был расстелен ковер с подушками, расставлены блюда с дымящейся едой. Вина, правда, видно не было. Он собственноручно накинул на гостя застольное полотенце с прорезью для головы, сам уселся напротив и принялся жадно глядеть Харру прямо в рот — видно, с нетерпением ждал, пока тот насытится. Когда Харр откусывал особо лакомый кусок, невольно глотал слюнки.

— Чего сам-то постишься? — не выдержал рыцарь.

— Тяжко будет с мечом прыгать, господин-пестун.

— И то верно.

Откуда-то снизу, видно, из проема оружейного двора, слышались короткие вскрики и звон мечей.

Как-то очень уж скромно и степенно явилась Завулонь, поклонившись, высыпала из подола на ковер фрукты, присела за спиной брата, положив ему подбородок на плечо. Вид у обоих был какой-то заговорщический. Харру почему-то сразу припомнилось вчерашнее маленькое происшествие на лестнице.

— Ты вроде меня о чем-то спросить хотел, или нет?

Мальчик слегка повернул голову, скосив глаза на сестру, чей носик посапывал ему прямо в ухо, и решил:

— А правда ли, господин-пестун, что у твоего народа один бог?

— Я ж сказал — значит, правда. Ежели я тебе пестун, то переспрашивать меня негоже.

Мальчик зарделся.

— А с чего это ты моими обычаями интересуешься, а, Завл, амантов сын?

Мальчик еще раз стрельнул рысьим глазом на сестренку и, хватанув ртом воздуха, точно перед нырком, скороговоркой выпалил:

— А скажи, господин-пестун, справедливо это, что наш отец, воин могучий и мудрый, против себя еще двух амантов терпеть должен, а лесовой еще над ним и верх держит? Почему не быть ему единоправителем, да и бог чтоб был один, что всем ведает, от лесного орешка до острия меча амантова? Мы бы с Завкой ему подмогли, и лес, и ручей как-никак обиходили-полюбили... Почему — нет?

И эти туда же!

— Да не за богом дело стало, — **Харр** постарался говорить как можно серьезнее, **точно со** взрослыми, — не ровен час, натворят что-нибудь **амантовы** рысята, жалко будет. — Не отдадут даром **свою** власть ручьевый да лесовой, особливо последний.

— У нас войско!

— Извести вашего батюшку, да и вас в придачу, для самого захудалого колдуна — плевое дело. Или

телеса ошейного подкупить, чтобы отравы в блюда подсыпал. Это у вас тишь да гладь до тех пор, пока кто-то первый распрю не начал, а уж если дело заварится — уноси ноги! Видал я на наших дорогах, как один род всех других под корень изводил, да и от самого рожки да ножки оставались. Так что с лету ничего не затевайте, да и бога вы себе единого еще не придумали, чтоб в него, кроме вас, и остальные поверили.

Ребята разом погрустнели. Только Завл продолжал глядеть неотрывно на свой меч, отдыхающий тут же на ковре, и глаза его недобро поблескивали даже при ярком дневном свете.

— А с лесовым амантом и ваш батюшка, ежели нужда придет, сам разберется, — поспешил добавить Харр. — Я лесовика, правда, еще не видел...

— Хряк, — со знанием дела изрекла малышка.

Было видно, что меж братом и сестрой уже ох как много переговорено. И повезло отроку, что не только мечом владеть научить его придется. Но, с другой стороны, не любо ему было это дело — ребянтю пестовать. Даром, что ли, он от собственных бегал!

Вот и закинул он удочку насчет караванного дозора, когда после урока с наследником амант Иддс позвал его уже к собственному столу.

Против ожидания, возражений почти не последовало.

— Ты погоди только чуток, сейчас подкоряжные Медостав Ярый осадили, взять его они, конечно, возьмут, да и поутихнут. А вот не пожаловали бы еще и дальние... Лихолетье — оно надолго. Но с купеческими менялами я поговорю, кто там из них монет подкопил да товару редкого в кубышку сбил.

— На первый раз можно б и не больно редкого...

— Горбаням в гору переть, много на них не навьючишь, так что в Межозерный стан возим только диковинки. Зато можно будет рыбьими яйцами раз-

житься, если, разумеется, не все там половодьем разнесло...

Но Харру почему-то показалось, что не только пополнением запасов лакомой икры озабочен амант.

— Купецкие менялы торговать едут, а меня ты только в обережниках держать собираешься? Или какой другой наказ от тебя будет?

Амант тихонечко вздохнул, махнул прислуживающим телесам, чтоб убрались:

— Уж больно догадлив ты, певчий рыцарь. Да сейчас мне это на руку. Завулонь моя заневестилась (строфион тебя в зад, да ей же и восьми годочков нет!), так вот поручу я меняле купецкому к тамошним амантам приглядеться — не подумывают ли о жене молодой? А если подумывают, то крепок ли дом, полон ли подвал. И всякое такое.

— А я тогда там на что?

— Ты как раз и будешь все высматривать да-за менялой следить, знаю я ихнего брата — на лапу возьмут и наврут с три короба.

— А ежели я возьму?

— Не жаден ты, я уж углядел. Да и от меня поболее получишь.

У Харра щека дрогнула — эх, ребяташки, лихие были у вас задумки, да только все псу под хвост. И Завку востренькую жалко, ребенок еще, а повадки уже что у кошки лесной, из такой баба образуется — столб огненный, похлеще, чем в Адовых Горах. Он припомнил свою привычную классификацию женщин и невольно передернул плечами — такая не только одежду не сложит стопочкой, а сама на себе в клочки порвет. А амант-батюшка за кого угодно отдать норовит, только чтоб побогаче...

Тот словно и подслушал его мысли:

— Сейчас девку не выдам, только сговорю да приданое наперед вышлю — богатое оно у меня, яйцо зверя-блёва. Ведь не ровен час, нападут два

войска с разных сторон; или украдут, хоть и в тайнике; обратно и задохнуться оно может, бывало так. Останется тогда моя Завушка бесприданницей...

Эк повернул — вроде он и прав.

Ночью, пошлепывая Махиду по гулкой спине (чтоб не уснула раньше времени), поделился с любушкой новостью. Та встрепенулась птичкой весенней, еще бы — такой случай подвернулся, все монетки зеленые можно будет на синенькие поменять, а те второе дороже...

Кто о чем, словом.

Спозаранку на урок пошел, нарочно Завлу при батюшке наказал: вот так да эдак упражняйся, когда с караваном уйду. А когда амант пошел наверх, шепнул на ухо: «Завку сватать едем». По всему следовало бы ему помолчать, но он представил себе глаза мальчишки, если узнает о том позже всех, — ведь на него, пестуна, горьким оком уставится: предал, мол, а я тебе доверился... Нет, подале надо держаться от всех этих сложностей. Тем более что в отрока точно демон-джаяхуудла вселился: прутья на лету рубил, мешок с глиной располосовал, на Харра кинулся, прижал его в угол, прошипел: «Помешай. Награжу невиданно, когда сам амантом стану...»

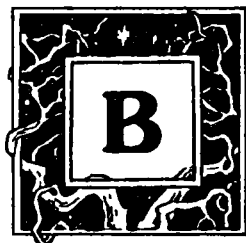
Что-то не встречал он на своем веку таких мальцов. И позавидовал аманту: от такого сына и сам бы не отказался.

А с другой стороны, может, и у него самого где-нибудь точно такой же уже растет?

И почувствовал: царапнуло по душе, да так, что уже до смерти не заживет...

VI. ЯВЛЕНИЕ СОЛНЕЧНОГО СТРАЖА

от чего не любил нежнобрюхий Шоёо, так это ссор. Даже если они были безмолвными. Предосенняя жара — последний знойный вздох лета — переполняла Бирюзовый Дол стоячей золотой сонью, и все его обитатели, разомлев, мечтали об одном: влезть в перегретое море по горлышко (а еще лучше — с головой) и отложить все сборы на ночь. Мона Сэ-ниа так и сделала: забрала малышей и удалилась на солнечный берег, заблаговременно затененный громадным полупрозрачным тентом, прибывшим с Земли вместе с последним грузом дарственных офитов.

С супругом она демонстративно не разговаривала. Уговор дороже денег, как говаривал сам Юрг, и если уж они постановили, что летать теперь будут по очереди, то слово надо держать. А то слетал на одну из звезд знаменитой теперь Сорочьей Свадьбы, выбрал наиболее подходящую для разведки планету, покружил над ней, составил приблизительную карту двух материков и главное — убедился, что мир этот давно

и безнадежно мертв и, следовательно, абсолютно безопасен.

Теперь, стало быть, ее черед. Как они решили заранее, в тех случаях, когда в межзвездный полет будет отправляться она, для большей безопасности малышей стоит переправлять в сказочно-игрушечный дворец короля Алэла под защиту всех пяти подвластных ему стихий. Алэл всегда рад был своим гостям, да и на дочек можно было положиться. Но накануне утром они с мужем отправились к островному королю — и с первых же шагов почувствовали необычную праздничность и без того радостного дома. Свежая роспись стен завораживала бархатистыми узорами персиковых тонов, плавные дуги замыкались, как ладони, хранящие чуть ли не трепещущие язычки едва различимых лампадных огней; невиданные и, по-видимому, нигде не существующие лазоревые птицы простирали над окошками невесомые крылья, и жемчужные луны прятались под земляничными листьями, от которых шел настоящий лесной аромат. На порог выпорхнула сияющая Ушинь и, не дослушав приветствия, сообщила торжественным тоном: обе старшие дочери одновременно признались, что ждут появления на свет королевских наследников.

Поздравления, восклицания, писк малышни.

Выплыла Радамфань, необыкновенно похорошевшая, кивнула царственно и чуточку высокомерно — впрочем, эта «чуточка» на сей раз была едва уловима.

Бочком выскользнула из двери Шамшиень — смущенная, с подрагивающими губами, с половины лица стерт неприменный рисунок — плакала.

Надутый, как гусак, явил свою невзрачную особу принц-консорт, то бишь Подковный эрл.

На миг показала Ардиень — вспыхнула, задыхнулась, исчезла.

И король. Белый от плохо скрываемого бешенства.

Все это вкупе зародило такую тревогу в душе обитателей Бирюзового Дола, что они, переглянувшись, заторопились обратно, ссылаясь на скорый отлет (кто должен лететь — было укрыто под естественной маской супружеской нежности и единодушия). Ушинь сыпала бесконечные «милые вы мои», Радамфань величественно, но искренне приглашала к столу, Алэл, овладев собой, традиционно предлагал покровительство.

Пришлось срочно испаряться.

Под сводом большого корабельного шатра грянул гром: Юрг заявил, что ввиду непредвиденных и не зависящих от него обстоятельств мона Сэниа должна остаться с детьми. Командорский тон возражений не допускал. В жилах принцессы мгновенно всколыхнулось врожденное своенравие, отмечающее беспрекословное повиновение. С детьми неотлучно будут находиться старшие дружинники — Сорг, Эрм и Дуз. Пожалуйста, пожалуйста, она оставит и Борба. При малейших признаках опасности они перенесут на Алэлов остров не только малышей, но и самого Юрга. А если станет необходимо, то и куда угодно — хоть на Землю, хоть... Мало ли планет, пригодных для двух крепеньких ползунков.

Командор поступил, как настоящий мужчина: он сказал «нет» и, стиснув зубы, молчал на протяжении четырех или пяти часов. Все доводы, просьбы и угрозы мона Сэниа разбивались о такую неодолимую преграду, как отсутствие возражений.

Своего он добился — мона Сэниа выдохлась и замолчала.

— Ких, Пы и Борб, готовьте два кораблика, — будничным тоном распорядился командор. — Ваше высочество, прошу к карте.

Картой этот схематический рисунок можно было назвать только условно — в разведывательном полете он набросал очертания двух материков исследуе-

мой планеты и обозначил наиболее крупные города — вернее, их развалины — в экваториальном поясе.

— Учитывая печальный опыт нашего пребывания на Трижды Распятом, заранее определяю точки высадки: здесь, здесь... и, пожалуй, для контроля на крайнем севере — вот тут. Искать нас только в том случае, если от меня не будет поступать сообщений в течение пяти дней. Что маловероятно. Вопросы есть?

Туповатое и почти четырехугольное лицо Пыметсу никогда не способно было скрыть его мысли — вот и сейчас стало очевидно, что вопрос у него имеется.

— Я беру с собой Шоё, поскольку предположительно — это его родина. Остальные... м-м-м... члены нашей семьи не должны покидать Бирюзовый Дол, — строго проговорил командор, опережая этот вопрос.

Пы пошевелил губами и опустил голову.

— Все свободны, — заключил Юрг.

Когда дружинники удалились, принцесса величественно повернулась, чтобы вслед за ними безмолвно — хватит, наговоришься! — покинуть помещение, но голос мужа, ставший вдруг неуверенным и просительным, заставил ее помедлить:

— Сэнни, я... Я не могу вот так улететь.

Подбородок ее дрогнул — ну, разумеется. И сейчас она добьется от него...

— Сэнни, за мной долг. Я все время думал об этом и в предыдущем полете. Я ведь дал слово!

Древние боги, о чем это он? Она-то настроилась совсем на другой лад и сейчас просто растерялась.

— Как ты помнишь, я обещал нашему менестрелю свой меч в уплату за его службу. Скажи, что делать, чтобы я мог с ним расплатиться?

Дипломатический прием возымел действие: мысли принцессы переключились на чернокожего волокиту.

— Я же говорила тебе, что перебросила его обратно на Тихри. Сейчас он, по-видимому, уже выбрался из этого болота...

— И куда?

— Ну, не знаю. Можно слетать туда и поглядеть — сверху, не приземляясь. Это секундное дело...

Юрг не успел возразить, как лицо ее приняло то чутьчку отрешенное выражение, которое он наблюдал у джасперян в тот миг, когда они представляют себе это загадочное НИЧТО, затем сделала стремительный шаг вперед...

И ничего не произошло.

Она резко обернулась, вперив в супруга изумленный взгляд.

— В чем дело? — Она была просто потрясена. — Болото, зеленый ночной свет... Все как тогда!

Она сделала еще один шаг — и снова осталась под шатровым сводом.

— Ты потеряла свой дар? — Юрг прошептал это едва слышно — никто, даже верная дружина, не должен был знать об этой катастрофе, в глазах джасперян, вероятно, равносильной трагедии.

— Нет, нет, нет... — Она тоже перешла на шепот, но скорее оттого, что ей изменил голос. — Это просто невозможно. Тут другое...

— Кто-то поставил заслон?

— Нет. Нашим перелетам через НИЧТО противостоять невозможно. А то, что я осталась здесь, означает только одно: того места, которое я мысленно себе представила... не существует!

— Нигде-нигде на Тихри?

— Нигде во Вселенной!

— Ничего не понимаю... — растерянно пробормотал командор. — Но если Харр исчез — значит, он там, в том самом уголке Тихри или другой планеты, который ты себе представила!

— Да. Но прошло время и... мне даже страшно это произнести... Этого уголка больше нет на свете. Там теперь что-то другое, но отнюдь не бескрайнее

болото, освещенное яркой зеленой звездой. Или вообще нет ничего.

Юрг представил себе взрыв сверхновой, после которого действительно ничего не остается в окрестностях гнущейся звезды, и у него от ужаса заледенела спина, словно на нее наложил лапу призрачный ледяной локки.

А Харр по-Харрада, самозванный рыцарь, в это самое время восседал на ковровой подушке посреди своей — то есть Махидиной — хижины и решал принципиальный вопрос: выудить ли ему еще одну соленую рыбку из пузатого бочонка, только что доставленного из амантовых погребов, или это будет уже бесповоротный перебор? Соль в Многоступенье была чуть горьковатой, рыбка сдобрена водяным перцем и вкусна ну просто обалденно, и поглощать ее, да еще и с печеными круглыми кореньями, можно было бы до бесконечности, да вот беда — вкусность сия требовала неограниченной запивки, а бурдючок с пенным дурноватым пойлом, отдаленно напоминающим тихрианское пиво, был уже на две трети пуст. Да и на простор тянуло, в холодок под деревце. Состояние такое было весьма близко к полному блаженству, если бы не свербела одна мысль: зря он проболтался при девках об амантовых детишках. Он их, разумеется, по именам не называл, но Мади сообразит, она ведь у нас кладезь премудрости, что никаких других брата с сестрой Харр вчера и повстречать не мог, а если бы и повстречал — не поведали бы они ему столь тайные и крамольные мысли.

Махида, по-бабьи уловив перемену в настроении своего покровителя, кинула ему обрывок зеленого листа — утереться — и недовольно фыркнула:

— Безбедно живут, видать, детишки ентовы, что у них иной заботы не имеется, как о новом боге раз мечтаться! С любого бога проку — тьфу, что с гор-

баня молока, а радости — одни орешки на удобрение. С малолетнего сглупа кого себе не выберешь, так на то закон есть: как семьей обзаводишься, бога и поменять можно, только заплати аманту откуп. И вся недолга.

— Так о том они и печалются, что менять им не на что, — тихонько прошептала Мади, двумя пальчиками обдиравшая шкурку с печеного клубешка, и Харр понял, что она не столько об Иддсовых отпрысках, сколь о собственных невеселых размышлениях, причины которых он, честно говоря, не понимал.

— Ну так пусть себе Успенную гору выберут, она громадная, одна на всех!

— Не на всех, — тихо возразила Мади, — из Медостава Ярого ее уже и не видать... Да и какой толк с горы?

— А земля-матушка? Она ж на всех одна! — решил внести свою лепту Харр.

Подружки всплеснули руками.

— Сказанул! Земля — она мертвых укрывает, ей поклониться — в нее попроситься, — не на шутку перепугалась Махида.

— Ну, тогда не знаю, — раздосадовался Харр, воображение которого было на пределе, а низ живота тревожил тягостной переполненностью. — Кабы не ваша блажь, что бога обязательно лапать надо да вылизывать, лелеючи, так лучше солнца ничто не подошло бы.

— Тоже мне задачка мудреная! — пожала плечами практичная донельзя Махида. — Пусть велят меднику выковать солнышко золоченое, и весь сказ. А ежели кто хочет единого бога иметь, то пусть такую же фиговину себе закажет, вот и будут одинаковые боги во всех станах окрестных!

Харр подивился ее сообразительности, но мысль эта как-то пришлась ему не по душе.

— Не, негоже подделке поклоняться, лжу лелеять. Живому солнышку на то и глядеть-то будет отвратно.

— Это почему так? — взвилась Махида, в кои веки возгордившаяся тем, что оказалась сообразительнее умнички Мади.

— А потому что идолу поддельному поклоняться — это все равно, что с чучелом вместо девки любиться, — отрезал Харр, чтобы больше не приставала.

Мади медленно подняла на него прекрасные свои, точно черной гарью обведенные глаза, и он уже знал, что она скажет: дай мои кружала, Махида...

— Что, кружала тебе? — рявкнула униженная хозяйка дома. — Поди в червленую рощу, набери кипу листов, тогда проси! Все перевела на свои кружала, на кой они только ляд...

Мади послушно поднялась:

— Сказала бы раньше, я по дороге забежала бы хоть к ручью.

— У ручья, может, еще кто из подкоряжников хоронится, тебя что, по Гатитовой доле завидки берут?

Харр, почесываясь, поднялся:

— Пожалуй, и я пройду, разомну косточки. Да и Мади поберегу.

— Меня б ты поберег! — Впрочем, ни тени ревности в ее голосе не промелькнуло — одна бабья стервозность.

— Да угомонись ты, — досадливо отмахнулся он от разошедшейся любушки. — Мне в доме сидеть невтерпеж, а в роще я, глядишь, все деревца поочередно ублажу, не хуже аманта вашего лесового.

С тем и вышли — впереди Мади, аккуратно переступающая через непросохшие лужи, сзади, вразвалочку, обоспавшийся и начинающий нагуливать брюшко Харр с плетеной сеткой для листьев. До последних хижин дошли молча, но затем Мади свернула круто не к дому, а направо, к отвесной горе, которая, как исполинская ладонь, огораживала все Зелогривье,

омытая у своего подножия ворчливым ручьем, — они продолжали двигаться прямо по хорошо утоптанной тропинке, петляющей меж мохнатых деревьев-тычков, уставивших свои острые верхушки в зеленоватое небо. Как всегда за полдень, было жарко и влажно, так что даже реденький, хорошо продуваемый кафтан из дырчатой ткани пришлось расстегнуть до пупа.

— Скоро ли? — подал голос Харр, удивленный настойчивым молчанием своей спутницы.

— Не очень, господин мой Гарпогар. Вот хлебные делянки минуем...

Хлебные делянки оказались полянами, усеянными короткими трубчатыми пеньками; на Лиловой дороге, говорят, тоже встречались такие деревца, что срубишь — а в середине мякоть желтоватая, она как высохнет, так и пригодна в пищу, хоть вареная, хоть молотая в муку. Но своими глазами он видел это впервые, и ему снова стало хорошо, потому что он шел по тропе, доселе ему неведомой, и встречал если и не чудеса и диковины, то во всяком случае то, чего не ожидал, будь то лесинка в роще или былинка в поле. И спутница шла молча, придерживая на поворотах золотистую юбочку-разлетаюку. После делянок лес пошел богатый, широколиственный, наполненный таким ветряным гулом, словно над верхушками проносился нечувствительный внизу ураган. Но, приглядевшись, Харр понял, что это шлепали друг о друга листья, толстые, как пухлые ладошки, и их шум совсем не мешал птицам, сливавшим свой щебет с переливчатыми руладами каких-то мелодичных трещоток, лишь отдаленно напоминающих слабосильных степных цикад его родимой Тихри.

— А орехи тут имеются? — снова спросил Харр; для того чтобы прервать непонятное молчание Мади.

Она вскинула смуглую руку и, не оборачиваясь, указала куда-то вверх. Он даже голову не стал задирать — поверил.

И снова расступилась перед ними поляна, вся устланная широкими, как у водяной лилии, листьями.

— Режь под корешок, господин, — сказала Мади, — и выбирай покрупнее.

Листья росли прямо из земли тугими пучками; Харр ухватывал черенки одной рукой, другой подрезал под корень и кидал в сетку. У Мади ни ножа, ни кинжала, естественно, не имелось, и он кивнул ей — отдохни, мол, в тенечке, я и сам управлюсь. Управился в два счета, подошел, волоча за собой сетку, и опустился рядом, прислонившись спиной к ноздреватой упругой коре громадного краснолиственного орешника — во всяком случае, кто-то вверху, невидимый, звучно щелкал клювом и сыпал вниз скорлупу.

— Хочешь, слазаю за орехами? — предложил он.

Мади молча покачала головой.

— Да что с тобой? Язычок от жары распух или ты только при Махиде болтать горазда?

Она подтянула коленки к груди и охватила их руками. И до чего ж красивые руки, строфион меня залягай!..

— Когда я спрашиваю тебя, господин мой, ты досадуюшь.

— Да потому и досадую, что все про одно да про одно. Ну спроси ты меня про золото голубое, про анделисов пестрокрылых, про чернавок обреченных... Я же до вечера тебя тешить буду!

— То не надобно мне, господин.

— Ну да, про бога единого тебе только и занято. Точно ты уже старуха плешивая да тощегрудая. Не пойму только, чем тебе твой-то не пришелся? Корми себе птах лесных, с птенцами их тешкайся... Что тебе не ладно?

— То не ладно, что чужие это птенцы, а своего, единственного, мне у моего бога не вымолить...

Харр не сумел удержать глумливый смешок:

— Неужто не просветила тебя подружка твоя шалавая, что на сей предмет не бог надобен, а... гм...

Она вдруг упруго поднялась и замерла перед ним, вытянувшись в струнку.

— Господин мой Гарпогар, — зазвенел ее напряженный — вот-вот оборвется — голосок. — Я прощу тебя: сделай так, чтобы у меня родился мой маленький!

Он от изумления присвистнул так, что птицы окрест затихли, а сверху перестала сыпаться ореховая скорлупка:

— Тю! Дура-девка — сейчас надумала?

— Нет.

— А когда же?

— Когда ты мне ожерелье свое надел. И не сама надумала — пирль мне прошебетала.

— В голове твоей дурной пирлюхи завелись, вот они и нашебуршали! Лихолетец я тебе, что ли? Придет твоя пора, девка ты пригожая, и будет все чин-чинарем, найдешь себе по сердцу...

— Не найду, поздно будет. — Голосок ее потерял прежнюю напряженность, и в нем задрожали дождевые капли. — Шелуда отвозил рокотан в Межозерный стан, а там мудродейка живет, что гадает по рожкам горбаней черномастных. И предсказала она, что жить еще Иоффу тридцать лет без одного года. А тогда я уже перестарком буду, никто меня не возьмет. И младенчики у таких вековух только мертвыми рождаются...

— Ну-ну, — оборвал он ее, чувствуя, что любвеобильная его душа совсем не к месту начинает покрываться горьковатыми росинками жалости. — Нашла кому верить — ворожейке корыстной! Твой дед от силы год проскрипит, а там и дуба врежет, это как пить дать. Видал я его на холме. Так что будешь ты первой невестой на все Зелогривье — и богата, и краса писаная. Что еще?

— Нет, господин мой. В роду у Иоффа все долготетки, а богатство его Шелуда унаследует. Поэтому и прошу у тебя...

Его даже пот холодный прошиб — сколько баб за свой век поимел, и ни разу конфуза не случилось. Но чтоб вот так, по заказу...

— Да едрен-строфион! — не выдержал Харр, у которого где-то внутри беззвучно покачивались чашечки весов: на левой, что ближе к сердцу, лежала жалость, на правой — несовместимость самого сладкого, что ни есть на человеческом веку, с расчетливой, хоть и бескорыстной сделкой. — Да ежели тебе так уж невтерпеж, заводи себе дитяню от первого встречного-поперечного; дед у тебя богатый, где внучку кормит, там и на правнучка достанет.

— Вот ты и встретился мне, господин. Только... Разве ты не знал, что Иофф мне не дед? Он мой муж.

Харр так и подскочил, оттолкнувшись поджарой задницей от усыпанной сухими листьями земли. Левая чашка весов круто пошла вниз.

— Да не будь он старый хрыч, что от ветру качается, — я б его собственной рукой пришиб! Девчонку несмышленную под боком держать — ни себе, ни другим!

— Не надо пришибать, господин мой Гарпогар, мой муж меня хорошо кормит, он и маленького моего выпестует. Только б родился!

— А я б на твоём месте не был так уверен! Знаю я пердунов этих замшелых, что до малолеток охочи: у них вместо совести шиш ядреный, крапивой утыканный!

— Напрасно ты так, господин мой, Иоффа лаешь, его не ведая. Он один на все Многоступенье рокотаны ладит, а чтоб они сладкозвучны были, он красотой должен быть окружен, куда глаз ни положит. У нас и утварь вся в доме изукрашенная, и цветы по стенам небывалые...

— И тебя, значит, выбрали, как миску расписную... — снова капнуло на левую чашку весов.

— Да, господин, — сказала она простодушно. — Амант наш лесовой по всем станам искал, вот и выбрал меня. А сколько лет мне было — это Иоффу без разницы. Он ведь на меня только глядит, прищурясь.

Вот и Харр поглядел и невольно прищурился: стояла она как раз супротив солнца, и реденькая ее юбочка, и накидочка наплечная — все это просвечивало насквозь, четко обозначив силуэт ее юного тела, пряменького, как щепочка. После роскошной Махиды такую обнять — что после доброго вина сухим кузнечиком закусить.

Эстетические принципы разборчивого менестреля весомо легли на правую чашу весов, и она угрожающе потянулась книзу.

— Все равно чужую жену совращать негоже, грех это! — не своим голосом возгласил отпетый бабник, сам ужасаясь той неслыханной ереси, которую выговаривал его язык, — надо было заглушить последний писк желторотой жалости.

Она переступила с ноги на ногу, пошевелила пальцами, словно пересчитывая их, и прошептала:

— Я заплачу тебе, господин мой...

Его словно кипящим маслом ошпарило — он вскочил и, схватив ее за узенькие плечики, встряхнул так, словно хотел вытрясти из нее саму память о подобном паскудстве:

— Никогда! Слышишь — никогда и ни единому мужику не смей предлагать такого! Да я сейчас...

И запнулся: а в самом деле — что сейчас?

Он глядел в ее запрокинутое, помертвелое от страха лицо, задыхаясь от бешенства, и в такт его дыханию хрустальный колокольчик на его ожерелье, одурело метавшийся между ее остренькими птичьими ключицами и курчавой звериной шерстью, покрывавшей его грудь, на каждом вдохе подпрыгивал и,

звеня, царапал ее подбородок, а на каждом выдохе неизменно ложился в смуглую ямочку у основания шеи...

— Господин мой, — прошептала она, на какой-то миг раньше него понимая, что обратного пути уже нет, — а это не очень больно?..

И кобелиное его естество, всей мощью громыхнув по левой чашке весов, пригвоздило ее к земле.

Шаги унеслись и затихли так стремительно, что он даже не уловил, в какую сторону. Потом сообразил: да к ручью, разумеется, юбчонку замывать. Охо-хо, ведь чуял же — ни ей радости, ни себе спасибо. А во рту точно земляничина неспелая — дух остался, а сладости никакой. Он поднялся и принялся соображать, в какой же стороне ручей — за тучными кронами деревьев, чьи листья уже начинали по-осеннему багроветь, Успенной горы видно не было. Он пошел наугад, забирая влево и надеясь напасть на тропу. Было ему как-то тяготно, и недовольство собой толкало найти кого-то другого, виноватого в непоправимо приключившемся. Виноватый отыскался сам собой — ну конечно же, лесовой амант, запродавший девочку в вековую кабалу и, естественно, не даром — с каждого рокотана, проданного на сторону, небось половину имел. Харр твердо решил, что рано или поздно повстречает его на узкой дорожке. А уж там — держись, хряк лесовой.

И за мстительными такими помыслами он и не заметил, как попал и вовсе в незнакомое место: на гладкой, словно вытопанной поляне росло несколько небывало высоких деревьев с громадными — на размах двух рук — резными листьями, над которыми недвижно замирали в дурмане собственного благоухания пирамидальные свечи запоздалых цветов. У подножия самого высокого дерева виднелась какая-то глыба, рыжевато-белесая, точно загаженный птица-

ми камень. Станные звуки неслись вроде бы от этого камня; «Уу-фу-уу-фу-уу-фу...» — точно заматерелый боров с Дороги Свиньи чесался о шершавый ствол. Любопытство чуть было не подтолкнуло до тошного странника вперед, но тут ленивый лесной ветерок донес до него острый запах хищного зверя; Харр замер, внимательно оглядывая одно дерево за другим — за которым же прячется плотоядная тварь? Меж тем звуки начали набирать высоту, сливаясь в одно непрерывное: «Уууууууууу!.. ...фу».

И тут глыба шевельнулась, разворачиваясь, и двинулась прямо на Харра. Изумление его было столь велико, что ему не пришло даже в голову спрятаться за какое-нибудь соседнее дерево, и он, вытаращив глаза, разглядывал приближающееся к нему лесное чудо.

Это, несомненно, был человек, но что за мурло! Выше Харра чуть ли не на голову (хотя в Зелогрилье он уже привык глядеть на всех свысока), этот страшила в ширину был точно таков же, как и в высоту. Ощущение законченного квадрата создавала еще и соломенная щетка, подымавшаяся дыбом с его плеч и ворота и доходившая точно до макушки, так что голова казалась приклеенной к этому ошестиненному заслону. На его фоне трудно было как следует разглядеть бесцветное лицо, поросшее седовато-сивым волосом, и только уже совсем вблизи Харр понял, что волос этот стоит дыбом, как иголки у ежа, традиционно обрамляя немигающие стылые глазки и верхушки ярко-розовых щек, меж которых страшно алели две дыры вывороченных ноздрей.

Коробчатое блекло-желтое одеяние скрывало ноги этого чудовища, и его квадратная туша перла вперед с неуклонностью гигантской черепахи. Харр сделал шаг в сторону, чтобы сойти с небезопасной прямой, по которой продолжал двигаться этот мордорот, но свиньи глазки по-прежнему глядели только перед собой, теперь уже мимо Харра, и ему уже

начало казаться, что это взгляд слепца; он уже начал поворачиваться, пропуская мимо себя этого безразличного ко всему лесового хряка, как вдруг тот стремительным движением выпростал из складок одежды бугрящуюся мускулами руку, и свинцовый кулак вцепился точно в скулу не успевшего отшатнуться менестреля. И для того наступила ночь.

Ночь была и тогда, когда он разлепил наконец веки. Что-то мелькало над ним, заслоняя звездное небо, и едва уловимо касалось левой половины лица, сведенной болью, десятком крошечных влажных крыльев, от которых боль вроде бы утихала. Пирли.

— Брысь, — сказал он, едва двигая челюстью. — Раньше предупреждать надо было...

Они все продолжали роиться над ним — да что он им сдался, за мертвяка принимают, трупоеды? Он мотнул головой и поднялся, постанывая. Кругом была непроглядная темень.

— Дорогу показали бы, что ли... — пробурчал он, и несколько самых крупных мотылей тут же послушно засветились каждый на свой лад и послушной цепочкой огоньков поплыли на уровне глаз. Еще счастье, что уцелевших. Харр припомнил апатичную харю лесового хряка, и ему уже не хотелось встречаться с ним на узенькой дорожке. И даже с мечом в руке. Он двинулся вслед за уплывающими огоньками, беззвучно понося все и всех в этом скудоумном мире. И мясистых потаскух. И костлявых юниц. И расплодившихся амантов. И их шуструю ребятню. И вороватых стражей порядка. И вонючих бесштаннх подкоряжников. И вообще весь этот тупой, скудоумный народец, и живущий-то непонятно зачем...

Он вдруг впервые с острой, щемящей тоской подумал о Тихри, где у каждого есть цель жизни — следовать за незакатным солнцем. И только смерть может остановить того, кто родился под его благословенными лучами. А тут... Родился, нагадил тридцать

три ведра и помер на том же самом месте. Тыфу! Нет, завтра же надо будет взять аманта за жабры, чтобы караван снаряжал. А начнет увиливать да оттягивать — так недолго ведь плюнуть и податься в соседний стан, а там в другой, третий...

Лежа рядом с Махидой, по счастью не заметившей в темноте распухшей щеки, он тщетно старался заснуть, но в голове роились неотступные мстительные мысли, а над головой — такие же прилипчивые букорахи, упорно овевающие его ноющую скулу. В конце концов он не выдержал и вылез на двор, присев на теплый еще камень очага. Предутренний ветерок приятно охлаждал лицо, но неотвязные пирли уже были тут как тут. Харр хрюкнул от злости — и тут же свиная харя лесового аманта воссияла в его памяти во всем своем сквернообразии. Расквитаться с ним было ну просто позарез необходимо, чтобы на душе не осталось впечатления позорного бегства, но как?..

И тут шальная мысль посетила менестреля.

— Эй, кто-нибудь из рыженьких! — негромко позвал он, подставляя тут же засветившейся пирли-пели свою четырехпалую ладонь.

Светляк тут же опустился на нее, продолжая сол-нечно мерцать.

— А на нее — еще две таких же!

Лучащийся треугольничек невесомо завис над рукой.

— На них — три рядком!

Исполнили.

— Четыре сверху!

Ох, только бы Махида не проснулась...

— Еще пять золотых!

Вроде и опираются на руку, а веса даже не почувять.

— Эй, рыжая, что посередке, уберись пока, а на ее место стань голубая!

Волшебство, да и только, вот бы бабы так мужиков слушались...

— Вот в таком порядке и стройтесь вверх, рядов двадцать!

Он уже почти без изумления следил, как вырастает над его невидимой в темноте ладонью гигантский призрачный клинок, истекающий избытком позолоты, изукрашенный голубой змейкой вдоль лезвия. Он надстроил темно-лиловый эфес, осыпал его драгоценными камнями, задохнулся от одуряющего восторга — это был самый прекрасный меч, виденный им в жизни. Не его. Командора Юрга.

— А теперь тихонечко подымайтесь вверх, но чтоб ни одна пирлюха строй не нарушила! — И меч торжественно взмыл ввышину, где еще совсем недавно злобно мерцала яростная лихая звезда.

— И таким вот порядком, медленно-медленно, двигайте в город, пока не зависнете над домом лесового аманта. — Он уже не сомневался, что приказание его будет выполнено безукоризненно, и было так — призрачный меч, словно подхваченный ночным ветерком, плавно сместился влево и уплыл за верхушки деревьев, ограждающих Махидин дворик.

Харр подскочил — как же так, самого смачного не увидеть! — и зашлепал громадными босыми ступнями по утопанной глине, добежал до проулка, выходящего прямо на городскую стену, — отсюда было хорошо видно и все бархатное небо, простершееся над спящим становищем, и грозно лучащийся меч, застывший в ожидании нового приказа.

— Эй, пирлюхи, кто еще есть в городе кроме этих, подымите-ка всю челядь в амантовых дворах!

И он дождался. Не меньше двенадцати вздохов пришлось насчитать, прежде чем раздался первый вопль, не различить даже за беспросветным ужасом, мужской или женский. А затем еще и еще — Зелогривье сходило с ума от непредсказуемой жуты, кото-

рой разразилось проклятое лихолетье. Харр представил себе, как лесовой хряк, дотоле бесстрашный в своей звериной непобедимости, нагишом прет на крышу или к окну...

— Рассыпьтеесь! — крикнул он, взмахивая обеими руками.

И точно фонтан брызг, поднятый этим взмахом, выметнулся вполнеба сноп разноцветных искр.

— А теперь всем затаиться, чтобы ни одна козявка не трепыхалась! — отдал он последнее распоряжение.

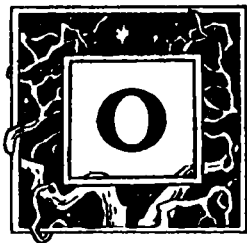
В том-то и соль была, чтобы сам амант, выродок лесовой, не успел ничего ни увидеть, ни догадаться. Неизвестность всегда страшнее, а наврут уж ему с три короба...

— Вот так-то, рыло поганое, — пробормотал он в темноту. — Скажи еще спасибо, что я хрен свинячий над твоим домом не вывесил!

Ему и в голову не пришло, что такая форма мести едва ли укладывается в строгие каноны рыцарской чести.

VII. ДОЛГ ПАЛАДИНА

тчаянный визг резанул ему уши, и он поморщился: и тут вопят. Хорошо бы сунуть голову под подушку, но таковых, похоже, в Межозерье не водилось: его, как почетного гостя, уложили между двумя пуховыми перинами, к середине ночи уже повлажневшими от пота, и он чувствовал себя как ломоть ветчины между пышными горячими лепешками. Визг усилился, срываясь и переходя в икоту, и окончательно прогнал возникшее тяготенье к завтраку. Но, несмотря на гадливо сморщившуюся физиономию высокого гостя, полуголый телес, дежуривший у порога, тут же метнулся к нему с подносом, на котором томилась, выдыхаясь, утренняя чаша с опохмелкой.

— Поди прочь, — отпихнул его Харр, — и скажи, чтоб потише...

— Никак нельзя, повели меня придушить.

— Не понял!

— Так мудродейку мажут, повели меня придушить.

— Чем мажут?

— Так голубищем же, повели меня придушить.

Он оттолкнул поднос, так что опохмелка выплеснулась на перину, оставив остро пахнущее пятно, и свесил ноги с высокой постели. Вот и попутешествовал. Визг, доносившийся снаружи, захлебнулся и смолк — видно, мудродейке замазали рот.

— Где мои люди? — хмуро спросил он.

— На зрелище собрались, прика...

— Заткнись!

Он потянул к себе пестротканый балахон, в который его облачили вчера, едва они прибыли в Межозерный стан. Караван, чуть ли не полдня пропетлявший по узким каньонам и подземным тоннелям, где Харру приходилось передвигаться на полусогнутых, а горбам — пригибать длинные, как у строфионов, шеи, только поздно вечером выполз на каменистый берег узкогорлой бухточки, обставленной сказочными лазоревыми теремками межозерной знати. Окольные селились по склонам гор, круто сбегавших к озерной воде, и их плитняковые хижины, теснившиеся друг у друга на крыше, напоминали соты горных пчел.

В гостевальной хоромине, как и предупреждал его Иддс, ему, как старшему караванному обережнику, первому оказали честь — сняли промокшие в подземном лабиринте одежды, долго маялись с белыми джасперянскими сапогами, пока Харр сам их не раскнопил, облачили в сухое и нахлобучили невыносимо мешавшую ему шляпу с громадными полями, спереди свернутыми в трубочку, заколотую булавкой с бесценным синим камнем. Под ноги подсунули расшитые шелками шлепанцы на толстой голубой подошве — вероятно, по здешним меркам просто громадные; Харр долго трудился, вколачивая в них ноги, но пятки все равно свешивались; хорошо, подбежала проворная телеска, подвязала голубыми лентами, а то потерял бы на первых же двух шагах.

Насколько Харр успел заметить, таких же забот удостоился только глава купецких менял, с довольной ухмылкой подмигнувший ему — мол, все путем, сейчас еще и накормят на славу.

Харр уже наслышался по дороге о пирах-обжираловках, надолго оседавших в памяти стражей, которых кормили хоть и не голодно, но однообразно. Поэтому, не прислушиваясь к подробностям, он заходя предвкусил шумное пиршество с застольными байками, песенками срамного пошиба и прочей мужицкой веселостью.

Ничего подобного. Их сразу же развели по отдельным комнатам, где хоть и были накрыты столы, но один вид дежурного сотрапезника, после каждой перемены блюд поочередно осведомлявшегося: «А здоров ли третий сын аманта ручьевого?» или «А не занемогла ли матушка аманта лесового?», вселял тоску, доводящую до жгучей изжоги, тем более что на блюде с маринованной головой озерного сома ему вдруг почудилась отечная харя лесовой матушки, что окончательно подкосило его аппетит. Блюда уносили нетронутыми (как он догадывался — сперва главе купецких менял, затем поочередно всем рядовым караванным менялам, и уже остатки — стражникам), но вот бурдючок с крепкой ягодной наливочкой он рукой придерживал, да так до конца застолья и прикладывался, пока не выкушал до сухого доньшка. Ягода была дурманная, и голова наутро трещала немилосердно.

Чтобы проветриться, он пошел вон из гостевальной хоромины и, как нарочно, угодил прямо к шапочному разбору мерзейшей церемонии казни.

На мощенной плитняком площади, которую они вчера миновали в сумерках, не очень-то озираясь по сторонам, было вкопано около десятка столбов разной высоты, и между ними, не касаясь земли, было растянуто то, что когда-то было молодой и стройной женщиной с тончайшей талией, грубо захлестнутой

веревками, и длинными волосами, которые, связанные в пучок и вздернутые вверх, не позволяли опуститься голове, как и все тело, покрытой густой синюшной блевотиной тутошнего звероящера. На страшной маске неподвижного лица время от времени вспыхивали ослепительными белками безумные глаза, старательно не тронутые опытными палачами.

В толпе, окружавшей пыточные столбы, то и дело мелькали переходящие из рук в руки лазоревые кругляшки монет — на кон шли последние пропойные денежки, поставленные за или против того, откроет ли обреченная мудродейка еще раз свои поганые очи. Острый взгляд Харра уловил и травяную зелень звездчатых плюшек, имевших хождение в Зелогривье, — это караванная стража не могла пропустить непредвиденное развлечение. Он передернул плечами — вот уж мерзость, какой не бывает на Тихри: позволять солнцу глядеть на муки казнимого. На родных дорогах, конечно, хватает отребья, по которым локки ледяные плачут, но тех хоть спускают в глубокие ямины, подальше от людских взоров, солнечных лучей и милосердных анделисов.

Дикий мир...

Он заметил в толпе Дяхона и кивнул ему: отойдем, мол. Тот понял и начал выбираться. Перед Харром, праздничный наряд которого сразу бросался в глаза, с поклонами расступались, и он направился к озеру, сердитое дыхание которого долетало даже досюда в виде неуловимых для глаза брызг, покалывающих лицо. Харр немного поднялся по склону прибрежной крутой горы и уселся на замшелый валун, чтобы видеть под собой всю бухту, в узкую горловину которой с методичной яростью прорывались озерные волны, чтобы внутри нее уже кротко разбежаться прозрачными аквамариновыми кругами.

Подошел Дяхон и, крихтя, опустился возле камня на землю — видно, повисшая в воздухе мокреть и

пронизывающий ветер не по вкусу пришлись старческим косточкам.

— За что это ее?.. — не удержался от привычного любопытства вечный странник.

— А, полоумная была, язык за зубами держать не умела. Вишь, нагадала озерному аманту, что тот помрет вскорости. Тот, ясное дело, и ответил; а ты, мол, не дожدهшься... Вот и не дождалась.

Дикий мир, дикий.

— Что ж он полюбоваться-то не пришел?

— А то! С крыши и глядел. И моховой с луговым там же.

Харр про себя выругался: начальник стражи должен быть наблюдательней.

— А наши купчины где?

— А их еще утресь, как водится, тутошние менялы по домам своим растащили, там улещивают да охмуряют... только наши не таковские, поблажки не дадут. Тут все путем. С большой прибылью будут.

— Почему так? — равнодушно спросил Харр, которому торговые дела, в сущности, были как до светляка поднебесного.

— Дождь-то был тут не то как у нас — все посевы с луговин смыло, волна не дает лодкам на большую воду выходить, а в бухточке много ли наловишь? Вот и выходит, что запасы они быстренько растрясут, а по лихолетью караваны-то не часты. Вот и сообразили наши-то, что ныне горбаней грузить не цацками диковинными, а хлебной мукой да мясом вяленным стоит, и в самую точку попали! А уж чтоб продешевить...

— Ты вот что, — восхищаясь осведомленности и сообразительности собеседника, велел Харр. — Возьми вот три деньгí да вечером, гуляючи, присоседейся к кому поболтливее из здешних. Бурдючок сообрази. А между делом проведай, кто из амантов для себя — или для отпрыска своего, в возраст входящего, — невесту приглядывает. Сможешь?

— А то!

— Ну тогда гуляй. — Дяхон проворно не по годам поднялся. — Эй, погоди-ка. Я ведь тут впервой, мне здешние обычаи неведомы. Как ты думаешь: ежели я скину балахон этот гребаный да туфли бабьи — не обидятся?

— Никак нельзя, воин-слав Гарпогар! Кто званием облечен, тот обычаи пуще прочих блюсти должен. Терпи.

Ну, строфион их долбани, долго же они думали, прежде чем такие почести изобрести! И по горкам не ползаешь, и в подземные ходы, как он намеревался, не заглянешь. Сиди тут на свежем воздухе да аппетит нагуливай, вот и всех радостей. Гостевую хоромину местные стерегут, а у его людей и мечи поотбирали, чтоб никаких свар с межозерной стражей по пьяному делу не случилось. Так что и забот никаких.

— Девку бы какую прислали, за казенный счет, — тоскливо проговорил он. — Это-то хоть можно?

— А то!

— Ну вот и вели.

Дяхон удалился, а Харр еще долго сидел на ветру, вглядываясь в немилую его сердцу водную даль. Где-то там, на другом берегу озера, должно было бы расстилаться бескрайнее болото, но, если верить рассказам немногих очевидцев, после проливных дождей ни берега, ни болота не было и в помине, одна хлябь плескучая. Это навевало какую-то неосознанную тревогу; может быть, ему следовало возвратиться на то же самое место, где он впервые появился в этом уже начинающем надоедать ему мире? Этого он не знал. И как выбраться отсюда, тоже не ведал. Смутное ощущение, что это произойдет как-то помимо его воли, у него теплилось — его сюда переправили, значит, и забота о том, как назад ворочаться, не на нем, а на принцессе чернокудрой и своенравной сверх всякой меры. Только б она про эту заботу не позабыла...

А может, и по-другому все сложится.

Когда он вернулся к себе в гостевую хоромину, за-казанная девка была уже на месте, не по-здешнему темнокожая и неохватная в бедрах под стать Махиде. Не иначе как Дяхон расстарался, сам выбирал. Стол был также накрыт, и застолье потекло не в пример вчерашнему: после каждого блюда — остановочка. А потешившись — опять к столу да чашам немерным. Где-то за полночь он, умаявшись, ненадолго заснул, а открыв глаза, обнаружил, что она сидит, поджав ноги, на постели и при слабом трепете свечей на рыбьем масле (запах которых был единственным, что отравляло ему сегодняшнюю ночь) разглядывает его чуть ли не благоговейно.

— Ты чего? — спросил он, невольно натягивая на себя верхнюю перину.

— Да вот скольких тут потчевала, а такой радости, как от тебя, ни от кого не видала...

— На том стоим, — самодовольно усмехнулся воин-слав Гарпогар. — В том и первая повинность истинного рыцаря перед дамою, чтоб не отпускать ее от себя, пока выше горлышка счастьем не переполнится.

— Ну и всех переполнял?

— Да вроде... — И тут по сердцу скребнул остренький коготок: ох, не всех ведь...

Он мотнул головой, отгоняя смущавшее его воспоминание, и поднял приятно млевшую руку, чтобы поиграть многочисленными бусами, разлегшимися по необозримой, как разлившееся озеро, груди. Последним, на что наткнулись его пальцы, был жесткий плетеный ободок тоненького ошейника.

— Да ты что, телеска невыкупная? — изумился он. — За что?

— Не бери в голову, сладость моя, — промурлыкала она, наклоняясь к нему и зарываясь лицом в белоснежные его кудри. — Я ведь тешить тебя на-

ряжена, а не слезу давить. Да и ночи почти не осталось...

— А ты не уходи, у меня еще одна впереди темнеется, вот ты и посветишь мне, как солнышко.

Она вдруг зашлась низким, басовитым хохотом:

— Ой, сказал! Где ж ты черное солнышко-то видывал?

А он вдруг изумился мысли, которая чуть было не сорвалась у него с языка: он ведь на своем веку видел уже три разных солнышка, не считая тех блеклых ночных, что гуляли над Бирюзовым Долом...

— Рассказала бы про себя, — торопливо проговорил Харр, чтобы не начать болтать лишнее. — Я ж не знаю, как и величать-то тебя.

— Мать Ласонькой нарекла, теперь вот Ласухой кличут... А вот про долю мою женскую ты тоже первый спросил. Только с чего бы?

— А дочка у меня на выданье, — с привычной легкостью соврал он. — Вот и вертится на уме, как-то у нее жизнь обернется. Тем паче, в своем стане женихов завидных нет, кто не в летах, кто домом не крепок. Наш амант стеновой и рад бы породниться, да малец у него еще соплив да своенравен... А тут как?

— Про Мохового не думай — сын один, да золотушный, потому как батюшка его мхами подземными вконец затравлен. Не жильцы оба. У Лугового девки две. Озерный сам холост, жену приглядывает, но только ты и думать о нем не моги; четырех жен в озеро спустил, рыбий хрящ!

— Да ты что? И ему позволили?

— А кто запретит? Он и сам, точно зверь-блѣв, каждый раз слезами обливался: мол, самым дорогим жертвую! То рыбий недород — он первую свою сгубил; потом озеро зеленью гнилой пошло — он и вторую притопил; не помню уж, за что третью, а четвертую вот только что, чтоб лихолетье прекратить. Последняя-то жена нашей мудродейке сестрой

приходилась, вот и разошлась вещунья, напредска-
зывала, да на свою же голову.

— Ну спасибо, упредила.

— Если что еще — спрашивай, я ведь много шепота межперинного наслушалась...

— Мне тот шепот ни к чему, у нас теперь всего одна ночь с добавочкой утрешней, так что не будем отвлекаться!..

Больше и не отвлекались — все, что нужно было, начальник караванной стражи уже намотал на ус. Когда совсем рассвело и проворный телес втащил переполненный поднос с утренней снедью, прошептал Ласоньке на ухо:

— Я отлучусь ненадолго по службе, а ты отоспись, а потом приведи сюда менялу купецкого, у которого уборы женские да побрякушки всякие водятся.

Она радостно закивала; мол, будь спокоен, а я уж расстараюсь, поскольку чую — и мне перепадет... Перепало. Когда, вернувшись, он зашел в комнату, в глазах зарябило от блеска и пестроты украшений, разложенных прямо на заправленной постели. Харр выбрал для Махиды трехрядное ожерелье из лиловых озерных ракушек; нижний ряд был дополнен подвесками из некрупных рыбьих пузырей, крытых тоненьким слоем здешнего голубища — по нему, пока не просохло, насыпали рыбью чешую, которая влипла намертво и теперь переливалась звездным блеском; Мади он сразу присмотрел скромную ниточку неровных желтоватых жемчужинок, которые здесь никто за монетки не считал. А когда очередь дошла наконец до Ласухи, ожидавшей своего череда в углу, она сразу же наложила смуглые ладони на массивные наушные подвесы в виде огненно-алых колец, повитых золотой нитью; оглянулась на Харра — можно ли?

Харр кивнул: можно. Подвесы оказались что-то непомерно дороги, но воин-слав торговаться не привык. Сделку обмыли за казенный счет, и меняла убрался до-

вольный донельзя. Пребывание в Межозерье завершалось, и до Харра доносилось поцокивание копыт последних горбаней, которых выводили из внутреннего дворика гостевой хоромины. Странствующий рыцарь, отоспавшийся и отъевшийся рыбой, которая на Тихри была так редка, что считалась исключительно княжеским лакомством, предвкушал роскошную ночь; собственно говоря, так и было — но до первых звезд. А потом все обрыдло. Он вспомнил узкую, как у кувшина, горловину залива, куда со свирепым напором старались пробиться серые озерные волны — проникнув туда, они сразу утишались и едва доплескивались до берегов, усмирные, безопасные, огражденные поносной зеленоватой каемочкой спущенных в воду помоев.

Харр промаялся еще часа два, а потом плюнул, накинул на плечи верхнюю перину и выбрался на крышу, где, к своему удивлению, наткнулся на Дяхона.

— Ты чего это тут?

— Да у нас не продохнуть, на каженной койке по две девки сопят...

Харр засмеялся — он давно подозревал, что Дяхон прижимист, вот и вышло, что был прав: старина не позволил себе спустить ни единой зелененой монетки.

— Ступай в мою горницу, а я подышу ветерком озерным до рассвета. Только не вздумай девке платить — и так одарена!

Дяхон замаялся, но потом решился, подобрал мешочек снаменяными здешними монетами и нырнул в лестничный проем. Харр хрустнул косточками, завернулся в невесомую перину и растянулся на плоской, ничем не огражденной крыше, глядя в звездное, совсем не джасперянское небо. Давненько не ночевал он вот так, как, бывало, в чистом поле, и не было слаще воздуха, чем тот, что не отделен от неба рукотворной крышей... Глаза его блаженно сомкнулись, и показалось даже, что над головой зашелестели вековые деревья. Как всегда между явью и сном, мысли

мелькали неясные, разрозненные, то об одном, то о другом. Вот и тут подумалось: ежели б не звезды, над головой была бы непроглядная темень — то самое колдовское НИЧТО, перелетев через которое можно было бы вернуться на Тихри. И всего-то пустяшное дело — звезды пригасить да в небо взлететь!

Хоть бы приснилось...

Первый луч солнца разбудил его, и он, еще не разомкнув глаз, снова услышал над собой нежный шелест. Вроде не было рядом никаких деревьев... Он потянулся и глянул в щелочку меж ресниц — мать моя страфиониха, да ведь смерч над головой! Испугаться, правда, по-настоящему не успел, понял: кружит над хороминой невообразимая туча озерных стрекоз, точно призрачный ветроворот.

— Меня, что ли, сторожите? — засмеялся он собственному страху. — Караул окончен, все свободны! И тучи как не бывало.

Он поднялся и, кое-как завернувшись в сбившуюся комом перину — негоже, чтоб начальника стражи кто-нибудь да нагишом застукал! — отправился будить Дяхона. Переступил порог — и не удержался, чтобы не прыснуть в кулак:

— От-ставить! Задери тебя пирлюха...

Славный вояка блаженно посапывал, млея на брюхе, а Ласуха, мерно покачивая наушными кольцами, попыхивающими алыми сполохами, с бесконечным унынием чесала ему пятки.

Обратный путь оказался на удивление скор: в лабиринте подземных ходов проплутали чуть ли не вдвое меньше, да и далее по лесным тропкам проворнее шагало без капризных горбаней, оставленных в Межозерье на мясо. Стража за малую плату разобрала купецкую поклажу — небольшие кожаные мешочки, туго набитые голубыми монетами; собственное наменяное и не пропитое добро хоронилось в кисетах на груди. На удивление Харра, купецкие менялы шагали

упруго и размашисто, не отставая от тренированных воинов — видно, привыкли держать себя в форме, да и пожилых в караван не брали. Не то, что на Тихри — там что старше, тем почету больше.

— Помстилось мне или мы всю подземку вдвое быстрее миновали? — мимоходом спросил он Дяхона.

— А то! Когда туда шли — нас четырежды четыре раза проверили, нет ли средь нас лазутчика вражьего. Потому и водили по тупикам да путям окольным.

— Как же — проверяли? Нечувствительно вроде, — засомневался Харр.

— А вот это нас не касается — как, — равнодушно отозвался Дяхон. — Это уж ваше, колдовское да чародейное дело.

— Да ты что, меня все еще за ведуна держишь? — удивился менестрель, считавший, что давно покончил с верой в свои магические способности.

— А то! Окромя тебя, кто б на дом аманта лесового навел Солнечного Стража?

— Не слыхал про то, — деланно зевнув, проговорил Харр, у которого еще слишком свежи были в памяти здешние традиции обращения с ворожеями. — И вообще в ту ночь я дрых без задних ног, мне ведь моя Махидушка по вечерам не пятки чешет...

— Как же, — степенно возразил Дяхон. — То-то ты сразу сообразил, про которую ночь я рассказываю. Твое чародейство, а всему становищу — радость. Ведь не тебя одного хряк лесовой в ухо приложил.

И про это, оказывается, все знают! Во народ языкастый.

— А ежели я — колдун, то почему ты меня не боишься? Думаешь, своего не обижу?

— А то.

Цепочка караванников меж тем уже выходила на кромку Успенного леса. Внизу, выгибая золоченые дуги куполов, россыпью игрушечных теремов означилось Зелогривье. Вот он и дома.

А точно ли — дома? Он размашисто шагал по змеящейся вниз дороге, обгоняя весь караван и лихо перемахивая через змеиные ловушки по наскоро наведенным к их возвращению дощатым мосткам, и пытался разобраться в собственной поспешности. Что не Махидина многострадальная постель, крытая жаркими шкурами, влекла его, он признался себе сразу. И не амантовы хоромы с лакомым столом и завидными детишками. И не обещанный собственный дом.

Он сунул руку в карман и нащупал не крупные горошинки жемчужного ожерелья. Хорош чародей, от которого девка чуть ли не в слезах убежала! Он, конечно, знал, что попервости — это не каждой в радость, но чтоб вот так принимать его ласку, зажмурившись и сжавшись в комочек, словно это была мука смертная, — такое с ним было единственный раз в жизни. И, он надеялся, в последний. Позорище да и только, Харр по-Харрада, рыцарь ты хренов. Хорошо еще, дело это поправимое, надо будет только Мадиньку подстеречь где-нибудь подальше от Махидиных ушей и предельно доступно объяснить, что того, чего она желала, с одного раза, как правило, не получается, так что пошли-ка, милая, снова в рощу, да кувшинчик духмяной наливочки прихватим, чтоб не трястись снова от страха девичьего — тьфу, то есть уже не...

Он помотал головой, отгоняя от себя уже решенную проблему. Мадиньку вразумит насчет того, в чем главная сладость жизни, и тем свой долг паладина выполнит. Он оглянулся на шагавшего следом Дяхона и, причмокнув, сказал сам себе: «А то!»

— Ась?

— Это я так. Ты топай, топай. Аманту скажешь — я домой забежал, скоро буду.

Возвращение небольшого каравана никоим образом отмечено не было, ни звоном колокольным, ни ог-

нями сигнальными; знать, не Тихри, где обмен товарами с двух разных дорог — редкость, доступная только княжеским купчинам. Так что нагрянул он к Махиде нежданно-негаданно — не грех было проверить, не завелся ли в обжитом стойле чужой жеребчик.

Махида, принаряженная и заплетенная в полусотню косичек, сидела на пороге — шила что-то пестрое крупными небрежными стежками. Харр, подошедший к дому бесшумно, некоторое время подозрительно наблюдал с порога за нею, придирчиво оглядывал убранное цветами жилище — для кого старалась? Но по тому, как вскинулась она, уронив шитье, как бросилась навстречу, едва не своротив очаг, понял: ждали его. И окончательно похерил все свои подозрения, когда она, даже не примерив трехрядного ожерелья (в жисть бы не поверил, что она способна на такое!), мертвой хваткой вцепилась в его дырчатый кафтан и поволокла в койку.

Что-то новенькое появилось в ней — собственническое, непререкаемое. Так только... хм... только под венец тянут.

Он, снисходительно ухмыльнувшись, позволил побаловать себя — так сказать, «со свиданьем», потом резко поднялся:

— На доклад пора, амант ждет.

Она было заверещала, но он даже не стал трогать слов, только гулко хлопнул себя по аспидно-черному колену, аж пирли под потолком зашебуршали, и поднялся.

— Да, чуть не забыл. — Он вытащил из кармана жемчужную нить и повесил на сучок, торчавший над койкой. — Это Мади, а то еще обидится.

— Да видно, уже обиделась — залетела на миг, нацарапала что-то на кружалах своих и больше глаз не кажет.

— Ну, забежит снова — отдашь, — деланно-равнодушным тоном проговорил он и сам подивился

тому усилию, с которым он подделывал это равнодушие.

А у аманта в доме его первым делом встретил смуглый носик Завулони, высунувшийся из зеленой бахромы:

— Ну что? Продали?

Он понял, что она имеет в виду себя.

— Никак нет, — шепнул он, легонечко прихватывая ее нос двумя пальцами. — Не быть тебе невеселой. Брысь!

Она шутя цапнула его руку острыми зубками и, повизгивая от радости, легко умчалась куда-то в глубину дома.

Амант выслушал его доклад как подобает — глядя поверх головы и не дрогнув ни одним мускулом на обросшем черным волосом лице. Неожиданно спросил:

— Внакладе-то ты не остался?

Харр пожал плечами — со здешними ценами он еще не освоился и поэтому не знал, на сколько потянут те голубые наменяные монетки, которые уцелели после расчета с Ласонькой.

— Ладно. Запомню. — Противу ожидания, амант с наградой решил, видно, повременить. — Когда вдругорядь соберешься?

Харр не ожидал такой прыти, но аманта, похоже, всерьез занимали перспективы сватовства.

— Только не начальником стражи, — сказал он неопределенно. — А то обрядили меня, точно обормонта балаганного...

Амант весело заржал:

— Так это ж для того, чтобы за тобой легче присматривать было! И девку, чай, приставили к тебе ненасытную. Что, не так?

— Так-то оно так, да я приладил ее к одному престарелому, пятки чесать.

Иддс изогнул брови с неподдельным уважением:

— Да ну? А вот я б не пренебрег.

— Долг сполнять было надо, про женихов выведывать! — слегка заврался Харр, но амант этого не прочувствовал.

— Сказал — запомню. Так когда?..

— Дай со своей-то побаловаться...

И про долг паладина не забыть.

Но Мадинька не пришла ни на другой день, ни на третий. Харр, наплевавший стеновому про то, что надо-де хорошенько проверить городскую стражу, принялся бродить по улочкам, стараясь по каким-нибудь приметам отыскать дом рокотанщика. Наконец ему повезло — чуткое ухо менестреля уловило дребезжащий перебор ненастроенных струн.

Круглое строение с окнами в один уровень было, однако, слишком высоко, чтобы забраться на крышу; по всей вероятности, высоту эту увеличивало ограждение, превышающее человеческий рост, сложенное из зеленых кирпичиков с частыми просветами, в который, впрочем, едва ли могла протиснуться детская рука. Из этих дырок, щетинясь, лезла темная колючая зелень. Окна, перечеркнутые крест-накрест золочеными прутьями, тоже были недоступны, а дверей — Харр обошел странный дом дважды — и вообще не наблюдалось. Ощущение подозрительной настороженности усиливала торчащая из середины крыши башенка с совсем уже узенькими прорезями — в такие только одним глазом и глядеть возможно. Зато ни копье, ни стрела не достанет того, кто был внутри.

Не иначе как старый хрыч в глубоком детстве пережил нешуточную осаду, да так и остался на всю жизнь от страха пыльным мешком трахнутый.

Харр обошел негостеприимный дом еще раз, но глядя уже не на него, а на расположенные поблизости строения. Одно здание, с виду совсем нежилое, судя по полному отсутствию зелени в окнах, ему по-

ложительно приглянулось: это была замысловатая башня, верхушкой своей возвышавшаяся над всеми окрестными домами, не больно-то широкая в своем основании. Вьющиеся спиралью оконца указывали на винтовую лестницу с некрутыми ступенями, а вот на верхушке, как нашлапка, на высунувшихся веером здоровенных балках располагалось жилое и довольно просторное помещение с пустыми прорезами окон. Дверь была притиснута здоровенными досками крест-накрест, в прилестничные оконца не протиснешься — а жаль, домик-башенка очень и очень подошел бы прямо сейчас. Но не ломиться же!

Пока он исследовал сей гипотетический наблюдательный пункт, мимо просеменили неуверенные шажки. Он косо глянул — и снова оборотился к облюбованной башне, потому как проходила всего лишь убогая старушенция, с ног до головы закутанная в бесформенную вылинявшую хламидку, но выдающая свою немощь шаркающими дрожливыми шажочками. Послышалось серебристое позвякивание — Харр глянул на прохожую еще раз и удивился: чем-то поблескивающим она стучала по решетке одного из окон рокотанова жилища. Последовал кракающий звук, и окно вместе с подоконными кирпичами резко поехало вниз, пока не сровнялось с землей. Из серого рубища выпросталась узкая ручка и каким-то хитрым нажатием сдвинула вбок решетку.

— Эй, уважаемая!.. — окликнул ее Харр, и она медленно, словно через силу, обернулась.

За эти несколько дней она умудрилась так исхудать, что от смуглого прелестного личика, почитай, ничего и не осталось — блеклая серая тень, обрамленная серыми же крыльями ветхого покрывала. И только огромные золотые глаза лучились тревожным светом, перебегая с одного предмета на другой, точно пытаясь отыскать ответ на какой-то неразрешимый вопрос.

— Махида тебя заждалась, — проговорил Харр, покашливая, лишь бы что-нибудь сказать.

Глаза заматались еще беспокойнее.

— Да не бойся ты меня, не хочешь — не трону, — еще тише буркнул он.

Бесцветные губы неслышно шевельнулись.

— Не желаешь со мной говорить — Махиде поплачься, подружки как-никак, — пробормотал он, от собственного бессвязного лепета уже заходясь бешенством. — Да уйду я с караваном через пару дней! Не будет меня!

— Не знаю... — различил он наконец едва уловимый шелест. — Я ничего не знаю... Я хочу узнать... Но ведь и ты не знаешь?..

Ничего не понимая, он невольно сделал шаг вперед, но она тут же отступила в глубь своей затейливой двери, и та сразу же поднялась, став прежним окном. Харр еще некоторое время стоял, тупо глядя, как затихает шевеление потревоженной зелени за скользнувшей на место решеткой, потом в сердцах плюнул и пошел прочь, поминая собственную родительницу вкупе со всеми строфионами, джаяхуудлами и смрадными сёкосоями родимой Тихри. И только отойдя шагов на сто, он переключился на непорочных дев со всем их чадолюбием и недотрожеством.

Иддс, к которому он ввалился еще весь встрепанный, даже не поинтересовался причиной такого поспешного изменения в его планах и тем более — необъяснимой сменой настроения, а только предупредил, что на сей раз путь будет неблизким — идти придется в Серогорский стан за железáми, потому как в двух ночных схватках с подкоряжниками у некоторых стражей оружие совсем пришло в негодность.

«Да и было-то оно хреновато», — чуть не брякнул Харр, но сдержался.

Собрались на третий день, и путь в самом деле оказался непростым — сперва дошли до уже знакомого

Межозерья, а там пришлось задержаться и изрядно потрясти мощной: во-первых, притомившихся горбаней сменить на свежих (своих же зелогривских, еще не съеденных, а томящихся в стойлах) — приплатили, правда, немного; больше ушло на ведуна, что ветер заговорил, да на кормщика, подогнавшего к становому причалу здоровый, ладно связанный плот. На мокрые бревна завели оскальзывающихся горбаней, нагруженных самым различным товаром (вестников из Серостанья не было, так что пришлось все брать наугад), и, отталкиваясь шестами, повели плот вдоль пологого берега и далее, к выходу из бухточки. Заговоренная вода была тиха и сонлива, и только пенный бурун взрезал зеленоватую гладь и, очертив плавную дугу, замер прямо перед плотом; Харр сразу углядел змеиную головку и загнутый, точно рог, хвостовой коготь уже знакомого ему плавунца.

Кормщик накинул на хвост что-то вроде аркана из голубой неразрывной плетенки, гортанно вскрикнул, так что пришлось удерживать рехнувшихся в испуге горбаней, и плот тихонечко тронулся вправо, оставляя за собой поросшие сизоватым кустарником скалы с прилепившимися на их краях хижинами озерного становища.

Путь по тихому, заговоренному озеру, занявший чуть не три полных дня, был последней удачей этого путешествия. В Серостанье прибыли к ночи, и Харр, передавший Дяхону свой богатый плащ, а сам переодевшийся в грубые сандалии и жесткую подкольчужную рубаху простого воина, угодил вместе с остальными обережниками в сырую казарму, куда только часа через два начали подавать обеды с купецких столов. Пришлось уснуть голодным, но тут сразу зашестуршал дождичек, и камышовая крыша нещадно потекла. Едва дождавшись рассвета, Харр отправился на поиски Дяхона по бесчисленным закоулкам гостевальной хоромины и нашел неожиданно скоро — в переходе на

чистую половину для именитых гостей на полу сидела девка, зябко кутаясь в алую накидку. Чем-то она напоминала Ласоньку — по сей немудреной примете Харр безошибочно определил искомую дверь.

Дяхон, как он и ожидал, после обильной трапезы дрых без задних ног, по-старчески покряхтывая во сне. Комната после вечернего пиршества уже была прибрана бесшумными вышколенными телесами, но Харр сообразил заглянуть под пышную (небось впервые в жизни вояке досталась!) постель и тут же обнаружил под нею четыре припрятанных блюда со всевозможными копченостями да печеностями; одна беда — вина было маловато, кувшин, видно, стоямя не поместился, так старина Дяхон налил два полных кубка и лепешками прикрыл. Лепешки провисли и намокли, от них несло чем-то кислым и чуточку тревожным. Харр помял в пальцах клейкий комок, но в рот отправить побрезговал, выцедил только то, что на донышке осталось.

Вино тоже было с непривычным вкусом.

Привыкший доверять не подводившему его чутью, Харр, не оставляя без внимания роскошную козью ногу, запеченную в тесте, внимательно оглядел Дяхоновы покои — и в самом деле, с чего бы это телесам так старательно все прибирать посреди ночи? И тут его осенило: обыскивали. Вот и мешок «начальника караванной стражи», где Харр спрятал до обратного пути свои белые нездешние сапоги и верхнюю одежду, никак не соответствующую принятой им на себя роли обыкновенного рядового стража, — этот мешок был аккуратно завязан кокетливым бантиком, на что старина Дяхон с его загрубелыми пальцами ну уж никак не был способен.

Харр покончил с поздним ужином — или, вернее, с ранним завтраком — и попытался Дяхона растолкать. Не тут-то было: старый вояка только очумело тряс головой, валился на бок и продолжал

храпеть, только теперь побряхтывание сменилось постаныванием. Охваченный недобрым предчувствием, Харр вылетел в коридор и пнул девку:

— Воды принеси! И поболее!

— Кого-кого?..

Так. Дяхон, значит, прежде чем выгнать ее вон, угостил со своего стола — благо за казенный счет, чтоб больше ничего не клянчила. Но девка, видно, битая-ученая, сонь свою превозмогла и поднялась, почти не открывая глаз.

— Два кувшина холодной воды господину начальнику караванной стражи! На голову!

А сам помчался, чуя недоброе, во внутренний дворик, где на кучах свежей озерной травы должны были отдыхать разнузданные горбани и висеть на крюках мешки с поклажей. Походя пнул попавшихся по пути стоявших на дозоре — а точнее сказать, непробудно спавших — стражников, запоминая в лицо, чтобы потом расквитаться, и влетел во двор.

Все было на месте. Только горбани вскинулись пугливо, и свежие охапки водорослей у них перед мордами были почти не тронуты. Он с сомнением покрутил головой, на всякий случай проверил пару мешков — не камней ли подложили, товар забрав?

Нет, ничего не пропало. Но обыскали обстоятельно. Он медленно вернулся назад, старательно оглядывая все уголки сонной хоромины. Спали даже телесы, как видно, успевшие полакомиться опивками с ратного стола. Но прямой угрозой ниоткуда не тянуло, хотя в беззащитный дом мог бы зайти кто угодно. Дяхона он застал уже стоящим на ногах в чем мать родила — мокрое насквозь покрывало валялось на полу возле ног. Девка, точно выполнившая приказание, опять пристроилась в углу, примостив себе под голову Дяхонов мешок.

— Все опоены, — коротко поделился новостями Харр. — И обыскали все до последнего кисета, так

что надо проверить, что пропало. А стражам накажи, чтоб нынче вечером вина — ни-ни!

Дяхон потряс сивыми кудельками, как пес, выбравшийся из воды.

— Чего проверять, — пробормотал он с досадой, — за покражу из гостевальной хоромины знаешь что полагается? А что обыскали, то это путем. Кто хозяин, тот и вправе. Серогорским пальца в рот не клади...

Крайне озадаченный такой точкой зрения, Харр не нашелся даже что возразить. Значит, тут такое было в обычае, а чужих обычаев он не касался.

— В утрешнюю стражу меня поставь, — велел он только. — Чтобы я потом всю дорогу свободен был.

— Как прикажешь, господин.

— Тише ты! Девка услышит.

— Не. Напоена.

Стало быть, когда сам пил да девку поил — догадывался. Выходит, и Дяхону, хрычу старому, до конца доверять нельзя.

Он стал на стражу (по всей видимости, совершенно бесполезную) возле входных воротец, отливавших, как и следовало по названию становища, жемчужно-серым покрытием. И сразу же пожалел о своем решении: двух глотков и ему хватило, чтобы в сон потянуло неудержимо. Только выучка бывалого странника, привыкшего не спать, ежели надобно, позволила ему остаться на ногах. Но намаялся он вдосталь, и челюсть онемела от постоянных зевков. Едва дождавшись обещенной смены, он забрался в покои Дяхона и, расстелив на полу плащ — чтобы не вызывать недоумения чересчур дотошных телесов, что развалился на господской постели, — тут же отключился.

Разбудила его первая подача вечерних яств — стянув потихоньку обжигающий руки пирог, чтобы снова два часа не дожидаться объедков, он побрел на простолюдную половину. Там уже пили, и по

тому, как искоса глянули на него, он понял: Дяхон велел-таки им воздерживаться. Сейчас они ждали: повторит ли бывший начальник свой приказ?

— Вы с пойлом-то полегче, — неопределенно велел Харр, сообразив, что полный запрет на выпивку несомненно вызовет подозрение у неведомых ему соглядатаев.

Кругом него радостно закивали и прикладываться стали мелкими глоточками, что, впрочем, не уменьшило скорости поглощения вышеупомянутого пойла. Зашумела застольная беседа; все, оказывается, уже были в курсе, что торговля идет хуже некуда, в серокаменном становище лихолетье уже объявлено, но никакой угрозы пока не наметилось, потому товар продают только за живые деньги и кубышки зарывают поглубже на случай неожиданной беды. Ну, и цены ломают просто невозможные. Менялы купецкие пока держатся, пугают тутошних, что товар заберут да подадутся обратно в Межозерье, но тутошние не лыком шиты, про нужду в железах сразу смекнули; да и межозерские не круглые дураки, как обратно серостанский караван намылится, сразу поймут, что брать можно будет и подороже, чем в прошлый раз. А за зелененую монету тут менялы дают...

Были все эти разговоры ну столь тоскливы, что Харр не выдержал и, притулившись в углу, доспал свое, несмотря на шмелиный гул голосов.

Разбудило его щекотное прикосновение: его раздевали. Еще не открыв глаз, он почувствовал на лице жаркое пряное дыхание — обладательница блудливых пальчиков, похоже, жевала духмяные листья, возжигающие похоть. Он весьма некуртуазным движением смахнул с себя распутную даму и поднялся, потягиваясь.

Да так и остался с разведенными в стороны руками и плечами, застывшими на половине хруста. По мужским разговорам, что порой давали сто очков впе-

ред бабским, он понаслышке знал, что такое свальный грех, но одно дело — поржать над чашей забористого хмеля, а другое — вот так продрать глаза и — с добрым утречком! — понять, что сам чуть было не вляпался. Он бесцеремонно переступил через какого-то ретивого воина, в кафтане, но без порток, обихаживавшего одну девку и одновременно придерживавшего за косу вторую — про запас; обогнул сложносочлененную конструкцию из неравного числа женских и мужских тел и выбрался наконец в продуваемую ветром галерею, выходящую прямо на озеро рядом широких, ничем не забранных окон. На фоне начинающего светлеть неба можно было разглядеть, что на каждом притулился какой-то несуразный кривобокий кустик. Чтобы выдохнуть из себя всю мерзость своего пробуждения, Харр сунулся в крайнее окошко — и взвыл от боли: длинные жгучие шипы, невидимые в полутьме, впились в его щеку. Шипя уже более от злости, он принялся вытаскивать колючки, время от времени стряхивая с ладони кровь. Хорошо было бы промыть зудящие царапины вином — с этой мыслью он двинулся в отведенные Дяхону покои (не к себе же!), но вовремя остановился, не найдя возле двери вчерашней девицы. Прислушался. Горестно вздохнул — из комнаты доносилось слюнявое старческое хихиканье. А то!

Он махнул рукой и спустился в скотный дворик, где можно было найти хотя бы водопойное корыто. Здесь было совсем темно, но по хлестким ударам и сдавленным стонам он сразу определил, что в дальнем углу кого-то бьют, причем это не честная драка, а злобный мордобой, где жертва ко всему еще и зажимает себе рот, чтобы не закричать в голос.

— А ну, геть отсюда! — гаркнул он начальственным басом.

По характерному стуку каменных лапотков он определил, что порхнувшие во все стороны были про-

стыми телесами. Добрался до угла на ощупь, тронул рукой — тело беззвучно сжалось, ожидая новой беды. Девка.

— За что это тебя? — полюбопытствовал Харр.

Она все так же молча начала отползать в сторону.

— Помочь?

Она все уползала, уползала... исчезла.

— Тьфу, — сказал Харр, — ну и люд!

Он так же ощупью нашел корыто, умылся. Идти было некуда, разве на крышу, но теплый плащ он нехотая отдал Дяхону, а на крутую Серую гору, на которой расположилось становище, от озера вползал слякотный пронизывающий туман.

Пришлось привалиться к теплому боку горбаня и остаток ночи прокемарить под его монотонное чавканье.

Когда рассвело, он явился к Дяхону уже в открытую, с докладом:

— Ночью в стойлах здешние телесы девку избили, могут нам припать. Нехорошо, как бы аманты к тому не привязались.

Дяхон строго оборотился к блудной девке, заплетавшей косы в своем углу:

— Что скажешь?

Харр повел бровью — ишь, голос-то как изменился у служивого за одну ночь!

— Не тревожься, господин милостивый, жалобы не будет. Ночи-то всего три, а за первую наши телески ничего не заработали. Вот и вызвалась одна подмешать в вино зелье будоражное, да, видно, перестаралась. Вот телесы ее и попотчевали, потому как ежели что — с них спрос.

— Выходит, опять все путем? — не удержался Харр.

— А то!

Голодный рыцарь, незаметно для девки прихвативший из-под кровати очередной пирог, уныло побрел

вон из гостевальной хоромины. Когда он выбрался на улицу, утро было еще свежим, но Харру было впору окунуться в зеленую озерную воду, чтобы смыть со своего тела прямо-таки осязаемый налет дешевых благовоний пополам с мужским потом. И с чего это он заделался таким брезгливым?..

Гостевальная хоромина стояла совсем близко от городской стены, выше по склонам крутого утеса были видны приземистые дома серогорской знати, сложенные из массивных камней. Ни позолоты, ни зеленища, а говорили, что стан богат. Значит, все внутри. Стена невысока — по плечо, но широка, и по верхнему срезу идет желоб — воду наливают, что ли? За стеной видны хижины окольных людишек, тоже все каменные, и меж хижин — клубящиеся черными дымами кузнецкие дворы. Уж в этом-то Харр по своей детской да отроческой памяти ошибиться не мог. Все становище, расположенное на громадном, выдающемся в озеро утесе, было с одной стороны ограждено полукругом воды, а с другой — таким же правильным полукругом неглубокого рва. От городских стен к этому рву через равные промежутки спускались гладенькие желобки, поблескивающие серебристо-серым покрытием. Харр долго соображал, к чему бы это? Ничего другого не придумал, как разве что для воинов при неожиданном нападении, чтоб, на задницу плюхнувшись, от самых стен к окружному рву ласточками слетали. Спуск крут, тут в них и из пращи не успеешь прицелиться. Выходит — дельно придумано.

Он перепрыгнул через неширокую, слегка вогнутую серую полосу, подавляя в себе детское желание прокатиться вниз на собственном задуге, и от нечего делать побрел напрямик на самое большое скопище дымов, от которого все явственнее подымался звонкий дружный грохот — молоты били враз, словно управляемые единой волей. Миновав жилые хижины, по мере спуска становившиеся все чернее и чер-

нее от копоти, густо покрывавшей самородный плитняк, он очутился наконец на полого наклоненной площади, обставленной громадными куличами плавильных печей, кожаными навесами, прикрывавшими от возможного дождя бесчисленные наковальни, серебристые столбы с крюками, на которых был аккуратно развешан нехитрый инструмент, квадратные чаны с водой, тоже посеребрённые как снаружи, так и внутри, мерно раздувающие свои ненасытные бока глянцеви́тые мехи, — все это напоминало ему кузнечное городище возле Железных Гор, где он провел свои отроческие годы, мечтая о собственном мече, и в то же время отличалось какой-то особой основательностью, вековым порядком и несомненным мастерством. То, к чему он привык, жило поспешностью — вспомнить неписанные заветы старых мастеров, нажечь угля да наладить плавку, едва лишь стают снега и мало-мальски просохнет все предгорье, — и потом еще сколько преджизней торопливо ошибаться, пытаясь отковать хоть мало-мальски пригодное оружие...

Здесь же ничего не зарывали и никуда не торопились.

И так же нетороплива была слитность сотен ударов в один, и к звону металла о металл примешивался и еще какой-то посторонний, но удивительно созвучный общему звуку рокот, точно где-то поблизости...

Он невольно сделал несколько шагов вперед, даже не подивившись собственной догадке. Ага, так и есть: середину площади венчала серебристая пирамида примерно в полтора человеческих роста, и на плоской ее вершукке был установлен громадный рокотан. Его струны неспешно перебирал сидящий на высоком треножнике человек, одетый в странные негнущиеся одежды мышиного цвета: просторный колокол с прорезями для головы и рук. Теперь можно было различить и голос рокотанщика — в мерные

удары вплеталась суровая и прекрасная в своей простоте песня, слов которой не удавалась разобрать, Харр сделал еще шаг, и тут его наконец заметили.

Несколько молотобойцев ринулись ему наперерез, и он невольно отступил назад, обнажая свой меч. И тут вдруг разом смолк звон и грохот — человек на возвышении оборвал свою песню и воздел руки, одновременно прекращая работу и призывая всех ко вниманию.

Никто больше не шевельнулся, предпочел оставаться недвижимым и Харр. Человек в колоколообразном одеянии величаво спустился по ступеням своей пирамиды и двинулся навстречу чужаку. Харр не сразу догадался, что это был здешний амант, потому как не видел присущей всем амантам небритости, оставлявшей незаросшими только глаза и верхушки щек. Но по мере того как человек приближался, Харр все больше и больше дивился каменной неподвижности его лица, пока не понял, что это — маска, не позволявшая сыпавшимся отовсюду искрам изуродовать высокородный лик.

Но глаза с опаленными кое-где ресницами были внимательны и доброжелательны. И глядели они не на Харра — на его меч.

Амант властным и спокойным движением протянул вперед обе руки, и Харр, даже не помыслив о сопротивлении, возложил на них меч, отражающий огонь недалних горнов. Глаза аманта, казалось, тоже засветились, столько было в них благоговейного восторга. Он тихо повернулся и, подойдя к своему возвышению, поднялся на две ступени. Очутившись снова в центре внимания, он, не говоря ни слова, поднял над головой джасперянский меч острием вверх.

Он ничего не велел, но его мастера, оставив работу и неловко обтирая руки о кожаные фартуки, потянулись к нему гуськом. Они подходили к возвышению, некоторое время благоговейно рассматривали

дивное оружие и, неловко преклонив колено, отошли прочь, чтобы дать другим насмотреться на невиданное чудо. По всему было видно, что такой ритуал здесь был принят, но случался он весьма и весьма нечасто.

Когда последний подмастерье отошел в сторону, повелитель в маске знаком подозвал Харра и торжественным движением возвратил ему меч, как и принял, — на вытянутые руки. Некоторое время еще глядел на золотую змею, струящуюся чешуйчатым ручейком вдоль лезвия, потом кончиками пальцев коснулся собственных губ и с бесконечной нежностью перенес этот поцелуй на бесстрастный клинок.

И, видя лишь его глаза и руки, Харр наконец понял, почему здешних правителей называют амантами. Такой меч он клал бы с собой в постель.

Но другого меча у странствующего рыцаря не было (замотал-таки джасперянский князь Юрг обещанное!), да и дареное не дарят. Посему счел он за лучшее тихонечко отступить и ретироваться с кузнечного двора, хоть поглядеть тут было на что. По тому, как почтительно уступали ему дорогу и загораживали от сыплющихся искр, он почувствовал, что опасается зря — теперь он находится как бы под необъявленным покровительством здешнего владыки.

Но вечером, третий день подряд пробавляясь озерной водой вместо тутошнего подозрительного вина, он все-таки решил, что поступил неосторожно. Ничего не случилось, но спина, еще не познавшая губительного подкожного жирка, была чуткой и настроженной. И она-таки дала знать: в нее постоянно упирался теперь чей-то взгляд.

Но и ночь была тиха, и на следующий, последний день ничего не приключилось. Харр пошастал по городку, постоял на крутом спуске к зеленой воде, в которой резвились невиданные на Тихри звери с глянцевицей серебристой шкуркой и забавными лопаточ-

ками вместо лап; было их такое множество, что сразу стало ясно: этому стану нечего волноваться о своем пропитании. Да еще мех, да кожа, да жир... Безводному Зелогривью оставалось только позавидовать, а купецких менял, коим приходилось рядиться со здешними богатеями, — только пожалеть. Но солнце еще не поднялось до полуденной высоты, и Харр от нечего делать побрел за стену, миновал рокочущий кузнечный двор и отыскал на самом краю околя маленькую кузню, где пожилой, но еще крепкий коваль с роговым козырьком над глазами частым постукиваньем правил какое-то старье.

Харр постоял у него за спиной, невольно кивая в такт мелодичному звону. А может, положить на все амантовы посулы с ненасытной Махидушкой в придачу да и махнуть сюда под видом странника? Наняться в такую вот кузню, найти девку позастенчивей...

— Эй, отец, не примешь ли на полдня в подручные? Ничего с тебя не спрошу, мне б прежнее ремесло вспомнить!

Коваль плавно развернулся, одной рукой сдвигая козырек на макушку, а другой ухватывая железную полосу:

— А ну чеши отсюда подобру-поздорову, копать степная! — Злобы, однако, в его голосе не было.

— Что ж ты лаешь меня, дядюшка, ни за что ни про что? Вчерась меня на большом дворе сам амант ваш приветил!

— Это еще с какой радости? Может, за головешку принял?

Харр не был бы настоящим странствующим менестрелем, если бы не язвила его хвастливая колючка, точно репей у рогата под хвостом.

— А вот с такой, — проговорил он, ухмыляясь и обнажая свой меч.

Руки у старого мастера дрогнули и произвольное потерялись о штаны, совсем как у вчерашних. И

точно так же не посмел он тронуть сверкающий клинок, а только глядел, глотая невольную слюну.

— В бою отбил? — спросил он наконец.

— Не. Дареный. А кто ковал — неведомо. Так дозволишь мне молотом побаловаться?

— Сделай милость!

Он повернулся и затрусил к своей хижине, из которой вернулся с двумя громадными глиняными кружками, из которых выплескивалась на землю золотистая пена. Харр шумно вздохнул: наконец-то можно было пить без опаски. Утеревшись, выбрал из кучи хлама обломочек старого клинка, раскалил докрасна и, выбрав по руке небольшой молот, принялся старательно выковывать наконечник для стрелы.

— Гляди-ка, получилось! — с некоторым изумлением проговорил наконец новоявленный коваль, приподнимая щипцами свое неказистое творение и запуская его в бочку с водой.

— И на хрена тебе такая фиговина? — полюбопытствовал старый мастер.

— А, игрушка, — отмахнулся Харр. — Сыну на детскую острожку, рыбу в ручье колоть. Пусть хоть такое оружие в ручонке подержит, а то за ним дочка приглядывает, а чему девка может мальчика научить?

— Двое у тебя, стало быть?

— Двое, — с беспечной уверенностью продолжал врать по-Харрада. — Да вот дочка уже на выданье, а мой амант, гляжу, на нее зыркает. В жены-то ведь не возьмет, а она у меня красавица. Вот и думаю, не бросить ли службу и не махнуть ли сюда, да ведь и у вас, поди, аманты глазастые?

— Про белорудного не скажу, мужик степенный, и единая жена при нем, еще в соку. У ветрового тоже одна, но стервь подколотная — хуже петли окамененной его держит, где уж тут на сторону глянуть. А вот огневой — тот хват, для мальчика своего

сопливого уже чуть ли не десяток жен набрал, да только сам их и голубит. Такому девку не кажи.

Все, что хотел, Харр теперь знал ценой самого невинного вранья.

— Ну спасибо, отец, потешил ты меня, — проговорил он, подбрасывая в воздух свое творение и ловя его на лету. Крошечный треугольничек чиркнул по бледному диску солнца, словно намереваясь разрезать его на две половинки. Ладно, надо отойти подальше от кузни, а там можно будет и выбросить ненужную железяку. На Тихри ведь луки да стрелы считались оружием позорным, чуть ли не святотатственным, потому как солнцу незакатному оно было не любо — слепило оно глаза, когда против него целились. Признавали лук только на Дороге Свиный, где никаких законов не читали.

Он глянул еще раз ввысь — и вдруг замер, пораженный странной мыслью: а ведь тут солнышко блеклое глаз не кололо, следовательно, ничего против лука со стрелой иметь не могло.

— Слышь-ка, отец, — обратился он к ковалю самым шутейным тоном, — а вот ежели бы я тебе такую фитюльку заказал — сколько б ты с меня запросил?

— Ну, тут уж я б тебя просто без порток оставил!

— А ежели серьезно?

— Да за мелкую денежку я тебе таких десяток skleпau.

— Вот и skleпай. Только не десяток, а вдесятеро больше.

— Ну?

— Да не ну, а к вечеру. Держи задаток. И обредец.

— Ежели не шутишь, то пополудничай и вертайся — все справлю.

И не обманул. Харр, конечно, в гостевальную хоромину возвращаться не стал, побродил по окрестностям, подивился мелкости окружного рва — и как

такой оборонить способен? Вернулся к кузне, когда солнышко непутевое наполовину склонилось к озерной воде. Мастер ссыпал последние свои изделия в добротный кожаный мешочек:

— Можешь не считать, я тебе с походом наварганил.

Расстались довольные друг другом донельзя, и только на самом пороге своего временного жилища Харра вдруг осенило: ведь, говоря о плате, старик имел в виду свои серебряные монетки, а получил-то зелененые, которые здесь, почитай, втрое или даже вчетверо дороже. От нахлынувшей злости Харр даже плюнул на серую, как тень, стену гостевальной хоромины — он не был жаден, но терпеть не мог позволять, чтобы его обмишурили, а тем паче по собственной глупости да поспешности попадать, как сейчас, впросак. И главное — зачем? Вся эта караванная мутотень надоела ему донельзя, путешествовать он привык в одиночку, да и засиживаться в Зелогривье ему не было никакого резону. Тогда на кой ляд он старается ублажить своего Стенового?

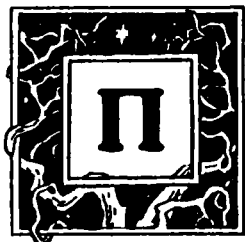
Что же это была за вожжа, которая так основательно застряла у него под хвостом?

Ах да, долг паладина. То-то он об этом долге впервые за три дня вспомнил.

Он плюнул еще раз — уже в окошко, стараясь попасть в цветик — злыдень шипастый, но промахнулся и направился к Дяхону велеть ему, чтобы ни за какие коврижки не соглашался оставаться здесь еще на один день.

VIII. НЕ ТО ЛУЧНИК, НЕ ТО КЛЮЧНИК

охоже, он малость запоздал со своим пожеланием: в глубине хоромины слышался частый цокот. Выводили горбаней, и, судя по звуку, уже груженных. Это что ж, решили отправляться на ночь глядячи? Он заторопился по вечернему сквознячку, но возле двери

Дяхоновых покоев резко осадил, услышав гнусавый бабий голос:

— Да ежели был бы у нас с вами бог един, я бы его именем просил вас остаться...

— Много чести после всех охулок! — рявкнул разгневанный бас, в котором Харр признал старшину купецких менял.

— Завтра столкнемся, цены, как погода, — дело переменчивое...

— Потолковали! Чать, не нищие, не за подаянием пожаловали, чтоб милости ожидать. В другом стане железами разживемся!

Хлопнув дверь, дородный старшина выкатился из покоев, на ходу сдирая с себя цветастое гостевальное

одеяние. Видно, крепко зелогривские поцапались с серогорскими. Харр покрутил головой, но по своему обычаю вмешиваться не стал, просто подождал, пока не показался второй собеседник — высоченный, как плотовый шест, и совершенно лысый, что лягуха поганая. Волос на лице тоже не наблюдалось, а там, где им по амантовым обычаям надлежало произрастать, шелушилась охряная краска. Харр проводил его рассеянным взглядом — обрыдли ему все эти воеводы вместе взятые! — и заглянул к Дяхону.

— Где тебя носит, пирюха тебе в задницу? — гаркнул тот. — Отплываем!

— Виноват, воин-слав! Только не надсаживайся так, а то ужин в портках очутится. Что, в цене не сошлись?

— А то!

Отчалили в самый раз по первой звезде. Отдохнувший плавун сразу взял круто, но кормщик держал его вдоль самого берега: места были глубокие, мели бояться нечего, но ночью уходить в даль необозримого озера было как-то неудобно. Завернули за очередной мыс, и на зеленом закатном небе пропали даже следы серогорских дымов. Разнузданные горбани принялись укладываться в самой середине плота, тоскливо обернув морды в сторону быстро проплывающих мимо них остролистных кустов. Стражи натягивали полотняный навес для менял (слуг в караван не брали); Харр, уже облачившийся в свое, полулежал, привалясь к теплему боку горбаня, и мелкими кусочками ломал каравай с запеченными ягодами, придававшими печеву терпкий вкус. Озеро словно застыло...

И тем резче прозвучал дружный удар весел о воду, и узкая, как журавлиный клюв, лодка выскочила из кустов и преградила путешественникам дорогу. Харр оглянулся — как он и ожидал, две лодки уже плавно пристраивались за плотом, а еще одна заходила так,

чтобы прижать караванщиков к берегу, где уже на-
верняка поджидал десяток-другой головорезов.

Первым среагировал кормщик: он издал какой-то
птичий крик, и тотчас плавун ударил своими лопас-
тями по воде и резко подался назад; хвост его, посто-
янно торчавший закорючкой, разогнулся и ушел под
воду, так что цепь, соединяющая его с плотом, шлеп-
нула по поверхности и ушла вниз, точно якорь. В
одно мгновение кормщик перемахнул на спину пла-
вуна, и тот мощными движениями плавников унес
своего хозяина на добрый полет стрелы от плота.
Нападающие этого словно и не заметили — как видно,
плавун их вовсе не интересовал, а кормщик считал-
ся лицом нейтральным. Зато все взгляды были об-
ращены на плот; Харр прямо-таки потрохами по-
чувствовал, как скрещиваются они именно на нем.

— Шесты! — крикнул он. — Не давайте загнать
себя к берегу!

С лодок к плоту потянулись багры.

— Багры не рубить, а нападавших сбивать в во-
ду, как я вас учил! Кто прорвется — пропускайте,
это мой будет!

Такого разбойная свора никак не ожидала — вы-
строившись вдоль кольев плота, зелогривцы точными
ударами тяжелых походных сапог сбрасывали каждо-
го, кто пытался перепрыгнуть на дощатый настил, об-
ратно в воду; вместо того чтобы сразу же ввязаться в
драку, где еще неизвестно, кто кого; плотовики по-
лучили преимущество — шестами и мечами они заби-
вали тех, кто барахтался в черной воде на расстоянии
удара. Первым удалось-таки проскочить на середину,
но тут уж им пришлось иметь дело со славным рыцар-
ем Харром по-Харрадой, который тоже рад был сор-
вать на них накопившуюся злость. Дяхон прикры-
вал, да два менялы помоложе достали припрятанные
мечи, которыми рубили на удивление сноровисто.
Скоро четыре тела в так и не выясненной степени жи-

вучести полетели в воду, и Харр приказал было рубить днища у осиротелых лодок, как из кустов тихо выползли еще три. Настораживало то, что в каждой было всего по два человека: один на веслах, другой, пригнувшись на носу, зажимал что-то в руке.

На плоту раздался крик ужаса — Харр даже не разобрал, кричали не то «щучень», не то «жгучень»; плотовики налегли на шесты с такой отчаянной силой, что послышался треск ломающегося дерева. Харр даже не успел предположить, чем вызван этот переполох, как носовой на передней лодке, держась, впрочем, на приличном расстоянии от плота, размахнулся и швырнул в зелогривцев какой-то небольшой предмет вроде глиняной бутылочки. Стражи шарахнулись врассыпную, послышалось бултыхание наиболее проворных, предпочитавших очутиться в воде; но в этот миг, опережая расчетливый разум, у Харра сработал инстинкт: как учили его еще в отрочестве отбивать выпущенные из пращи колючие орехи, смоченные ядом хамей, он вскинул сверкнувший в звездном сиянии меч и плашмя отбил злоеущий предмет, готовый уже коснуться палубы. Раздался кракающий звук, и бутылка, раскалываясь на лету, устремилась обратно. Лодка, управляемая всего одним гребцом, неловко дернулась, но увернуться не успела, и глиняные осколки обрушились на нее крупным градом. Едкое лиловое пламя занялось тут же узкими языками, одевая лодку растекающейся пеленой смрадного испарения. Шесты заработали с удвоенной силой, и плот принялся отходить обратно к Серостанью; щупальца ядовитого тумана тянулись за ним, но догнать не могли, таяли.

— Возвращаемся? — почему-то шепотом спросил Дяхона Харр.

— Нельзя, — так же тихо отвечал тот. — Это ж по амантову приказу, не иначе.

— А не лихолетцы да подкоряжники?

— Не, куда им! У них ножи да мечи, а тут — огжигун. Да только против них он обернулся, так что на лодках, почитай, и в живых уже никого ни осталось.

— Яд?

— А то! Да еще и с заклятием. Жиру с ластышей озерных натопят, отравы подмешают и заклянут. Так они и от неприятеля отбиваются — запечатывают огжигун в бочонки и спускают их по дорожкам серебряным прямо в ровчик, там жир растекается, а поелику заговорен он, то сразу вспыхивает; ядовитый туман тут всех, кто к становищу рвется, и потравит, так что скотину потом на эти земли выводить нельзя.

— А как же сам город?

— Так он же на горе!

Харр присел на корточки у края плота, ополаскивая меч, вспомнил лысого аманта, уговаривавшего их остаться до утра. Не этот ли лодочников подослал? Нет, пожалуй, не этот. Другой, про которого коваль говорил; хват. А этот, похоже, знал, да жалостливым оказался. Видно, задумано было захватить одного Харра, и охряной лысун решил избежать ненужных жертв.

Да, похоже, в эту сторону ему теперь путь заказан. Только с чего бы?

Между тем подплыл кормщик и принялся торговаться — просил вдвое, а то грозился один в Межозерье податься. Менялы купецкие справедливо рассудили, что с одними шестами они далеко не уйдут, наутро их на свежих лодках неминуемо догонят (были уверены, что это обычный грабеж); выходило, что двойная плата не так уж страшна. Харр было возмутился, но Дяхон популярно объяснил ему, что все путем, поскольку, когда кормщика нанимали, уговору о возможной драке не было.

Харр плюнул в воду и махнул рукой — не свои же деньги, в самом деле. Тем паче что в кармане после расчета с ковалем оставались всего две монетки.

Когда добрались наконец до Межозерья, Харр употребил их на то, что выторговал на них у телеса, кормившего всю стражу, тонкую, с узором синеную чашу с подчашником; телес, само собой, чашу эту украл, но Харр-то купил ее честно, так что с совестью у него было все в порядке.

Махидушка, увидев чашу, от радости прямо зашлась — не в цене было дело, а в том, что мил-сердечный друг стал домашней утварью обзаводиться, а это несомненно было добрым предзнаменованием. Харр же, скользнув взглядом по стене, обнаружил жемчужную ниточку, все еще сиротливо висевшую на сучке. Ни о чем спрашивать не стал, и так видно, что не заходила.

К аманту на доклад отправился мрачнее тучи. Тот поначалу благодушествовал, похихикивал над менялами, но, когда дошло до нападения, взбеленился.

— Охамели, за своим рвом сидючи! Поговорить придется с менялами, чтоб разнесли это по окрестным становищам, — оставим серозадых без прибытка! А ты давай насчет женихов...

Он и это доложил — скороговоркой, потому как надо было вернуться к нападению.

— Сами виноваты, на звезды глядели, а вот горбани, те учуяли — глаз с кустов не спускали, в кучу жались.

— Они пирлей лучше нас углядывают, — согласился амант. — Одно слово — твари. И те, и эти.

— Ну а нам на то и ум дан, чтоб от них отличатья, — с несвойственной ему назидательностью изрек менестрель. — Ежели б мы изготовились, то половину лодочников можно было бы положить прежде, чем они к плоту подойдут.

— Нет, — мотнул головой амант, — негоже. Я пробовал всем по копью выдать, да мало проку: весь поход с собой таскай, а потом один раз кинь — да мимо. И задержка выйдет: то ли копье в руке держать, то ли меч. Несподручно.

— Так, да не так, — упрямо гнул свое Харр. — Что словеса в воздухе развешивать — я тебе эту новинку в деле покажу. Одна у меня только загвоздочка...

— Я все-таки амант, ты забыл? Говори, все будет!

— Опять же словами не скоро объяснишь. Лучше дай мне какую-нибудь грамотку, а то знак, чтобы мне ни в чем отказу не было, ежели я на оружие попрошу. Не бойсь, для себя не разживусь.

— Я и не боюсь. Приглядывал за тобой — не воруют.

— Ну и на том спасибо!

Амант высунул голову за дверную занавеску, что-то неполголоса велел. Харр глазом не успел моргнуть — явился телес с резной коробочкой и глубокой чашей, из которой торчала тростинка. Амант кивнул на менестреля, телес подскочил, накрыл ему левое плечо полотенцем.

— Голову нагни! — велел амант, подходя.

Харр хмыкнул и пригнулся. Амант отделил с левой стороны тоненькую прядку белых волос, потом выбрал из коробочки два не то костяных, не то слюдяных кругляшка и протянул их телесу. Тот, боязливо оттопыривая мизинцы, достал из чаши тростинку — с нее сбежала вода, и на конце обозначилась жирная капля зеленища. Телес зазеленил с одной стороны кругляшки и ловко приклепнул их на кончик седой прядки, так что она оказалась зажатой между ними.

— Посиди, пока застынет, — сказал Иддс, не снисходя до разъяснений. — А я тебе отрока моего пошлю, чтоб ты не соскучился.

Он вышел, даже не кивнув, — Харр счел это за добрый знак: с ним обращались уже как со своим, домашним. И тут же с двух сторон вылетели брат с сестренкой, не иначе как подслушивали, обезьяныши? У него даже чуточку потеплело на душе — ну хоть этим-то двоим его путешествие было в чистую радость!

— Погодите малость, — шепнул он им, — я тут кое-какую заковыку придумал, ежели получится — никакой хряк нам не страшен! Так что завтра спозаранку будьте готовы; в рощу наведемся, а посторонних брать не хочу.

Он пощелкал ногтем по костяному талисману — вроде подсох; сдернул с плеча полотенишко и, вздохнув, как перед прыжком в воду, направился к дому рокотанщика.

Окна, в которое стучала Мади, он не запомнил — все они были одинаковы, так что, зайдя с нужной стороны, он брякнул в первое попавшееся рукоятью меча — звоном отозвались все соседние решетки. Не успел он приложиться к золоченым прутьям еще раз, как через два окна послышался стук, и из распахнувшейся дверцы выкатился кругленький, точно перекасти-поле, коротконогий юнец. Румяное лицо его, еще не оттененное усиками, было красиво какой-то немужской, слащавой сусальностью, ну прямо не мужик, а пряник. Да, уж и окружил себя дедок-рокотанщик лепотой диковинной!

— По приказу аманта стенового, — небрежно кивнул по-Харрада, многозначительно скосив глаз на костяную фиговину, дрыгавшуюся у него между плечом и ухом. — Веди к госпоже дома твоего.

«Пряник» согнулся — и как только пузо позволило! — и засеменил бочком, правой пухлой ручкой указывая путь, а левой умудрившись поймать гостя за полу лилово-пепельного джасперянского камзола. Отдернул струящийся бисером полог, и Харру открылась обшитая душистыми досками горница, где между полом и потолком были протянуты какие-то толстые нити. Возле одной из них сидела на низенькой скамеечке Мади и, по-детски приоткрыв рот, старательно обвивала толстую жилу чем-то прозрачным. Увидев Харра, она очень спокойно поднялась и пошла ему навстречу — по горенке побежали зо-

лотые блики, то ли вощенные досочки отражали медовый струящийся свет от ее шафранового одеяния, то ли немислимые ее золотые глаза заслонили Харру все сущее на этой земле.

Поклон ее был тих и гибок, и в то же время было в ее движениях какое-то царственное бережение самой себя. Словно несла она в себе что-то, чему цены не было, и боялась расплескать.

— Да благословен будет твой бог, приведший тебя сюда, воин-слав, — проговорила она радушно, и в ее голосе он уловил какие-то незнакомые ему воркующие нотки.

— Господин мой амант... — начал он и поперхнулся — слишком резок был его деланно-чужой тон для этой горенки, напоминающей незамысловатую шкатулку. — Надобны жилы крученые, на размах твоих рук, госпожа моя, и крепости наибольшей. Амант из казны заплатит.

«Пряник», вытянув шею, которой до сих пор у него не наблюдалось, так и подался вперед.

— Не сочти за обиду, воин-слав, — с нежной полуулыбкой проговорила «владычица дома», словно наставляла в какой-то детской игре, — но ладить струны на рокотан дозволено только моему мужу и господину.

— На все Многоступенье! — колокольчиковым девичьим голоском зазвенел прекраснолицый.

— Не на забаву мне, — сурово отрезал рыцарь, не находя средства, как бы прогнать из горницы этого вьюноша. — Оружие новое править буду. Потому никому из челяди — ни слова!

Мади спокойно поклонилась.

В воздухе повисла пауза — надо было откланиваться и ему.

— Для пробы три струны будут надобны. За три дня управишься?

— Управлюсь, воин-слав.

Он постоял еще немного, но тут «пряник» начал открывать свой рот — с ленцой, свойственной хозяйским любимчикам. Харр круто повернулся и, грохоча по дощатому теплему полу, двинулся к двери. Спыхватился, обернулся с поклоном:

— Государь амант с благодарностью не помедлит! Ушел.

До дома добирался нога за ногу, усталость сказалась, недоед-недохлеб. Один раз даже остановился почесать спину о какой-то косяк. Золотые блики продолжали струиться у него под ногами — закат был ветреный, что ли?

Махида, увидев его, аж руками всплеснула:

— Да как же это тебя за службу твою так обидели?

Харр повалился на постель, буркнул:

— Меня обидишь! Сапоги лучше сними.

Она принялась стаскивать с него сапоги, заметила костяную бирку на левом плече:

— Оюшки! Так это ты от радости, выходит? Ну и заживем теперь! Ты ведь что угодно с этим знаком требовать можешь, разве амант ущучит, что для него, а какая доля малая — для тебя самого? Смекнешь!

Харр поморщился — никогда баб не бивал, да и сейчас лень одолела. А надо бы. По совокупности всех досад отметелил любушку так, что уползла, занемогенная, — почитай, впервые в многогрешной своей жизни. А он еще долго лежал, бессонно глядя в потолок, точно сквозь слипшуюся, непробиваемую ни дождем, ни градом листву можно было разглядеть желтоватую точку угасающей звезды, под которой появился он на этой тоскливой земле.

Три дня с амантовыми детишками гулял по лесу, искал подходящее дерево, чтоб было и крепким, и гибким. Нашел-таки. Иддсовы чада замотали его расспросами, но он отшучивался — мол, будет время, руками пощупаете, что зря языком болтать! Рас-

спрашивали про Серостанье, про кузнечные дворы, про огжигун — их голоса почему-то не утомляли, как бесконечная воркотня Махидушки, наоборот, душа с ними точно отмокала в теплой воде. Завка откровенно вешалась ему на шею, так что пришлось даже слегка отшлепать ее, а то со стороны могли и подумать что, аманту нашептать. Раньше ему было бы на все чихать — плюнул на всех становых воевод да подался в другое городище. Теперь что-то переменилось. Под ребрами угнезвился поганый звереныш, посасывающий да постанывающий: неоплаченный должок. Унести его с собой отсюда значило остаться с ним на всю жизнь. Не мог он так.

На третий день наконец встал, оделся медленно и тщательно. Почистил меч. Косички бровей переплел. Амантову бирочку на воротник камзола выложил, чтоб повиднее. Со вздохом двинулся, будто нехотя.

В теплой горенке, куда его привел круглощекий «пряник», противу ожидания оказался сам Иофф. Здесь он показался Харру еще выше, чуть плешью потолок не скреб. Добрый пяток толстых крученых жил тянулись от пола к потолочным крючкам, он невольно задел одну пальцем — загудела.

— Выбериай любые, воин-слав, — с полупоклоном, но без заискивания предложил старец; голос у него был много тверже, чем можно было ожидать по его виду.

Харр задумчиво подергал струны — две из них гудели, остальные были позвонче. Он выбрал одну гудошную и две звончатые. По правде говоря, лук-то он держал в руках всего один раз в жизни, да и то на пьяном пиру, когда кто-то из застольных караванщиков рассказал, что напали на него лихоймцы с Дороги Свиныи, да он в ближнем бою отбилсся, потому как у тех были только луки, пригодные разве что для подлой засады. Выставили наспех скрученное из тряпок чучело, присадили к нему свиную голову,

взятую с блюда, и принялись стрелять — чуть друг дружке глаза не покололи. Тогда и Харр почувствовал певучую упругость тетивы, подумал что-то о том, как бы из боевого оружия песенный инструмент сладить, да наутро, протрезвев, уже не вспомнил.

Вспоминать приходилось теперь.

— На пробу беру, не сгодятся — не обессудь, найду за другими. А кто скручивал?

Иофф вопросительно глянул на своего красавца, тот, почему-то перепугавшись, затряс головой и пухлыми ладошками.

— Покличь! — непререкаемым тоном велел Харр.

Мадии явилась с тихим поклоном, и хотя была она в сущей затрапезе мышинового цвета, по горнице снова побежали золотые блики.

— Прости за хлопоты, хозяйюшка, но только надобно мне знать, как жилы скрещены — посолонь или супротив? — проговорил он, шагнув ей навстречу и протягивая тусклые крученые жгуты.

Теперь, когда посреди горницы, точно кол трухлявый, торчал муж, а сбоку косил лукавым глазом соглядатай домашний, Харр уже чувствовал себя как рыба в воде. И не таких водил за нос. Он быстро наклонился, как бы разглядывая работу, и белоснежные пряди его волос свесились, загораживая лицо.

— Приходи сегодня к Махиде, — шепнул он и, взмахнув пушистыми, в два ряда, ресницами, глянул прямо в Мадинькино лицо.

Было оно по-прежнему спокойно до неправдоподобия — и непонятно, слышала ли она вообще его торопливые слова.

— Скручено, как всегда, воин-слав, с левой руки на правую. Как ты повелишь, так и будет.

Ага, значит, придет.

— Скрути еще две, только в другую сторону, у меня ведь левая рука — оружная. Но это не к спеху.

Он поклонился и протянул старцу крупную синеватую монету, припасенную еще с прошлого похода в Межозерье. Старец величественно кивнул, а красавчик его поспешно цапнул деньгу и спрятал за пазухой — похоже, Харр заплатил слишком щедро.

— Это и за те две, что я нынче заказал, — бросил Харр через плечо, чтобы сладкомордый не очень-то радовался.

Он вышел, старательно упряывая крученые жилы за пазуху. Не привыкший терять своего, завернул к аманту:

— Я тут поиздержался, кое-какую справу оружейную заказывал, так это как?..

— Ты ж теперь у меня вольнорасчетный, покличь казначея-телеса, он тебе отпустит сколь надобно.

Иддс умел бывать каким-то царственно-равнодушным — даже не поинтересовался, на что деньги его кровные употреблены. Ладно, то-то удивится, когда воочию узрит!

Но домой пошел не удивление аманту править — Мадиньку дожидаться. Махиде ничего не сказал, молча кинул тетивы в ту же кучу, где ждали своего часа обструганные ветки да мешочек с наконечниками, и завалился на постель, тупо глядя в зелень навеса.

Шаги он уловил издали — легкие, упругие. Сразу вспомнились точеные пяточки, оплетенные алыми ремешками, и всколыхнулась досада: привязала-таки она его к Зелогривью ремешками этими сафьяновыми.

— Эй, Махида! — гаркнул он. — Вино кончилось, сбегай, пока не стемнело. Да худого не бери, поищи получше!

— Да это я мигом!

Что-то в последнее время очень она стала сговорчивой. И тотчас же донесся ее радостный вскрик — уже из проулочка:

— Ой, кого я ви-и-ижу! Оклемалася! Ты погоду, я минутку спустя буду.

— Я сказал — хорошего!!! — У, строфион тебя куда следует, раньше надо было ее послать...

Мадинька скользнула во дворик, сразу протянула травяную сеточку:

— Тут я снеси кое-какой...

Он рванул из ее рук поклажу, швырнул в угол. Притянул к себе, обхватив худые плечики, так что кончики его пальцев легли на остренькие по-птичьи лопатки. Знал, что жаром его дыхания так и обдало ее лицо, точно паром хмельным. Знал, как под коленочками детскими задрожали голубые жилки. Знал, как вот-вот сейчас станут по-вечернему смыкаться ресницы, и золотой дурман застелет глаза...

Да вот только хрен тебе строфионий. Ничего такого не было.

Он отступил на полшага, опуская руки, а она все так же спокойно глядела на него, не отводя ясных очей, и вовсе не у нее, а у него поплыл перед глазами желтый светлячковый туман, и шелестом мотыльковых крыльев донеслись из невозможного прошлого слова чужедальней принцессы: «Непреодолима для нас золотая преграда...»

— Мы с тобой прямо как чужие, — потерянно пробормотал он.

— Ты был нужен мне, господин мой, один ты, и никто, кроме тебя. Только разве я была тебе надобна?

Он криво усмехнулся:

— Нужен... Точно посошок на крутой тропинке. Прошла свою тропочку, теперь посошок можно и выбросить.

Вот теперь ее глаза слегка затуманились:

— Я обидела тебя, господин мой? Но что же делать, если я всегда говорю правду, а она вон как выговаривается...

— Ты дедку своему правду-то не брякни! А что до тебя... Раз уж до правды дошло, что промеж таких, как мы с тобой, не часто бывает, то и я тебе

честно скажу: был у меня баб не один десяток. И не два, и не три... Всех я сам выбирал, но таких, как ты, в моем выборе не было.

— Тем легче тебе позабыть меня, господин мой Гарпогар.

Он безнадежно махнул рукой, пошел к постели. Рухнул, потом перевернулся на спину и уставился в проклятый зеленый навес над головой.

— Забыть-то я тебя, конечно, забуду, куда денусь, — пообещал он, — да вот только не просто это будет.

— Я помогу тебе, — проговорила она, и в ее голосе прозвучали какие-то покровительственные, чуть ли не материнские нотки. — Постараюсь сделать так, чтобы больше не попадаться тебе на глаза.

— Нет, ничего ты не понимаешь! — Он безнадежно махнул рукой. — Мне совесть не даст тебя позабыть, точно я обокрал тебя, понимаешь?

— Нет. Ты дал мне то, о чем я мечтать не смела до тебя... У меня ведь сын будет.

— Тоже мне гостинчик! — фыркнул он. — Другие бабы по дюжине рожают без всякой о том мечты. Не о том я...

— Так о чем же?

Он даже замычал от отчаяния. Чувство, томившее его все эти дни и недели, было четким, реальным... и неописуемым.

— Понимаешь... Я точно дал тебе грошик зелененький и тем грошиком заслонил от тебя сокровища несметные.

— Значит, не мои они, сокровища эти.

— Глупая ты, потому как не привеченная, не обласканная. Сокровища эти каждому человеку от рождения завещаны.

— Кем же?

— Кем, кем... Богом.

— Твоим?

— Да хоть и моим. Тем более что один бог, только вы до этого еще не дошли умишками вашими зеленеными. Только пока дойдете, для тебя-то уже поздно будет! Сейчас ты не только от меня — от лютого мужика на полет стрелы шарахаться будешь, хотя по секрету тебе скажу, что первую половину преджизни девка брюхатая — кусочек лакомый: добрая, нежная, и самой ей в самую радость... да не красней ты, дело я тебе говорю, коли больше сказать некому! А как родишь ты, так начнешь с дитем тешькаться; по твоему нраву на то годков десять и уйдет. Потом еще попривередничаешь, а время-то — ах! Так и не узнаешь, что есть на свете слаще самой жизни.

— Зачем ты говоришь мне это, господин мой?

— А затем, что приходи завтра на то же место!

— Это ты из жалости?..

— Да хотя бы и так! Видишь — правду тебе режу, а другой бы наврал с три короба. Приходи, с утра росного буду ждать тебя, плащом заморским ножки укутаю, жемчуг озерный на паутинку лесную нанизаю...

Понесло менестреля.

— А не ты ли говорил, Гарпогар: не желай чужую жену?

Вот тебе и на. Да сполна. Недаром ведь Махидушка прямо-таки зеленела, когда про кружала проклятые упоминали. Набрехал с три короба, а что — и сам не помнит, но в кружалах-то намертво вписано, не отвертишься. Все беды на свете — от бабского ума! И более всех — самим им не в радость.

— Когда ж правда за тобой стояла, господин мой Гарпогар, — тогда или сегодня?

— Была мне забота врать тебе, — проговорил он устало, потому что понял: крепче золотого тумана заслонится она словами мудреными. — И тогда я был прав, и сейчас как на духу. Потому как есть закон, солнышку-живу любой: не убивай. Но если замахнет-

ся кто мечом на дитя беззащитное — пришибу голыми руками, и бог мой возрадуется. Поняла?

Она опустила голову и мяла в руках какую-то тряпочку.

— Говорил я тебе: почитай родичей старших. Но ежели продал меня отец мужелюбам слюнчавым, то плюну я на его могилу, и бог мой меня не охает. Непонятно?

И снова она не ответила, видно, только Махиду ждала, чтобы кружала свои окаянные у нее попросить.

— И еще я тебе говорил: не поклоняйся идолу рукотворному. Но ежели, скажем, полюблю я тебя больше жизни своей — да не волнуйся, это я к примеру, потому как скорее земля под нами надвое треснет, чем такая бредуха со мной наяву приключится, — так вот, если я, окончательно сбрендив, на ровной беленой стене нарисую тебя такую, как во снах своих буду видеть, и на лик твой ежедневно молиться начну, точно красноризник Князев на солнышко ясное, — думаю, бог мой на меня не осерчает.

Она перестала разглаживать на коленках свою золотистую тряпочку и глядела теперь ему прямо в рот, как зачарованная:

— А... разве бывает такое, господин мой?

— Было, — вздохнул он. — Рассказывают про одного князя на нашей земле... Только нет его более, и никто не знает, с какой такой печали.

— Значит, есть законы, которые нельзя преступать, — тихо проговорила она.

— Нет, — жестко оборвал Харр по-Харрада. — Нет правила, через которое нельзя было бы переступить, если надобно. Потому как над всеми законами есть закон законов, завет заветов: нет греха большего, чем поступать... несообразно.

Она даже слегка удивилась: и всего-то? Как-то очень легковесно прозвучал этот закон законов. Харр

и сам понимал, что слово он выбрал не совсем подходящее, должно быть точнее, жестче, но откуда ему было знать, что это емкое верное слово еще не придумано ни на Тихри, ни на Джаспере и уж никак не на этой первобытной планете, названия которой он еще так и не узнал.

— Если нарушаешь закон, — повторил он, убеждая больше себя, чем ее, потому что поступал он так всегда, а высказывал вслух это правило впервые, — то делай это сообразно...

— Сообразно с чем?

Он безнадежно помотал головой, потому что лгать не хотел, а словами выразить то, что бессознательно жило в его душе, не умел.

— Ох, и тянешь ты из меня жилы, горе мое! Человек-то напридумывать да наболтать с три короба может, вот как я тебе. И в словах его — правда-истина, как вот в моих... Но кроме слов людских еще есть и вечная правда, которая просто есть на свете, и весь сказ. И словами-то ее не выразишь... Вот, к примеру, лучи солнечные: тянутся они во все времена от светила красного к земле зеленой, и всегда они прямые, и нет такого урагана, чтобы согнул их или скрутил. Но возьми калеку, который слеп от рождения: он знает, что есть они, лучи солнечные, он их всем существом своим чувствует — а описать не может. Вот и я сейчас перед тобой, как крот слепой: солнца не вижу, а нутром его чую.

— И чутье это тебе подсказывает, — подхватила она, — что ты можешь нарушить заветы, мудрые и справедливые, и к тому же тобою самим высказанные, ради какой-то невидимой правды вечной?

— Чаше всего мне чутье мое говорит, что я — брехун, бабник и петух драчливый, но я все равно вру, увожу чужих девок и бью чьи-то морды, просто потому, что я такой человек. И знаю, что нехорошо, но уж больно хочется. И все это вечной правды не

касаемо. Она — как молния, что бьет в твою тропу возле самых ног. Не каждому это в жизни хоть раз выпадает. И не к счастью это. Но такая, видно, моя судьба: повстречал я тебя — и шарахнуло меня, как из тучи грозовой. Не любовь это, и не блуд шальной, и не жалость слюнявая. Просто должен я увидеть, как глаза твои счастьем исполнятся.

— Посмотри на меня, Гарпогар: разве я сейчас не счастливая?

— Глупая ты, как утка нетоптаная, — сказал он в сердцах, — вот ты какая. Да разве знаешь ты, какие лица у девок бывают, когда их в первый раз до восторга поднебесного доведешь? А ты без этого хочешь весь свой век прокуковать...

— Значит, бог твой единый мне такую долю отмерил.

— Тю, скаженные, а они опять о боге! — Кожаная дверная занавеска липко шмякнула о приворотное деревце — кувшин у Махиды был полон до краев.

Пряный запах терпкого вина поплыл впереди ее шелестящей юбки.

— Махида... — тихо и просительно проговорила Мадинька.

— Что? Опять тебе кружала твои? Ох, не доведут они тебя до добра, помани мое слово... — Она поставила кувшин возле постели и полезла в потайной сундучок. — И каким местом думал тот, кто тебя обучать замыслил... На!

Она протянула подружке зелененые обручи, и тут ее взгляд скользнул по окаменелому лицу сердечного своего друга, который лежал, стиснув голову руками.

— Да что ты с ним сотворила, злая жисть? — крикнула она, с размаху швыряя кружала об пол; раздался хруст — это одно из колец попало точно по драгоценному камню, венчавшему эфес Харрова меча, и распалось надвое.

— Ладно, хватит с меня заветов, — печально проговорила Мадинька и, не прощаясь, выскользнула вон.

— Спойла-одурманила она тебя словесами мудреными, — запричитала хозяйка дома. — Ишь, глаза-то побелели...

— Уйди, а? — просительно промычал он. — Оставь меня на одну ночь, пока я с ума тут не стронулся...

— Как же!

Она плюхнулась рядом с ним на постель, положила его голову себе на колени и принялась гладить по белым его кудрям, не забывая другой рукой наливать одну чашу за другою, и так до тех пор, пока не забылся он тяжело и бездумно.

Наутро, с трудом продрав глаза, первым делом увидел посапывающую рядом Махиду, понял: в ее доме ему хозяином не быть. Значит, надо зарабатывать свой.

С луками да стрелами провозился он много дольше, чем ожидал, — руки у него были хоть и искусные, да не про деревянное дело. И на двор к аманту ходить перестал, пока не сварганил три лука: для себя — здоровенный, а для амантовой ребятни — словно как игрушечные. Несколько раз ходил в рощу подалее, пристреливался тупой лучиной. Наконец выбрал три наконечника поплосе и увел на целый день наследников, к делу приспособливать.

А вот тут он и не ожидал, что они окажутся такими прыткими — может, помогло то, что на кряжистом столетнем стволе нарисовал угольком тупое свинячье рыло, в которое целить было одно удовольствие. Дни летели быстро, как оперенные лебедиными перьями стрелы, и вот наконец Харр заявился к Иддсу с плоским коробом за плечами.

— Куда подаваться надумал? — равнодушно осведомился амант, словно виделись они не далее как вчера.

- Да на ужин к тебе, Стеновой! Позовешь ли?
- Считаю, что напрасился.
- А ежели я двоих своих сподручных прихвачу? Иддс поднял бровь:
- Что-то охамел ты, как бирку я на тебя навесил. Ну и кого?
- А наследников твоих.

Вот тут уже амант удивился по-настоящему:

- Вы там что, вместо науки ратной шутики шутили в роще-то?
- Шутики кончились, воин-слав. Зови детишек.

Брат с сестрой вошли степенно, поклонились, точно званные на чужой пир. Сели. К блюдам почти не притрагивались, на Харра не косили — словом, вели себя так, что в который раз подумалось: от таких не ушел бы, ежели б свои такими удались. Наконец подали на блюде поросенка, зажаренного на вертеле; тут уж Завка не выдержала, стрельнула рысьим глазом на своего наставника. Тот нахмурился: а вот такого уговора не было. Отставить, значит. Завка, знавшая о предстоящем визите Харра и с вечера улещивавшая кухарей, чтоб побаловали свининкой, капризно надула было губки, но тут Харр поднялся, потянувшись за своим коробом:

— А что, войны мои малые, не потешить ли нам аманта-батюшку, так сказать, на сладкое?

Амант и тут бровью не повел — ждал сдержанно, несуетливо. Харр повел его на ратный двор, а стражей попросил на время убраться из дому. Иддс и тут промолчал. Завл нырнул куда-то в угол, достал припасенное на этот случай чучело. Отставил к супротивной стене. Когда гость начал вытаскивать из короба невиданные на всем Многоступенье луки, амант не выдержал — вытянул шею и подлез Харру под локоть. Тот усмехнулся:

— Ну что, с тридцати шагов сможешь положить недруга?

— Копьем.

— Сам говорил: копье мимо просвищет — и нет его, безоружен ты.

Амант не дурак был, уже понял, что к чему. Сошел на весь двор.

— Ну, теперь гляди! — сказал Харр.

И было аманту на что поглядеть. Три стрелы вошли в травяной мешок, на котором была нарисована усатая рожа; три — где положено быть сердцу, желчи и вздоху. Отступил. На место его встал отрок, старательно прицелился, и из трех стрел две таки вмазал прямо под намалеванные усы. Уступил. боевой рубеж сестренке. Она, правда, на пяток шагов подошла, но, почти не целясь, угодила в глаз — и в бою, и в поединке честном такая рана вывела бы противника из строя, а ежели стрела заговореная или ядом опоеная, то и совсем из жизни. И это ручонкой дитячьей-то!

Харр, усмехаясь, глянул в лицо аманту — слюны-то не потекли? Пока нет, но были готовы.

— Так, — сказал амант. — Оружье тут оставьте и подите пока прочь.

Наследники, поклонившись, вышли.

— Похвалил бы...

— Успею. Сколь многие знают про это?

Харр молча поднял руку, показав четыре пальца.

— А девка твоя?

— Виноват. Как ладил — видала, а вот для чего, вряд ли догадалась.

— Да коваль, что наконечники мастерил... Понятно теперь, почто они за тобой охотились. Поняли, что дело это оружное, новое. Все тонкости хотели из тебя вытянуть. Вместе с жилами, разумеется.

Рыцарь поежился, вспомнив несчастную мудредейку. От того, что в Серостанье тамошний зверь не синье производил, а серь-серебрень, ему было бы не легче...

Иддс принялся чесать грудь, на которой от носимой почти постоянно дырчатой кольчужки отпечата-лась красная сетка.

— Выберешь десяток воинов, у кого рука потверже, а язык покороче, — заключил он. — Натаскивать будешь тут же, а за стенами моими — ни-ни. Масте-рить будешь так, чтоб я видел, горницу тебе отведут.

— Кстати, о покоех, — обрадовался по-Харра-да. — Несподручно мне будет за каждой шалостью из околья сюда бегать.

— Присмотри дом, что без хозяина, — по всему стану с десяток таких.

— А платить кому следует?

— Все хоромы, что промеж стен, — мой доход. Так что, считай, мы в расчете. Казначей только с собой прихвати.

Харр взялся за свой лук, намереваясь спрятать его в плоский короб, но Иддс и тут остановил его:

— Себе другой смастеришь.

Харр понял, что воин-слав при нем не хотел позориться, неумехой себя выставить. Ну да дело его, воин он бывалый, быстро освоится. Харр поклонился и вышел, кликнув казначейного телеса. Хотя было ему чуточку обидно — ни тебе спасибо, ни какого другого слова приветного.

Но зато — дом.

И тогда он впервые за все эти дни позволил себе вспомнить о том, о чем запретил даже думать...

На самом верхнем уровне благоприобретенной башенной хоромины, в просторной и совершенно пустой светлице он шумно вздохнул, даже не веря, что все так просто обошлось, и ринулся к окну.

Зелогривье, если не считать амантовых домов, все лежало под ним, подставляя его жадному взгляду свои крыши, огражденные кадками с зеленью, уставленные лежанками да скамеечками, усталые ковры и полосатыми циновками, — все напоказ сол-

нышку, равнодушному и не то чтоб слишком ясно-му. Диковинное Харрово жилище, нависающее над окрестными домами и улочками, точно шляпка исполинской поганки, могло бы служить отменным сторожевым постом, но в этой земле, как видно, за своими не следили — впрочем, за чужаками тоже, полагаясь на зоркость разноцветных пирлей. Так же мало волновала эта чужая, отворенная прямо в зеленоватое небо несуетливая жизнь и амантова лучника, для которого совсем нечувствительно и уж тем более против его воли весь белый свет сошелся клином на одном-единственном доме — вот этим, что ближе остальных, с круглой, не зелененой крышей, посредине которой высилась закрытая беседка. Крыша была пуста, и только ветер лениво шевелил какой-то золотисто-желтый лоскут, упавший, как видно, из-за узкой резной створки, заслоняющей окошечко беседки. Ох и горазд же был рокотанщик хорониться от чужого взгляда!

Харр презрительно хмыкнул и, отступив от окна, решил завтра же взять казначея за бока, чтобы дом по-людски всякой утварью снабдил-обрядил, тогда и заночевать можно будет.

Так что хоронись — не хоронись, а никуда ты от меня не денешься, скромница ты моя, капризница!

В отменном расположении он, насвистывая, спустился по крутой лесенке, вьющейся вдоль холодной каменной стены. Время от времени высвечивалось узкое окно, и тогда ступенька расширялась, превращаясь в небольшую площадочку — можно было даже поставить уютную лежанку для отдыха, ежели удастся сюда Мадиньку заманить. А что это получится, он и не сомневался. А в недобрый час здесь можно было и с луком приладиться, жаль только, улочки больно кривы, далеко не пристреляешься. Нет, со всех сторон дом был хорош, а в особенности тем, что дверь в него была по другую сторону от рокотано-

вой хоромины и напротив нее высилась глухая стена купецкого амбара. Так что входить и выходить он мог никем не замеченный.

А вот Махиде о приобретении своем он решил до поры до времени не рассказывать. Неизвестно, как еще судьба сложится. Хотя девка она пронырливая, рано или поздно все равно прознает...

Свою репутацию Махида подтвердила еще на пороге — она так и металась по дворику, всплескивая руками. Ну ни дать, ни взять — наседка, недосчитавшаяся цыпленка!

— Ой, что скажу, что скажу... — запричитала она. — Ты сядь, где стоишь, не то повалишься!

— Ну, говори, да не ври, а я уж как-нибудь устою, — благодушно проворчал он.

— Вижу я, что смурной ты стал, вечерами молчишь все — приучила тебя Мадинька лясы-то точить, вот и решила я перед нею повиниться, что кружала ее разбила, на вечерний уголек к нам зазвать. Подстерегла в проулочке. А она... Она говорит, берегусь теперь далеко ходить, в тягости я! Слыхал — это она-то!

— А что она — не девка, что ли?

— Девка, да замужняя! За стар-старым! Да за таким старым, что ежели он на снег-леденец малую нужду справит, то и снег не потает! Так что Шелуда пестуна своего шибко уважил, даром что глазами своими масляными все Мадиньку оглаживал...

— Ты что, дура, мелешь?!

— А чего такого? Или, скажешь, дух ветряной с озера прилетел? Или птенчик ее пуховый не в то место клюнул? Или Солнечный Страж на нее меч свой нацелил?..

— Кончай языком трепать! Устал я от трескотни твоей бабьей, лучше уж у аманта в дому ночевать.

— Уи-и-и...

Сейчас прямо уйти, что ли? А хоть бы и так.

Сдернул плащ с сучка, выскочил вон. В наступившей уже темноте кого-то сшиб с ног, и с истощным клекотом понеслась вдоль по проулочку ополоумевшая со страху и, несомненно, ворованная курица. В другое время Харр поржал бы над мазуриком незадачливым, а птичку догнал и, шею свернув, Махиде презентовал — не пропадать же добру. Но сейчас ему было не до смеху и тем более не до птички, на вертеле жаренной, хотя и допустил он оплошку — в сердцах покинул теплый дом, не повечеряв. Но уж очень круто его забрало; никогда такого сраму не бывало, чтоб девка малая его провела, а тут — здрасьте! Отцом объявила. А с какого такого перепугу при первой встрече шарахнулась, твердила все «не знаю, ничего не знаю...» И теперь к себе не подпускает, хотя и куре этой полоумной ясно: где уж раз, там и другой, и третий...

Миновал ворота, гаркнув на стражей, которые было его не признали, потопал по улочкам к дому своему башенному. Чуть было в темноте не заплутался, но объявилась голубенькая пирлюшка, полетела впереди, и он ей поверил. Не зря, естественно; мигом привела к незапертой двери (тоже непорядок, завтра наказать телесу, чтоб запоры снаружи и изнутри были самые крепчайшие) и даже внутрь влетела, уж чересчур по-хозяйски. Раскрыл рот, чтобы и ее облаять, но подумалось: вдвоем будет не так тоскливо. Забрался наверх, бросил плащ на пыльный пол и растянулся. Поди, не караванник трехстоялый, и не в таких условиях ночевать приходилось.

Но сон не шел на обиду неутоленную. Все путем, как говаривал Дяхон. Шелуда хоть и кругл, да мордой смазлив и всегда под рукой. А сам он? Говорил же Иддс по-дружески: урод ты.

Со всех сторон урод.

И что его на всех дорогах тихрианских бабы привечали?

Как в смурной тоске заснул, так и проснулся. Встряхнул плащ, потопал по негнувшимся зеленым ступенькам вниз. Надо завернуть в амантов дом, распорядиться насчет рухлядишки...

Сама собой рука стукнула в рокотанов ставень. Шелуда открыл степенно, неторопливо и, как показалось, нагло. Ни слова не сказав, повел в жилокрутную горницу, ступал как гусак, выворачивая ступни наружу. Харр едва сдерживался, чтобы не вклепать ему белым нездешним сапогом в жирный зад, но сдержался — побрезговал.

Мади встретила его тихо и нетрепетно, точеную руку воздела, указывая на протянутые, точно струны рокотана, двойной оплетки жилы, — мол, которые срезать велишь?

— Еще два десятка заказываю, но покрепче, — бросил он через плечо Шелуде. — Принеси сырье, выберу.

Шелуда, недовольно надувшись — хотя куда же круглее? — зашлепал прочь. Сейчас дедка кликнет. Харр даже не шагнул ближе, только криво усмехнулся (и сразу понял — ухмылочка-то вышла прежалкая), коротко бросил, сберегая каждый миг, отведенный им на этот разговор, как он сам себе положил, последний.

— Что, Шелуду приветила? А лгала зачем?

Она и отвечать не стала — глядела спокойно, как облачко в озерную воду, и все.

— От кого?.. — прохрипел он и оборвал себя, потому как почудилось — хриплый его полусшепот разносится по всему дому. — Скажи: Шелудин кутенок — повернись и уйду, не увидишь и не услышишь...

— Уйди, господин мой, и позабудь меня. И я забуду. Одно только и буду помнить: сына мне бог твой послал.

И она поклонилась — гибко, все еще по-девичьи.

— Выкрутилась, — зло процедил по-Харрада. — Не обессудь, родишь — все-таки приду поглядеть, в чью масть сынок пойдет. Не укроешь.

— Золотым он будет, как солнышко земли твоей, о котором ты столько сказывал. Для того гляжу я на платок золотой с утра до вечера, и ночью со мной он. — Она разжала кулачок, и с ладошки заструилась полупрозрачная янтарная ткань — ну чисто луч солнечный. — Золотым он будет, и имя ему золотое: Эзерис, что значит...

Шлеп-шлеп — вкатился Шелуда.

Харр потыкал во что-то пальцем, назвал цену какую-то совсем несуразную, круто развернулся на каблуке и вылетел вон.

Эзерис, значит.

А что значит?

К аманту пришел — все из рук валилось.

— Не выпался? — полюбопытствовал Иддс. — Я за тобой посылал — девка твоя открестилась: не ночевал, мол.

— А я ей не подотчетный, — буркнул Харр. — Девочек мало, что ли...

— Верно, — хлопнул себя по колену амант. — Тем более что нам с тобой сейчас не до них будет.

Харр постараются изобразить на лице своем готовность к подвигам — как ратным, так и трудовым.

— Луков нагнуть — дело нехитрое, сучьев в лесу вдосталь, — продолжал амант. — А вот с накопниками для стрел придется туго. Кузня у нас одна, да и та плохонькая, все больше бабью утварь ломаную правит. Для стражей железа́ покупаем, сам за тем ходил, знаешь. Чтоб новое ковать, надо откуда-то караваи железные получить. В Серый стан больше нельзя, а кроме него, только в Огневой Пади железо из руды вытапливают.

— Опять с караваном пошлешь? — без малейшего энтузиазма предположил Харр.

— Не получится. Караванщики поиздержались, до конца лета отдыхать будут. Дорога в Огневище нелегкая. Да и снаряжать караван решают все три аманта, скопом. Что я Лесовому наплету? Он же знает, что железа у меня закуплены. Нет. Пойдешь ты один, вроде как странник или еще того похлеще — подкоряжник, решивший до стана теплого податься. Дом купецкого старейшины я тебе опишу, знак у тебя уже имеется. Поговоришь с ним тайно, подобьешь караван к нам снарядить — аманты ведь с купецкой подначки решение принимают. А в поклажу пусть хлебы железные возьмут, да никому иному, только мне, и без огласки. Понял?

— Что не понять! А чем дорога-то опасна?

— До самых дымов ничего не бойся, а как дымы увидишь — ступай по самому ручью, неглубокий он в верховье-то. Ноги замочишь, зато в ловушку не попадешь. Их вокруг стана нарыто видимо-невидимо, угодишь — сгниешь заживо.

— Ну, обрадовал.

— А ты думал! За дом отслужил, теперь обставу в нем зарабатывай.

IX. К ИСТОКАМ

учей не менялся. Харр шел вдоль него уже третий день, а он все так же ворчал, прижимаясь к серой трещиноватой стене, и кое-где принимал в себя едва уловимые глазами струйки, сочащиеся из-под бархатистого, глубокой зелени мха. Иддс что-то говорил о верховье, но пока на него было что-то не похоже — вот так, то расширяясь на золотистых песчаных отмелях, то сужаясь на звончатых пестрокаменных перекатах, он струился с какой-то бессмертной неизменностью, подобно тихрианской дороге, которая замыкалась сама на себя, так что встречались старцы крепконогие, на самом закате своей жизни вновь ступающие по тому отрезку пути, где впервые довелось им сделать свой первый шаг.

Шел он неторопливо. Амант его поспешать не просил, да ежели и наказал бы, Харр больше не расположен был действовать по чужой указке. Тем более — задаром. Дом его и так обставят к его возвращению, а больше ему ведь ничего не нужно.

Тем более, если он вообще вернется...

Шальная мысль двинуть из Огневой Пади не назад, а дальше, куда глаз глянет, все чаще приходила на ум. Стрелецкая служба у аманта, почитай, уже налажена; насчет караваев железных он купецкого старейшину улестит, тут уж сомневаться нечего, Вроде бы и все. И снова шагать по едва уловимым тропкам, стремительно прячущим чужие следы под тенетами мокреть-травы, снова ночевать у ручья и слышать его плеск, а не гнусавый храп караульных стражников, и жарить в углях взятого на остриё меча головастого рыбьего князя или жирную сударушку-тетерку, потянувшуюся за рассыпанными ягодами — да прямо в силочек... Шелковистая сетка всегда была при нем, он углядел в кустах хлопотливую фазанью курочку в скромном пестровато-сереньком оперенье; взмах руки — и сеть полетела на глупую птицу, которая даже не шарахнулась в сторону, а наоборот, ринулась навстречу летящей паутинной тени, раскидывая крылья. Харр схватил добычу, приятно ощутив ладонью тугое оперенье, но рука почему-то помедлила с привычным движением, за которым головка жертвы бесильно свешивалась набок, — дернула нелегкая поглядеть на птичьи глаза, на которые со страдальческой покорностью медленно опускалась дымчатая пленка... И все. Не по воле, не по разуму накатило, жаром бешенства обдало: не должно было быть ТАК. И пока не исправит он по дури мужицкой содеянного, вставать будет из памяти помертвелое лицо, замершее в покорной готовности перенести муку смертную...

Он осторожно распутал сеть и выпустил фазаночку. Она, припадая на будто бы раненое крыло, неловко заскакала в сторону, приманивая за собой страшного врага, но Харр, уже не обращая на нее внимания, развел ветви раскидистого куста. Так и есть. Гнездо лежало прямо на земле, окруженное еще влажными

скорлупками, а страшненькие до тошнотворности птенцы, даже еще не в пуху, а в редкой щетинистой поросли, слипшейся на бесплотном тельце, уже разевали невероятно громадные клювы, исходясь жадным истошным писком. Он, поддернув штаны, присел на корточки и начал их разглядывать с брезгливым любопытством, как в глубоком детстве рассматривал впервые в жизни что-нибудь срамное. В своих бесконечных странствиях гнезд с птенцами он не трогал никогда — другое дело яйцами полакомиться; к человеческим детенышам (а особенно — к своим собственным) с их слюнями, писком и розовыми попками он был снисходительно равнодушен, как и подобает настоящему мужчине, не сующемуся в бабьи дела. И вот теперь, с каким-то недоуменным злорадством глядя в желтковые, прямо-таки выворачивающиеся наизнанку клювы, он не мог поверить; и ради **ВОТ ЭТОГО** она отказывалась от присужденного ей юностью и красотой женского счастья? Ну, вот и получила. По горлышко. Чего хотелось, на то и налетелось. Рожай. Хоть двойню. Хоть тройню...

Он поднялся, испытывая почти непреодолимое желание поддать по гнезду сапогом. Но сдержался, конечно. Самому наглому желторотику, трясущему от натуги щуплой шейкой под тяжелым клювом, посоветовал:

— Не очень-то выворачивайся — кишки через глотку полезут! — и, плюнув, двинулся прочь, шагая угрюмо и размашисто, совсем не глядя на уже четко обозначившуюся под ногами тропу. Так он и пер напролом, пыхтя, точно одичавший рогат, пока навстречу ему не выметнулась из-под куста здоровенная пирлипель и не врезала ему с лету прямо в лоб.

Он остановился, недоуменно глядя на свалившуюся к его ногам летучую тварь. Не кусила? Да вроде бы нет. Пирль зашебуршала крылышками, встряхиваясь, и полетела над самой землей, очерчивая пра-

вильный круг. Харр почесал в затылке — неспроста! — и пригляделся повнимательнее.

А это, между прочим, была ловушка. Ишь, землей присыпано поверх травы, да и трава-то вялая. Преду-преждали ведь. Хотя — а где дымы?

Дымы были справа, едва видные меж древесных стволов, и поднимались точно из-под земли. Харр вернулся на несколько шагов назад, выбрал дерево пораскидистее, влез и начал мастерить в самой гуще листвы хоронушку — с нездешними сапогами да мечом диковинным за бродягу-шатуна не очень-то сойдешь. Приладив на развилке ветвей тугой сверток, выбрал кряжистый сук и уселся, свесив ноги. Надо было навести порядок в собственной душе, а то ведь так и беды не миновать. Ловушка была первой, но, если верить Иддсу, не последней. Удивительно было только то, что устроители западни позабыли о нравах тутошних мотылей, так и спешащих предостеречь невнимательного путника. Хорош капкан, о котором каждого встречного-поперечного загодя предупреждают!

А может — не каждого?

Он поболтал еще босыми ногами, потом достал из сумы припасенные сандалии, обулся и, раскачавшись на руках, прыгнул на землю. Отяжелел, однако, — подумал он с медленно остывающей злостью. Памятуя амантов наказ, забрался в воду по колено и только тут остыл окончательно. Потому как понял: вся его лютая, неизвестно откуда нахлынувшая одурь от того, что никуда он из Огневой Пади не двинется.

Пойдет обратно.

Так, по каменистому дну ручья, и дошлепал он до первой норы.

Выбита она была прямо в каменной стене над ручьем, и пролезть в нее можно было разве что согнувшись. Дальше виднелись еще и еще чернеющие пятачки, уже повыше — похоже, ходы к ним были

прорублены в самой толще камня; но ни одной живой души здесь пока не наблюдалось. Сами норы Харра не удивили, у Свиньи тоже жили где попало, кто в норах, кто в пещерах. А чаще просто под возами, ставленными в кружок.

Справа уже четко означился обрыв; из-за его кромки и подымались столбчатые дымы, порой окрашенные в желтоватый или бурый цвет. Внезапно стена вместе с ручьем круто свернула влево, открыв перед Харром обширную полукруглую площадь, на которой и располагалась Огневая Падь. Даже по здешним меркам стан был прямо-таки крошечным; всего с десятков домов, теснившихся у стены и огражденных невысоким валом с единственными воротами, у которых не наблюдалось даже стражника. Вал нестерпимо блестел на солнце, точно сладость-леденец алого цвета, и было ясно, что забраться по его отполированной поверхности не сможет даже ящерица. В пределах огороженного стана каменная стена, уходящая ввысь еще круче, чем над Зелогривьем, была тоже совершенно гладкой, но крыта рябенькой черно-малиновой глазурью примерно на два человеческих роста; справа и слева от ворот в стене виднелось множество нор, к самым нижним из которых через неширокий тут ручей были перекинуты деревянные мостки. Из нор то и дело выныривали людишки, кто с поклажей, кто без; все одинаково торопливо семенили к обрыву и исчезали по невидимым Харру лестницам. Он постоял еще немного, оглядываясь, вздохнул — нового, доселе небывалого здесь было на один погляд. Камень разве что, колера отнюдь не огненного, а скорее ягоды лесной, и прожилки в нем черно-пепельные — такого на Тихри не водилось. Дома в три-четыре уровня из квадратных кирпичей, тем же огневищем мазанных, и крыши остеренькие четырехскатные — вот это понятно: сверху ведь и осыпь случиться может. А в остальном —

теснотища, убожество; справа от обрыва гарь и вонь, не то что в кустах у ручья. А идти надобно.

Дальше все получилось просто и складно; и старейшину нашел, и комнатенку в доме его получил хоть и махонькую, но с собственным выходом, и еду ему носили постоянно, без приправ и пряностей, но сытную донельзя. С главным менялой договорился враз — мужик был цепкий, но неувертливый: допросил досконально, что аманту зелогривскому надобно, хлопнул ладонью по столешнице черно-малиновой и пошел по другим менялам купецким, подбирать требуемый товар. Было видно, что и за согласием тутошних амантов дело не станет. Можно было и возвращаться в тот же день. Но такая тоска навалилась...

Загулял, одним словом. Ох и загулял! Пока кругляшки зелененые не кончились, девок по полудюжине враз к себе зазывал, мог бы и больше — комнатенка не позволяла, и так сидели на полу, коленки к подбородку. Деньги кончились — нашел поплотнее, что соглашались за сытный кусок. Старейшина принимал это как должное, временами забежал; глядя поверх голых спин, кидал: «На четырех горбаней поклажи набрано», «на шесть»... Среди голых спинок, на удивление Харра, встретились три совсем тощенькие, под стать ему самому. И не попадалось телесок ошейных, что было еще приятнее.

Кончилось все враз: старейшина вошел, девок шуганул и коротко, как подневольному телесу, бросил:

— Собирайся. Выходим.

Харр протер осовелые глазки, не осерчал — как-никак, мужик дал ему отвести душу. Поднялся. Проговорил степенно, как равный равному:

— Вели мне в мешок доброй снеди покласть. Следом пойду. Тайно.

Сказано это было с такой многозначительностью, что старейшина никаких дополнительных вопросов

не возымел — амантову бирку он углядел еще с первого раза.

Проводив взглядом хозяина дома, Харр почесал в затылке: все ли сделано? Ан нет, не все. Он взялся за свой кафтан, Иддсом даренный, и принялся его исследовать. По давнему своему заведению он никогда особенно не следил за целостностью карма-нов, но зато пуще всего заботился о сохранении подкладки. Так и случилось: какой-то кругляш завесился в дырку и теперь дожидался своей очереди. Синенький, как выяснилось. Харр, несказанно обрадованный, кликнул телеса и велел привести купецкого менялу с уборами женскими.

Меняла оказался не чета старейшине — сквалыга, пройдошливый до свербения в носу. Менестрель со знанием дела пересмотрел не слишком изысканный товар, остановил взгляд на головном обруче нежного розоватого тона с редкими угольными узорами; повертев его в руках, вдруг понял, что никакой это не бабий убор, а самые настоящие кружала — и сердце екнуло, точно была у него в руках живая и желанная плоть, а не камень теплый.

— Сколь ценишь? — небрежно спросил он, чтобы не получить в ответ несуразно большую цифру.

Уловка не удалась: меняла заломил-таки.

— Ты что, взбесился? Вот шваркну все об стенку за жадность твою, и пойдешь отсюда с таким!

— Нельзя дешевле, лихолетье грядет...

— Какое еще лихолетье? Не ври. Было, да все вышло. На нас наехали — полегли костыми; ледостав осадили — их пчелами бешеными потравили-покусили.

— Ой нет, невдомек тебе, воин-слав, что лихолетье только возгорается, не на земле поднебесной — в умах темных. Еще натерпимся...

— Ты до этого терпения еще трижды дубаря врежешь от своей жадности!

- Коли так, одну деньгу скину.
- Во! Видал? Держи и будь доволен.

Он последовательно предъявил меняле синеную монету, амантову бирку и угольно-черный увесистый кулак. Добавил:

- Да в тряпицу заверни!

Завершив сей торговый подвиг, в обратную дорогу пустился уже не с тем унынием, которое предощущал по пути сюда. Следов каравана, ушедшего ранее, он, однако, не заметил — видно, шли они по иному торговому пути, а ручейная тропка была тайной. Харр на сей раз валандаться не стал, шел споро и управился за два дня и две ночи. Явился прямо к Махиде. Та взревела от радости — было видно, что не чаяла больше увидеть.

— Не реви, дуреха, на то служба. Могу и подоле пропадать, — успокоил он ее не слишком-то приветливо; но было приятно — ишь как ждала. — Только презентов на сей раз не образовалось, всего лишь кружала твоей подружке принес — не хочу, чтоб мы с тобой у нее в долгу оставались.

Махида взревела еще пуще.

- Да чего ты?

— Ты ж сказал: мы с тобой! А я уж думала, кинул ты меня, домом своим обзавелся в стане застенном...

Так. Наболтали.

— Дом не мой, — строго проговорил он. — Амантов. Дело я в нем вершу тайное, и этих моих слов ты даже не слыхала. Усекла? А болтать будешь — Иддс только мигнет, и замажут тебе рот зеленищем...

Это он оплошку допустил — рыдания переменяли тональность и грозили затянуться на полночи.

— Уймись и на стол справь. Теперь уходить и приходить буду и вовсе неожиданно, и чтоб от тебя ни единого глупого вопроса не следовало. Понятно? Жизнь-то впереди еще длинная...

Она послушно закивала и захлопотала возле очага, размазывая слезы по малиновым щекам. Нечаянно прихватила сажу — по зареванному лику пошли пепельные разводы, как на огневищенской стене.

— Не забудь — Мадю поклещь, чтоб кружала отдать. — Сразу выплыли в памяти жаркие на вид кольца. — И как это вы только подружились, такие несхожие...

— Да выходила меня она, как птенца малого, — с готовностью отозвалась Махида, уже не зная, о чем теперь ей дозволено будет с мил-другом говорить. — Мамка моя с лихолетцем сбежала, гулящая она была, я-то ей хуже обузы. Ну, как припасы кончились, я решила по-ейному приработать, да глупая была, неумеха. Тот страж, которого я зазвала, побил меня ногами, а потом заявил, будто он — мой отец родной и хижина, стало быть, тоже его. Выкинул меня. Тут я уже и совсем с голоду скукожилась, в стан поползла — побираться. Тогда-то меня Мадинька и углядела. К себе, ясно дело, меня вести было неуместно, но кое-как сюда притащила да по дороге стражей клинула — ее слушались: рокотаншикова молодая жена, как же! Моего нахальника выперли, а она каждый день еду мне носила, ну прямо как в клювике. Вот и суди, дружба ль это или другое что... А насчет нашей несхожести — так теперь мы, почитай, обе гулящие.

У него рука так и дернулась — приголубить за такие слова.

— Да ты что? — удивилась она. — Когда я в прошлый раз тебе про нее поведала, ты аж вскинулся. Что, поперек горла тебе не к случаю пригулянные, а?

Он засопел, сдерживаясь, — еще начнешь отвечать, брякнешь лишнее. А девка она догадливая. Мадиньке это будет ни к чему.

— А то у нас рассказывают, — вкрадчиво продолжала она, — неспроста среди ночи явился Солнечный Страж. Будто понесет от него одна из нашенских...

— Врут. Да и кто его видал, твоего стража-то?

— Его самого не видали, а меч его в ночи непроглядной светом солнечным над всем Зелогривьем лучился.

— Правду говорят, что бабьи языки — что рога-товы хвосты на ветру. Даже если б. страж твой невидимый и впрямь прилетал — что ему, другой заботы не было, как здешних девок брюхатить? Вот пусти-те такой слушок, и поедет он гулять по свету, небылицы на себя наматывая, как перекасти-поле. Кому-ни-будь может и бедой обернуться.

— А, — беспечно отмахнулась Махида, — у нас уже сколько лет из уст в уста предвещание передают: родится, мол, новый бог. И принесет его неведомый, которого от других отличить легко, потому как будет он черным на белом и под белым. В Лилюане, где козлорогов разводят на шерсть да мясо, для того аманта держат, чтоб всех новорожденных козлят проверять. Ежели родится черный на белых ножках, его сразу в отдельный загон, за тремя загородками. Рожки прорежутся — снова проверка: у кого они белые, того еще пуще стерегут, чтобы, не ровен час, не принесли на спине или там меж рогов бога нового.

— Что, так и пропадает скотина зазря?

— Почему — зазря? Только их черепа и идут на рокотаны, лилюанским амантам большой прибыток.

Харр обсосал последнюю косточку наскоро обжаренного лесного голубя (а фазаночка была бы помясистее!), откинулся на постели. Что, не нагулялся в Огневой Пади? Судя по тому, как пола кафтана топорщится, то — нет.

— А что, Махидушка, — ухмыльнулся он — впрочем, без всякой задней мысли, — не сгожусь ли я тебе вместо Стража Солнечного? А там, глядишь, и за божком новорожденным дело не станет.

Но тут приключилось то, чего он меньше всего мог ожидать: Махида вся трепыхнулась, как утица,

из воды выходящая, потом бросилась на колени подле постели и принялась жарко и липко целовать его руки:

— Как же ты догадался, желанный мой? Я все сказать тебе норовила, да подойду близенько — и испуг берет: ты ведь и за Мадиньку не порадовался...

— Ты что городишь? Орешков дурманных накушались?

— Да каких орешков? В тягости я!

Оп! Не было ни гроша, да вдруг алтын. Сговорились они, что ли?

— И скоро порадуешь? — спросил он без малейшего энтузиазма.

— За Белопушьем, надо думать, так что нам еще миловаться — дней не считано!

Он критически оглядел ее — действительно, со стороны и не подумаешь. У таких, ширококостных, долго еще вся их девичья стать в полной справе. На том и мужья, и родичи дотошливые запросто промахиваются.

— Ладно, коли так — давай сюда, — добродушно пробасил он. — Поздравлю.

А вот на Мадиньке-тонковеточке уже все было как пером написано. Явилась она на третий день, когда не ждали. Харр на собственное удивление засуетился, начал совать ей алые кружала в тряпице; она приняла, не ломаясь, но так, словно на плоту плыла, а все земное на берегу осталось. Золотые глаза ее сияли по-прежнему, но сейчас этот свет не разбегался солнечными бликами вокруг по хижине, а уходил куда-то в глубь ее самой.

— Что, не по нраву?.. — чуть ли не жалобно подал голос менестрель.

— Отчего же? — теплым, воркующим голосом отвечала она. — Только зря ты тратился, господин

мой Гарпогар, ты ведь мне уже все заветы свои пере-
сказал, и как нарушать их — научил.

— Выходит, нам и говорить не об чем?

— Если хочешь, я послушаю тебя, господин мой.

Нашлась слушательница! Он только махнул рукой безнадежно, вспомнив свои бессильные попытки сформулировать и обосновать то, что он в глубине души называл заветом заветов. Она подождала еще немного, закуталась в теплую шаль белоснежного пуха, вежливо попрощалась.

Он только пожал плечами и впервые почувствовал, что летняя теплынь кончилась, словно очутился он в самом конце тихрианской дороги, под закатным солнцем.

— Посылай куда хочешь, — угрюмо попросил-
ся он у Иддса. — Немило мне на одном месте.

— Что, новый дом не люб?

— Что ты! Обстава богатая, горница кругла, так что весь день солнышко в окна глядит. Лепота.

— Тогда не дергайся. Караваи железные мне доставили, теперь надо соображать, каким таким манером ковачу нашему заказ сделать, чтобы он до поры до времени не раскумекал, что к чему.

Харр почесал лоб под надбровной косицей:

— А подкоряжники не ожидают?

— По правде говоря — навряд ли. В Медоставе Яром мудродейка отменная: наварила пчелиной сы-
ти — приманка такая дурманная, смешала с кровью человеческой (нашелся телес неугодный), да этой заразой комья хлебные напита. Едва рассвело, поставила на стену воинов, у которых руки пораз-
машистей, и этими комьями лагерь подкоряжников закидали. Тут как раз пчелы проснулись, их вокруг Медостава видимо-невидимо, приманку почуяли — и тучами на вонючек лесных! А жужжалки там, прямо сказать, что медвежата летучие, десяток нася-

дет — и дух из человека вон. Так что не думаю, что те, кто в живых остался, успели залечиться...

Придумка была изрядной, и это Харра немного развлекло.

— Сделаем вот что, — проговорил он, чувствуя, что чужая затея заставила и его ум работать попросторнее. — Скажешь Лесовику, что надобно тебе отборное дерево на крепкие бороны, вот пусть он сам и укажет в роще, какие срубить. На бороны мы-де насадим железные наконечники, и когда надвинется вдругорядь опасность ратная, этими боронами — колючками кверху — замостим берег ручейный, да и на дно ловушек покидаем. Под такую сказку сколь угодно наконечников наковать можно.

— А ты хитрован, — восхитился амант. — Только вот дочку за тебя я бы не отдал — ты своей жене всю дорогу мозги крутить будешь. Что, не так?

— Будто ты сам без греха... Ну, не надумал еще, куда меня с поручением послать? Побегая, пока холостой.

Амант потер подбородок, насупился:

— Поручение-то есть, да не про твою честь. Ты не вламывайся в амбицию-то, на это дело нужен мастак, досконально все наши обычаи и нравы знающий. А ты ведь у нас в основном дока по чужим землям да придумкам хитроумным.

— А в чем дело, ежели не секрет? — Нельзя сказать, что ему было так уж интересно — просто не хотелось возвращаться домой, тоскливо глядеть в зеленый лиственный навес над головой... или в стрельчатое окошечко — на пустую крышу с башенкой посередине.

Амант, мужик прямой, кобениться не стал:

— Есть у нас закон неписанный: ежели два аманта третьим недовольны, могут они суд над ним учинить. Только не просто это: загодя следует гонцов в соседние станы направить, чтобы тамошние правите-

ли тайно выслали своих соглядатаев за подозреваемым следить. Вот ежели они вернутся и доложат, что действительно дело суда стоит, тогда из трех станов по три аманта съезжаются и учиняют Девятное Судбище. И его решение непреложно.

— И выше такого судбища ничего не стоит?

Иддс надул щеки, с шумом выдохнул:

— Куда уж выше... Пожалуй, выше-то Тридечатное, только оно не собиралось ни в мой срок, ни в отцовский. Не людские судьбы оно вершит — все-земельные.

Дикая мысль ошеломила менестреля:

— Слушай, Иддс, а не думал ли ты, что и за тобой сейчас кто-то приглядывает? И что это, скажем — я?

— Коли подумалось бы, так я тебя еще тогда, в сети, придушил бы, — ласково проговорил радушный хозяин дома. — Ну так посылать тебя в Медостав? Оттуда как раз и жалоба.

Харр почесал под бровью:

— Не сгожусь, потому как это мне не по нраву. Так что не взыщи, Стеновой, ежели в одно прекрасное утро я сам собой куда-нибудь направлюсь. Душа просит.

— Погодишь, — просто отмахнулся Иддс. — Похолодало, Белопушье скоро. Охота тебе мерзнуть?

— Охота пуще неволи. А через Медостав пройду, очень уж название притягательное. Какой амант там оскоромился?

— Копьевой, что частокольную оборону вокруг стана держать должен. Распустил он своих копьевщиков, половина из них к м'сэймам подалась. Подкопьяжники через это чуть стан не захватили.

— М'сэйм... — задумчиво повторил Харр. — Никогда такого зверя не встречал.

— Иногда добредают и сюда, людишек сбивают с панталыку. Только всегда найдется кому донести, а поймают — так и прорва ненасытная недалече. .

— А ты говоришь — соглядатаем пойти! Еще примут за м'сэйма, опустят в эту самую...

— Тебя не примут — упитанный.

Иддс все-таки запугал его холодами — как и все тихриане, Харр боялся пуще смерти как темноты, так и мороза. К ночам бессветным он сразу же привык, очутившись на Лютых Островах, и не по нраву ему были теперь только черные подземные переходы; настоящего же мороза он не встречал нигде, кроме Адовых Гор, куда пришлось слетать проводником на самой заре его знакомства с дружиной принцессы Сэниа. Вот и теперь он с опаской ждал цепящей стужи, но Махида его успокоила: белый пух будет сыпаться лишь один день, даже листья не повянут. Свое время он коротал, двигаясь по привычному треугольнику: Махидина хижина — Иддсовы хоромы — его одинокий дом, солнечная, но безрадостная горница на высокой башенной опоре, про себя он так и кликал ее «поганкой». Набалававшись с амантовыми наследниками и погоняв стражников-лучников, он сытно обедал и направлялся в «поганку». Несколько часов маялся у окон, щелкая орешки, но скорлупки собирая в кулак, чтобы не ровен час Мадинька не выглянула и не определила, откуда на ее теплую крышу устремлен тоскливый, ничего не ожидающий взгляд.

Не по нраву ему пришлось ее твердое решение с ним больше не разговаривать. Неинтересен, видите ли, он ей был. Это с его-то сказками да песнями! Одно лишь хоть чуток, но согревало: воркующие, благодарственные нотки, которые бессознательно переливались у нее в горлышке, как у певчей птицы. Он поразмышлял над их причиной, понял: благодарна она ему за то, что не проболтался, тайну даже от подруженьки единственной уберег.

Он спохватился и, чтобы Махида и дальше ничего не заподозрила, принялся ее одаривать всякой

утварью, доставленной в «поганку» по амантову указу. Махидушка руками всплескивала, в щеки да в плечи нацеловать не могла, вилась возле него как ластушка — под просторным пестрым нарядом и не скажешь, что брюхатая. Терпел.

И не вытерпел.

И вот теперь, спустившись вдоль ручейного водопада по двум замшелым уступам и звериной, едва различимой тропой миновав белоствольную чащобу, крытую поверху таким плотным листовным покровом, что сквозь него не пробивалось ни единого солнечного лучика; едва не угодив в стоячее болотце с синеватым дымком над блюдечком черной воды — хорошо, пирль из мха выпорхнула, упредила — и выбравшись наконец на теплый пригорок, поросший колючим можжевельником, он увидел перед собою на обширной поляне посреди расступившейся рощи маленький, окольцованный ровными стенами стан. Был он точно вылеплен из воска — ни одного острия, мягкие округлые крыши, овальная дыра воротец, в которые ему пришлось бы проходить согнувшись в три погибели. Нежный янтарный тон ничем не напоминал ярого сияния златоблестища и наводил на мысль о полной беззащитности этого поселения. Окольных домов здесь вообще не виднелось — или все жители умещались внутри стен, или ютились где-то в окрестных рощах. На ночлег в простой хижине, стало быть, рассчитывать не приходилось, и теперь надо было выдрючиваться, выдавать себя за рыцаря, одиноко путешествующего.

Раньше за этим дело никогда не становилось, бирка на плечо, грудь колесом, меч драгоценный на виду... А вот теперь что-то не хотелось ему ломать комедию. Наночевался он и в гостевых хороминах, и у менял купецких... Не за тем же он из Зелогривья сюда подался! В этом тепленьком, словно оглаженном солнечной десницей городке два аманта лю-

то ненавидели третьего, донесли на него, бедолагу, и он об этом наверняка знает; на каждого чужака теперь из-за ставен да дверных косяков будут зорко косить холуйские глазки: успеть бы своему хозяину донести, кто тут пожаловал. Накормить-то накормят, но начнутся вопросы с подковырочкой...

Не его это дело — тутошнее копошение муравьиное.

Он круто взял влево, забрался опять в глубину рощи и, выбрав опытным глазом разлапистое дерево, полез наверх — устраиваться на ночлег, благо в любом путешествии у него всегда была при себе тонкая, но крепкая веревка, чтоб обвязать ствол, а потом и себя под мышками. Смеркалось быстро, и, когда он закончил ужин, стряхнув последние крошки, было уже совсем темно, только слабо мерцающие огоньки блуждали где-то внизу, на уровне первых веток.

— Ну что, пирлюхи малые, светляки лесные, посторожите? — проговорил он с усмешкой.

А ведь поняли. Закрутились, выстраиваясь в одну нить, и пестрой светящейся змейкой устремились прямо к нему.

— Да куда ж вы скопом, бестолковые вы мои! По вашему хороводу меня первый же подкоряжник припозднившийся углядит. Парочки довольно.

Две почти бесцветные ночные летуньи порхнули к нему и устроились прямо над головой — не нагнали бы только часом; остальные рассеялись звездной россыпью, не удаляясь, впрочем, от его не вполне человеческого пристанища. Его нисколько не удивляло то, что они понимают его слова и беспрекословно ему повинуются — стало быть, таков обычай тутошних малых тварей. И не такого он навидался! Так что сейчас он мог бы приказать им сложиться в знак светящийся, цветок дивный, что ли... Отослал бы он этот знак прямо в Зелогривье, где невысокий дом и крыша с башенкой... Только не следует этого де-

лать. Не по-мужски это — напрашиваться, когда ясно сказано: не об чем нам больше гуторить!

Так и полулежал он на развилке ветвей, покачивая белым сапогом, и обида — обратная сторона простоты душевной — гнала прочь нездешние, тихианские сны...

Утро бодрости не принесло: разъелся на амантовых харчах, потерял странническую сноровку. Косточки ломило. Ну да ничего, и десятка дней не минует — загонит он себя в норму. Только идти, не оглядываясь, чтобы поскорее очутиться подалее от этих мест, где один паршивый городишко отличается от другого всего лишь блевотиной ящеровой.

До сих пор он не мог найти причины, по которой этот мир был ему так нелюб. А сейчас нашел, и было-то это всего одно слово: он был неинтересен.

Подсказала словцо Мадинька-разумница, удружила.

Вот он и шагал, спускаясь с одного уступа на другой, и ежели не находил дороги — кликал пирлипель, и уж какая-нибудь из этих разноцветных стрекоз обязательно указывала ему или заросшую тропку, или удобный спуск, а то и просто ягодную россыпь; они небожно стреляли ему в лоб, точно кузнечики, в случае угрозы — чаще всего это были ползучие гады и слизи размеров невиданных; но и опасности тут были такие, что вызывали разве что мелкую досаду. Города он обходил стороной, примечая лишь диковинные сочетания красок на станowych домах да изгородях: то это был исчерна-зеленый тон с редким кровавым крапом, то полосчатый лилово-алый, то нежно-сиреневый, на который поглядишь вдругорядь — а он уже изумрудным прикинулся; встретился и черненький, словно крытый сажей, неприветный стан, над которым кружили такие же черные летучие звери, издающие высокие лающие звуки, вместе с шумом крыльев сливающиеся в нестерпимый

гам; был и непорочно-белый, что собственный сапог, и розовый с теплыми древесного цвета прожилками... Но Харр нутром чувствовал, что людишки-то в этих стенах диковинных одинаково копошатся на том же месте, где впервые увидели свет, и никакой заботы не теплится в их куцах умишках, кроме как добыть себе кусок, чтоб голодным не заночевать.

Может, потому и не захотела больше с ним разговаривать Мадинька, что и ей это неинтересно?..

А уступы все следовали один за другим, и Харр не мог надивиться: сколько ж можно спускаться вниз? Наконец и удивление это притупилось. Счет дням он как-то незаметно для себя потерял, да это было и не важно: все равно он не знал, когда наступит Белопушье. Иногда сеялся мелкий дождичек, но совсем теплый, от которого не намокала даже усыпанная крупными лесными иголками красноватая земля. Часто вставали радуги, веселенькие, не зимние; мало-помалу он начал подозревать, что уже находится в таких местах, где белых небесных хлопьев и вообще-то не бывает. Слишком низко он спустился, если считать от Зелогривья. Лес опять поменялся на лиственный, потом на мелколистный кустарник, и наконец тропа вывела его к двум каменным столбам, которые, точно естественные ворота, открывали ему дорогу в бескрайнюю степь.

Он подошел к ним, оперся плечом и замер, вдыхая запахи незнакомых трав и пытаясь припомнить то пьянящее, восторженное ощущение возвращенного детства, которое нахлынуло на него, когда он на далекой родимой Тихри впервые увидел необозримые просторы земель Лилилиеро, Князя Нежных Небес.

Ничего похожего. Трава была суховатой и колкой, шелестела зло, точно предостерегая его от того, чтобы ступить на нее. Кое-где из этой травы выступали белые, точно высохшая кость, столпообразные камни, порой достигавшие изрядной высоты и тем

наводившие на мысль о собственной рукотворности. Не были бы они такими здоровенными — казались бы просто указующими ветками. Но не великаны же их обтесали да торчмя поставили!

Как и всякая нелепость, это было тревожным знаком. Да еще отчетливый запах падали. Харр закрутил головой, пытаясь определить его источник, и вдруг прямо перед собой увидел бесшумно появившегося человечка, доходившего ему разве что до груди, щуплого, в одной грязной тряпице вокруг бедер.

— Что продаешь, прохожий-перехожий? — прошептал он, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

Делал это он тоже как-то по-птичьи, высоко подтягивая колено и скрючивая пальцы с выступающими косточками.

— А я что, похож на менялу купецкого? — изумился Харр.

— Все продают, когда в Предвестную Долину вступают.

— Что-то не предвещает мне она, что я тебе свое добро отдавать должен, — покачал головой Харр.

— Ничего ты мне не должен, прохожий-перехожий, а не продашь — м'сэймы долинные и так отберут.

— Хм, — проговорил Харр с интонациями, не сулившими долинным м'сэймам ничего радужного.

— Вон меч у тебя не свой, не иначе как грабленный — у м'сэймов оружие-то под запретом; сапоги обратно не свои, фартовые — у них-то все попросту, в шлепалках да ряднишке. Плащ махорчатый... Отымут.

— Что-то по тебе не видно, что и ты можешь это добро задорого купить, — усомнился Харр.

— Я бесценное дам, — с достоинством произнес карлик. — Гляди!

Харр вытянул шею, заглядывая за камень — не иначе как этот недомерок сейчас попытается всучить

ему захудалый амулетишко; но за камнем притулилась земляная хижина, сложенная из кусков дерна, и такая же тщедушная бабка, скрючившись, выносила из нее длинную флягу, а если приглядеться повнимательнее, то просто шкуру крупной змеи, наполненную водой. С обоих концов этот кожаный чулок был завязан узлами, от одного к другому тянулась бечевка — сделано не без ума, запаса влаги дня на три хватит, а нести можно и за плечом.

— Сколько просишь? — деловито осведомился путешественник.

— А хотя бы твой меч!

— Ну, этого ты не дождешься. Зелененую монету дам.

— Без моего благословения ты долго не прошагаешь, в траве так и поляжешь, я тебя по запаху найду да и приберу твои кругляши.

— Что ж тогда меч просишь? Ты б и его прибрал.

— Тяжко тащить будет.

Харр развеселился. Это убогое существо — и джасперянский меч, сияющий самоцветами на рукояти!

— Ладно, хрен с тобой, дам я тебе три монетки на твою нищету, но только к воде благословение приложишь!

Бабка опустила тяжелую флягу на землю и тихонечко теребила своего напарника за ягодицу — уговаривала соглашаться.

Харр отсчитал три монеты, швырнул на землю. Карлик, не нагибаясь, перехватывал их пальцами почерневшей от грязи ноги, подкидывал и ловил ладонью, как мух. Здорово получалось, мог бы на пирах гостей веселить. Хотя — какие здесь пиры... Харр взял змеиную побулькивающую шкуру, потребовал:

— А благословение?

— Благословение мое будет такое: иди вперед и не оглядывайся!

— Ах ты, сморчок поганый! Другой на моем месте пришиб бы тебя, так что помни мою доброту...

Плюнул и зашагал вперед, не оглядываясь, как было сказано. Но не прошел и тридцати шагов, как услышал за спиной звонкий девичий голос:

— Стой, но головой не крути!

Остановился.

— Руку вперед протяни... Два взгорочка видишь? За второй зайдешь, справа наискось белый столб заметишь. Заночуй под ним. Наутро, как солнце взойдет краешком, иди от столба на солнце. Роса на траве высохнет, тогда источник найдешь. А эту воду береги. Ступай.

Выходит, не обманул недомерок с благословением-то!

— Ну коли так, благослови и тебя солнышко ясное! — крикнул Харр прямо в небо и зашагал, стараясь не повернуть головы. И все-таки не утерпел, наклонился вроде сапог поправить и глянул назад из-под локтя: карлика уже не было, а старуха, скорчившись, шарила руками в траве, искала что-то. Он уже открыл было рот, чтобы отпустить ей комплимент насчет несоответствия юного голоса и обольстительной внешности, но тут из травы выскочила разъяренная пирль и весьма ощутимо щелкнула его по носу — мол, не подглядывай, не ведено! «Ладно, ладно», — проворчал он примирительно и двинулся в указанном направлении, благо солнышко уже перевалило за полдень, а вышеупомянутые взгорки виднелись на той самой черте, где желтовато-зеленая степь переливалась в голубовато-зеленое небо.

Когда он миновал второй «взгорок», на деле оказавшийся крутым каменистым холмом, на небе проступили первые звезды. Чуть правее отчетливо виден был белый столбик грубо обтесанного камня, но Харр подумал-подумал и ночевать к нему не подался, а выбрал себе поближе к вершине холма уютную

выбоинку, не поленился натаскать туда сухой травы и, завернувшись в плащ, устроился на ночь даже комфортабельнее, чем всегда. Вездесущие светляки пристроились на цепких колючках, торчащих из трещин, но менестрель, опытный путешественник, и без их непрошенного караула был спокоен: ни зверь, ни птица не могут подобраться абсолютно бесшумно. Даже он сам этого не смог бы.

Обнаженный меч под рукой — гарантия надежная.

— Разбудите до свету, — шепнул он светлякам, и они согласно замигали в знак понимания.

Но разбудили его не пирли — безошибочный нюх на опасность. Еще не открывая глаз, он сжал рукоять меча, потом медленно, словно опасаясь кого-то спугнуть, приподнял веки.

Терпкая кисея предрассветного тумана, настоянно-го на дурманных ночных запахах, висела над степью, только кое-где открывая взгляду темные пятна намокшей травы. Легкий далекий топот он скорее ощутил, чем услышал, — какие-то некрупные твари, не выше ягнят, ополоумевшей от страха стайкой крутились в траве, а сверху над ними нависало совершенно непонятное нечто, вроде туманного облачка, которое то разрасталось, то снова сжималось в комок. Стайка канула в туман, потом снова порскнула из него, и сероватая нечисть над ними растянулась вширь не менее чем на два размаха рук, став прозрачной чуть ли не до невидимости; потом круто пала вниз — и все пропало. А может, это попросту пчелиный рой? Отчего б им не быть ночными, если они не цветочную сладость собирают, а теплую кровушку пьют? Логично. Еще не додумав эту мысль до конца, он уже нашарил под плащом траву, по счастью оставшуюся сухой, и принялся скручивать здоровый жгут. Против роя летучих кровопийц меч-то бессилен...

Пирли прянули со своих колючек разом и засветились, тревожно жужжа. И сразу же возле стоячего

камня, где ему ведено было заночевать, трава шевельнулась, и оттуда вымахнул свечкой еще один пепельный ком, завис над камнем и начал медленно размыться, становясь все шире и прозрачнее, точно капля масла растекалась по луже. Тонкий сероватый блин повисел над белым торчком, слегка колеблясь, потом тронулся с места и принялся описывать круги, неуклонно приближаясь к холму, на склоне которого Харр вжимался в камень, всеми силами стараясь казаться незаметным. Но, видно, это ему не удалось: плоское облачко на миг замерло в неподвижности, словно пыталось разглядеть его получше, а затем двинулось к холму с целеустремленностью, не оставлявшей сомнений в его хищных намерениях. Харр выхватил огниво, поджег соломенный жгут, придерживая его пока под полой плаща; облако раздулось вширь, размылось — и Харр с безмерным изумлением понял, что это — живая сеть, растянувшаяся уже настолько, что смогла бы накрыть добрый пяток рогов, с неровными пульсирующими ячейками, в каждую из которых свободно могла бы пройти его голова.

Она надвигалась неотвратно, чуть колеблясь и уже загигая внутрь бахромчатые края, и было ясно, что один взмах меча — второго уже не получится — рассечет всего лишь несколько ячеек, а остальная сеть навалится и опутает до полной неподвижности; что потом, лучше и не думать. Поэтому Харр замер, не шевелясь и мысленно осаживая себя: по-годь... еще немножечко... еще...

Он вскочил и пламенем, взметнувшимся от резкого движения, стегнул нависшее над ним чудовище. Вонючая жижа, вскипая, закапала вниз, раздался пронзительный свист, закладывающий уши, и сеть, стремительно сжимаясь в корчах, покатила по склону холма, оставляя липкий след, и достигла травы у подножия, уже окончательно съжившись до размеров не крупного ежа. Еще миг — и она исчезла в траве.

— Смотрите-ка, отбились, — проговорил он, обращаясь к пирлям, облепившим его сапоги. — А на вас поглядишь, так вы и не сомневались?

Он скрутил еще два сухих жгута, положил рядышком и, достав собственную флягу с водой, принялся завтракать как ни в чем не бывало, поглядывая на горизонт, откуда вот-вот должно было появиться солнце. Тусклая зеленоватая горбушка показалась над быстро тающим туманом.

— Есть такое дело! — весело проговорил Харр, страхиная крошки. — Пойдем-ка по воду, а то я что-то не слишком доверяю этой змеиной посудине!

Но кожаную флягу, карликово творение, он все-таки за плечо закинул — не напиться, так умыться. Хотел было спускаться вниз, как вдали, в высокой траве, означились две человеческие фигуры.

Харр снова залег в своей ложбинке и приготовился к встрече.

Пока они подошли, он даже малость продрог — солнышко еще не грело, а лежать неподвижно во сне почему-то теплее, чем наяву. Наконец он смог разглядеть их постные, точно пожизненно удрученные лики, посконные балахоны, перепоясанные травяными плетешками, отсутствие всякого оружия. Ну вот и встретились. М'сэймы. Наконец-то стало интересно.

Он проворно отполз назад, так чтоб его не было видно, закатал в плащ свой меч, сапоги и суму с разноцветными денежками, нашарил глубокую трещину; затолкав все это поглубже, засыпал мелкими камешками. Кинжал оставил при себе — не поверят, что по чужим местам совсем безоружный шатался, начнут еще шарить... На прежнее лежбище заполз так же незаметно, притаился. Двое уже приблизились к белому камню, оглядывались недоуменно. Потом один из них засвистел — не так пронзительно, как птица-сеть, но уши все-таки заложило. Харр нисколько не сомневался, что ищут его бранные останки.

Он выпрямился во весь рост, потягиваясь, точно только что проснулся.

— Эй, странники ночные, — крикнул он, — далеко ль до ближнего стана? Померз я на камне-то...

Они круто повернулись к нему, и он даже испугался: а ну как бросятся в бега, ищи потом ветра в поле! Но они быстро направились к нему, высокий — размашистым шагом, низенький — чуть более вчерашнего карлы — семенящим бегом с прысками.

Подошли к подножию холма, остановились, подозрительно оглядывая мирно потягивающегося менестреля.

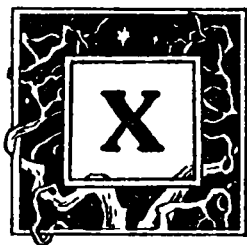
— Здесь нет станов, человеке, — проговорил наконец высокий, и Харр разглядел у него на шее узкий несъемный ошейник. — Ты пришел не туда.

— А куда я пришел?

— К истоку веры.

Х. ВСЕМ-ТО НЕУГОДНИК

Харр присел на корточки, глядя широко раскрытыми невинными глазами прямо в лицо беглому телесу:

— А ты-то почему знаешь, что я истинной веры не ищу?

М'сэймы растерянно переглянулись. Было очевидно, что посылали их вовсе не за тем, чтобы проводить диспуты.

— Смутен ты, — угрюмо проговорил бывший телес. — А кто смутен, тот и других смутит.

— А ты бы не мудрствовал, человеке, — как можно мягче проговорил Харр. — Встретил — веди к своим.

«Свои» поджидали у следующего холма. Впрочем, нет, не ждали. На Харра воззрились с безмерным удивлением, даже работу побросали. Работа, между прочим, была диковатая — отошавшие, смуглые от загара молчаливые мужики голыми руками вскапывали землю вокруг отвесно вздымавшегося скалистого холма. Основание его было грубо обтесано примерно на высоту человеческого роста: ниже шла канава, в

которой самые ретивые землекопы стояли уже по пояс. Одеты были небогато: кое-кто в одинаковых бесцветных балахонах, остальные — в своем, но уж очень драном.

К Харру, шлепая сандалиями по собственным пяткам, подошел еще один с постным ликом и тремя причудливыми узлами на перепояске.

— Чтишь ли ты Единого Неявленного, человече?

Харр пожал плечами:

— Я ничего о нем не знаю, как же я могу его чтить?

— Ответил честно, — с легким удивлением констатировал постнолицый. — Но есть же у тебя собственный бог? Каков он?

— Да солнце ясное, кто ж выше его.

— Выше его — Неявленный, — законно отозвался вопрошавший и не удержался — почесал в затылке. — А как это ты выбрал бога, до которого и дотянуться-то нельзя?

— Я не выбирал, солнцу красному весь мой народ кланяется.

Челюсть клацнула, отвисая.

— Одному?

— Одному, человече.

Озадаченный м'сэйм топтался на месте, явно не зная, как поступить с этим свалившимся ему на голову пришельцем.

— Ну и чего ты к нам подался? — спросил он с тихой ненавистью, как видно, уже предчувствуя, что теперь мороки не оберешься.

— Душа истины алчет! — торжественно возгласил Харр. — А вы что, разве не всех принимаете?

Это вернуло допросчика к его прямым обязанностям.

— Всех, всех. Железа на себе имеешь?

Харр с сожалением вытащил из-за пояса кинжал.

— Брось!

Пришлось разжать руку. Добрый клинок, обиженно брякнув, зарылся в пыль. М'сэйм выпростал но-

гу из сандалии, нагреб еще немного землицы и за-топтал кинжал, не прикасаясь к нему руками.

— Копай со всеми, — приказал он Харру. — А надумаешь вернуться, ступай спиной к солнцу. Мы никого не держим.

И пошел прочь. М-да, не больно много удалось узнать. Ну да там посмотрим, ведь сказали — не держат. А огниво-то, слава незакатному, отобрать не догадались.

Он без излишнего энтузиазма подошел к грудке камней, образовавшейся после обтесывания скалы, выбрал острый и длинный осколок. Спрыгнул в канаву, огляделся. Ни одно из лиц симпатии не вызывало, но один ошейный телес с рубцом на подбородке — видно, тщился ошейник расколоть — показался ему хотя бы не таким грязным, как все.

— Я землю рыхлить буду, а ты выгребай, — сказал он телесу, пристраиваясь рядышком.

Телес испуганно шарахнулся.

— Это ж камень, богом сотворенный, — не железно поганое, — громко и назидательно изрек Харр.

Его спокойная уверенность подействовала — работа пошла на двоих, поначалу даже стало весело. Потом, естественно, прискучило; новизны впечатлений от землеройного труда хватило разве что на пару часов. Напарник работал старательно, но губы при этом сжимал до синевы; верно, болтать здесь считалось за грех. А этому было чего бояться — с его-то ошейником, если выгонят отсюда, то одна дорога: в лес, к подкоряжникам. Солнце уже клонилось к закату, и молчаливые труженики все чаще и чаще на него поглядывали. Харр тоже помалкивал, верный своему правилу ни о чем поначалу не спрашивать, а подмечать то, что само на глаза да на слух попадается.

Наконец солнце коснулось своим тусклым задником края земли, тотчас раздался знакомый пронзительный свист. Все разом выпрямились, бросив ра-

боту, и двинулись вдоль основания холма, обтекая его кто слева, кто справа. Харр припрятал свою ладную мотыжку, чтобы назавтра никто ее не перехватил, и пошел следом за всеми.

С другой, солнечной стороны холма канава была вырыта в ширину человеческого роста, устлана сухой травой и прикрыта сверху наискось прислоненными к стенке стволиками молодых деревьев; ветви их на одном краю были уже часто переплетены толстыми травяными стеблями. Однако разглядывать это нехитрое жилище, в котором ему совершенно очевидно предстояло провести не одну ночь, было недосужно: все м'сэймы, числом около тридцати, столпились возле широкого чана с водой, торопливо смывая грязь с запыленных лиц и почерневших рук. Харр скривился, увидав бурую взбаламученную воду — опоздал, теперь в нее и палец-то окунуть противно. Однако пришлось все-таки сполоснуться, и, пока он обтирал руки о собственные штаны, на лице его отразилась такая брезгливость, что давешний напарник над ним сжалился:

— Не печалуйся. — Губы едва шевелились, но шепот был отчетлив. — Завтра омываться поведут...

Как-то сами собой все разделились на три кружка, опустившись прямо на утопанную траву. Харр совсем заскучал — похоже, что кормили всухомятку. Но тут он ошибся: проворные вьюноши в чистеньких балахончиках поставили в каждый кружок по громадной мисе распаренных зерен, а на колени каждому едоку кинули по знакомому травяному листу с кусочком свежего сыра. По рукам пошел бурдючок с прохладной водой. Ели молча, и дружное чавканье напоминало кормежку свиней. Внезапно один из со-трапезников отложил свой лист с недоеденной кашей, поднялся и вышел на середину. Чавканье как по команде прекратилось — все продолжали жевать, но уже совершенно бесшумно. М'сэйм заговорил, и

Харр тут же про себя отметил, что речь его так же неопрытна, как и его вид. Посапывая, причмокивая и повторяя одну и ту же фразу по три-четыре раза, он начал сетовать на то, что пища их — от земли, а не от бога, ибо земля уже существует, а бог единый еще не явился. Солнце наполовину скрылось за горизонтом, когда он перешел ко второй половине своего выступления: как уходит солнце, так уйдут и многие из сидящих здесь, не дождавшись прихода Неявленного. Но им воздается за ожидание праведное, ибо благодать будет дарована им и после смерти.

Это обещание также многократно повторялось, пока последний солнечный луч не утонул в вечернем тумане. Тогда оратор вернулся на свое место, к недоеденной каше, а участники трапезы наконец-то разом заговорили, точно с них сняли заклятие. Некоторые вставали, отряхиваясь, и отправлялись поодаль, где росла особенно высокая трава. Харра поразила какая-то неестественная смесь свободы и подчиненности, царствовавшая в этом полумонашеском мире: вот сейчас каждый волен делать что угодно, можно даже повернуться и двинуться восвояси; но завтра всех снова погонят на каторжный труд от восхода до заката, и они будут работать, не проронив ни слова.

И все — за какую-то обещанную благодать?

Он оглядел темные фигуры на фоне быстро тускнеющего неба — сейчас бы каждому из них по ядреной девке, и никакой божественной благодати не надо. И тем не менее приперлись они в эту степь, и жрут свою крупянку, и боятся заикнуться о чем-то своем, и живут надеждой, выуженной из сказочки косноязычного болтуна, у которого пять узлов на кушаке и патлы аж до самого причинного места. И что самое смешное, с ними и он сам, странствующий рыцарь Харр по-Харрада, веселый менестрель, он же недоносок Поск, Поскребыш, которому больше не видать родимой Тихри, как своих ушей. А зачем?

Да просто все остальное на этой паскудной земле ему уже обрыдло, а так наберется баек этих дурацких, будет потом что другим пересказывать...

Не ври! — оборвал он себя. Кому это — другим? Других ты видал в гробу, пополам распиленном. Все ради девки, что тебя выставила. Ей одной рассказать — авось про м'сэймов послушает, в диковинку ей это будет. К тому времени, когда он вернется, она уже и опростается, тут он ее и заговорит...

Он покружил еще немного вокруг холма, набрел на какие-то аккуратные грядки, на которые несколько доброхотов таскали воду из умывального чана — сразу видно было, что делалось это без принуждения, в охотку. Понемногу все потянулись на покой; Харр намеренно замешкался, чтобы дать остальным улечься, — нужно было пристроиться с краю, чтобы не набраться от подкоряжников лесной живности. Напарник вроде бы ждал его — сидел на корточках, оберегая два крайних места. Харр благодарно похлопал его по плечу, улегся; подождал немного — не заговорит ли? Нет, молчал. Видно, и говорить-то бедняге было не о чем. Харр глазом не успел моргнуть, как тот уже храпел.

— Э-э, — растолкал его странствующий рыцарь, в своих одиноких ночевках привыкший к благодатной ночной тишине. — Знаешь, какая разница между тобой и козлом?

— Ну?

— Козел, когда храпит, двумя бородами трясет, а ты — одной.

Напарник некоторое время молчал, недоуменно почесывая голый подбородок, потом наконец до него дошло, и он по-детски, радостно заржал — тоненько, точно жеребенок; хохотнули — сдержанно, в кулак, соседи; шепоток полетел все дальше и дальше, и где-то не удержались — грянул громовой хохот, показавшийся обратно, к Харру; теперь гоготали все до

единого, даже те, кто проснулся и не знал, отчего родилось веселье, — слишком туго натянулась струна, сдерживавшая этих натужно-молчаливых людей, и теперь она лопнула, и ее звон отдавался в повизгивании, до которого дошел кто-то, уже пребывающий на грани истерики. Смеялись вдосталь, как пьют воду после дневного перехода через сухую пустошь. Понемногу стихло. Кое-кто, переступая через лежащих, пробрался к выходу и сиганул в траву, сберегая единственные порты; Харр прикусил язык, твердо наказав себе больше в роли весельчака-рассказчика не выступать. Чай, не на пиру.

А ведь впервые на этой земле людей повеселил...

С этой мыслью, невольно ласкающей его самолюбие, он и отошел ко сну, уже не понимая, грезится ему — или действительно как из-под земли выросла там, за редкими стволиками, слабо озаренная фигура в венце из голубых пирлей; она остановилась напротив него и долго еще стояла, словно могла разглядеть его в полной темноте.

Наутро, за сытными бобами с бодрящей травкой, он ощутил на себе доброжелательные взгляды, — так на пирах после удачной песни на него поглядывали с благодарностью и ожиданием — а ну-ка еще... Харр понимал, сейчас — не время. Молчал, как все. Но подошел косноязычный с узелковой перепояской, ласково проговорил:

— Ты силен, человеке; не возьмешься ли воды натаскать, чтобы слабых не утруждать?

— Отчего же нет, дело нехитрое, — так же благодушно отозвался Харр, про себя ухмыльнувшись: мягко стелешь ты, братец, а как сейчас остальных на рытье погонишь?

Но, к его удивлению, никто на работы никого не гнал и не принуждал. Все поднялись неспешно, но уже молчаливо, потягиваясь, напивались впрок студеной водой, сохранившей ночную свежесть; кое-кто

даже подался в травы — пощипать каких-то красноватых листиков, показавшихся Харру чересчур сладкими. А кто-то уже работал.

К Харру подошел сутулый подкоряжник — во всяком случае, Харр так решил, поглядев на его босые ноги, явно не знавшие обуви уже много лет.

— Пошли по воду, что ли?

Они подхватили коромысла с тонкими сетками, плетеными из какого-то волоса, в которых помещались круглодонные бадейки, изнутри мазанные молочно-белым окаменьем. По тому, что трещины замазывались уже серым и голубым, Харр понял, что здесь своего собственного зверя-блёва не держали, а окаменьем разживались за счет того, что приносили беглые. Они двинулись по едва заметной тропе — сразу видно, что осваивать этот холм начали совсем недавно. Трава становилась все выше и выше, пока не скрыла идущих с головой, несмотря на изрядный рост обоих. Харр заскучал — идти-то оказалось далековато, а на обратном пути не отдохнешь: на круглое доннышко бадюку не поставить. Он принялся считать шаги, несколько раз доходил до сотни, сбивался... Когда появилось желание начать ругаться вслух, впереди слышались голоса. Тропа стала шире, потом резко кончилась, и они вышли на обширную пустошь, посреди которой возвышалась небольшая грудка камней, из которых и бил источник.

Воду здесь берегли — зелененные желоба отводили ее в чаны, колоды и врытые в землю кувшины; внимательный молодой м'сэйм в одной набедренной повязке бродил, высоко задирая ноги и осторожно переступая через желоба, отворял и закрывал заслонки, пускающие воду то в одну, то в другую емкость. Слева — полукругом — располагались густо зеленеющие грядки, над которыми возились рослые мужики, не иначе как по отбору; справа две загородки образовывали проход, по которому подводи-

ли на водопой тех мелких безрогих скотинок, которых Харр заметил в степи еще вчера.

Харр со своим спутником присели на землю, отдыхая и поглядывая, когда же им укажут, откуда воду брать. Наконец указали, и опять же никто не подгонял, можно было бы просидеть и еще сколь угодно. Но подкоряжник направился в обратный путь, чуть покачивая полными бадейками, и Харр двинулся следом, успев прихватить по дороге две приглянувшиеся ему рогульки. Путь обратно, как он и ожидал, оказался не таким приятным, и Харр, пройдя примерно его половину, окликнул своего проводника:

— Эй, погоди-ка малость! — Тот послушно остановился. — Подержи мое коромысло.

Он освободился от своей ноши, чуть отступя от тропы, глубоко вбил в землю прихваченные колья с разветвлениями на концах.

— Давай коромысла сюда, отдохнем.

Подкоряжник с удивлением воззрился на Харрову затею — видно было, что здесь никто не проявлял никакой выдумки, просто делали свою работу от зари до зари, и вся недолга.

— Однако ты взял, не спросясь, — укоризненно проговорил Харров сотоварищ по трудам праведным, — неладно это.

— Я ж голос подать не решился! — возразил Харр. — У вас тут все молча делается...

— Человецы молчат, потому как говорить не об чем, — отрезал подкоряжник. — О суетном за работой болтать грех, а о божественном только наверхие ведают.

— Наверший — это который за вечерней трапезой блекотал?

— Ты в грех меня вводишь, — сурово констатировал подкоряжник. — По уставу нашему нельзя гневаться на ближнего.

— А смеяться над ближним можно?

— Тоже грех.

— Однако вчера ты ржал, как жеребчик, да и другие запрету на себя не клали...

— Общий грех.

Не понравился Харру его тон — переборщил водонос со своей суровостью, от нее так и несло лицемерием.

— Слышь-ка, босоногий человеке, а ты сам часом в наверхие не метишь?

— Наверший — это кто много лет в Предвестной Долине провел, по каждому году — узел на пояске. Однако засиделись мы. Нам еще одну ходку делать, с бурдюками для питья.

Он снял с рогулек свое коромысло и потопал по узкой тропе, гулко впечатывая шаг в плотную степную землю. Харр решил малость поотстать, чтобы перед глазами не мелькали его грязные пятки. А с бурдюками он постарается пойти первым.

Когда трава, понизившись, открыла им наполовину обустроенный под жилье каменистый холм, шагавший впереди водонос задержал шаг и как-то неуверенно оглянулся на своего спутника:

— А скажи-ка, человеке, что это за зверь такой — жеребчик?

— Любопытство — тоже грех, — отрезал Харр, не желавший вдаваться в описание животного мира родимой Тихри.

Похоже, лошадей тут и вовсе не водилось, да и кому они были бы нужны на этих уступах — мясо жилистое, молоко поганое, а ходить в упряжи или под седлом, как послушные рогаты, их и вовсе не заставишь.

Вылив воду в чан, оба забрались под навес и немного отдохнули — никто косо не глянул, и это Харру снова понравилось. Днем здесь, как он понял, не кормили — чать, не господские хоромы, — но он в своих странствиях привык насыщаться только дважды, на вечерней и на утренней зорях. Водонос под-

нялся первым, но Харр все-таки подхватил бурдюки с коромыслом и сумел проскочить на тропу раньше напарника. Темп задал себе непомерно скорый, так что подкоряжник остался далеко за спиной. Его не окликнули — стало быть, ничего противоречащего уставу здешнему он себе не позволил. Он придержал шаг и прислушался к собственным мыслям.

А их, собственно говоря, и не было. Его охватило какое-то благостное, умиротворенное спокойствие, какое только может преисполнить довольного жизнью человека, одиноко бредущего под чуть подернутым перистыми облаками нежарким небом. До источника он доберется с большим упреждением, отмоется в проточной воде, рубаху сполоснет... Что еще? Эта душевная тишь снизошла на него как-то исподволь и совершенно нежданно, он наперед знал, что долго ей не продержаться, но пока был рад ей несказанно...

Продержалась она пять дней. На шестой нудный голос наверху вконец отравил ему вечернюю трапезу, и, когда владелец узелкового пояса опустился на свое место остывшую кашу доедать, Харр не выдержал:

— Позволь мне спросить тебя, человеке: если Неявленный еще, так сказать, не явился, то откуда вам ведомо, что он должен прийти? Ведь только божественное слово непреложно, а слова человеческие могут быть и лживы.

Все замерли с полуоткрытыми ртами. Наверший побагровел, делая глотательные движения, словно не давая гневным словам сорваться с губ. Наконец его прорвало:

— Любопытство есть грех... потому как сомнение им рождается... потому и запретно сомнение, что приход Неявленного отдалает... отдаляя, оставляет место неверию... где неверие, там сомнение... а кто сомневается, тот любопытствует, что греховно, ибо порождает сомнение...

Он замолк и тупо уставился в мису с остатками каши — было очевидно, что вечерние проповеди он повторял уже столько раз, что заучил их наизусть, не давая своим мозгам никаких поводов для шевеления. Харру стало жаль старика.

— Благодарю тебя, человеце, — смиренно произнес он. — Я понял: любопытство влечет за собой сомнение, а сомнение, в свою очередь, порождает любопытство. Получается порочный круг, а кто в круг себя замкнул, тот этим кругом от бога отгородился. Верно?

Наверший закивал, но вид у него был прежалкий. Выходит, и поговорить-то тут не с кем...

Но наутро и это решилось — владелец узелковой опояски задержал Харра, уже поднявшего было коромысло.

— Ночью озарение снизошло на меня: утрудил я тебя, человеце. Не вертайся с бадьями, поживи при грядах, а то на водопое. Я веление сие уж и напарнику твоему наказал. Ступай.

Так, менестрель. С повышеньцем. У источника все вроде бы и почище, и лицами посветлее. Может, и найдется достойный собеседник. Прощаясь с водоносом, не сдержал радости, пошутил:

— Видишь, как я быстренько в гору пошел — уже и не при грязной земле, а при чистой воде. А вы еще талдычите: мол, любопытство — грех. Думаю, и Невяленный ваш не с равнодушием на нас взирает — любопытно ему, в какой мир прийти собрался...

Водонос даже сплюнул:

— Болтун ты пустословый! А что с одной работы на другую гонят, то не радуйся: верный знак, что быть тебе в неугодниках.

Повернулся и ушел, расплескивая воду.

А на работах он и вправду долго не засиживался: то грядки полонил, то загородки плел, то кашу в земляных ямах томил, то по степи колоски-дички собирал, последнее понравилось ему более всего: прямо на

земле то и дело попадались птичьи гнезда, и ему едва ли не каждый день удавалось полакомиться свежими яйцами. Его самого поражала умиротворенная бездумность, охватившая его, отрешенность от всего прошлого и беззаботное приятие любого будущего. Не раздражали даже вечерние проповеди здешнего наверхшего — был он, как видно, много умнее предыдущего и, начав свой речитатив, как положено, при первом же касании солнечного диска о степную кромку, делал основательный перерыв на ужин и снова возвращался к благочестивым назиданиям только тогда, когда угасал последний луч. Ночевали под открытым небом, подстелив под себя шкурки пушистых безрогих скотинок, неведомых на Тихри и именуемых здесь «агни». По ночам поднимались из травы едва мерцающие пирли, спокойные, серебристо-голубые, точно вобравшие в себя звездный свет. Ни о каком Неявленном Харр не думал, но чувствовал, что его душу лелеет тот же мир и согласие с окружающей его степью, что и его однокорытников.

Оскоромился он по-глупому: в траве порскнула перепелка, и он как-то машинально схватил подвернувшийся под ногу камень и точным броском подшиб добычу. Не пропадать же — ощипал, вырыл ямку, наломал толстых сухих стеблей. До источника было далеко, соседний холм — здоровенный, с каким-то торчком на вершине — едва виднелся вдали. Птичка запеклась на славу, и Харр, в состоянии тихого невинного блаженства обсосав косточки, старательно зарыл и следы пиршества, и золу от костерка. И немало изумился, когда наутро беззлобно покачивающий головой наверхший отослал его к дальнему холму — отнести бадейки со скисшим агнячьим молоком, по всей видимости, на предмет изготовления сыра.

И Харр почувствовал, что с подзвездными ночлегами у степного родника покончено навсегда.

Он не ошибся. Но перемена места на сей раз, как он понял, была окончательной: громадный холм был

центральной поселением м'сэймов, так сказать, их столицей. Обложенный спальным навесом только с одной стороны, с другой он был окружен многочисленными хозяйственными пристройками, сложенными из слоистого камня. В отличие от других холмов, он густо порос мелколиственным плотным кустарником, кое-где приоткрывающим следы старинной кладки. Судя по множеству пристроек, грубо обтесанные плиты которых явно были значительно старше их самих, древнее строение на холме когда-то должно было выглядеть просто грандиозным. И похоже, разрушили его не м'сэймы — они лишь обжили дочиста разграбленные руины, уже не привлекавшие ни окрестных алчных амантов, ни вороватых подкоряжников.

Харра, ни о чем его не спрашивая, приставили к давлению жому, который два одинаково опрятных тела очищали от вчерашнего жмыха. Третий уже мельчил этот жмых в громадной каменной ступе, подливая темный густой мед и подбрасывая какие-то лиловые ягоды. Харру сунули в руки широкие плоские плетенки, гладко крытые окаменьем, и он принялся размазывать на них сладкую смесь и выставлять ее на солнце. От недалней поварни тоже тянуло чем-то духовитым, и было тепло и радостно чувствовать себя членом этой огромной, дружелюбной и всегда сытой семьи...

Кто-то тронул его за плечо — совсем молодой и безбородый, а на опояске уже три узла.

— С тобой хотят говорить, человеке...

Харр облизал липкие пальцы и направился за провожатым, мельком заметив, что у всех на поясах узлы, кое у кого больше десятка. Может, для того и позвали, чтоб носом ткнуть: не по чину-де влез...

Но утром чувствовал: здесь такое не говорят. Провожатый довел его до зеленого склона, и тут Харр заметил несколько круглых нор, уходящих в глубину холма. Конвоир пропустил Харра мимо себя, проговорив в темноту:

— К Наивершему.

В глубине подземного хода сразу же затеплился огонек, бесшумно поплывший прочь. Харр понял, что его приглашают следовать за невидимым проводником, и бесстрашно ступил под каменный свод. Он ожидал ощутить неминуемый холодок подземелья, но едва уловимый ветерок был сухим и нисколько не освежающим. Глаза понемногу привыкли к полумраку, и он различил в бесшумно скользящей перед ним фигуре босоногого карлика, у которого на голове каким-то чудом держался прозрачный рог с плавающим внутри фитильком. Подземный проход несколько раз менял направление, в стенах вроде бы угадывались плотно пригнанные двери; но ни одного встречного человека не попалось им на пути. Внезапно огонек исчез — проводник ступил в нишу, из которой крутая лестнка, ввинтившаяся в пол, увела их в глубину подземного лабиринта. Но чем дальше от входа они оказывались, тем сильнее росло удивление: впервые в жизни он не испытывал страха перед темнотой и низкими сводами, готовыми в любой миг похоронить его в этом теплом безмолвии.

Наконец ход расширился, превратившись в сводчатый покой, и малорослый проводник поднялся на цыпочки, поджигая фитиль в свисавшей с потолка лампе, причудливой и изукрашенной крошечными резными фигурками. Харр разглядел два кресла, стоящих у противоположных стен; никакой другой мебели не наблюдалось. И только тут он ощутил наконец влажный и затхлый воздух, присущий подземельям; примешивался и еще какой-то неопределимый запах, тревожащий, нечистый. Проводника уже не было, зато послышались шаркающие шаги, и в помещении появился согбенный старец со связкой каких-то трав. Угадав в нем ожидаемого Наивершего, Харр склонился в три погибели — по его представлениям, этот м'сэйм должен был по своему рангу быть чем-то вро-

де князя. Но старец, не обращая внимания на подобострастную позу своего гостя, принялся обмахивать его своим веничком, точно стряхивая невидимую пыль. Завершив свои труды праведные, он повернулся и, шаркая уже так безнадежно, словно совершил последний в своей жизни непосильный подвиг, удалился к невидимой отсюда лесенке. Стукнула дверца, которой Харр на пути сюда и не приметил. На смену старческим послышались шаги легкие и упругие, так могла идти даже женщина, властная, уверенная в себе. Но нет — это оказался мужчина не старше самого Харра в развевающемся сером балахоне, правда, намного длиннее, чем у остальных. Он стремительно приблизился к гостю и так же неожиданно замер в двух шагах от него. Ага. Обережник. Сейчас будет обыскивать. Что-то выдавало в нем недавнего — а может быть, и настоящего — воина, и Харр невольно наклонил голову, пытаясь сосчитать узлы на его опояске. Узлов не было, так как тонкий стан незнакомца охватывал широкий кожаный пояс, как определил Харр своим зорким глазом охотника, из шкурки черной змеи. Такими же были и легкие сапожки, заменявшие обязательные для всех сандалии. Пожалуй, этот малый мог быть не только воином, но и гонцом-скороходом. Послали его допросить новообращенного послушника и потом передать все Наивершему, который, возможно, обитает где-то за тридевять земель. Харр, понадеявшийся на интересную наконец беседу, поскуучнел и одновременно отметил, что нет уже прежнего безоблачного умиротворения, а вернулась прежняя чуткость вечного путешественника, порождающая смутную тревогу.

— В чем дело? — быстро спросил обережник, и, хотя он стоял спиной к свету, глаза его полыхнули темным блеском вороненого металла.

Харр пожал плечами. Всем нутром он чувствовал какое-то громадное, звенящее напряжение, точно на-

тянулась невидимая тетива, и малейшая ложь могла оказаться на этой тетиве смертоносной стрелой.

— Да наверху было как-то покойнее... — с подкупающей искренностью признался Харр.

Глаза м'сэйма странно расширились и *еще* жестче блеснули металлическим отсветом, словно он в один миг вобрал в свою память стоящего перед ним человека со всеми его потрохами.

Харру не раз приводилось видеть в лесной чащобе свечение волчьих глаз, так вот те были как-то живее... Хотя, как говаривал Дяхон (надо же, сразу и все воспоминания вернулись!), все путем: у верховного м'сэйма обережник должен быть хоть на половину ведьмаком. Или сибиллой.

— Наверху ты был таким, как все, — четко проговорил обережник. — Здесь ты такой, какой ты есть сам по себе.

Он повернулся и неспешно пошел к стоящему у противоположной стены креслу, на ходу расстегивая и роняя на пол пояс, а за ним и балахон — все это осталось лежать под самой лампой. Оказался он в коротких темных штанах и просторном жилете, наброшенном на голое тело. Великолепно сложенное тело, между прочим. Зачем это? Чтобы Харр увидел, что на нем нет никакого оружия? И все-таки он был по-здешнему легковесен, и даже вооруженного добрым ножом Харр одолел бы его голыми руками.

— Сядь, — коротко велел он, опускаясь в кресло как-то боком.

Харр усмехнулся и сел в свое кресло, только на подлокотник.

В смуглом широкоскулом лице м'сэйма было что-то непривычное — а, вот в чем дело: все пустынные, кроме молодых и посему безбородых, здорово пообрастали диким волосом. Этот же был гладко выбрит. Темные волосы его подхватывал какой-то шишковатый обруч. И никаких рабских браслетов или ошейников.

— Мне сказали, что ты и твои соплеменники чтут единого бога, — не спрашивая, а утверждая, проговорил м'сэйм.

Вопроса не было, но Харр все-таки кивнул:

— Да.

— И этот бог — солнце.

— Да.

— Где же лежит твоя земля?

Харр старательно сложил слова в предельно правдивый ответ:

— Я родился там, где солнце стояло прямо над головой.

Вопрошавшего такой ответ удовлетворил.

— И долго ты шел сюда?

— Всю жизнь. — И это снова было правдой.

— Если у тебя уже есть свой бог, то зачем ты пришел к нам?

Харр постарался, чтобы его вздох был как можно незаметнее:

— Я ищу единого бога для другого человека.

— Для женщины?

— Мог бы сам догадаться. Она ведь не может сама прийти сюда.

— Это — твоя возлюбленная?

На сей раз пауза затянулась. После долгих дней какого-то бездумного затмения памяти было легко заглянуть в собственную душу, и все-таки ответ пришлось взвешивать и выверять. Наконец он разжал губы:

— Нет. — И опять-таки это было правдой.

М'сэйм шевельнулся, словно хотел подняться и подойти к Харру поближе:

— Скажи, а почему она не приняла твоего бога?

Тут он почувствовал себя свободнее:

— Да хрен их разберет, этих баб! Им бы такого боженьку, чтобы облапить да почмокать. Навроде птенца лесного.

— Мужчины, как я наблюдал, придерживаются такого же мнения, — как бы про себя отметил обе-режник. — Скажи, а кроме нее встречал ли ты людей, которые верили бы в приход нового бога, единого и истинного?

— Насчет веры не знаю, а вот желание имеется — поговорить по душам, так у каждого второго. Ей-ей, не вру.

— Я вижу. И что, никогда не врешь?

— Да ты что, блаженненький? Как же без лжи жизнь прожить?

Тут на месте м'сэйма любой другой усмехнулся бы, но тот остался невозмутим. Деревянный он, что ли?

— Но вот что я тебе скажу, — доверительно продолжал Харр, — на самом-то деле никому из них бог не нужен. А желателен: кому — верный кусок хлеба, кому — власть безраздельная, кому — дитяtko малое. Дай каждому по мечтаниям его — и на фиг им твой Неявленный!

М'сэйм оперся локтями о колени, ладони сложил лодочкой. Проговорил медленно и глухо, словно читал собственные сокровенные мысли, которые ему самому только-только открылись:

— Бог приходит на землю грешную не тогда, когда он нужен людям. Он на краткий срок являет себя, чтобы бросить в мир семена мудрости, дабы сплотить и возвысить род людской перед лицом той смертной беды, которая обрушится на потомков их лишь через многие годы. И горе человецам, ежели не узнают они бога единого...

— Во-во, — подхватил Харр, — а ну как действительно не признают они твоего Неявленного, когда он Явленным станет?

— Его признаю Я!!!

Ух ты! Даже огонек в лампе затрепетал. Голос был жутким, каким-то нечеловеческим, и в глубине души Харр уже понимал, что эту беседу пора бы

кончить подобру-поздорову. Но уж очень было ему любопытно.

— Ясновидец ты, что ли? — не унимался он.

— Нет. К сожалению. Но я знаю пророчества, и по ним следует, что ждать уже остается немного.

— Ну да. Звезда злая, черный этот на белом и под белым... еще что?

— Разве ты не слыхал про кружала окаменные? — вопросом на вопрос отпарировал м'сэйм.

— Не...

— Темны же твои земли родимые... (Харр хотел было возразить, что со светом-то у него на родине все в порядке, но вовремя промолчал.) Бог Неявленный уже один раз приходил на землю, но признали его всего несколько человек — то ли восемь, то ли девять. Собрал он их на берегу Бесконечного Озера, на горе отвесной, и дал им в руки по кружалу дивному с окаменьем незастывшим. И начал вещать мудрость свою неизбывную. И чертили они на кружалах своих знаки глубокие, и каждый знак сразу твердел, чтоб на веки вечные нетленным да неуязвимым стать. Три дня продолжалось их бдение под голос божественный, и когда исписали они кружала свои до самой середки, обращая их посолонь, удалился бог, чтоб снова стать Неявленным...

— И кружала те — у тебя? — Харр подался вперед, чуть с кресла не свалился.

— Боговы споспешники, погоревав о краткости явления дивного, — продолжал, точно не слыша вопроса, рассказчик, — решили сравнить написанное. Но, к их безмерному удивлению, оказалось, что все они писали, а значит, и слышали, совершенно разное! Один о сотворении мира, другой о заветах нерушимых, третий о следующем пришествии... И впали они в смуту: каждый утверждал, что только он один прав, только он слышал голос истинный, а другим было ниспослано искушение неправдой. Дош-

ло у них и до побоища, и забили они половину из себя насмерть, поскольку один, Зверилой именуемый, был настоящим великаном и притом лютости неопикуемой — он у других кружала отнимал и с горы в озеро скидывал. Тогда осерчали остальные и, соединив усилия, навалились на Зверилу и отобрали его кружало, отправив вслед за остальными. Бог, такое непотребство видя, разгневался и наслал на ту гору молнию, расколол вершину горы, нечестивых споспешников своих в воду опрокинул, кружала, что на дне лежали, осколками камня засыпал...

«Ё-моё, — чуть опять не выразился вслух мене-стрель, — и у этого ума оказалось не больше!»

— Но Зверила, в воде очутившись, — продолжал свое повествование всезнающий обережник, — сразу опаматовался и, кто еще жив был, тех на берег вытаскивал. Повинились они перед Неявленным и решили записать, что в памяти удержалось. Писали уже на простых листах болотных, что упустили, что переврали — неведомо. Но Зверила за подвиг свой был святым объявлен, тем более что и скончался он мученически, подавившись блинами, потому как за рассказы его небывалые его в любом доме кормили как на убой. (Харр сглотнул слюну, вспомнив про собственный постный рацион.) А листы те сложили в одну книгу и нарекли Святыми Письменами или «Длением Дней».

— И это «Дление Дней» у тебя имеется? — не успокаивался Харр.

— Народ мудрость утратил, грамотных нынче — раз, два и обчелся. А кто и знает искусство кружал, то все равно хоть что-нибудь, да перевернет... — М'сэйм снова ушел от прямого ответа.

— Ну и строфион с тобой, не хочешь — не говори, — рассердился Харр. — Про Зверилу ты меня байкой уже потешил, а заветы у меня и свои собственные имеются.

— Ложные, — отчеканил, как отрезал, м'сэйм.

— Это почему же? Вот вы даже скотину не убиваете; шкура нужна, так я видел — в загоне без воды-питья держите, пока сама не сдохнет. Так и у меня правило — не убивать. Без крайней надобности, естественно.

— Вот видишь! — назидательно изрек обережник. — Не отними у другого жизни ни-ког-да. Ни у какой твари. Мой завет полнее твоего.

— Ага, а ежели это зверь лютый, который дитя малое под себя подмял?

— Значит, на то воля Неявленного.

— А по мне, кто на то глядеть будет, сложа руки, сам хуже зверя. Ну да пес с ним, с младенчиком, — ежели ты не чадолюбив, то тебе действительно все равно. Одним больше, одним меньше... Но вот тебе другая задачка: ты, ты сам — ты один сможешь узнать своего Неявленного. А на тебя три злодея напали — должен я за тебя вступить или погибай себе на здоровье? Но ведь тогда твой бог так неузнанным и останется, а затем беда падет на весь род людской. Кто в той напасти повинен будет? Ты? Я? Бог?

М'сэйм вроде должен был бы разозлиться, но его лицо опять осталось бесстрастным, он только вполголоса заметил:

— А я в тебе не ошибся...

— Кстати, — Харр уже не мог сдержать взятый разбег, — а что приключилось в прошлый раз, когда твой Неявленный так убрался несолоно хлебави?

И снова обережник не разгневался, а проговорил вполголоса:

— Ты вроде бы себя за знатного человека выдаешь... Рыцаря... Что-то говор твой для именитого странника слишком прост.

— С кем поведешься! На дорогах-то все больше быдло попадает. Так что там насчет мора и глада?

— Был и мор, был и глад. В одном стане богатом амантишка завелся чересчур шустрый — двух дру-

гих придушил, единолично править стал. Своего стана показалось мало — подался к соседям; окольное было, как ты изволишь выражаться, рассудило, что если ими править будет амант, богатством славящийся, то и их стан так же богатеть будет. Улестили стражу, открыли ворота... Стал амант уже двум становищам голова. Не дурак был, смекнул, что в открытые ворота легче входить, чем запертые боем бить; объявил, что всем подным платить теперь вдвое меньше. Сам-то не внакладе — вся подать ему одному. Тут уж все окрестные поселения как вскипели — своих бьют, чужого призывают. Он и двинулся. В дальних-то станах успели спохватиться, страну всю в один заслон объединили, навстречу выставились... Неизвестно, кто бы кого, только на оставленные без воинов поселения сразу же лесовики-подкоряжники навалились, даже озерные с островов приплыли. И что тут началось... Не понять было, кто с кем воюет, все разграблялось, кто поболее урвал, с добычей обратно в лес подавался. Тут тебе и твой мор, и твой глад начался. Все богов своих позабыли, дела-ремесла побросали; детей рожать, и тех перестали. На этой вот горе храм стоял, сохранялся в нем полный список «Дления Дней»... Все погибло.

— Но не навечно же!

— Не то теперь. Народишко серый, старинный язык возвышенный и тот позабыл. Как жизнь налаживаться начала, все аманты окрестные собрались на Тридевятное Судбище и порешили: никогда более уставленного порядка не менять, двум амантам за третьим следить, каждому становому жителю и простолюду окольному своего бога иметь; кто без бога — не человек, а скотская сыть. Кто закон сей нарушит, Девятному Судбищу подлежит.

Харр невольно покачал головой — детишки, детишки, славные вы мои лучники, надо бы до вас добраться, пока вы беды не натворили... Ну да теперь ему у м'сэймов задерживаться незначет. Пока до Зе-

логривья добредет, уж и папашей, поди, станет. Дважды притом. Так что пора.

— Что-то не так? — быстро спросил осторожник, зорко следивший за каждым движением своего собеседника.

— Да вот мне подумалось, что по этому-то закону аманты не слишком должны обрадоваться, ежели ваш Неявленный снова на землю ступит. Он ведь будет един для всех, а аманты, сам говоришь, пуще смерти теперь боятся единой власти.

— Людская власть — над телом, богова — над сердцем, — строго возразил м'сэйм. — Не путай. В «Длении Дней» сказано, что Неявленный почитает власть амантову непреложной и вечной, но сам он владычествует всем сущим.

— Не понял, — сказал Харр.

— Тупой ты, однако. Аманты всеми делами становыми распоряжаются; бог же единый требует, чтобы дела эти были праведны.

— А если — нет?

— Покарат.

— Выходит, он выше всех амантов, выше Тридевятного Судбища?

— Так было, так есть и так будет.

— Ну так хрен они это потерпят!

Обережник резко наклонился вперед, глаза его снова сверкнули металлическим оружейным отблеском:

— А ты знаешь, сколько тут у меня в Предвестной Долине собралось м'сэймов? И каждый день прибывают все новые и новые. Как только Неявленный...

— Вот именно: как только, — перебил его Харр. — А ты не боишься, что это самое «как только» наступит не завтра? И не через день? И не через год? А людишки все прибывают, их занять нужно, безделье — оно смутные мысли порождает...

— Чтоб жильё справить да прокорм достать, и все это голыми руками — нет, на безделье сетовать не придется.

— Ах, вот почему ты им железа в руки не даешь. Мудро. Да, тогда с руками бездельными мороки нет. Другая беда: помирать они начнут. И не просто так, а в надежде своей обманутой. Ждали-ждали, да так и не дождались. А взамен что? Тюря зерновая да бормотун косноязычный на закате. Смотри, побегут вспять, и это уже бесповоротно. Одно дело — не чтить Неявленного вовсе; совсем другое — сперва поверить, а потом веру эту утратить. Смекаешь? Вера — как костерок: подкармливать надо.

— Вот потому... — Голос молодого м'сэйма зазвенел, сам он распрямился и подался вперед, точно хотел сорваться с места — но овладел собой, слова снова зазвучали сухо и бесстрастно, точно стук деревянных ложек. — Ты спрашивал меня о кружалах окаменных, о том, что уцелело из списков, сделанных много позднее с болотных листов Звериловой братии. Так вот: все, что сохранилось, — здесь, у меня. Насколько я понимаю, это — половина того, что со звуков гласа божественного было написано.

— А найти остатнее возможно?

— Нет. И времени — в обрез.

— И намеков никаких, что там сказывалось?

— Это известно. И не кому-нибудь, а самому Звериле-Великосвятному божий глас поведал, какова награда праведникам после смерти. Попадут-де они в застолье изобильное и бесконечное, будут слушать рокотаны сладкозвучные... И узрят они бога...

— В каком это образе, интересно?

— Сказал же я — нет про то записей, а пустым словам верить нельзя: все перевернуто. Кто про пир городит, кто про озера с островами плавучими, кто про сады висячие... И все врут нескладно, незавлекательно.

— А ты чего хочешь?

— Мне известно доподлинно — певец ты и придумщик, охмурающий народ своими песнями да небы-

вальщинами (и откуда это он узнал? Здесь, в Предвестной Долине, Харр об этом и словом не заикнулся!). Так вот: сложи мне песнь доселе неслыханную о блаженстве вечном, что ждет каждого праведника, верующего в приход Неявленного. О дарах несметных, ему уготованных; о дворцах окамененных, для них распахнутых, о воле безошейной, телесам дарованной, о девах полногубых, неперепоасанных...

— Хм... — недоверчиво произнес Харр.

— И о девах тоже — там, за смертной чертой, все можно. Ты слушай меня! Сложишь песнь яркую, как семь радуг, друг на дружку наложенных, и такую призывную, чтобы каждый мой м'сэйм за блаженство это обещанное послесмертное добровольно бросался бы хоть на меч, хоть в костер. Я дам тебе рокотан чудозвучный, будешь петь ты на каждом холме; а когда ступит на землю Неявленный, мы предстанем пред ним — я первый, а ты — второй. Из толпы великой — второй! И еще я скажу тебе... — Голос м'сэйма понизился до шепота, хотя кто мог услышать — любое слово так и оставалось погребенным в подземелье этом подгорном. — И еще на листах тех значится: недолги будут дни бога единого на земле нашей. Ты про это не пой, этого не надобно... Только после ухода его останутся богovy споспешники, слава о коих пребудет уже до скончания рода людского. И первым среди них буду я! Ты — вторым.

Ну вот теперь действительно было сказано все. И пора было смазывать пятки. А то ведь и вправду будут водить его, точно зверя ручного на цепочке, от холма к холму, а он ежевечерне будет врать им про долю лакомую, загробную.

А ведь на Тихри родимой каждый ребенок знает: после смерти ледяные просторы, где лишь темень и безмолвие... Он глубоко вдохнул нездоровый, промозглый воздух, прямо-таки осязаемо ощутил едкое отращение ко всякой лжи.

— Вот что я скажу тебе, ты, первый споспешник Неявленного, — проговорил менестрель снисходительно. — Может, и невдомек тебе, но песни ведь по заказу не пекут. Чать, не мясной пирог. Чтобы песнь сложить, надо знак получить неожиданный: то ли закатный луч, то ли приветный взгляд... иной раз мужичонка проползет толстопузенький, в дымину полосатую пьяненький, — на него гляючи, припевка застольная сама с языка соскакивает. Так вот. Есть у меня на родной дороге пословица: сколько девка огурчиком ни балуется, а без мужика дитё не родится. Понял?

По окаменелому лицу молодого м'сэйма Харр прочитал, что тот ничего не понял. Ну что с него возьмешь — тупой, видно, за всю свою жизнь двух строк складных да напевных не сложил, тем более что на этой убогой землишке и петь-то одним амантам дозволено.

— Ты прости, я тебя обнадежить понапрасну не хотел. Вот ежели бы мне видение какое неожиданно случилось, или знамение, или самого твоего Неявленного я повстречал — может, тогда... Между прочим, когда он явится, его Неявленным уже и называть-то будет как-то несоответственно. Об этом тоже в листах болотных и намека нет?

— Когда он придет, имя ему будет — Осиянный, — сухо и надменно проинформировал его м'сэйм. — Ежели переложить его со старинного языка на наш говор. Но ты наболтал слишком много лишнего, а прямого ответа не дал: согласен ты или нет?

Харр устремил на него тоскливый взгляд:

— Нет, человеку, нет. Я — птица лесная: в неволе не пою и не размножаюсь. Так и передай своему Наивершему, ежели ты не от себя говорил, а им послан был. И пойду я.

Впервые за всю беседу бережник дернул углом суховатого рта — видно, такая уж у него была улыбка.

— А ты все-таки глупее, чем я полагал. Не понял, что я и есть Наиверший. Что ж, ступай.

Харр виновато развел руками — разочаровал, мол, так не обессудь. Насчет Наивершего он давно догадывался, но виду не подавал, чтобы не портить иллюзорного равенства в беседе. Поднялся.

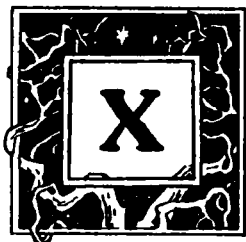
— Только подай мне мой пояс, — как бы мимоходом бросил Наиверший.

Харр сделал несколько шагов вперед, наклонился, скрывая усмешку; ох, Наиверший, напрасно ты меня за полудурка держишь. Сидишь вроде бы спокойно, а ноги выдают: ишь как икры-то напряглись. Не отпустишь ты меня подобру-поздорову, слишком много меж нами наговорено. А обрадовался-то, обрадовался! На м'сэймах своих дрессированных силушку не покажешь, кулаками не помахает — нельзя, рожу постную надо блюсти; а со мной вот поиграться вздумал. Только не все ты про меня слышал — видно, не знаешь, что такое строфионий удар...

Он распрямился, держа в руках шершавую змеиную кожу, и в тот же миг Наиверший сунул руку под кресло и вроде бы схватился за какую-то палку — этого Харр уже разглядеть не успел, потому что пол под ним вдруг расступился, и последнее, что он заметил, был голубоватый мерцающий обруч, засиявший у м'сэйма над головой.

ХІ. НАЗАД И ВЫШЕ

арр прерывисто, всхрапывая, потянул в себя воздух — ну и вонища, вот откуда, значит, смердело. Потянулся к виску, где мозжила глухая боль, — шишки пока не было, значит, без памяти он пробыл совсем недолго. Тихонечко приподнял ресницы.

Белесая вогнутая стенка. Колодец, значит. Серое окаменение прорезано длинными трещинами, но и они замазаны гладко, хоть и разными цветами, — с одного взгляда ясно, что даже ногтям не за что уцепиться. Глубина...

Он слегка приподнял голову и увидел носки сапог, выступающие за срез колодца. И м'сэйма, в выжидательной позе замершего на самом краю. Если резко выпрямиться, подпрыгнуть... Все равно не достать. Пожалуй, на длину меча высоты не хватит. Что же еще? Думай, менестрель, думай... Убивать тут не в обычае, но почему бы им не пустить к нему змейку вороную — пусть, мол, гад подкормится. Вот и пояс чешуйчатый рядом валяется, на земле неокамененной.

А странная земляца-то в буграх твердокаменных да трещинах узких. Нет, не о том надо думать, промелькнула же какая-то шалая мысль, когда пояс змеинный увидел...

— Очухался, — донесся голос сверху.

Думай, менестрель, думай.

— Ты сам, я вижу, не больно-то по-господски выражаешься, — негромко заметил Харр, чтобы протянуть время.

— Сам говорил — с кем поведешься... Ну как, решения не переменял?

— Думаю.

А что думать? Теперь, сложи он хоть дюжину песен, отсюда его живым не выпустят. Первому второй не нужен, второй слишком близко к его спине стоять будет.

Лампа, висящая точно над серединой колодца, освещала смуглое лицо верховного м'сэйма, и он щурился, отчего уголки его глаз, приподнятые над скулами, еще выше взлетали к вискам.

— Долго лапу-то не соси, — посоветовал он чуть ли не дружески, — а то скоро первый весенний гром прогремит. Видал камень на вершине холма? А копые, из него торчащее, приметил?

Харр не отвечал — непонятно было, к чему все это Наиверший рассказывает, а ему надо было думать, не отвлекаясь.

— Нелюбо железо Неявленному, нелюбо. А чтобы м'сэймы мои убедились в этом воочию, повелел я всем на погляд эту железину водрузить. И — хочешь верь, хочешь не верь, — но все молнии, что Неявленный, на грехи человеческие гневаясь, из туч мечет, прямехонько в копые это железное въяриваются.

Ох и не хочет пошевеливаться головушка ушибленная! Ведь мелькнуло же что-то при виде пояса змеинного... А тут еще м'сэйм мозги пудрит своими байками..

— Да ты меня слышишь? — обеспокоился вдруг Наиверший.

— Слышу, слышу. Валяй, трави дальше (мне думать надо, думать...). Только кинул бы сюда соломки, больно жестко тут.

— А это земля оплавленная, — как-то радостно проинформировал его м'сэйм. — Не сказал я тебе, что лампа-то висит на конце копыя того. И прямехонько над тобою. Саму светильню я, конечно, сниму, память все-таки о доме. Но как гроза подойдет — не взыщи: первая же молния по копыю скользнет вниз и — в тебя. Мы никого не убиваем, рыцарь ты мой певчий, то гнев божественный.

Певчий рыцарь... И это ему, оказывается, ведомо. Все уступы слухачами своими наводнил, трепло гуково, паразит м'сэймов. И сейчас мысли путает, сосредоточиться не дает. И отпустить его нельзя; чувствует сердце, что сам же он и подсказку кинет, как из колодца этого выбраться...

— Ладно, — примирительно проговорил Наиверший. — Пока тучи еще не собрались, дозволю тебе посидеть со светильником. Может, так тебе легче будет песню складывать. А я покуда...

— Что, с холма поглядишь, не пожаловал ли твой Неявленный? Не дожدهшься! — сорвался, не выдержав, узник. — Вот тебе мое слово вещее: не видать тебе его, как собственной задницы! Не придет он! Не придет!!!

— Врешь! — загремел м'сэйм, оскаливаясь. — Человек без бога истинного прожить может, а весь род людской — нет! Потому и придет он неминуемо, узанный или неведомый, в славе или в бесчестии, в богатстве или в скудости, гонимый или возвеличенный — он придет!

Видно, не свои слова выговаривал м'сэйм — только письмена мудрые, старинные могли звучать так пылко и возвышенно, что несчастный пленник не нашелся — да и не захотел на них возразить.

— И я выйду навстречу ему и стану пред ним...

Молния — не грозовая, смертоносная, а благодатная зарница ну просто смехотворной по своей простоте догадки сполоснула пожухлые было мозги Харра. Слава Незакатному!

— Складно чешешь, — примирительным тоном проговорил он. — Только притомил ты меня. Голову я зашиб, а ты песен просишь... Отдохну я малость, с твоего разрешения.

И он принялся расстегивать свой кафтан. М'сэйм взирал на него без опаски — знал, что проворные ладошки его холуев ошлепали каждую пядь одежды чернокожего неопита и оружия под ней оказаться никак не может.

— Ты ступай пока, — угасающим голосом пробормотал Харр, развязывая пояс. — Только скажи мне последнее: как вы называете свою землю — всю, от восхода до заката?

— Это-то тебе зачем?

— Чтобы в песню вставить...

— Так и называем: Вся Земля. На старинном наречии — Ала-Рани, — кинул сверху м'сэйм, точно подачку.

Харр привалился спиной к осклизлой стенке, прикрыл глаза:

— Песни-то порой во сне приходят...

Замер.

Наиверший постоял еще немного, потом удовлетворенно хмыкнул, и Харр услышал его удаляющиеся шаги. Раз, два, три, четыре...

Пальцы менестреля бесшумно делали свое дело.

Четыре, пять, шесть... Готово. Шесть, семь...

— Эй, твоя милость! — Шаги замерли. — А если сейчас тебе первые строки пропою — ужин мне добрый обеспечишь?

Шаги повернули обратно — семь, шесть, пять...

— Наклонись только — осип я от сырости, голос сорву...

Широкоскулое, торжествующе ухмыляющееся мурло не успело заслонить собой лампу — по-змеино-му свистнула веревочная петля, захлестывая шею, и со сдавленным храпом м'сэйм повалился в колодец.

— Со свиданьем! — поздравил его по-Харрада, для верности врезаая ему между глаз.

Пленник пленника обмяк и не брыкался.

Перво-наперво надо было снять с него и обмотать вокруг себя незаменимую свою тонкую веревку — вот ведь как, порой дороже меча оказывается! Заткнуть своим кушаком маленький узкогубый рот. Заломить назад руки и крепко связать их змеиным поясом (у, строфион тебя в зад, надо бы наоборот!). Стащить сапожки — нельзя путать ноги поверх сапог, так легче освободиться — и, оборвав собственные рукава, стянуть лодыжки, чтобы не пнул куда не следует. Все?

Нет, не все. Его самого тщательно обыскивали — значит, не грех сию процедуру на самом Наивершем проделать. Харр похлопал по черной безрукавке, сшитой из неведомой ему чересчур тонкой кожи, и сразу же обнаружил потайной карман, пришитый изнутри, и в нем плоский черненый перстень в виде трижды свившейся змейки; вместо камня была вделана крупная чешуйка, отливающая бронзой. На чешуйке еле заметно был выцарапан какой-то знак. Пригодится. Похлопал еще — нашел ножичек, тонкий, как бабья спица, недлинный, но как раз пришедшийся бы скользнуть меж ребрами — до самого сердца. Ай да Наиверший, ай да праведник. Просыпаться тебе пора.

Он похлопал м'сэйма по щекам — не подействовало. Или умело притворялся. Очень жаль, время не ждет. Харр вполсилы, без размаха пнул его точенхонько по сосуду мужественности — м'сэйм изогнулся, точно скорпион, и широко распахнувшиеся его глаза сразу стали кругленькими.

— Извини, выбора не было, — объяснил Харр. — Подымайся и — носом к стенке.

Он вздернул пленника за связанные руки, и тот выпрямился во весь рост. И только тут менестрель разглядел, что за мерцающий нимб осеняет его голову: это была колючая ветка, свернутая венчиком, так что типы ее торчали, точно зубцы на короне. И на каждый тип была наколота живая пирлипель.

— Сволочь... — процедил Харр, осторожно снимая венец и одну за другой освобождая уже потухающих мучениц — они поползли по полу, волоча чешуйчатые пестрые крылышки. — Стой прямо, не сгибаясь и не приседая; шелохнешься — так по яйцам звездану, что глазки на пол вывалятся!

М'сэйм, упершись лбом в стенку и выгнув назад плечи, замер. Да и выбора у него не было. Харр оперся ногой о его связанные руки — хорошо стоит, мерзавец, прямо как окамененный! — оттолкнулся от пола, перебрался на плечи. Неужто не достать будет до края?..

Достал.

Вцепился так, что кровь из-под ногтей брызнула. Выдохнул воздух. Подтянулся, закрывая глаза от натуги... Получилось — лежал грудью на краю колодца.

— Ну, до первой весенней грозы! — крикнул он вниз и помчался к выходу.

Прикончить гада было бы, возможно, большим удовольствием, но нельзя было терять ни секунды. А обнаружат его живым или мертвым — все равно погони не миновать. Харр взлетел по винтовой лесенке, уперся с размаху в чей-то живот. Вскинул руку с перстнем:

— Именем Неявленного и волей Наивершего!

Встречный — страж, по всей видимости — брякнулся на пол. Харр перепрыгнул через него и ринулся дальше. Пару раз упирался в тупики, но повез-

ло — вылетел наконец на чистый воздух. Сразу понял, что пробыл под землей долгонько — уже за вечерело, и усталые м'сэймы, как скотина на водопой, тянулись к чанам с разварным зерном. На взъерошенного Харра воззрились с удивлением, но он той же волею и вышеупомянутым именем проложил себе дорогу и, гулко впечатывая шаги в потемневшую тропу, широкими летучими прыжками понесся назад, по направлению к своему первому пристанищу. Его долговязая вечерняя тень летела справа, языком черного пламени полыхая по застывшей в недоумении траве, которая с каждым шагом становилась все выше и выше.

А вот она уже и во весь рост. Стоп.

Он резко притормозил и прислушался: пока пого-ни не было, да и с чего? Вопрос был только в одном: пойдут справляться у Наивершего, что это гонец на ночь глядячи у всех на виду через всю долину почесал, или нет? Неизвестно. Значит, шансов — один на один. Да еще один, что случайно найдут. Да еще, что как-нибудь выплюнет кляп и закричит... Нет, рисковать нельзя.

Харр осторожно, стараясь не сломать ни единого суховатого стебелька, раздвинул траву и шагнул как можно шире в глубину степных зарослей. Обернувшись, стебли подправил. Круто двинул вправо, обходя холм по широкой дуге. Голову высунуть он боялся, да и трава была слишком высока, так что виднелся ему лишь каменный торчок на вершине, из которого, как змеиное жало, проглядывало острие железного копья. Отдельных голосов отсюда слышно не было, но их отдаленный гул сливался со звоном закатных цикад. Ему пришлось пересечь еще одну тропу, и едва он это сделал, как из-под ног вылетела переливчатая желто-зеленая пирль и зависла точно у него перед носом. Тревога?

Похоже. Потому что гул людских голосов вдруг исчез. Он поспешил отдалиться сколь возможно от

тропы, но прислушивался после каждого шага. И не напрасно: за спиной послышался стадный топот. Он прижался к земле и замер, понимая, что сейчас, когда солнце практически уже село, главное — не выдать себя невольным шевелением. Догонщики протряхают еще не один полет стрелы, пока сообразят, что пора рассыпаться и шарить в траве. Но будет уже ночь. Он подождал, пока топот утихнет, двинулся дальше. Было совсем темно, когда он понял, что прошел полкруга и теперь находится точно на полдень от холма. Тогда решился и пополз к обиталищу м'сэймов.

Было совсем тихо. Насколько Харр помнил, с этой стороны спальных навесов не было, а располагались пристроечки вроде амбарных, кухонные ямы и очаги, поильные чаны. Харр накинул полу кафтана на свою белую голову и чуть ли не на четвереньках пересек открытое пространство — от травяных зарослей до замшелой стенки. Возле виска все время мельтешила сторожевая пирль, угадываемая по едва уловимому зуденью, но не светилась — значит, опасности не было. Внезапно от томильных ям с горшками послышалось рассерженное фыркание, топропивая возня; Харр припал к земле за водопойной колодой, недобрым словом помянул нерасторопную пирлюху, полагая, что это кто-то, вернувшийся из неудачной погони, пытается восполнить несостоявшийся ужин. Но пирль беспокойства упорно не проявляла, и Харр вытянул шею. Никого не было. А фыркание приближалось, и довольно-таки крупный шар, напоминающий травяной ком, покатился прямо на него, отчетливо видимый при ярком свете звезд. Уф, и как это он не догадался — ежи. Дорвались до даровой кормежки. Еще два пофыркивающих топтуна просеменили мимо, и Харр обернулся, чтобы проследить, куда они направляются.

А лезли они прямехонько на холм, сперва по осыпи, выливавшейся каменным ручейком из глубокой щели,

а потом ныряли куда-то в глубину, и снова шуршание слышалось уже только вверх. Харр чуть было не сунулся головой в щель, но сообразил — прополз к горшкам и чанам, собрал с десяток еще теплых лепешек, переложил их прелым зерном и сунул за пазуху; флягу у него, к счастью, не отобрали — на ней железных накладок не было; водой он тоже запасся. Теперь нужно было уносить ноги, пока кто-нибудь, томимый голодом, не подался за ежовыми объедками. Он кое-как протиснулся в щель, приподняв цепкие лапы выбивающегося из нее кустарника, полез выше. Если что и посыплется, ежики будут виноваты. К ним, похоже, привыкли. Земля жесткая, бестравная, но кусты, слава Незакатному, без крупных шипов.

Он довольно долго возился, выбирая себе ложбинку, устилая ее листьями и старательно переплетая над собою ветви, — из памяти не выходила чудовищная птица-сеть. Только перед самым рассветом позволил себе вытянуться и наконец приняться за еду.

На холме он провел два дня, от скуки поигрывая с пирлюшкой и подслушивая голоса, доносившиеся снизу. Иногда долетал разъяренный рык Наивершего, и это было особенно приятно. К ежедневным трудам от зари до зари у него привычки не было, так что теперь он отдыхал всласть. Прежнее умиротворенное состояние вроде бы вернулось к нему, только это была уже не беспамятная тупость, а уверенное в себе спокойствие. Он знал, что выберется отсюда. На стороне м'сэймов было знание окрестностей и изрядная численность; его плюсом были навыки многолетних странствий и то, что он шел один.

Он спустился на третью ночь, отдохнувший, легкий, с пирлюшкой на левом плече. Двинулся в сторону рассвета, в обход пограничных холмов. С трудом, но успел до первых лучей — подъем на первый уступ был лесист, он забрался на приглянувшееся ему дерево и за день насчитал с полдюжины м'сэймов, возвра-

щавшихся обратно в Предвестную Долину. С носом, естественно. Спешить ему было незачем, он дождался ночи и двинулся по степной кромке — надо было еще отыскать место, где он схоронил меч, сапоги и плащ — все свое достояние. О доме, поджидавшем его в Зелогривье, он почему-то не думал как о своей собственности. Очередное пристанище, что-то вроде норы для ночевки. Когда совсем надумается уходить — надо будет завещать его Махидушке. Жалко, девку ладную потерял, в писке постоянном не очень-то заночуешь, не говоря уж о том, чтобы побаловаться. А ведь наверное — уже.

Но в этом он, дней не считавший, малость ошибся.

Махида доживала последние дни. Отяжелевшая и странно похорошевшая, она, как это бывает с немногими, не потеряла прежнего проворства и теперь постоянно сновала то в становище, поближе к амантовым хоромам, то обратно к своей хибаре. Утраченная легкость походки восполнялась порханием смуглых рук, оплетенных разноцветными цепочками; гордо вскинутая голова и небрежно-величавый тон дополняли образ зажиточной становницы, которая жизнью своей довольна-предовольна. Лакомую еду она покупала не то чтобы слишком часто, но несла ее в открытой корзине; платила незначительно, не считая сдачи — ее не обманывали, знали: девка главного амантова стражника, женой не оглашенная, но прилипла, видать, намертво. Иногда подносила к меняловым дворам хитро изукрашенную утварь, предлагала за полцены, кривила губы: «У меня таких пятóк — очаг мне из них складывать, что ли?» У нее охотно брали. На вопросыки люто завидовавших соседусшек, скоро ль возвратится господин-хозяин, отбредывалась беззаботно: мол, чем надолее пропадет, тем поболее принесет.

Да кабы все на самом деле было так!

По ночам зубами цапала угол подушки, кулаками бил по стволам стенным, так что сверху пирли сонные сыпались, только что воем не была — услышат, о тоске ее догадаются. А повыть-то было об чем: только-только обнадежилась, долю впереди увидела сытую, сладкую, уваженную — и тю! Улетел. С подареньицем кинул, что теперь ей — и на кусок не заработать! Пока жила накопленным, кое-какую мелочишку продавала — а дальше как? С младенчиком-то горластым не больно к себе кого зазовешь. Впервые она подумала о том, какой обузой была своей матери, тоже девке шалопутной и неудачливой. Но ту хоть мужик за собой утянул, а ее — бросил, натешившись. Говорил — вернусь, но она-то знала цену обещаниям беглых хахалей. И как бы высоко ни был задран ее нос, душа позади нее самой на карачках ползла, следы слезами замывала. Потому как безошибочным женским чутьем ведала: не придет Гарпогар никогда. Никогда.

И еще жалела теперь, что соседешек завистливых пруд пруди, а подружек среди них — ни одной. Каждая глядела сторожко, за собственного мужика страшилась. А теперь и посоветоваться не с кем. Была Мадинька, да заперлась теперь накрепко — или ее заперли? Про нее Махида прознала, а вот о себе рассказать не успела. Мадинька в наивности своей ни о чем не догадывалась, была собой занята. И хоть дите тоже не с неба свалилось, а не от мужа нагуляно, похоже, что Иофф принял все как следует, жена есть, будет и наследничек. Дом — полная чаша, и двоих бы вырастили, не обеднели.

И двоих...

Эта мысль как родилась, так и засела в мозгу, вцепившись когтистыми паучьими лапками. Выходила же Мади ее саму, так бросит ли младенчика, ежели второй у нее появится?

Но до молодой рокотанщиковой жены было не добраться; постучишься — не впустят. По делам да

за снедью теперь Шелуда бегал, похудевший и, как показалось Махиде, почему-то радостный. Хотя у него-то у первого морда должна быть виноватой.

Вот и бродила Махидушка, девка брошенная, широкими петлями по проходам и заулочкам, завернувшись в широкую накидку, не столько от холода, сколько от срама; становище было наводнено пришлыми, да не простыми — сперва челядь амантов серогорских, теперь вот огневищенские... Подкоряжники сновали нагло, но — со щитами, стало быть, уже нанятые, и считать их не за лесовиков, а за лихолетцев. Махида только постанывала — в другие времена озолотилась бы, а теперь и думать не приходится. Потому ее меньше всего и заботило, отчего это все аманты враз со своих насиженных мест снялись да идут обозами прямо в Жженовку Тугомошную. Расположен был этот стан под Зелогривьем, одним уступом ниже, но наведываться туда не любили, да и взять там было нечего — ни ягод, ни дичины. Дорога была длинная, петляющая меж пиков да провалов — такого гладкого обрыва, как под Успенным лесом, не случалось ни одного. Кто там бывал, рассказывали, что леса все окрест порублены, поля ярим колосом шумят, а меж них — полянки с цветом пышным. Днем — зелень пупырчатая, а как вечер, так распускаются цветы белопенные, махровые, каждый — с детскую головенку. Их собирают под песни аманта соответственного, которому и имя — Сумерешник, а потом вялят на громадных листах над кострищами, чтобы до цвета бурого обжечь. С чего это тамошний зверь-блѣв такую моду взял — жжеными соцветьями кормиться, — никто не помнит: ящеры-то эти многоногие куда как дольше человека живут.

Народ чуть не весь в стенах жил, высоченные они были, с доброе дерево. Не влезешь. В околье ютились лишь пастухи при загонах да хлевах скотских, и еще плавильщики — чуть пониже становища жила медная

пролежала. Так что коротали свой век безбедно, караваны разве что за оловом снаряжали да за диковинами. Потому и звался стан: Жженовка-Тугая-Мошна.

А еще, рассказывают, имелся там лужок, собою приметный, только ступать на него одним амантам дозволялось. Вкруг него росли вековые деревья, числом ровно двадцать семь. Говорят, когда-то вершил тут свои дела Тридевятный Суд, но опять же было это не на памяти тех, кто обитал сейчас на землях Многоступенья. Потому как решались на том Судбище такие вопросы, что касались всех окрестных становищ, а может быть — и всей Ала-Рани.

Но до всей Ала-Рани Махиде было, как до звезды заоблачной. Время неумолимо уходило, и каждый миг она с ужасом ожидала, что вот-вот навалится на нее неминуемая боль, которой она не испытывала еще ни разу в жизни. С Мади надо было бы уговориться допреж того, а ее и голоса из-за решетчатых окошечек было не слышать. Иной раз у Махиды вскипала завистливая злость — отлеживается, поди, умница на перинах пуховых, ей и забот никаких — а ведь не она, так еще неизвестно, может, у господина доброго Гарпогара и не появилось бы лихой нужды из-под крыши обжитой подаваться невесть куда, за семь лесов да за девять ручьев. Заморочила она ему голову речами заумными, тоску нагнала. Может, и к м'сэймам подался, успения при жизни себе просить. У Иоффа-то дом тихий, в обувке ходят бесшумной, говорят лишь по надобности да шепотом — вот она с чужим мужиком и обрадовалась лясы точить!

Но как бы ни досадовала Махида на подруженьку, а больше ведь пожаловаться было некому, вот и толклась она возле рокотанщикова жилища. А у его дверей, между прочим, с утра кипела суета. Сам хозяин дома торчал на крыше, наклонившись над зеленеными перилами и покачивая полупрозрачной бородежкой. Внизу сновали лесовиковые телесы, боль-

ше все ошейные; распоряжался ими Шелуда, уже в дорожной одежде. Он то заскакивал в дом, то выбегал на улицу, пересчитывая тех, кто уже сидел на земле с притороченными на спине и на груди кожаными сумами, из которых торчали обернутые тряпичами рога. То, что грузили не на горбаней, говорило о том, что груз бесценен.

Махида, спрятавшаяся у супротивного дома за подпорным столбом, с нетерпеливой радостью наблюдала за этими сборами. Обрывки уличных разговоров, на которые она почти не обращала внимания за собственными горестями, сейчас всплывали в памяти и складывались как нельзя более удачно. На амантовом сходбище, как бы велико оно ни было, прежде чем говорить, каждый должен по струнам своего рокотана ударить. Ежели рокотан неисправен, трещину дал или струны порваны — и тебе нет голоса. А после дальней дороги такое очень даже легко с любым может приключиться. Потому и приглашают рокотанщика, и деньги он может за свои труды запросить любые — заплатят. Шелуда в учениках уже давно, а у Иоффа руки уже не те, не по силам ему как следует струну натянуть. А ежели надо, то и новую скрутить. Так что самый резон двинуться им вдвоем, вон и носилки крытые к дверям поднесли. Однако хитер Иофф, от самого порога цену себе набивает — ноги-то у него хоть и сухие, да ходкие: и на Успенную Гору еще запросто подымается. А тут — носилки. В Жженовку-то все вниз, да по гладкой дороге. Но не может старый хрыч без форсу...

Но тут Махида сглотнула и замерла: Шелуда вывел Мади, закутанную так, что только глаза виднелись; пихнул в носилки, покрывашку рогожную спустил. Задрал голову и, широко осклабясь, помаhal Иоффу — все, мол, будет в порядке! И тот в ответ пополоскал в воздухе бородежкой — надеюсь, мол, надеюсь...

Телесы вскочили на ноги, караванная вереница двинулась к станovým воротам. Махида, не помня себя от изумления и растерянности, перебегала от одного угла к другому, трясла головой; как же так, как же это?.. К воротам подошла еще кучка людей и с десятков горбачей, навьюченных скарбом Ручьевого. Понятно, в каждом стане гостевальная хоромина всего одна, а тут сколько прибудет! В чужих домах располагаться придется, а то и шатры ставить — значит, надо выслать вперед себя и кухонную утварь, и перинное барахлишко. За стеной, по направлению к низовой дороге, виднелся еще отряд — купецкие менялы, решившие не упустить случая. Это был нескончаемый поток, форменное переселение народа, прятаться в котором было просто не нужно, и Махида, даже не сознавая отчетливо, что и для чего она делает, зашлепала вместе с ручьевской челядью, не спуская, впрочем, глаз с мерно колыхавшихся впереди носилок.

Мади полулежала, вцепившись в плохо обструганные поручни. Рослые телесы несли ее играючи, но мерное покачивание носилок доводило ее до нестерпимой дурноты. Спину ломило еще с вечера, и она затаилась в своей комнатушке, где заранее были припасены и стопочка стираной мяконькой рванинки, и чан с водичей... Все было рассчитано и предусмотрено, кроме одного — вот этого приказа отправляться неведомо куда. Она и слыхом не слыхала о предстоящем Тридевятом Судбище и уж тем более о том, по какому поводу оно собирается. Ее втокнули в неудобные носилки и оставили в духоте, полумраке и нарастающей жажде, единственное, что она успела, — это спрятать под подолом несколько тряпиц, но подумать о себе самой ей и в голову не пришло. И вот теперь носилки спускались куда-то вниз по пологой дороге, рядом топотали телесы, негромко и неразлично переговариваясь, и страшнее предстоящих мук была неизвестность.

Махиде повезло: ей удалось пристроиться к нешибко груженному горбаню и уцепиться за одну из сумок, которыми был обвешан его горб. Так идти было легче, и погонщики, знавшие стражеву девку в лицо, ее не гнали — жалко, что ли. За почти черными деревьями, которыми по здешнему обычаю была обсажена дорога, уже виднелись бурые, в молочных разводах, стены Жженовки. Приветливая горушка и мелкий, серебристо бормочущий ручеек навели на мысль о водопое; в становище ведь неизвестно где притулишься, а за воду еще и деньгу спросить могут, жженовцы — они таковские. Горбаней подвели к воде, а Махида, ища тенёчка, обошла горушку и присела на лиловый пушистый мох. Жженовка была видна и отсюда, и даже можно было различить, кого сторожевые воины впускают в ворота, а кого завернут ночевать в скотское околье. Носилки с Мадинькой неуклонно двигались вниз по глинистой корке дороги, но Махида не боялась, что упустит их. Вот сейчас посидит еще минуточку с закрытыми глазами и подыметсЯ.

Но подняться не получилось. Боль хватанула, точно толстой плетью, поперек спины. И надо же — так немного осталось! Она повалилась навзничь, вжимаясь в землю, чтобы не увидали, но никому до нее не было дела, ее даже не окликнули — двинулись дальше, торопясь занять жилища получше; ей это было на руку, потому как не знала, удержит ли крик; но удержала, все пошло легко, недаром бают, что чем больше ходишь, тем легче опростаешься. Руки шарили по ворсистой моховине, пока не наткнулись на сухое корневище; уцепилась, поднатужилась — младенец вылетел пастушкой, помогла могучая материнская натура. Да и отцовский нрав сразу выказался — заверещал переливчато, что птица лесная певчая. Она с трудом поднялась на локте, изогнувшись, чтобы посмотреть на нежеланное свое дитяtko. Хоть и ждала чего-то подобного, а все же изумилась: на лиловом мху, суча но-

жонками, лежал ее первенец, черненький, как огарочек. Она собралась с силами, подползла к ручью и кое-как обмыла его, вытерла мхом и завернула в половину своей накидки. И последнее, что она сделала перед тем, как уснуть самым сладким на свете сном, — она попыталась все-таки углядеть носилки, которые должны были бы уже приближаться к становищу. Толпа по-прежнему стекала по глинистой дороге к воротам, чтобы там разделиться на два рукава: один проникал внутрь городских стен, другой рассеивался по околю. Но носилок уже видно не было. Она опоздала.

Впрочем, если бы она глянула чуть пораньше, она была бы удивлена сверх меры: носилки с юной рокотанщиковой женой не прошествовали в город, а свернули вправо, вдоль стены, где тянулись рядом скотские загоны. Мади за своей занавеской этого тоже не замечала, а и увидала бы, так ей уже было все без разницы. Дурнота серым комом давила на нее, боль от спины протягивалась уже по рукам и ногам, добираясь до кончиков пальцев; но хрупкое тело, обессиленное многодневной неподвижностью, на которую она сама себя обрекла по неведению, не спешило исполнить свое предназначение, и самое страшное было еще впереди.

Шелуда, семенивший рядом с носилками, отсчитывал загоны: один, два, три... это все открытые, с тягловыми самцами. Четвертым был небольшой крытый сарайчик, и Шелуда уверенно распахнул его дверь.

— Выходи, госпожа, — с нескрываемой издевкой произнес он, отбрасывая рогожную занавеску.

Мади не шелохнулась.

Он глянул на ее помертвелое личико, стиснутые серые кулачки, вздохнул и вытащил из носилок сведенное болью тело, точно куль с отрубями. Не так-то уж было и тяжело. Внес в сарайчик, огляделся; положить было некуда, и он небрежно нагреб ногой в

угол соломы и опустил на нее молодую женщину, не подстелив даже плаща. Еще раз оглядевшись, заметил какую-то плошку — кликнул телеса, велел из скотской колоды принести воды. Совершив сие благодеяние, он еще раз издевательски хмыкнул, вышел вон и заложил сарайчик крепкой жердиной. Цыкнул на телесов — мол, не видали ничего, а кто видал, тот ошейник заработал — и направился в становище, где ему был уже приготовлен ночлег в зажиточном купецком доме.

Ничего этого видеть Махида не могла, потому как спала, пригревшись на вечернем солнышке за своим пригорком, и не мог ее разбудить ни дорожный топот и бряканье стражева оружия, ни плеск ручейный, ни залиvistое сопение младенца — носик-то у него был папенькин, здоровый, с горбинкой. От сна ее вызволил безудержный чих — по лицу ползала пирль, щекота-ла нещадно и, похоже, намеренно. Махида глянула вниз и ужаснулась: солнце уже коснулось становой стены, и последний отряд давно миновал ручейный водопой. Нужно было поторапливаться; ежели подкоряжники на дорогу выползут, то им она, ясное дело, ни к чему, а вот зверю лесному новорожденный младенец — кусок лакомый. Она поднялась и, прижимая малыша к груди, чтобы не заверещал, не выдал, поковыляла кое-как вниз по дороге — твердая ссохшаяся глина делала шаг легким, как до бремени. И надо же, к воротам успела до полной темноты. Проситься в стан не решилась — что там, на улице ночевать, что ли? Побрела вдоль открытых загонов. Сытые ухоженные горбани, на которых тут под колосья поля боронили, за последние дни застоялись — жителям не до полевых работ было, слишком много гостей ожидалось, а от каждого прибытку больше, чем от года работы. Махида знала, что скотина эта не злобная, но неуклюжая: младенчика ненароком и зашибить могут. Она прошла дальше — крытый сарай был задвинут

жердиной, и она его миновала — мало ли какое добро внутри, еще на воровство посетуют. Но зато в следующем слышалось нежное помокание малышни и чмокание самочек, вылизывающих свое потомство. Махида, придерживая сына одной рукой, торопливо нарвала другой охапку свежей травы и скользнула внутрь.

Теплый вечерний свет проникал в узкие окошечки под самой крышей, и Махида сразу углядела свободное место у дальней стены, под яслями с сеном. Осторожно переступая через разлегшихся горбанюшек, она пробралась туда, кинула свежую траву той, что была ближе всего от стены, — чтобы задобрить, а сама принялась вить из сена что-то вроде гнезда. Уложила в него сына, прилегла и загородила его своим телом. Все было хорошо, только вот есть нестерпимо хотелось.

Горбанюшка, точно угадав ее мысли, откинула изящную головку на длинной шерстистой шее и потерлась о спину женщины. Махида обернулась к ней, погладила мягкие рожки, короткую гривку, легко и часто дышащий бочок. Ляжку почесала. Горбанюшка откинула ногу, открывая тугое вымечко. Э, была не была — Махида прильнула к призывно торчащему соску, едва не захлебнулась брызнувшим молоком: кому-то и скотину подоить сегодня было недосуг. Не переставая почесывать и поглаживать свою кормилицу, она напилась до отвала, радуясь — ну, теперь и сыну ля молоком не обижен будет. Только как бы рожки потом не выросли. Счастливо засмеялась, подгрестила его поближе к себе и уснула.

Пробуждение было не таким счастливым: от чужой-то скотинки молочком долго не проживешь. Накормив сына, осторожно высунула нос из сарая — неподалеку уже расположились стражи, не тутошние, а, судя по щитам, лилояновские. Натягивали шатер, на костре уже что-то пекли. Она подошла к

непривычной для нее робостью, попросила подать на сиротство. Ей равнодушно швырнули пару обжигающе горячих лепешек и связочку сладких луковых, сплетенных за хвостики. Она кокетливо поклонилась, ожидая традиционного приглашения тут же и расплатиться, — ответ, одновременно уклончивый и вызывающий, уже вертелся у нее на кончике языка. Но стражи глянули на нее чуть ли не с сочувствием и отпустили без единого слова.

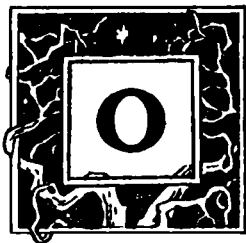
Махида отступила, радуясь тому, что предутренняя темень не позволяет разглядеть густую краску стыда, залившую не только лицо, а руки и грудь, и до самого пупка, а может, и ниже. До чего же, значит, она была страшна и неухожена, ежели простые стражи на нее не польстились!

А все подареньице Гарпогарово...

И было ей неведомо, что в этот самый предрассветный час сам виновник ее беды легким шагом подходил к воротам богатейшего и славнейшего становивца Жженовка-Тугая-Мошна.

ХII. ОСИЯННЫЙ

тыскав свой меч и легко избегая всех усердных, но не поднаторелых в лесном следопытстве м'сэймов, посланных на его поимку, он решил очень-то в Зелогровье не спешить, поскольку на подступах к обжитому дому и следовало ожидать самой основательной засады.

Пакости можно было предположить с три короба: убивать вроде бы не позволялось (хотя озверевший Наиверший и на такое мог решиться, чтобы убрать гипотетического конкурента), да и волочить связанное тело аж до Предвестной Долины было бы под силу только целому отряду, что неминуемо вызвало бы, по крайней мере, любопытство здешних властителей. Зато оставалось отравление такое, чтобы потерял память; или вырезание языка; можно было бы его на голову поставить и хребет переломить — тогда он не смог бы шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни губами. Но еще жил бы. Примерно до вечера.

Потому отклонился он от прямого пути домой в сторону восхода и решил посетить становище, потя-

нувшее его к себе прозванием, от которого так и тянуло облизнуться; Кипень Сливошная. И как всегда бывает, когда летишь куда-то с семи глав, распустив губы, его ждало разочарование: хоть и лез он по бездорожью на четыре уступа вверх, минуя возможные засады, а поселеньице-то оказалось с гулькинос, скатывающееся вниз по песчаному склону, поросшему даже внутри стеновых стен склизкими грибами-маслятами. Стены тоже были нищенские, не покрытые окаменьем, — вбитые в землю розовые сосновые стволы, да еще и разной высоты. Почесал в затылке: заходить ли в это убежище или нет; но потянуло медвяным духом — ну хоть на что-то здешние, кипенские, были способны.

Пойло оказалось неожиданно крепким, хотя и недодержанным — можно себе представить, каково оно будет, когда войдет в полную силу! Варили его по всему околю из суховатых лиловых палочек, которыми были покрыты лесистые склоны. Харр, кинув мелкую монетку, которой хозяин медоварного шалаша обрадовался точно кладу бесценному, потягивал густую, плохо отцеженную жижуху и слушал вполуха словоохотливого виночерпия, который на радостях от нежданного барыша старался задержать гостя подольше в надежде получить еще. Выходило, что сегодня в путь отправляться незачем — и подкоряжники озоруют, и постники эти из долины шмыгают, как никогда. Не убьют, но обчистить могут. А вот завтра двинутся вверх, к Жженовке Тугомошной, все три аманта, караван получится добрый, с ним и идти будет веселее.

О Жженовке Харр тоже не слышал, потому поинтересовался; хозяин с горькой обидой на жизнь поведал, что в стародавние времена жженовцы их обмисурили: себе яйцо зверя-блёва доставали и им еще одно втридорога продали. И наказали белым цветом-кипенем кормить. А ящер-то оказался лядаший,

все морду от корма воротил. Потом кипенские признали, что своего блёва соседи кормят поджаренными лепестками, вот он и жрет в три глотки и окаменя с него — хоть залейся.

— Ну так и вы жарьте, — лениво посоветовал Харр.

— Никак не можно! В двух станах соседних одному колеру не бывать! — твердо, как молитву, отчеканил медовар.

Харр только головой покрутил: ох и закоснелые вы на унылой своей Ала-Рани...

— Тогда один выход: по морде его... Сапогом желательно, чтоб ногу не отъел.

— Никак нельзя — зверь он обидчивый, сдохнет еще. А где мы по сему времени новое яйцо достанем — Хлябь Беспредельная до сих пор ведь водой залита.

— Да, тоска с вами.

Хотя от рассказа обиженного судьбой медовара ему стало даже весело: каждую байку и диковину он нанизывал на тугую струну своей памяти, чтобы потом все это разметнуть самоцветной россыпью перед Мадинькой, умницей неприступной...

— А что это у вас все три аманта враз задницы свои подняли?

— Так Тридевятное Судбище, — шепотом, точно тайну заповедную, сообщил хозяин шалаша. — Сейчас в Жженовку страх сколько народу стекается, я думал — и ты туда ж.

У Харра на спине мгновенно проросла колючая шерстка жгучего интереса:

— А на кой такой ляд судилище? Кого винят?

— Беспонятный ты какой-то, али пьян уже в силюшный дым. На Тридевятном-то о законах вековых кумекают, а не про то, что кто-то стибрил али по морде хряснул... Поспал бы ты до утра, а?

Харр порылся в памяти: вроде бы он слышал, что в последний раз подобный синклит собирался несколько поколений тому назад. Видно, сейчас незрел серьезный повод.

— Уж не м'сэймы ли поперек горла амантам стали? — предположил он, доцеживая последние капли и сплевывая на земляной пол поденную труху.

— Может, и они, а скорее ихний бог. Опасуются его господари наши, как бы себе убыток не вышел.

Любо-дорого с простым человеком поговорить за чашей хмельной — коротко и ясно всю суть обрисует. Не больно цветисто, зато точно.

— А ты бы нового бога принял?

Обросший спутанными космами аж до самого переносья, медовар, больше похожий на чудище лесное, чем на человека, кинул в рот сушеный грибок и задумчиво его пожевал.

— Отчего же нет, ежели бог будет добрым? От моего-то проку, что от дрозда — молока... — Харр даже не стал спрашивать, каков сейчас у него персональный божок, — и так было очевидно. — Одно только мне не по нраву: чует мое сердце, что между мной и богом новоявленным обязательно эти вот самые м'сэймы вопрутся. А на кой это мне...

Вопрос вместе с грибочком застрял у него во рту, и он повалился навзничь. Заботливая пирлюшка слетела с Харрова плеча, где она безропотно дожидалась конца попойки, и поползла по сизому, точно спелая смоква, носу гостеприимного хозяина. Он и не поморщился.

— Ага, понял, — пробормотал Харр и, с трудом подобравшись к расprostертому, словно выкорчеванный пенёк, телу, перевернул его мордой вниз, чтобы не подавился или в случае чего не захлебнулся. Потом на карачках добрался до выхода, высунул голову на свежий воздух да так и рухнул, блаженно улыбаясь.

Проснулся он оттого, что его подмял под себя медведь. Харр изогнулся, стряхивая с себя похрюкивающую тушу, и потянулся за мечом, с трудом раздирая пьяные свои zenки. Вовремя очухался: и не медведь это был, а хозяин дома, пытавшийся перебраться через него наружу, к белой прохладной бадейке, кем-то заботливо оставленной супротив порога.

Харр притянул бадейку к себе, расплескивая легкую мутноватую влагу. Глотнул — это оказалась свежая сыворотка, мигом его отрезвившая и прогнавшая изо рта поганый вкус, медвяный и мерзкий одновременно. Отпив с треть, протянул посудину медовару — тот ее опорожнил, не отрываясь.

— Однако обоспались, — деловито заметил тот. — Пошли-ка, а то караван без тебя отчалит.

И, поднявшись, зашагал по тропе, заменявшей здесь улицу, так твердо, словно и не валялся всю ночь, вдрабадан косой. Харр поспешал за ним, чувствуя, что пустой желудок прямо-таки изнывает от голода. Тропа вывела на дорогу, вдоль которой сидели на корточках исхудалые телеса, кто с поклажей, кто при носилках. Стражи, видом ненамного сытее, топтались тут же, уныло разглядывая свои разбитые, все в узлах, ременные сандалии — выдержат ли ухабистый путь?

— Гость мой, — сурово проговорил медовар, подводя к ним Харра. — Засыльник купецкий с той стороны Долины. С вами пойдет. Накормите.

И, не попрощавшись, зашагал прочь, голодный не менее Харра.

— Эй? — окликнул его менестрель.

Медовар обернулся, и Харр бросил ему монету — самую крупную, какая еще оставалась в отощавшем его кошелье.

Поставщика сладкого зелья, видно, хорошо знали, и не с худшей стороны — Харру сразу сунули лепешку с творогом. И то хлеб. Тем временем показались

аманты, волосом обросшие по общей моде, но одетые чуть ли не в ветошь. Зато со щитами сливочно-белыми. В носилки не забрались — то ли телесов своих тонконогих побережь решили, то ли противно было маяться неминучей качкой. Зашагали вверх по дороге, обходя рытвины, тесной кучкой — нищета, видать, сближает, тут не до дразгов. Тронулись и остальные. Харр, пусть не наевшийся досыта, но в изумительном расположении духа, тут же отдался счастливой своей привычке — делиться радужным настроением со всеми окружающими, а для того принялся травить рождавшуюся тут же байку, складывающуюся из осколочков всего виденного, услышанного и запавшего в память. Здешние сказки по убогости да скудоумию аларанского люда были сплошь на один лад: телес (на худой конец — простой странник) бился об заклад с амантом или богатым менялой; на кон ставилась свобода или богатство. Хитростью и обманом, порой не без примеси подлости, заклад выигрывался. Неизменно.

Следуя устоявшемуся канону, менестрель, придерживая шаг, чтобы попадать в ногу со спутниками, поведал о телесе, побившемся об заклад со своим хозяином, что достанет яйцо зверя болотного. Хозяин дал ему досок на плот, и телес пересек Среброструйное (экспромт!) озеро. Но вместо ящеров болотных увидал в воде девуку красы неписаной и, естественно, на плот ее втащил. А у девки — рыбий хвост вместо ног! Что тут делать? Привез телес ее к своему становищу, прутьями обмотал, глиной обмазал — громадное яйцо получилось. Хозяина вызвал — прими заклад! Раскурочил тот глину, а оттуда вместо морды поганой сладкий лик улыбается. Ну, хозяин и нарек ее женой своей. Телесу на радостях волю дал. А из яйца супругу молодую вытащил — она его хвостом как шмякнет! Хозяин телеса на суд, обманул, мол. А телес от вины отрывается: ты, мол, яйцо взял? Взял. В

нем зверя лютого болотного получил? Получил. Так какой с меня спрос?

— Не прав твой раб, — сурово заметил захудалый кипенский меняла, шагавший в общей толпе. — Обещал зверя, а добыл жену...

— Плохо ты слушал! У нее ж вместо двух ног один хвост. Как же ее муж пользоваться будет? А жена неублаженная — это почище лютого зверя...

Харр уже знал, что здешним много не надо — хохотали так, что с дороги скатывались. Пара особо холуйствующих потрюхала вперед — пересказать господам. И те искренне повеселились, не чинясь. Харр затравил новую байку, опасаясь только, чтобы общее веселье не утишило темп передвижения — в Жженовку ему хотелось прибыть до начала так притягивавшего его мероприятия. Но рассказчика успокоили: ежели не присаживаться, то там, мол, будем чуть за полночь. Аманты услышали, идея пришлась по вкусу — отдали приказ присаживаться и вечерять. Им-то спешить было ни к чему.

Нахлебником во второй раз оказываться не хотелось, и Харр, приблизив губы к левому плечу, тихонько шепнул своей голубенькой спутнице: «А ну-ка, подними да погони на меня какого-нибудь поросенка лесного!» И пошел по лесистому склону вроде как по нужде.

Пирлюха дело свое знала — и тетивы бы не натянуть, а на Харра уже мчался с истошным визгом годовалый, полосатый еще кабанчик. Визгун принят был на меч аккуратнейшим образом и спустя малое время скрепил своими подрумяненными на костре ребрышками окончательный, хотя и не писанный договор о дружбе и взаимопомощи. Над костром роилась беззвучная мошкарка, в придорожном молодняке похрустывал сушняк под лапками любопытных круглоухих зверьков, чьи мордочки порой высывались из-под веток; аманты восседали на носилках,

опущенных на землю, а прочие валялись прямо на сухом мху, развесив уши, прозрачные от грибного рациона. Жизнь была не просто хороша — она была прекрасна необратимо, потому что даже на этой убогой земле Ала-Рани, оказывается, можно было жить вольготно и весело, как на родимой Тихри. И так теперь будет всегда...

Вот только надо будет к Мадиньке-умнице вернуться, байками-росказнями о своем хождении потешить да насчет сладости жизни на путь правильный наставить — а там ищи ветра в поле! О Махидушке ему как-то и не вспомнилось...

Между тем поднялись, аманты с факельниками вперед ушли, а Харр как бы невзначай бросил спутникам:

— Однако охрип я малость, вас забавляя. Может, теперь вы меня потешите? Я ж даже толком не знаю, куда вы на ночь гляючи поперлись и какая вам будет с того прибыль...

Тут ему все обстоятельно и поведали. Идут аманты на Судбище, а еще — на чутких харчах погостевать, на жженовских перинах понежиться. Само сборище не в стенах станowych ожидается, а есть на то заповедный луг, много десятков лет оберегаемый. Токмо господарям по нему ходить дозволено, а чтоб чужак не проник, обсажен он вокруг красной стрекишницей смертожальной, кто ступит — помрет к вечеру. Ход на луг один, плитами окаменными вымощен, столбами подперными обставлен, сверху кровлей камышовой прикрыт. А по краю луга посажены деревья невиданные, потому как все деревья на Многоступеньке вроде бесполое, а эти — бабы: грудастые да задастые (хм, надо будет обязательно взглянуть!). Судить-рядить, похоже, не один день будут, не легкое это дело — нового бога принимать. Простой люд (это уже шепотом) вроде бы и рад, да амантам боязно.

— А что, разве новый этот бог уже явил себя?

— Не, об том не слыхать.

Харру подумалось, что ежели что новенькое и объявится, то вот эти будут знать в первую очередь. Ишь как складно обо всем доложили, смешно даже — и что господари о советах своих тайны держат! Все равно слухами земля полнится.

— А... каков он будет? — Впрочем, напрасно спросил: о том даже Наиверший догадаться не мог.

— Ну это ж понятно: птицей он предстанет невиданной, человеческим языком говорящей.

Харр даже опешил от такого решительного ответа.

— Почему же птицей, а не смерчем, не облаком, не рыбой и не в скотском обличье?

— А потому что принесет его черный козерог с белыми копытами и рогами. А кто на козероге удержится? Хребтина-то острая, не сядешь. Токмо птице то доступно, и то ежели когтями вцепится. Или на голове, промеж рогов...

И тут Харра точно ледяной водой обдало: он вдруг ясно понял, о КАКОЙ птице говорил его спутник. Он слыхал о них на зеленом Джаспере — злобные могущественные крыланы, укрывающие голову своими перьями и через то внушающие человеку свою волю. Рука сама дернулась к эфесу меча.

— ...а птицы говорящие встречаются, вон у аманта-Сумерешника кур длиннохвостый в клетке сидит, чуть что не по-евоному — орет дурным голосом: стр-р-ража! Стр-р-ража!..

— Распотешил ты меня, — оборвал его Харр. — Спасибо. Помолчи теперь.

Ему в голову не пришло задуматься, откуда на этой затерянной земельке может появиться настоящий крэг; не отдавал он себе отчета и в том, какая сила бросила его руку к мечу, хотя как будто и провались вся эта Ала-Рани к свиньям собачьим — будет ему

ни жарко ни холодно; знал он только, что биться ему супротив этого бога не на жизнь, а на смерть, а потому лучше всего подстеречь тот миг, когда он, гад, вылупится.

И уж не из того ли яйца, что у Иддса припасено?..

Гадай не гадай, а теперь ему надлежало проникнуть на тайное Судбище, хоть кровь из носу.

Они подошли к воротам, когда край неба на востоке зазеленел — тоненько, аж кислинка во рту за-свербела. Подбежали жженовские стражи, спросили, какую снедь-питье аманты определяют на луг нести. Отделили кувшины, мешки с чем-то мягким.

— А ну-ка, сослужу я вам последнюю службу, — безапелляционно заявил Харр, подхватывая самый тяжелый из кувшинов.

Ему, блюдя неписанный договор, не перечили. Он накинул край плаща на голову, чтобы не слишком бросаться в глаза своей явной нездешностью, и, оставляя позади своих спутников, плавным ходом бегуна-скоорохода помчался туда, где вдоль стены мельтешили всякие служилые люди с поднятыми над головой факелами. И не ошибся: тут и начинался знаменитый проход на судбищенский луг. На плитах, с двух сторон огражденных неуклюжими подпорными столбами, широченными внизу и стесанными к верхушке, и во все давились; каждый старался держаться поближе к середине, чтобы, не ровен час, не столкнули с плит на острозубчатую гибельную траву, кроваво щетинившуюся по обе стороны от крытого перехода. В самом конце его трясущиеся от страха телесы передавали стражникам свою ношу — блюда, подушки, бурдюки; те осторожненько, едва ли не на цыпочках выносили утварь и яства на луг, скудно освещенный всего парой факелов, и раскладывали под деревьями.

Все это он охватил одним мгновенным взглядом, исполненный той кипучей, удачливой злости, кото-

рая будоражит ум и рождает безошибочные решения. Он сейчас ненавидел этот убогий, брехливый и туповатый мирок за ту легкость, с которой он готов был принять нового самовластного идола, и в то же время наперед знал, что не даст этому свершиться.

Он добрался до самого конца прохода, спустил кувшин с плеча на плиту и гаркнул:

— Вино дивное, заговоренное на многолетие и в бою неуязвимость, дар от амантов курдыбурдыпупердейских!

Поклонился и, разворачиваясь, умело оттопыренными ножнами жакнул по кувшину. В общей толчее еще не разглядели, что случилось, но в ночное небо поплыл несказанный дух медвяного нектара.

— Разиня безрукий! — завопил Харр, пиная ближайшего (и ни в чем не повинного) телеса. — Воды! Замывайте плиты!

Какое там — воды! Телеса, как один, бросились наутек, а навстречу мчалась пронырливая стража, ясное дело, не смуту унимать, а подставить горсти под тягучую струйку, еще сочащуюся из кувшина. Двое, припав к земле, лакали по-собачьи из черной лужи, попыхивающей отсветами факелов.

Харр отступил на два шага, огляделся — спины. Прыгнул на алую погибельную траву, надеясь на спасительные свои сапоги, и спрятался за последний в ряду столб. На лугу не осталось даже факельщиков. Он перебежал к ближайшему дереву, потом ко второму, к третьему... Вот и дух можно перевести.

И только тут, подняв голову к рассветному небу, понял, что за чудовища окружают судбищенский луг. Честно говоря, такой несуразности он и в пьяном кошмаре вообразить не мог. Неохватные стволы, невообразимо корявые, казалось, были сложены из разновеликих бочек, поставленных друг на дружку не прямо, а как попало, так что из одной порой вырастали три, а

какая-то свешивалась, готовая чудовищной каплей шлепнуться на землю; иногда ствол точно обхватывало перетяжкой, и он истончался до размеров человеческого тулова, чтобы потом снова раскинуться дикими наростами и лишайными пузырями. Ветви, под стать стволам, узловатые и баснословно мощные, судя по раскидистости, тоже росли откуда попало и переплетались с соседними, так что казалось, будто великаны-нелюди окружили заповедный луг, положив могучие руки друг другу на плечи.

Харр присел на корень, привалившись спиной к стволу; ему было ясно, что вверх он заберется в одно мгновение, а сюда, где в каком-то шаге от корней уже начиналась полоса багровых зарослей, не сунется никто. Как он и ожидал, суeta мало-помалу утихала. Шаги на лугу шуршать перестали, видно, все лежа были расстелены, еда-питье изготовлены. Харр осторожно выглянул: так и есть. И проход весь пуст, только на дальнем конце сидят рядом стражи, сюда спиной, и не иначе как уминают то, что удалось под шумок с господских блюд стянуть. Рассветало уже в полную ярь, так что самое время было позаботиться и о себе.

Это было привычно: раздобыл кусок — и на дерево, ночевать. Сейчас дело оборачивалось не просто сытью — перед ним были лучшие яства и напитки всего Многоступенья. Бурдючок пришлось взять наугад, а вот в дорожную суму, выдавшую порой только сухую лепешку да вынутое из гнезда яичко, пошло только самое лакомое. Впрочем, злость не прошла даже здесь: ишь гора какая наготовлена, а надолго ли запасешься?.. С той досадой и полез на дерево, самое высокое и раскоряжистое. Кора была вся в глубоких узких дуплах, точно дерево дышало этими дырами как ноздрями. Харр опасался одного: как бы не сунуть руку в гнездо диких пчел. Но ничего, обошлось. Он лез все выше и выше, выбирая раз-

вилку поудобнее и одновременно ощущая то мальчишеское самодостаточное наслаждение, которое возникает, когда ладно и споро забираешься на самое высокое в округе дерево. Наконец долез до верхушки, которая разваливалась на пять одинаково здоровенных ветвей, образуя в середине что-то вроде гнезда. Да, вот и скорлупки старых яиц — здоровенная, видно, тут птичка когда-то обитала. Харр выкинул всю труху, не на луг, естественно, на красную алчную стрекишу. Расстелил плащ. По рассказам всезнающих кипенских друзей, начаться Тридевятное Судбище должно было сегодня, в день, когда свет и тьма поделили сутки на равные доли, и точно в час, одинаково отстоящий от восхода и от заката. Стало быть, можно и подремать.

Он развязал бурдючок, и прежняя злость всколыхнулась при воспоминании о так бесславно окончившем свой хмельной век вересковом мёде. Довольствуйся теперь всякой бурдой... Он отхлебнул из бурдючка — в голову ударил радужный ослепительный вихрь. Ух ты, мать твою строфионью... Но вместо восторга снова вскипела злость: уж ежели вы тут так наострились зелье божественное варить, то, что же остальную-то жизнь не обустроили?

Так, с неизбывной желчью в душе и перепелиным крылышком в зубах, и захрапел. Впрочем, на земле того слышно не было.

Махида проснулась, улыбаясь в полудреме и безотчетно радуясь легкости обновленного тела. Напилась, как ночью, молока с остатней лепешкой; положив младенца в уголку, слетала к водопойной бадье — умыться да пеленку застирать. Из накидки всего-то две и вышло, беречь надо. Покормила неназванного еще сына, вздохнула: был бы Гарпогар мужем примерным, ни за что не рассталась бы... А так надо идти в город, Мадиньку разыскивать. В

соседнем сарайчике тоже кто-то дышал тяжело, порой даже мучительно постанывая — видно, какая-то горбанюшка ноги сбила, теперь мается. Она завернула младенца в сухую половину накидки, мокрую приладила на поясе — на ходу высохнет. Выбравшись наружу, заботливо притворив дверь, и пошла в стан вдоль солдатских шатров, выросших за ночь точно грибы, с непривычки пристраивая сына то в одну, то в другую руку.

Дом, где остановился рокотанщик, ей указали сразу. Но, поговорив с телесами, она пришла в недоумение: никакой женщины при молодом господине не видели. А уж тем более брюхатой. Сам же рокотанщик ушел с утра, не иначе как возле судбищенского луга караул несет с запасными струнами. Махида слетала туда — нету. Догадалась спросить, где тут повивальные бабки обретаются. Две их было на все становище, но ни к одной из них никаких носилок этой ночью не прибывало.

Оставалось надеяться только на случайную встречу с Шелудой — уж если он привез сюда Мадиньку, то должен же хоть раз навестить! Присела в ожидании напротив рокотанщикова пристанища, но подошли стражи, прогнали: в праздничном стане побирухе делать нечего. А тут еще пирлюха назойливая привязалась, кружит возле уха, досаду множит. А есть все больше и больше хочется, видно, здоровущий постреленок, много молока высосал — нутро замены просит. Тут, как на грех, пряничник попался с целым подносом выпечной мелочи на голове. Махида жадно шмыгнула носом, и пирлюшка, словно поняв ее завистливый взгляд, метнулась к выбеленному мукой толстяку и золотой искройшибанула его прямо в глаз.

Тот взвыл, растянулся — румяные колобки запрыгали по дороге. Махида проворно уловила парочку и сунула под рубаху, усмехнулась своей кормили-

це — и где это только ты, заботливая, была раньше? Жизни бы мне горемычной с тобой не видать!

Однако дело уже клонилось к вечеру, народ здешний и пришлый толкался на улицах, передавая друг другу новости, коих знать никто и не мог — вдали, естественно. Махида, сопровождаемая золотым мотыльком, устало бродила по Жженовке. Тревога за подругу росла с каждым часом, и ее уже не веселили проделки летучей своей опекуни. А та и к источнику чистому ее привела, и от стражей-злыдней, что за углом притаились, упредила, и каким-то чудом накидала в подол со свесившихся из чужого сада ветвей дивных ягод... Разве что младенца не кормила.

— Ты б меня лучше к Мадиньке свела, — пожаловалась Махида, утирая со щек лиловый сок.

И пирлюшка вроде послушалась — полетела вперед, да вон из становища, и мимо загонов открытых...

Нет, непонятлива была золотая летунья. Ее просили к Мадиньке, а она вела прямехонько к обжитому Махидоу сарайчику. Тут бы рукой махнуть да обратно повернуть, но...

От водопойной колоды, по-утиному переваливаясь, шел к сараям коротышка в белом, и в быстро наступающих сумерках Махиде померещился давешний хозяин рассыпанных колобков. Можно, конечно, было побежать и на его глазах юркнуть в свой сарайчик, но за всем происходящим наблюдал еще один человек — высокая женщина в чем-то пестром, с перьями на голове. Кажется, они с пряничником о чем-то договаривались, и теперь он торопливо зашлепал вперед, а она напряженно глядела ему в спину. При таком раскладе Махида предпочла нишу между открытым загоном и запертым сараем, благо там с крыши свешивался до земли, как занавеска, пышный вьюнок. Авось не заметят.

Но коротышка до нее не дошел — остановился в каких-то трех шагах от нее и принялся сопеть, ото-

двигая жердину. Махида не удержалась, высунула нос — и едва не ахнула: это был Шелуда.

Он по-хозяйски ввалился в сарайчик, и было слышно, как он негромко окликнул кого-то: «Эй! Эй, ты...» Ответа не было. Махида прижала ухо к тоненьким досочкам — Шелуда с чем-то возился, и довольно долго. Женщина у водопоя терпеливо ждала. Наконец дверь скрипнула, и молодой рокотанщик вышел, держа в руке какой-то сверток — гадливо, словно боялся запачкаться. Из свертка не доносилось ни звука, но Махида поняла: ребеночек. Только неужели — мертвенький?

Шелуда подошел к водопойной бадье, протянул сверток женщине. Та ловкими движениями размотала тряпку, и Махида вздохнула с облегчением: послышался жалобный писк. Женщина положила крошечное тельце на сгиб локтя и, наклонившись к воде, принялась сноровисто его обмывать. Но Махида радовалась бы значительно меньше, если бы знала, что баба в перьях — это проходимка Кикуйя, скупавшая младенцев, чтобы затем перепродать их — тайно, разумеется — на жертву или на какой колдовской обряд. Охотники всегда находились.

Но Махида, никогда не бывавшая в Жженовке Тугомошной, этого не знала, знать не могла и только глядела, как замороженная, на крошечное тельце цвета тусклой бронзы, из которой ковали мечи для жженовских стражей.

Из оцепенения ее вывела пирль — призывно зажужжала над ухом, ринулась вперед и влетела в оставленную приоткрытой дверь. Да, пора, пока эти двое у бадьи брызгаются, а то неизвестно, что будет потом... Махида вскочила, юркнула в сарайчик — здесь было уже темно, пахло сеном и кровью, и только несколько пирлей — зеленоватые, лютиковые, серебристо-незабудковые — плавно кружили под низким потолком, наводняя узкую клеть перепле-

тающимися призрачными тенями. Она не сразу разглядела Мади, лежащую на соломе в углу. Та была в беспамятстве, но правая рука ее бессильно шарила по соломе, и Махида, сдернув с сына пеленку, чтобы не опознали его по пестрой ее накидке, положила теплое шелковистое тельце на эту руку. Мадинька, не открывая глаз, судорожно прижала младенца к себе, и он, требовательно вякнув, безошибочно присосался к ее груди.

Махида отступила; это оказалось так просто — подкинуть собственного детеныша, что она даже не успела его поцеловать. Выскочила наружу. Те, двое, еще судачили у водопоя. Она вдруг заволновалась: а вдруг Шелуда, застав подкидыша, попросту выпшвырнет его вон? Ближе к водопою раскинулась купа каких-то раскидистых кустов, и она, пользуясь быстро сгущавшейся темнотой, проворно, как блудливая кошка, кинулась к ним и затаилась, вслушиваясь. До нее донесся голос женщины, строгий и печальный: «Красы невиданной... жалко... слабенькая... не вытянет...» В ответ раздался точно змеиный шип. Но Кикуйя-то хорошо расслышала злобное и отрывистое: «Закопашь тогда поглубже, чтоб ни зверь, ни человек... Тебе довольно дано. Что не так сделаешь — придушу струной!» Она поглядела в его влажные карие глаза, опущенные длинными загнутыми ресницами (совсем как у новорожденной горбанюшки!) и поняла: такой действительно придушит. Только не сам — наймет. «Не тревожься, господин мой щедрый, —' прошептала она так же тихо. — Ты этой девочки никогда больше не увидишь. Ясновидица я, моё слово нерушимое...» И, старательно завернув младенца в теплую стеганочку, пошла прочь, дивясь непонятной нежности, затеплившейся в ее окостенелой лиходейской душе.

Махида, как ни вытягивала шею, ничего этого не могла разобрать, но, к непомерному своему изумле-

нию, слышала совсем другие слова, прямо рядом с собой, в кустах — росли они на развалинах какой-то хибары, в которой и затаился говоривший: «Ты, блёв, ежели что, блёв, пасть не разевай, я самолично, блёв, отбrehиваться буду...» В ответ зашептали сразу двое, слова неразборчиво переплетались. «Да не дрейфь ты, блёв, народу тут столько — кто заметит? Ты только, блёв, не ховайся, иди степенно, как я, блёв, вроде мы телесы пастушьи», — наставлял сиплый, нагловатый басок. Ага, ворюги-подкоряжники, в стан наладились. Двое снова шелестели, дружно и трусовато. «На три части разрубим, блёв, в суммы покидаем — во сколько сыты будем!»

Махида только пожала плечами: подкоряжники навострились на теленка, а это дело ее не касалось. Из-под веток, позолоченных последним солнечным лучом, глядела вслед неведомой ей женщине, как она полагала, повитухе. Убоялся, стало быть, Шелуда Мадинькиной немощи, отдал девочку на чуткое кормление. И напрасно — она вон как младенчика-то к груди притянула!

Засопела, утирая непрошенные слезы.

Между тем лесовики бесшумно выбрались из кустов, так ее и не заметив, и, цепко перебирая босыми ногами, направились прямо к сараям. Солнце блеснуло на лезвии громадного тесака в руках у самого сутулого из троих и погасло. И только тут до Махиды дошло, что нацеливаются-то они прямехонько к тому хлеву, где была Мади, — заметалась, не зная, что делать: звать ли Шелуду — а проку ли с него, холуя откормленного? Она бросилась к стражниковым шатрам, заходясь истошным воплем:

— Ратуйте, люди добрые! Убивцы идут! Воры ночные!

На «убивцев» никто и усом не повел — их сюда нарядили своих амантов стеречь, а блюсти порядок в чужом стане не их печаль; что же касаясь «во-

ров», то отнять у вора краденое — дело разлюбезное, тут не менее десятка доблестных вояк сразу за мечи ухватились. Из сарайчика меж тем вылетела зеленая пирль и, сея изумрудные искры, со своей стороны бросилась наперерез подкоряжникам — но те и не почесались: не такое видали. Тот, что распоряжался, ухватил своих подельников за локти, чтобы бежать не вздумали (все равно догонят и уж наверняка заьют до смерти, а уж потом разбираться начнут); чуть ли не с достоинством развернулся, оборачиваясь к подбегающим рысью стражникам:

— Чем служить можем, воины славные?

— Сам-то кому служишь, ворюга похитный?

— Зачем обижаешь, воин-слав? Пастуховы подручные мы, стало быть.

— А нож про что?

— Так мы горбаней того... блёв... холостим.

— Брешут! — не своим голосом взывала Махида. — Сама слыхала!

— Чего ж вы на ночь-то глядя причапали? Не видно ж ни зги в хлеву, заместо этого дела хвосты поотрубаετε, — уже миролюбиво заметил допросчик, смекнувший, что поживой не пахнет.

— Не своей волей пришли — тварь эта летучая привела, — глазом не моргнув, продолжал отвираться смекалистый подкоряжник. — Ишь как светом-то пыхает — вот и приманила нас за собой, блёв, и полетела, всю дорогу под ноги стелясь. Мы за нею шли, точно агни покорные. Разве грех?

— А вот это мы поглядим, куда это она вас поманила, — проговорил стражник, пинком распахивая двери сарая.

И обомлел: внутри, в темноте, сияло настоящее солнце.

Первыми пали на колени подкоряжники. Потом — стражи. Махида, бессмысленно тряся головой и руками, силилась что-то объяснить, но ноги сами собой

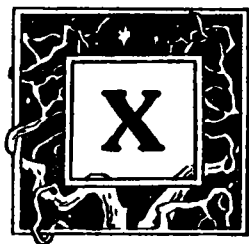
подвернулись — шлепнулась тоже в теплую дорожную пыль. Пока еще ни до кого не дошло, что светящийся шар, повисший в воздухе под самой крышей хлева, — это сбившиеся в плотное облачко сотни мерцающих пирлипелей; но вот глаза притерпелись к немеркнущему сиянию, и всем стал виден голенький малыш, чья глянцеви́тая нежная кожа отражала зеленовато-золотой свет, ничуть его самого не пугающий; и чуть поодаль — осунувшееся личико Мади, еще ничего не понимающей.

— Осиянный... — произнес кто-то в коленопреклоненной толпе.

Слово было произнесено.

ХІІІ. ТАК, ДА НЕ ТАК

Харр продрал глаза и увидел над собою ноги. Не человечески, слава Незакатному, — птичьи. Но громадные. Кто-то вроде синего журавля щелкал над ним длиннющим клювом, негодуя по поводу захвата чужого гнезда. Харр открыл было рот, чтобы шугануть птичку, но вовремя спохватился, вспомнив наконец, где он находится; мать моя строфиониха, да я ж половину Тридевятного Судбища проспал!

Журавль, оценив тщетность своих притязаний на облюбованный насест, перелетел на соседнее дерево и принялся вылавливать себе кого-то на обед из густой перистой листвы. Мог бы крылья побережь — по толстым ветвям и человеку нетрудно было перейти от одного ствола до другого. Однако пора бы и вникнуть в суть происходящего.

Харр свесил голову и, отыскав удобный просвет в лиственной гуще, увидал следующее: рослый амант с горделивой осанкой, в коричневой хламиде, расшитой чем-то поблескивающим, шел по кругу, наделая воз-

лежавших на подушках гостей какими-то кольцами вроде браслетов. Но колец никто не надевал — клали перед собой, порой на блюда с угощением. Харр долго тер виски, вспоминая, как же зовут аманта, верхово-дившего в Жженовке. Гудящая с перепоя голова с трудом выдала прозвище: Сумерешник. По-видимому, это был он. Завершив обряд дарения, Сумерешник вышел на середину луга, где только сейчас Харр заметил два копыя, воткнутых в землю; у одного древко было белым, у другого — темным, вероятно, покрытым здешним бурым окаменьем. Предводитель собрания воздел кверху руки и медленно обвел взором присутствующих, как бы вопрошая: кто еще?..

Раздался звучный удар по струнам хорошо настроенного рокотана. Сумерешник кивнул в сторону звука.

— У меня половина солдат поклоняются клинку, половина — оселку, — узнал Харр голос Иддса. — А ежели они все как один одному мечу или щиту молиться будут — какой же в том убыток?

Жалобно тенькнула струна где-то под самым Харром.

— Это ежели мечу! — задребезжал старческий тенорок. — А вдруг как велит им единый их бог от меча руки отринуть? Кто тебя от подкоряжников оборонит? Один биться будешь?

Глухо рыкнул басовый аккорд.

— Не бывать такому, чтобы все как один! — Это подал голос кто-то из огневищенских. — Одна в одну лишь трава растет.

— Держи карман! — проблеял кто-то и вовсе трухлявый, если судить по голосу. — Вот все, к примеру, воруют...

Напевно и властно зазвучал огромный рокотан — это, конечно, жженовский, такого громадного ни на горбаня не навьючишь, ни в носилки не запихнешь. Тутощный.

— Не будем судить, каков будет неявленный покуда бог. Сие нам неизвестно. Вопрос в другом: упредить ли его, чтобы не было смуты, или ждать, чем он себя окажет? Но потом-то ведь может быть поздно, государи мои. Решайте.

Этот говорил дело.

— Про м'сэймов не забудьте! — вставил кто-то из межозерских. — Эта саранча хуже подкоряжных, все пожрет, а что не пожрет, то потравит!

— У тебя, что ль, потравили? И много?

Ну, начали собачиться. Это надолго. А солнышко уже давно за полдень перевалило. Закусить чем-нибудь, пока от жары не испортилось, да на соседнее дерево прогуляться, малую нужду в какое-нибудь дупло справить. А чудные все-таки эти бабы-деревья: цветы и желтые, и красные, и лиловые, и махровые, и колокольчиком; листья тоже вразнобой — где перистые, где резные, а где точно нить паучья... А вот и ошибся! Это, оказывается, по дуплам да коряжинам вьюнки-паразиты угнездились, вот пестрота откуда. Тоже надо будет запомнить, Мадиньку дивить. А Судбище-то хоть и раз в сто лет, а дело никудышное: друг дружку перекрикивают, уж и про рокотаны свои забыли...

Сумерешник снова поднял руки:

— Не угодно ли, государи гости мои, отдохнуть, ноги поразмять, головы водою ключевой охладить?

Общий звон рокотанов выразил единодушное согласие. Все поднялись, большая часть потянулась к тенистому крытому переходу. Вот только Харру пришлось остаться на месте, хотя длинная, чуть загибающаяся книзу ветвь уходила назад, к самому краю отравной алой травы, ограждающей судбищенский луг от присутствия любопытных ушей. Ежели пройти по этой ветви, потом немного проползти и спрыгнуть — как раз красную черту минуешь. Только вот обратно уже будет не вернуться. Да и опасно:

солнышко еще высоко, хотя и подобралось к конькам сдвоенных остроконечных башенок, которыми Жженовка была украшена особенно обильно.

Харр перевернулся на спину и принялся от нечего делать гонять свою пирлюшку с пальца на палец. Злость на всю эту тягомотину была неизбывная, но уже поглуше, чем вчера. Это с яств жженовских. А делать ему, по-видимому, ничего и не придется: Сумерешник свою дугу гнет, это очевидно. Он их вздернет на дыбы супротив нового бога — не мытьем, так катаньем. Вон, сбегал куда-то, возвращается довольный. Что-то подстроил.

— Не угодно ли, государи, гости мои, судбище продолжить?

После внушительного удара по струнам поднялся тугой, как налившийся зрелостью стручок, лилояновец:

— Отцы дедов наших закон приняли. Нерушимый в веках. Ничего не менять. Веру сам себе выбирает каждый. Запретим бога — нарушим древний закон. Сел.

— Ты сам сказал: древний закон. В стародавние времена ведь и м'сэймов не было, уважаемый! — Это подал голос тоже жженовский, судя по коричневому плащу.

Сумеречник полуобернулся к проходу, поднял руку и огладил смоляные волосья на лице. Тотчас по окаменным плитам застучали жесткие подошвы: бежал стражник. Не ступая на траву, брякнулся оземь, протягивая вперед руку с маленькими кружалами. Сумеречник наклонился, принял донесение и легонько пнул гонца — ползи, мол, обратно. Подождал, пока тот удалится (умел же разыгрывать представление, скоморох аларанский, аж завидно!), потом обернулся к собранию и трагическим голосом возгласил:

— От лазутчика верного весть пришла... М'сэймы двинулись! Идут вверх по уступам.

Все повскакали с мест, в первую главу — кипенские: их-то стан ниже всех располагался. Харр прыснул в кулак: сказать бы им, с какой такой радости м'сэймы по окрестным склонам рыщут... Ну да ладно. Сумерешник это здорово придумал. А тот стоял, воздев руки, и терпеливо ждал, когда все взоры снова обратятся к нему — тем более что его дородная фигура загораживала проход. Наконец спокойствие восстановилось. Сумерешник вылез на середину:

— Перед лицом опасности великой, которая нуждается нас не медлить, должны мы принять закон нашего судбища. И поскольку просветленные умы ваши, государи, гости мои, были почти едины в мудром решении, я скажу за вас: да проклят будет неявленный бог единый, что грозит нам нарушением древних законов! Да будет он отравлен и изничтожен в зародыше своим нечестивом! А кто из амантов на сторону его переметнется — погибели обречен!!!

Рывкнули струны так, что зазвенели, обрываясь; вскочил Хряк:

— Обречен со всем семейством своим!

— С семейством так с семейством, — миролюбиво согласился Сумерешник. — А теперь, государи, гости мои, подтвердите решение сие возложением колец произволенных. Кто согласен со мной, пусть наденет кольцо на белое копьё, ну а кто супротив — тот на жженое.

Голосом и небрежным движением руки он подчеркнул, что таковых, он надеется, не найдется.

Аманты потянулись на середину луга. Солнце скрылось за становой стеной, впору было факелы зажигать; но темный и светлый шесты были видны и в закатном полумраке. Можно и не дожидаться конца этого представления; и так все ясно. Хотя стоит глянуть из любопытства — а как Иддс-то поступит? Вон он, прямо за Хряком ступает, подбородок вздернут, шагает как журавль. Терпи, Иддс, терпи. На темный?.. Нет. Опустил кольцо на белое древ-

ко. Хряк, отворачиваясь, плечом его зашиб, не без умысла, видать. Иддс пошатнулся, отступил. Умница. Терпи, так надо. Потом объясню.

— Сосчитаем кольца, государи, гости мои!

А что считать — на жженем два или три, остальные высоким столбиком — на белом.

— Считите, самые мудрые! Дорогу дайте старейшим, дорогу...

Решил до конца комедию ломать, лицедей жженковский! Да ведь и его понять можно: в другой раз на его жизни вряд ли так покрасоваться доведется. В нетерпеливой тишине щелкали кольца, доносилось бормотание: «Пятнадцать... нет, четырнадцать... сизнова придется...»

И тут в проходе послышался оружейный звон, вскрики, потом шлепки босых ног. В темноте уже и не видно — кто. Раздался раздраженный голос Сумерешника:

— Про м'сэймов нам ведомо. Удались, смерд!

И в ответ — жалкий, дрожащий голосок:

— Пришел он, пришел... Истинно говорю.

Харр понял первым, вскочил на ноги. Левая рука наполовину выдернула меч из ножен. Но понял и Сумерешник:

— Говори толком — где? В каком обличье?

— Здесь, здесь... Младенец, доселе невиданный: обликом вроде черный, а сутью своею сияющий, точно солнышко... Осиянный, стало быть.

— Лжу принес! — заревел Хряк и, выдернув из травы белое копьё, пригвоздил незваного вестника к земле.

Рука медленно задвигала меч в ножны, а Харр все глотал воздух пересохшим ртом. Нет. Не лжа. Черный младенец... Но почему — здесь? Почему, почему. Сейчас не думать надо!

Он раскинул руки в стороны и пошел по толстой ветви. Веди, пирлюшка, свети под ноги, милая! Только

бы не оступиться, не загреметь раньше времени вниз, в стрекишу погибельную! Но пофартило, добрался до конца. Спрыгнул, руками травы не коснувшись. Веди, крылатушка! Сзади галдели, разбираясь, что да куда, а он мчался за летучей своей звездой вдоль стен, сейчас совершенно черных, и мимо ворот, в которые вливалась нижняя дорога, и дальше, к странной толпе — дети малые там собрались, что ли? Но подбежал поближе, понял: стояли на коленях. Десятка два, а то и более. И глядели молча, как заворуженные, в распахнутые двери сарайчика, из которых мирно лился невесть откуда взявшийся солнечный свет. Харр, пинками отшвыривая попадавших на пути коленопреклоненных и совсем не думая о том, кого же он найдет там, добрался наконец до светозарного пристанища и нырнул внутрь, и на миг ослеп: сейчас пирли покрывали уже весь потолок и даже спускались гирляндами, цепляясь друг за дружку — точно роса луговая на солнце играла. Всех цветов... нет. Красного не было. Ни единой багровой, или лиловой, или розовой... Да о чем это он?..

Протер глаза и увидел Мади. Ну конечно же, Мади, только она одна, разумница, и могла учинить такое.

— Да ты что это, дурища, удумала? — Он ринулся к ней и обхватил ее вместе с младенцем, не золотым, как было ему обещано, а коричневым, точно здешние стены. — Сейчас же стража набежит, от вас двоих только мокрое место останется!

Но по ее запрокинувшемуся, затуманенному личику он вдруг понял, что она даже не осознает происходящего, да и его, пожалуй, как следует разглядеть не может. Не она всему виной. Пирлюхи проклятые, говорил же им — скопом не собирайтесь, пока не ведено! Слетелись, вишь, на младенчика тихрианского поглазеть — эка невидаль! Да он здесь таких... Тьфу, опять не об том!

Он перекинул бессильное, совсем легонькое тело через левое плечо, осторожно отняв малыша и кутая его в собственный плащ; выскочил вон, оглянулся: «Да погасните наконец, безмозглые!» Свет медленно померк.

Харр закрутил головой, соображая, по какой дороге двинуться — вниз или наверх? Липкие пальцы ухватили его за запястье. Мать честная, Шелуда!

— Деньги возьми, — зашептал рокотанщик приживальщик, тыча ему в бок чем-то побрякивающим. — Я стражей вниз направлю, а ты беги вдоль водопоя, там дорога наверх. До развилки доберешься, выбирай тропу, что вправо, — к Двоеручью придешь. Стан брошенный, все дома пусты. Укроешься.

Мади слабо шевельнулась, и они оба услышали ее отчетливый шепот:

— Не верь ему...

Шелуда криво усмехнулся:

— Ишь, какая ненавистная у меня владычица дома... Только ты обязательно убереги ее, воин-слав, мне за подмогу знаешь сколько Иофф отвалит? Тебе и не снилось... Дай-ка баклажку, воды тебе наберу, мамки, когда кормят, пьют в три глотки...

Харр поежился, когда Шелуда коснулся его, отцепляя флягу от пояса — у самого-то обе руки были заняты. Ежели б не денежный резон, и сам бы этому холую не поверил. Шелуда сбегал к бадье проворно, вернулся, шикая по дороге на собравшихся. Сунул флягу Харру за пазуху:

— Пospешай, воин-слав...

— Сам знаю. Ты только этих-то разгони.

И пошел куда было указано, двумя руками держа мать и младенца, точно двух детей. Пока-то легко. А потом? Голубая пирлюшка светила еле-еле, но дорогуказала послушно. Сарай и хибары лепились вдоль плавно закруглявшейся стены, и пока никакой дороги видно не было. Пирль вдруг трепыхнулась, словно

что-то почуяв, и нырнула под дверь незапертого хлева. Погоню надо переждать, что ли? Привычка доверять серебристой своей проводнице толкнула его следом. Заскочил в дверь, притворил ее поплотнее, прислушался. Нет, тихо. Погоня топотала бы — будь здоров! Кто за наградой, а кто и так, потешиться. Но сейчас слышалось только ровное и сильное дыхание с пофыркиванием. Светляк разгорелся ярче, и Харр наконец разглядел крупного горбаня, задумчиво косящего на него лиловым глазом. Острые горбики не позволяли сесть на такую скотинку верхом — на горб надевали плетеную корзинку, к которой привешивали со всех сторон дорожные короба, грузили немного: легконогая, но слабосильная скотинка не смогла бы снести даже одного человека.

Взрослого.

Но Мадинька была легкой, как дитя малое. Он хлопал послушное животное по шее, потом ниже... И себе не поверил: горбань-то был без горба! Только маленький выступ на самом крестце. Он усадил Мади на плоскую спину, своим поясом привязал ее к мощной высокой шее — горбань только покивал. Харр почесал ему мягкие рожки, пошарил за пазухой — нашел лепешку. Отдал скотинке половину. Взнуздать было нечем, но Харр знал; даже дубиной горбаня не заставишь перейти на рысь. Так, придерживая его за шелковистую белесую гриву, и вывел его на дорогу. И только тут увидел, что она круто забирает вверх, оставляя позади неприступные стены Жженовки.

Шли чуть не всю ночь, забираясь все правее и выше, пирль светила и изредка уносилась в придорожные кусты, шугануть какую-нибудь лесную зверюгу. Слава Незакатному, ни крупного хищника, ни подкоряжника не встретилось. К рассвету дошли до развилки — влево вилась торная дорога, вправо — едва уловимая тропка, все, что осталось от широкого торгового пути, ведущего когда-то в богатое злато-

главое Двоеручье. После разграбления становища здесь бывали одни лишь пастухи да подкоряжники.

Рассвет наградил их блистательной чистотой весеннего неба и легким треугольником золотых ворот, восстающих как бы из кущи деревьев. Харр стегнул горбаня хворостиной: надо было любой ценой добраться до становища. Четвероногий сподручник зашагал проворнее, точно почуяв стойло; видно, слабые руки Мадиньки, обнимавшие его шею, несколько ему не мешали. Червонное золото приближающихся с каждым шагом ворот становилось все ярче, но теперь исчезла их кажущаяся легкость — огромные наклонные столбы поддерживали массивный шар, и сквозь молодую листву уже было видно, что к этим воротам ведут ступени золотой, но уже более тусклой лестницы. Справа и слева от ворот раскинули свои светозарные крылья такие ломкие на вид стены, что у любого должно было возникнуть желание отъять от них себе кусочек. Недаром подкоряжники когда-то намылились именно сюда, хотя и в те времена Жженювка Тугомошная была и сокровищами, и припасами богаче этого крытого златоблестищем стана. Но и стены, и сами ворота, и ступени лестницы были неуязвимы для цепких лап лесного люда; разграблены были только дома, чьи зияющие пустыми окнами остовы уже виднелись в треугольном проеме. Впрочем, что говорить о подкоряжниках, озверевших от голода, — жители окрестных становищ мало-помалу довершили разор, растащив все, что можно было содрать, отколоть, снять с крыш и куполов. Недаром Зелогривье то тут, то там сверкало златоблестищем; да и Межозерье было грешно.

Харр дошел до нижней ступени и, придерживая горбаня, переложил младенца с одной руки на другую. Тот разом проснулся и заорал так, что многозвучное эхо, отразившись от сверкающих стен, огласило всю округу. Мадри разом встрепенулась, потянулась

к малышу, но не пускал пояс, которым она была привязана. Харр сунул ей крикуна:

— Уйми-ка ты его, а то он раньше времени на наш след наведет!

Она приложила его к груди, нисколько не смущаясь, и теперь неотрывно глядела на его темно-ореховую головку, поросшую реденькими, по-настоящему черными завитушками. А говорила — золотой будет...

— Ты не очень-то расслаживайся, — резче, чем следовало бы, проговорил Харр — на самом деле это он себе не позволял размякнуть. — Нам еще до убежища добираться — ого-го!

Она удивленно поглядела на него, потом перевела взгляд на сверкающие ступени, невольно скользя по ним вверх все еще затуманенным нежностью взором... И вдруг глаза ее испуганно дрогнули.

— Я не хочу туда! — зашептала она. — Не хочу, не хочу... За что?..

Он произвольно наклонился и глянул так же, как она, вверх, вдоль ступеней, ожидая усмотреть причину, по которой она пришла в такой ужас. Не увидел ровным счетом ничего. Вот только наклонные столбы с шаром на верхушке... И вовсе это не столбы были, а изваянные из одного громадного утеса руки, скорбно сложившиеся в жесте отчаяния и прощания.

А может, мольбы...

— Да мы туда и не пойдем, милая, — успокаивающим тоном проговорил он. — Уж если нас где и будут искать, то именно там. Все перевернут. Уйдет на то дня три, не менее. А мы тем временем еще далее на рассвет подадимся да вверх, так и до Огневой Пади быстренько доберемся. Там в скалах надручейных столько нор пустых — видимо-невидимо. Хрен нас разыщут!

Она поглядела на него недоверчиво и все еще — как на чужого. Не узнавала она его, что ли? Вот Ше-

луду, так признала по одному голосу. В удивлении его не было ни тени ревности, как и в обращении «милая» — никакой сердечности. Перед ним была совсем не та Мади, умница-недотрога, которой он нес целый ворох диковинных и завлекательных рассказов о дальних землях и становищах; и не та Мади-глупышка, которая так старательно и настойчиво совращала его, кобеля длинноногого... Сейчас это просто была Та-которую-он-должен-спасти. И только.

— Слышь-ка, — взыграло в нем врожденное любопытство, — а что это вы с Шелудой не поделили?

Она снова изумленно расширила глаза — да уж, нашел время расспрашивать! Но покорно ответила:

— Господин мой Иофф, когда выученика подбирал, особо оговаривал, чтобы не токмо ликом был пригож, но и голосом неизбывно нежен и на сторону неглядуш. Ему такого и сделали.

Вот оно что! Сделали. Теперь понятно, отчего этот жирненький скопчик глядел на Мади-красавицу, точно змей подколотный.

— Ладно, — сказал он, снова беря горбаня за гривку. — Сейчас вдоль стены двинемся, в обход двоерученского холма. Ежели на пещерку неприметную набредем — отдохнем малость.

— Попить бы...

Он достал из-за пазухи нагревшуюся от его тела флягу, подал ей. Она пила бережливо, точно отсчитывая глоточки. Протянула ему наполовину опорожненную посудину.

— Ведь и ты притомился, господин мой!

Ну наконец-то! И его заметила.

— Двинулись! — проворчал он, направляясь в обход становища. Теперь если круто взять вверх, а горбань потянет, свеженький еще, — то совсем скоро и до ручья доберутся.

Он в один глоток осушил остатнее. После двухдневной попойки, когда, окромя хмельного, ничего в

рот не брал (да кажется, было что-то кисленькое на опохмелочку), чистая вода показалась слаще меда. А может, это в Жженовке источник такой несравненный?..

Зря он про пьянь свою вспоминал. Захмелел по памяти или с усталости — повело вбок. Да и Мадинька на шее горбанюшки лежала, заснула тотчас же, бедолага. Только руки и бодрствовали — крепенько сына держали. Он разжал их, взял мальчонку, который еще и брыкаться попытался, ножонкой отпихиваться. И как это Мади его выносить сумела, такого шустрого!

А вот ему самому пошустрее бы быть... Сверху, с двоеручинских руин, донесся размеренный звон — видно, не все колокола сумели спереть! Половина баклажки жажды не утолила — пить хотелось все сильнее и сильнее... А вот и пещерка, благодать-то какая. Может, каплет там что-нибудь, бывает... И скотинку попоить... Прохладно-то как... Мы только на минуточку, милая, погоня-то другим путем идет...

Но в пещерке подгорной было сухо и знойно, и на удивление многолюдно — все галдели, перекрикивая друг дружку, да ведь по-другому на пирах и не бывает; только какой же это пир — без вина? Одна жратва на столах, и вся горелая. Да и как же иначе, у Аннихитры-то Полуглавого всегда все не как у людей. Эй, может, кто под столом прячет? «Я те спрячу! — рывкнул бесноватый князь, пятипудовый селезень с мордой Хряка. — Да девку не упустите!» Но откуда на пиру девка? На пирах одни пирли порхают...

Он приходил в себя бесконечно долго и как-то по частям. Первой проснулась мысль. Он осознал, что кругом темно, беззвучно, и он не чувствует ни рук, ни ног. И еще одно безошибочно определило его сознание: не обошлось тут без травы-утишья. И не тихрианской, а во сто крат более действенной. Умуд-

рился-таки Шелуда колдовского зелья во флягу подсыпать, добро еще — не яду!

А затем забрезжил и свет, точно солнце всходило, но не медленно, а одним махом, точно лебедь над озерной водой. На зеленоватой ясени какого-то блеклого, разжиженного неба проступили очертания скалистых утесов, расположившихся широким кругом. Пока еще глаза не ворочались, глядели только прямо, и Харр догадался, что перед ним луг, но не давешний, судбищенский, а какой-то незнакомый, горный. С разнотравьем весенним, должно быть, только ему пока этой муравушки не углядеть. Знать, предстоит на этом лугу какое-то игрище, раз и его привязали стоймя, чтобы он поглядел. Но ведь не один же он, кто-то еще должен на потеху эту собраться. И еще одно вдруг понял менестрель: сам он здесь — не к добру.

А вот и слух прорезался. Голоса прилетают издаля и как-то толчками, как всплескивает вода под веслом, не разобрать пока ни единого слова, все хвосты одни: «...ашенная... ульственный... лятию...» Голос Харру не понравился — он определенно не сулил ничего хорошего.

Он сделал над собой невероятное усилие, заставляя свои глаза скоситься влево, на голос. Резанула острая боль, точно под веки набралось песку, но ничего, получилось, и он с изумляющей его четкостью разглядел закругляющуюся невысокую стенку, сложенную из одинаковых, старательно обтесанных камней, и за этим ограждением — застывших в неподвижности людей. Он узнал их сразу: аманты, но не все, что были в Жженовке, — старцев среди этих безмолвных зрителей не наблюдалось. Впрочем, пет, был один, и не кто иной, как Иофф собственной персоной. Ах да, Зелогривье ведь совсем рядышком, вот и привезли старца поглядет на игрище, а может, и на ристалище. Но воззрились все почему-то не на бран-

ный луг, а на Харра, точно он был тут не невольным свидетелем, а главным действующим лицом.

Он перевел взгляд дальше и увидел Шелуду. Тот ухмылялся злобно и нескрываяемо. И за Шелудой — еще одна фигура, знакомая до боли: Иддс. Единственный, кто не глядел на него, а замер, точно окамененный, вперив взгляд в безоблачное небо.

И за всеми этими гостями именитыми — стражи с луками, добрые Иддсовы вояки, которых он сам учил ратному делу. И выучил. И Дяхон тут? Тут, естественно. Да не прячь глаза, старина, все путем. Ты ж подневольный...

А голос между тем стал долетать ровно, складываясь в прихотливые узоры речи, звучащей как по писаному. Сумеречник.

— ...надлежит двойную казнь принять, прежде смерти своей увидав погибель лихолетца нечестивого, вступившего с ней в сговор супротив мужа, с ней обрученного, и богов, станы наши оберегающих, и законов вечных, непреложных, отцами наших дедов утвержденных; а с ним да будет предан умертвим и плод союза их крамольного...

Если бы Харр смог, он потряс бы головой, вытряхивая из ушей всю эту брехню. Да какой сговор? Невтерпеж было девке неужоженной, так это не ваше собачье дело, между прочим. Облили помоями бабоньку за глаза...

Он перевел взгляд вправо и увидел странный, что-то напоминающий ком тряпья, висящий рядышком. Вгляделся. Солнышко доброе, безгрешное, что с человеком сделали! Это была Мади с руками, заведенными назад и, видно, крепко связанными, потому что под мышки у нее были продеты две выступающие из-за спины жердины, на них она и висела, не доставая маленькими, обутыми в алые сандалики ногами до каменной приступки. Голова бессильно лежала на левом плече, но глаза, распахнувшиеся в пол-лица,

вперились в Харра с какой-то безумной ненасытностью. Не в силах выдержать этого взгляда, он глянул дальше — там загородка кончалась и шли уже дикие камни, островерхие, зазубренные. И что-то мелькнуло... Взъерошенный хохол. Никак Завл?

Нет, Завка. Она поняла, что он заметил ее, вздрогнула и, наклонив голову, утерла нос о плечико. А потом руки ее привычно напряглись, и Харр увидел стрелу, нацеленную ему точно в лоб.

Вот только тут он до конца поверил, что ожидает его нечто страшное, такое, что лучше уж легкую смерть принять. Моргни он, приспусти ресницы — и сорвется стрела с тетивы. Но он глядел неотрывно — догадайся, девочка, подумай, что было бы мне любо в смертный час, а уж погибель свою я как-нибудь и сам найду... И стрела отворотилась, безошибочно целя куда надо, и непривычно для здешнего мира свистнула, и тотчас раздался тонкий бабий взвизг — Шелуда со стрелой в глазу валился навзничь, а Иофф, тихохонько подвывая, вздымал бестелесные длани, чтобы вцепиться в отчаянии в белоснежные свои कुдельки.

Жену оговорили, а он по холую воет. Ну народ... И только тут наконец стало возвращаться к Харру осознание собственного его тела. Сначала — шея. Щекотало что-то, аж звон зудящий слышался. Затем — руки. Ломило нещадно, так круто были они заведены назад и стянуты; да вон и концы блестящих жердин, что держат его под мышками. Ноги точно ватные, пятки крепко стоят, а носки сапог точно в воздухе... Ой!

По низу живота, а потом и по ляжкам потекло что-то теплое. Никак обмочился со страха? Быть не может!

Он с усилием опустил глаза вниз, к груди, и увидел курчавую головенку. Мальца прикрутили к нему, сволота аларанская! Теперь ясно, что за потеху

они себе устроили — сами за стенкою твердокаменной, а на него сейчас выпустят зверя разъяренного, вроде рогата, вином накачанного, как бывало в черные дни при дворе Полуглавого. Он напрягся что было мочи, чтобы крикнуть: дите-то не губите, в чем оно-то виновно! Но из онемевшей глотки не вырвалось даже хрипа, и голова бессильно свесилась, и он начал шарить глазами понизу, чтобы встретить свою погибель хотя бы взглядом.

Но там он не увидал ничего. Даже травы. Только что-то леденящее, невидимое, как дыхание, поднимающееся из угаданной только сейчас глубины. И звенело, звенело над ухом, словно для того, чтобы заглушить страшное слово, восстающее из памяти.

Прорва.

И тут он почувствовал, как скользкие жердины начинают тихонечко крутиться, уползая назад и освобождая его немощное тело от поддержки. З-з-з... з-з-з... Да отвяжись ты, нашла время! З-з-з... Бирюз-з-зо-вый... Бирюз-з-зовый... Он попытался напирать мускулы, чтобы прижать к себе и удержать ускользающую опору, — тщетно. Тело клонилось вперед, и он уже видел уходящий в необозримую глубину ствол исполинского колодца. Солнце облизывало его края, не решаясь заглянуть дальше, где в затуманенной бесконечности не было не то что дна — вообще ничего!

...З-з-з... Бирюз-з-зовый...

Жизнь ускользала вместе с неверными опорами, и ему припомнились чьи-то слова о том, что в последние мгновения перед смертным взором проходит весь пройденный от рождения путь. Кабы так! Не привиделась ему родная Тихри, где все люди как люди — ходили себе по дорогам или на худой конец — вдоль них; а вот его носило почему-то поперек. И не замечали путанные тропки Многоступенья, по которым он, словно повинуюсь чьей-то чужой воле, кружил и

петлял, только вот непонятно — зачем; да и выполнил ли он это неведомое ему самому предназначение? Во всяком случае, награда была невелика — видение Бирюзового Дола, голубая колокольчиковая марь, посланная не иначе как для того, чтобы заслонить самое страшное на этой земле — прорву ненасытную.

А она уже тянула его в себя своим мутным жерлом (бирюз-з-зовый... бирюз-з-зовый — надрывалась пирлипель, забравшаяся уже прямо на ухо), и в последний свой миг он внезапно понял, что то самое загадочное НИЧТО, которое он тщетно пытался вообразить, прыгая перед хохочущими дружинниками на небесной мураве Бирюзового Дола, — это вовсе не та черная непроницаемая стена, которую он, тихрианин до мозга костей, приравнивал к смертному рубежу, ибо смерть — это и есть НИЧТО; но сейчас, уже не чувствуя под своими ногами последней опоры, он осознал, что эта внезапно отворившаяся под ним сгустившаяся пустота — это и есть колдовское, магическое НИЧТО, уже летящее ему навстречу смертным ужасом бездонной пропасти.

Бирюз-з-зовый Дол... — как ни в чем не бывало продолжала петь беззаботная пирлюшка, запутавшаяся в его седых волосах. Или это звенели небесные колокольчики ниспосланного ему видения?

Бирюзовый Дол...

И не стало на неприветной земле Ала-Рани веселого менестреля Харра по-Харрады, так и не успевшего пропеть ни единой песни.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Лютые острова

I. Менестрель Аннихитры Полуглавого	7
II. Заклятые горы	24
III. Игуана, остров изгнания	46
IV. Слуга и повелитель	69
V. Мразь болотная	89
VI. Фирюза	113
VII. Гарем по-тихриански	130
VIII. А были легкими победы	150
IX. Единожды распятый	166
X. Королевские сады	183
XI. Обретенная мумия	205
XII. Сорочья свадьба	227

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Лихие времена

I. Лихолетец	253
II. Сам себе рыцарь	276
III. Судьба любой земли	296
IV. Охота пуще неволи	323
V. Поле вспахано	355
VI. Явление солнечного стража	379
VII. Долг паладина	398
VIII. Не то лучник, не то ключник	431
IX. К истокам	460
X. Всем-то неугодики	486
XI. Назад и выше	514
XII. Осиянный	534
XIII. Так, да не так	554

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО

*** Любителям “крутого” детектива — собрания сочинений**
Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова
и суперсерIALы Андрея Воронина “Комбат” и “Слепой”.

*** Поклонникам любовного романа — произведения**
“королев” жанра:
Дж. Макнот, Д. Линдсей, Б. Смолл, Дж. Коллинз, С. Браун —
в книгах серий “Шарм”, “Очарование”, “Страсть”, “Интрига”.

*** Полные собрания бестселлеров**
Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

*** Почитателям фантастики — серии**
“Век Дракона”, “Звездный лабиринт”, “Координаты чудес”,
а также самое полное собрание произведений
братьев Стругацких.

*** Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:**
“Всё обо всём”, “Я познаю мир”, “Всё обо всех”.

*** Школьникам и студентам — книги из серий**
“Справочник школьника”, “Школа классики”,
“Справочник абитуриента”, “250 “золотых” сочинений”,
“Все произведения школьной программы”.

Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению
задач, пособий для подготовки к экзаменам.

А также разнообразная энциклопедическая и прикладная
литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете
приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. “Книги по почте”.

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские
фирменные магазины издательства “АСТ” по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.

Татарская, д. 14. Тел. 235-3406.

Звездный б-р, д. 21. Тел. 974-1805

Литературно-художественное издание

Ларионова Ольга

Евангелие от Крэга

Ответственный редактор М. Б. Бурдыкина

Редактор Л. И. Филиппов

Художественный редактор О. Н. Адашкина

Компьютерный дизайн А. С. Сергеев

Технический редактор А. Р. Вальский

Корректоры Е. В. Ампилогова, О. П. Васильева

Подписано в печать с оригинал-макета 01.04.98.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Усл. печ. л. 30,24. Тираж 10 000 экз.

Заказ 0428.

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Фирма «Издательство АСТ»

Лицензия 06 ИР 000048 № 03039 от 15.01.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: AST@POSTMAN.RU

Издательство «Терра Fantastica» издательского дома

«Корvus». Лицензия ЛР № 040390. 190068,

Санкт-Петербург, Вознесенский пр., д. 36.

Электронный адрес:

WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.

144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Ларионова О.

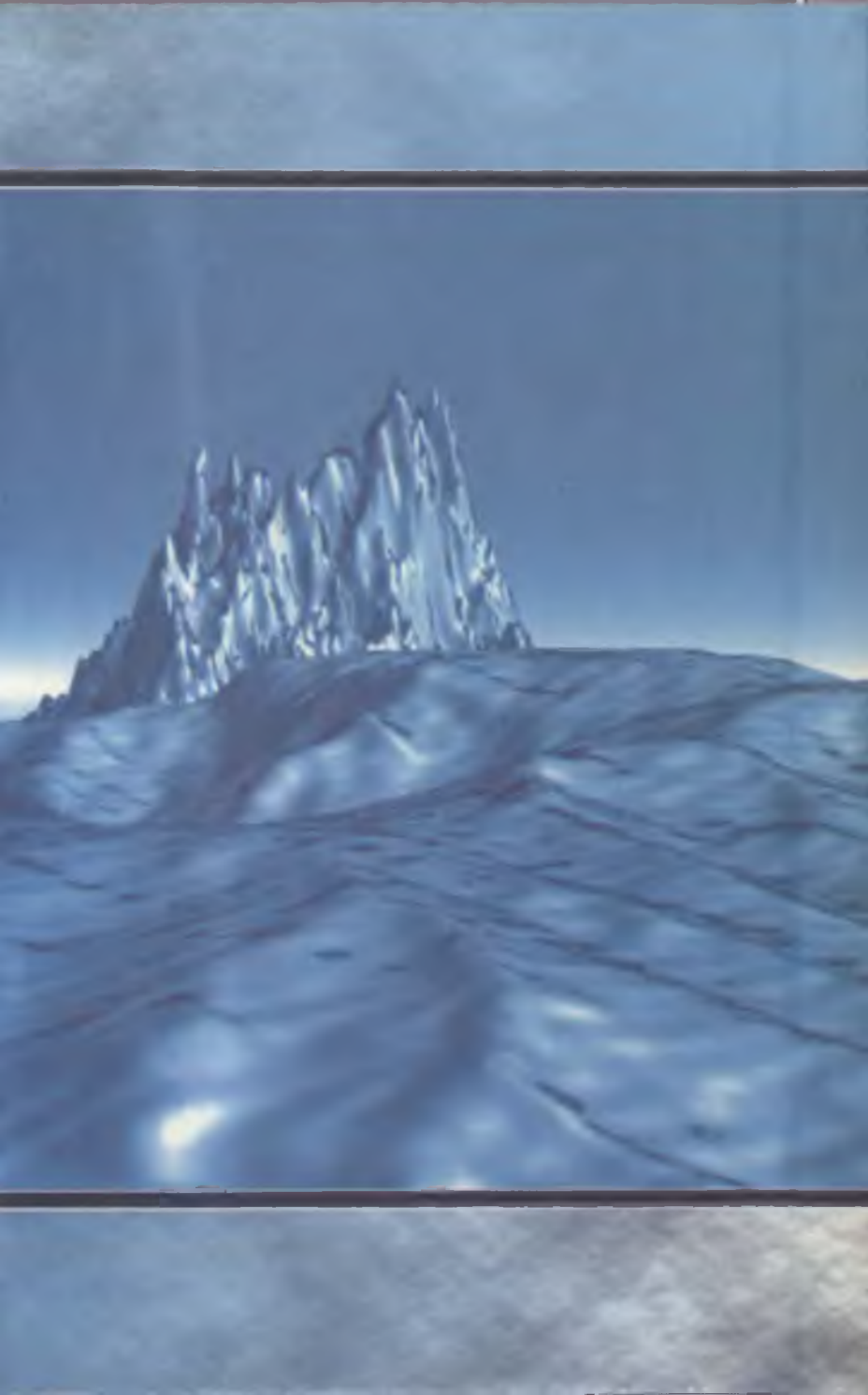
Л25 Евангелие от Крэга: Фантастический роман / Ил. И. Горбуновой. – М.: ООО “Фирма “Издательство АСТ”; СПб.: Terra Fantastica, 1998. – 576 с.: ил. – (Звездный лабиринт).

ISBN 5-237-00380-X (ACT)

ISBN 5-7921-0221-X (TF)

Мир блистательных рыцарей, властвующих над Вселенной. Мир, который все еще пребывает под властью мудрых, но коварных Крэгов. Мир, объединяющий множество планет и множество космических рас. Мир, который столкнулся с цивилизацией Земли – и после этого не может остаться прежним...

Мир блистательных рыцарей, властвующих над Вселенной. Мир, который все еще пребывает под властью мудрых, но коварных Крэгов. Мир, объединяющий множество планет и множество космических рас. Мир, который столкнулся с цивилизацией Земли — и после этого не может остаться прежним...

ISBN 5-237-00380-X

9 785237 003802

Д А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й